

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Исторический факультет
Российская академия наук
Уральское отделение
Институт истории и археологии

**Актуализация исторического знания
и исторического образования
в современном обществе**

**Ежегодник. XVII всероссийские
историко-педагогические чтения
Часть II**

Екатеринбург
2013

УДК 371.32+94(47)
ББК ТЗ(2)6

Редакционная коллегия

Г.Е. Корнилов

доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ
(главный редактор)

З.И. Гузненко

кандидат исторических наук, профессор

В.Н. Земцов

доктор исторических наук, профессор

И.М. Клименко

кандидат педагогических наук, профессор

Г.А. Кругликова

кандидат исторических наук, доцент (отв. за выпуск)

Б.А. Сутырин

кандидат исторических наук, профессор

Актуализация исторического знания и исторического образования в современном обществе. Ежегодник. XVII всероссийские историко-педагогические чтения: сб. науч. ст. / ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2013. Часть II – 349 с.: табл., схемы.

В сборник включены материалы, представленные на XVII всероссийские историко-педагогические чтения, состоявшиеся на историческом факультете УрГПУ 28-30 марта 2013 г. В сборнике представлены публикации, в которых рассматриваются актуальные теоретико-методологические, конкретно-исторические и методические аспекты изучения отечественной истории. Обозначены проблемы постижения исторического прошлого «Запад-Россия-Восток». Актуализированы наиболее важные направления поиска исторических знаний и их трансформация в историческом образовании. Издание рассчитано на научных работников, преподавателей вузов и учителей школ, аспирантов и студентов, интересующихся проблемами истории, теории и методики обучения истории.

Updating of historical knowledge and historical education in modern society. Yearbook collection of scientific articles / FSBEI HPE «Ural state pedagogical university», History and archeology institute UB RAS. Yekaterinburg, 2013. Part II. – 349 p.: tables, schemes.

The materials presented on the XVII All-Russian historical and pedagogical readings, USPU which have taken place on department of history are included in the collection on March 28-30th, 2013. Publications in which actual teoretiko-methodological, concrete historical and methodical aspects of studying of national history are considered are presented in the collection. Problems of comprehension of the historical past «West - Russia – East» are designated. The most important directions of search of historical knowledge and their transformation in historical education are staticized. The edition is calculated on scientists, teachers of higher education institutions and teachers of schools, graduate students and the students who are interested in problems stories, theories and techniques of training of history.

Содержание

Раздел III. Отечественная история: новые подходы

Алексеева Л.В. (Нижевартовск) СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА): ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	7
Гагиева А.К. (Сыктывкар) МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В КОМИ КРАЕ В XVIII ВЕКЕ.....	15
Голохвастова Н.В. (Пермь) ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УРОВНЕ КРЕПОСТНЫХ СЛУЖАЩИХ УРАЛЬСКОЙ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ВОТЧИНЫ КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ИХ САМОСОЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКИХ ВОТЧИН СТРОГАНОВЫХ).....	23
Горбачев О.В. (Екатеринбург) АДМИНИСТРАТИВНО-БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РОССИЙСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ (XVIII- НАЧАЛО XX в.).....	30
Даренская И.В. (Нижний Тагил) ПОЛИТИЧЕСКОЕПРОСТРАНСТВО ВЛАСТНОГО И НИЗОВОГО ДИСКУРСА: ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОКУМЕНТОВ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА.....	42
Дашкевич Л.А., Рукосуев Е.Ю. (Екатеринбург) СРЕДНЕЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА УРАЛЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.....	50
Дубинин С.И. (Самара) «ДЕЛО СДАТЬ В АРХИВ»: ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ НА УРАЛМАШЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х ГГ.....	66
.....	
Гальсина А.А. (Пермь) ШКОЛЬНАЯ РЕФОРМА ГРАФА П. Н. ИГНАТЬЕВА (1915-1916 ГГ.) И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ.....	75

.....

Корнилов Г.Е. (Екатеринбург) ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТРАТЕГИИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ И СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В 1890-Е – 1930-Е ГОДЫ.....	82
Кругликова Г.А. (Екатеринбург) КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ.....	10 4
Лазуренко В.Н. (Черкассы, Украина) ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ФЕРМЕРСКОГО ТИПА УКРАИНЫ В ГОДЫ НЭПА.....	112
Лазуренко Ю.Н. (Черкассы, Украина) ПОБЕДА "МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКО- СТАЛИНСКОЙ" ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ УКРАИНЫ ЭПОХИ НЭПА В ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА 1920-Х – 1930-Х ГГ.....	12 1
Лаптева Ю.В. (Екатеринбург) ПРОЕКТ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ С.Е. ДЕСНИЦКОГО.....	12 8
Макарова Т.С. (Екатеринбург) К ДИСКУССИИ О ПРОЕКТЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (В ЧАСТИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ И НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ИМЕЮЩИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ)».....	13 7
Мельников Н.Н. (Екатеринбург) ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ТАНКОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР НА ВОСТОК В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1941 Г.....	14 5

.....

Мельникова А.М. (Красноуфимск) МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОУФИМСКОГО УЕЗДА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1870–1917 ГГ.).....	15 2
Нечаева М.Ю. (Екатеринбург) ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ ЧЛЕНОВ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.....	16 4
Новиков И.А. (Челябинск) ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ЮЖНЫЙ УРАЛ: 400-ЛЕТИЕ ДОМА РОМАНОВЫХ.....	18 0
Попп И.А. (Екатеринбург) МЕСТНЫЙ СУД В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕНАТОРСКИХ РЕВИЗИИ НАЧАЛА 1880-Х ГГ.).....	19 1
Пьянков С.А. (Екатеринбург) СЕЛЬСКАЯ ХЛЕБОЗАПАСНАЯ СИСТЕМА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ ГОЛОДА 1891 Г.....	19 9
Решетников Г.Л. (Екатеринбург) ПРЕСТУПНОСТЬ В ОКРУГЕ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ.....	20 6
Соколова Е. С. (Екатеринбург) ОБОСНОВАНИЕ НАДСОСЛОВНОЙ ПРИРОДЫ РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПЕТРА I О ПОРЯДКЕ ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1720-Х ГГ.: ОПЫТ ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ.....	22 3
Сперанский А.В. (Екатеринбург) ПРОИЗВОДСТВО АРТИЛЛЕРИИ НА УЗТМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	23 8
Стрижак С.Н. (Черкассы, Украина) СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РАБОТНИКОВ СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ УССР 1920-Х ГГ.....	– 1930-Х 24 5
Суржикова Н.В. (Екатеринбург)	25

ИСТОРИЯ УРАЛА В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ (XVIII — СЕРЕДИНА XX ВВ.): К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПЕРСПЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	5
Сушков А.В. (Екатеринбург) «КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЁ!»: КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА И.В. СТАЛИНА И РУКОВОДИТЕЛИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.....	26 5
Тимошенко В.П. (Екатеринбург) НОВЫЙ ЭТАП ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ ЯМАЛА: ОТ СТРАТЕГИИ «ОСВОЕНИЯ» К СТРАТЕГИИ «ОБЖИВАНИЯ».....	27 9
Трифонов А.Н. (Екатеринбург) МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОТНИКОВ КАЧКАНАРСКОГО ГОКа (1963-1972).....	28 9
Феокистова Ю.В. (Ноябрьск) ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ КООПЕРАЦИИ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ 1950-1960-Х ГГ.....	29 6
Харитонова О. С. (Екатеринбург) СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	30 3
Цысь О.П. (Нижневартовск) НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.....	31 4
Черезова О.Г. (Екатеринбург) СВЕДЕНИЯ О ЕСТЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО УРАЛА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. В ОБЛАСТНЫХ АРХИВАХ.....	32 4
Черноухов Э.А. (Екатеринбург) БОГАДЕЛЬНИ В КАЗЕННЫХ ГОРНЫХ ОКРУГАХ УРАЛА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.....	32 7
Шумкина Т.Г. (Екатеринбург) УЧАСТИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ В РАБОТЕ НАУЧНО-КРАЕВЕДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.).....	33 4
Сведения об авторах	34

РАЗДЕЛ III. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

УДК 631

ББК У32-57

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

Л.В. Алексеева

Нижневартовск

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА): ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сельскохозяйственное производство, валовые сборы, урожайность, животноводство, машинно-тракторные станции, заготовки.

АННОТАЦИЯ: В статье содержатся основные результаты исследования аграрного производства в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны.

L.V. Alexeeva

Nizhnevartovsk

AGRICULTURE IN THE NORTH DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE MATERIAL OF KHANTY-MANSI AUTONOMOUS DISTRICT)

KEYWORDS: agricultural production, the gross harvest, harvest, livestock, machinery and tractor stations, harvesting.

ABSTRACT: The report contains the main results of the agricultural production in the Khanty-Mansi Autonomous District in the Great Patriotic War.

Предвоенное десятилетие характеризуется в современной науке как время, когда в результате модернизации СССР совершил мощный экономический рывок, позволивший стране занять место в ряду ведущих мировых держав.

Одновременно с индустриализацией, как подчеркивает Г.Е. Корнилов, проходила модернизация аграрной сферы, завершившаяся формированием новых отношений, в которой сельскому хозяйству отводилась роль сырьевого придатка, источника пополнения различных видов ресурсов [6. С. 63]. По оценке А.С. Шевлякова (8. С. 4) аграрный сектор являлся одним из наиболее уязвимых мест социалистической экономики. Одной из неисследованных проблем Великой Отечественной войны, по мнению В.П. Мотревича, остается вопрос о вкладе отдельных регионов СССР в Победу, в том числе в сфере сельского хозяйства [7. С. 110]. Крестьянство - самая многочисленная часть населения России - всегда играло первостепенную роль во всех войнах, в которые вовлекалась страна. И больше всего страдало от этих войн, так как основная тяжесть испытаний, как на фронте, так и в тылу, всегда ложилась на его плечи. Не была исключением и Великая Отечественная война Советского Союза 1941 - 1945 гг.[5].

Уже в первые месяцы войны сельскому хозяйству страны был нанесен огромный материальный ущерб. В тех условиях необходимо было мобилизовать имеющиеся сельскохозяйственные ресурсы в восточных районах страны, в том числе в Сибири и ее северной части. Сельскохозяйственное производство в довоенный период в Ханты-Мансийском национальном округе (ХМНО) было создано исключительно трудом ссыльных крестьян, которые в условиях неблагоприятных для земледелия и кормопроизводства заложили основы общественного сельского хозяйства в регионе. Развитие сельскохозяйственного производства в районах малопригодных, а подчас и вовсе непригодных с природно-климатической стороны для аграрного сектора, является феноменальным явлением в истории мировой сельскохозяйственной практики и нуждается в изучении и осмыслении. Изучение истории сельскохозяйственного развития ХМНО в годы войны является актуальным еще и потому, что до настоящего времени не создано ни одной комплексной работы по данной проблеме.

Ханты-Мансийский национальный округ в годы войны - это территория площадью 57 500 тыс. га. Удобных земель по некоторым оценкам имелось 18 762 тыс. га, остальные

пространства занимали болота, воды и прочие неудобные земли. Территория округа была покрыта преимущественно хвойными и смешанными лесами. Преобладали подзолистые почвы. Пахотно-пригодные земли составляли площадь 750 тыс. га. К ним относились гаревые вырубki, лесные массивы. Сенокосно-пригодные земли составляли 1 393 тыс. га [1. Л. 37 об.]. Колхозами использовалось лишь 10% сенокосно-луговой площади. Выгонно-пригодные земли оценивались в количестве 878 тыс. га. Луговые пойменные пастбища часто затапливались [1. Л. 38]. Оленьи пастбища оценивались в 16 973 тыс. га [1. Л. 38].

Климатические условия не благоприятствовали земледелию. Среднегодовые температуры: Березово – 4,2; Сургут – 3,8; Ханты-Мансийск – 2,2 [3. С. 5]. Общее количество осадков в год 388-500 мм, наибольшее их количество выпадало в период с мая по сентябрь. Вегетационный период колебался от 100 до 120 дней, безморозный - 70 - 90 дней. Длинный световой день при условии высоких температур воздуха второй половины июня и июля, способствовал интенсивному росту сельскохозяйственных культур. Весьма неблагоприятным моментом являлось большое количество осадков, выпадающих в период налива зерна и уборки урожая, что препятствовало достижению твердой спелости зерна и способствовало увеличению влажности. Это влияло на качество, что требовало быстрой и своевременной уборки и сушки зерна. Большой урон наносили ранние осенние заморозки (август). Специфика климата с точки зрения земледелия заключалась и в коротком периоде посевной, лета и уборки.

Население в годы войны колебалось по численности, и в целом превышало 90 тыс. человек. Плотность населения в среднем - 6 человек на 1 км кв. Население сосредотачивалось по берегам водных магистралей, вглубь же от них территория мало пригодна для сельского хозяйства, за исключением материковой части [1. Л. 37], следовательно, там сельским хозяйством не занимались. В годы войны в ХМНО действовало 52 совета; всего имелось 298 колхозов [2. Л. 31], примерно 25% из них составляли сельскохозяйственные артели.

Первые месяцы войны показали, что заботиться о снабжении продовольствием населения округа придется за счет собственных

ресурсов. Тяжелыми из-за наводнения 1941 г., выдался первый год войны. Однако статистика свидетельствует, что по некоторым показателям аграрное производство в округе даже выросло, исключение составило животноводство, в котором наблюдались большие потери из-за падежа и заготовок.

На 1943 г. перед сельским хозяйством страны одной из задач ставилось увеличение продукции овощей и картофеля. Поэтому он стал для сельского хозяйства временем невероятных испытаний, были мобилизованы все имевшиеся ресурсы и достигнуты небывалые ранее результаты в его развитии, особенно в земледелии.

В ХМНО все усилия были направлены на увеличение производства сельхозпродукции. Для этого в первую очередь требовалось освоить новые земли и увеличить посевные площади. Сельскохозяйственные угодья округа составляли: пашня – 17 тыс. га, сенокос – 70 тыс. га., выгоны – 400 тыс. га. Всего за 1941-1944 гг. было освоено 7 740 га, что составило от запланированного 30%. В 1945 г. общая площадь пашни в округе исчислялась 18 469 га (в 1941 г. - 14 899, в 1943 г. -17 407 га). Увеличение площади обработки пашни привело к росту посевных площадей. В период с 1941 по 1943 г. наблюдался значительный рост посевов: 11 255 га – 1941 г.; 15 604 га – 1942 г.; 17 769 га – 1943 г.). В 1944-1945 гг. в округе произошло сокращение посевных площадей (16 713 га и 15 943 га соответственно).

70 сельскохозяйственных артелей имели почти 11, 5 тыс. га пахотных земель, что составляло 2/3 всех площадей. Больше всего посевов имели Самаровский и Кондинский районы, меньше – Ларьякский. Растениеводство было сосредоточено в колхозном секторе. На его долю приходилось 88,3%. Агротехнические мероприятия осуществлялись с большими нарушениями. В большинстве колхозов отсутствовали севообороты. Особенно остро стояла проблема засорения полей, не хватало семян. Проблему пытались решать за счет организации семеноводства в колхозах. Имелись случаи плохой подготовки семенного материала. А это означало, что рассчитывать на хороший урожай было нельзя. Урожайность в округе была очень низкая. По зерновым культурам она составляла от 3,3 ц до 4,5 ц с одного га в

среднем. Урожайность картофеля в среднем составила 48,4 ц с га [6. С. 51].

Слабое техническое оснащение сельского хозяйства округа влекло за собой перенос всей тяжести сельскохозяйственных работ на колхозников и членов их семей. На 1 колхоз в среднем приходилось 0,4 сеялки, 0,4 культиватора, 3,7 плуга. Лучше обеспечен инвентарем был Кондинский район. Самая убогая оснащенность наблюдалась в Березовском и Ларьякском районах. МТС округа имели всего 50 тракторов и охватывали своей деятельностью половину сельхозартелей. Работники МТС собирали и реставрировали запасные части для ремонта техники, улучшали условия хранения горючего и машин, переводили тракторный парк на новые виды топлива. Главный вид деятельности МТС – освоение новых земель. За 1941-1945 гг. ими было введено в сельскохозяйственный оборот 2 тыс. га новых земель, 25% от общего размера освоенных площадей в округе. Другой вид деятельности МТС – вспашка тракторами колхозных полей. За 1941-1944 г. суммарный объем составил 7 950 га, или ежегодно вспахивали в среднем 15-20% от имевшихся в округе пахотных земель.

Важнейшей отраслью сельскохозяйственного производства являлось животноводство. Ежегодно принимались планы по увеличению поголовья скота, которые округом не выполнялись. По данным на январь 1942 г. численность поголовья в округе была следующей: лошади – 13 573, крупный рогатый скот – 16 360, овцы – 6 610, свиньи -1 668. Численность скота распределялась поровну между колхозным сектором и остальными организациями и хозяйствами. Для животноводства была характерна чрезвычайно низкая продуктивность. Средние удои составляли 600-700 литров на фуражную корову. Производство молока за годы войны составило в суммарном выражении 223 тонны. Животноводство давало 40% валового дохода колхозов. Важную роль в обеспечении функционирования животноводства, сохранности поголовья, снижения падежа играла ветеринарная служба. В годы Великой Отечественной войны задачи ветеринарной службы крайне усложнились. Около 2/3 врачей и фельдшеров было призвано в

армию. Однако, несмотря на трудности в округе не возникло крупных эпизоотий, было сохранено поголовье.

Сельское хозяйство округа финансировалось по минимуму. Бюджет округа в 1941 г. составлял 15 576, 1 тыс. руб. На сельское хозяйство приходилось 666,6 тыс. руб., или 4,3%. В 1942 г. план предусматривал финансирование сельского хозяйства в объеме 1 млн. 82 тыс. руб. В 1943 г. финансирование составило 804,4 тыс. руб. В 1944 г. сельское хозяйство получило 513,6 тыс. руб. (64% запланированных средств). Валовая продукция сельского хозяйства ХМНО исчислялась: в 1941 г. – 13 630 тыс. руб.; в 1942 г. – 16 080 тыс. руб.; в 1943 г. – 17 000 тыс. руб., что составляло из общей суммы валовой продукции округа – 15%. Рост сельскохозяйственной продукции в 1943 г. по сравнению с 1940 г. составил 19,2 %. Таким образом, ни по финансированию, ни по валовому продукту сельское хозяйство не являлось ключевой отраслью экономики округа. Его развитие осуществлялось исключительно за счет внутренних сил и ресурсов, и было призвано в первую очередь, осуществить снабжение продуктами питания население округа. К 1944 г. сельское хозяйство округа исчерпало имевшиеся ресурсы. Это привело к падению валовых сборов в 1945 г. Валовые сборы по зерновым составили: 1941 г. - 46 789 ц, 1942 г. - 99 405 ц, 1943 г. - 116 880 ц, 1944 г. – 133 161 ц, 1945 г. – 45 291 ц. Валовые сборы картофеля: 1941 г. - 103 293 ц, 1942 г. – 200 507 ц, 1943 г. – 268 910 ц, 1944 г. - 221 400 ц, 1945 г. - 64 870 ц. В суммарном выражении валовой сбор зерна за период 1941-1945 гг. составил 332, 8 тонн, картофеля – 838 тонн [4. С. 350].

Заготовки – основной вид обязательств колхозов и населения по поставкам сельхозпродукции государству. Нередко сверх установленных планов передовые колхозы получали дополнительные задания, чтобы, сдав продукцию за отстающие хозяйства, «вытянуть» район к запланированному объему заготовок. Часто такие задания были совершенно нереальны и просто разрушали экономику артелей. В этой ситуации руководители некоторых хозяйств стремились оставить в артели хотя бы часть продукции, чтобы было чем сеять, кормить скот, оплачивать трудодни. По нашим подсчетам, приблизительно округ

сдал государству 5 255 т зерна; заготовка молока составила за военный период 78, 22 т или почти треть от всего произведенного молока в округе (223 т); заготовка овощей – около 100 тыс. ц.

Трудности в сельском хозяйстве еще больше возрастали в связи с господством административно-командных методов руководства. Наибольший вред установившийся стиль руководства приносил при планировании сельскохозяйственного производства. Планы устанавливались «сверху». При этом реальные возможности хозяйств во внимание не принимались. В то же время вся полнота материальной и, главное, юридической ответственности за результаты хозяйственной деятельности возлагалась на каждый отдельный колхоз и его председателя. В начальный период войны в практику была внедрена система мер, предусматривавшая вовлечение в общественное производство всего трудоспособного и большей части нетрудоспособного населения. Рабочая сила в сельском хозяйстве округа составляла: в 1941 г. – 7 300 человек, в 1942 г. – 6 500 человек, в 1943 г. – 5 614 человек. В связи с увеличением численности населения в округе в результате приема эвакуированных и спецпереселенцев, были предприняты расчеты по обеспечению продуктами питания. Они не были постоянными и пересчитывались в зависимости от имевшегося количества продуктов. Производство сельхозпродукции в расчете на душу населения в среднем составляло: по зерновым – 13, 5 кг (при норме потребления – 180 кг); картофелю – 55 кг (при норме – 120 кг); овощам – 9 кг (при норме – 90 кг) [4. С. 241].

Перестройка работы колхозов, героический труд крестьянства не остановили, а лишь замедлили темпы сокращения производства. Результат аграрного развития округа к концу войны – резкое снижение производства продукции земледелия (по зерновым – в 3 раза, по картофелю – почти в 4 раза). В 1940 - 1944 г. произошло сокращение поголовья скота в округе: лошадей – на 7 833 головы, крупного рогатого скота – на 2 200 голов, свиней – на 1 212 голов. Еще хуже обстояло дело с оплатой труда. В большинстве хозяйств материальные стимулы были незначительными, в некоторых – отсутствовали полностью. В среднем по округу на одного колхозника вырабатывалось до 250

трудодней. Однако примерно четвертая часть колхозников не вырабатывала установленного минимума трудодней. Стоимость трудодня в денежном выражении варьировалась от 0,74 руб. до 8 руб. 33 коп. В среднем, при выработке минимума трудодней, колхозник в конце года получал по 150-200 г зерна на один трудодень, или 50-60 кг. Это был годовой запас зерна до нового урожая.

Трудовая мотивация обеспечивалась стремлением большинства колхозников внести свой вклад в Победу. Однако не все работали, были и такие, кто отсиживался, вовсе не принимая участия в общественном производстве. Достаточно высоким был процент неработающих колхозников, а также домохозяек (за исключением многодетных матерей, то есть женщин, имевших 7 и более детей). Институциональное обеспечение трудовой мотивации в аграрном производстве включало в себя в период 1941-1945 гг. органы и аппарат управления, в том числе чрезвычайные (политотделы); нормы и нормативные модели; институты и механизмы активизации (планирование, соцсоревнование, агитация), направленные на вовлечение работников в трудовой процесс. В поведенческой структуре крестьян не последнее место занимало и ощущение страха, неотвратимости наказания за неисполнение «своего гражданского долга», приказа высших и местных властей.

Во время Великой Отечественной войны жесткая вертикаль партийной и советской власти, государственное принуждение сыграли положительную роль в мобилизации ресурсов и концентрации усилий. Вместе с выполнением главной стратегической задачи сельскохозяйственными артелями, наблюдалось полное отсутствие у колхозников хозяйственной самостоятельности, слабая материальная заинтересованность крестьян, многочисленные факты грубого нарушения устава, низкая трудовая дисциплина.

Источники:

1. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. П - 107. Оп. 1. Д. 634.
2. Исторический архив Омской области. Ф. 437. Оп. 21. Д. 130.

Литература:

3. Агротехника для колхозов и совхозов Омской области. Омск, 1944.
4. Алексеева Л.В. Крестьянская страда в 1418 дней: сельское хозяйство Югры в годы Великой Отечественной войны. Нижневартовск, 2012.
5. Вылцан М.А. Крестьянство России в годы большой войны (1941-1945). Пиррова победа. URL: fedy-diary.ru/?page_id=6012(Дата обращения 12.12.2011)
6. Корнилов Г.Е. Аграрная сфера Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в военной истории России: традиции и современность. Третьи уральские военно-исторические чтения, посвящ. 60-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. Материалы межд. науч. конф. Екатеринбург, 2003.
7. Мотревич В.П. Вклад сельского хозяйства республик СССР и регионов России в Победу в Великой Отечественной войне // Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне. Сб. материалов V Всерос. науч. конф. Омск, 2011.
8. Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов Сибири в годы Великой Отечественной войны. Томск, 2000.

УДК 352.075

ББК Х400.73

ГСНТИ 03.23.31

Код ВАК 07.00.02

А.К. Гагиева

Сыктывкар

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В КОМИ КРАЕ В XVIII ВЕКЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Европейский Север, Яренский уезд, волость, община, крестьянское управление.

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена истории местного управления в Коми крае в XVIII веке. Впервые, на основе архивных документов, показаны взаимодействия местного и выборного крестьянского управления, подчеркивается роль «мирского схода» при решении самых разнообразных вопросов.

A.K. Gagieva

Syktывkar

LOCAL ADMINISTRATION IN KOMI REGION IN XVIII CENTURY

KEY WORD: European North, Yarensk County, volost, community, peasant administration.

ABSTRACT: This article is dedicated to the history of local administration in Komi Region in XVIII century. First time, on the basis of archive documents, it is shown the interaction between the local and elective peasant administration. The necessity of “Mirskoy Shod (Worldly Gathering)” in solving different issues is highlighted.

Исследование истории управления в Российской империи и на ее окраинах до 1917 года является актуальным. Это связано не только с тем, что ряд вопросов ее формирования, становления и развития в отдельных районах страны до настоящего времени недостаточно хорошо изучены, но и с тем, что имеющийся исторический опыт, накопленный в этом направлении, мог бы быть полезен, и востребован сегодня. Цель настоящей работы – рассмотреть местное управление в Коми крае в XVIII веке.

Основными источниками, для написания работы, стали архивные документы, сосредоточенные в фонде Яренской воеводской канцелярии Российского государственного архива древних актов, а именно – [1]. Неопубликованные документы представлены, как краткими погодными записями о рассмотренных делах, так и конкретными делами. Практически все архивные документы, отражающие историю управления, включали не один, а несколько сюжетов.

Коми край – термин условный. Он получил свое название по имени народа, населявшего бассейны различных рек: Вычегды, Печоры, Двины и их притоков на северо-востоке страны. В административном отношении эта территория не оставалась неизменной. К началу изучаемого периода она входила, по реформам Петра I, в Архангелогородскую и Сибирскую губернии, которые делились на уезды. Губернатору подчинялись уездные власти. Однако, в силу обширности территорий, руководить ими из губернского центра было сложно, поэтому, в 1719 г. губернии были разделены на провинции. Архангельская губерния стала состоять из четырех провинций: Двинской (или Холмогорской), Вологодской, Великоустюжской и Галицкой. Уезды упразднились, вместо них вводились дискриты. Однако на изучаемой территории,

дело свелось к переименованию уездов в дискриты. Пустозерский дискрит вошел в Двинскую губернию, Сольвычегодский и Яренский дискриты в Великоустюжскую провинцию. Хлыновский дискрит находился в составе Вятской провинции Сибирской губернии [3. С. 35].

В 1726 г. отменяется искусственное деление провинций на дистрикты и восстанавливается историческая административная единица - уезд. В 1727 г. городские магистраты полностью подчиняются губернаторам и воеводам, а их компетенция значительно сокращается. Система местного управления была закреплена специальной инструкцией от 12 сентября 1728 г. Она устранила неразбериху в местном управлении и административно-территориальном делении, порожденную реформой 1719-1720 гг. Органами управления и суда в губерниях стали губернаторы, а в провинциях и уездах - соответственно провинциальные и уездные воеводы. Свои полномочия они осуществляли через канцелярии: губернские, провинциальные, уездные. Инструкция устанавливала строгую субординацию местных властей: уездный воевода подчинялся провинциальному, провинциальный воевода - губернатору, губернатор - монарху и Сенату. Однако кардинального улучшения работы местного государственного аппарата не произошло. Отсутствие в период дворцовых переворотов стабильности в высшем эшелоне власти и сохранение административных и судебных функций в губерниях, провинциях и уездах в руках губернаторов и воевод превращало местный аппарат в неподконтрольный центру политический институт, что провоцировало произвол и взяточничество местных властей. Эта система местного управления просуществовала до середины 70-х годов XVIII в. [4. С. 201].

7 ноября 1775 г. по «Учреждению о губерниях» произошла реорганизация административно-территориального деления страны. Она включала создание новых органов управления и судебную реформу. Административно-территориальными единицами отныне становились губернии и уезды. В основу их формирования был положен фискальный принцип. В губернии должно было проживать от 300 до 400 тыс. ревизских душ, а в

уезде - 20-30 тыс. Новое административно-территориальное деление полностью игнорировало экономические связи отдельных земель и национальный состав их населения. Предполагалось создать около 50 губерний и 300 уездов [3. С. 87].

Во главе губернии стоял губернатор, назначаемый и смещаемый монархом. В своей деятельности он опирался на губернское правление в составе губернского прокурора и двух советников. Губернатору принадлежала вся полнота исполнительной власти, контроль деятельности губернских учреждений и должностных лиц. Ему были подчинены все воинские части и команды, находившиеся на территории губернии.

Всеми финансовыми вопросами ведала Казенная палата, возглавляемая помощником губернатора - вице-губернатором.

Две-три губернии обычно объединялись в наместничество во главе с наместником или генерал-губернатором - должностным лицом, назначавшимся Екатериной II и надзиравшим за всеми губернскими учреждениями [3. С. 89].

Уездная администрация возглавлялась капитаном-исправником, избравшимся дворянством. При нем функционировал административный орган - Нижний земский суд. Финансовым учреждением в уезде являлось уездное казначейство. Города выделялись в особые административные единицы. Административно-полицейские функции в городах осуществляли городничие, назначавшиеся центральной властью. В апреле 1782 г. был утвержден «Устав благочиния», определивший устройство полицейского аппарата города. Городскую управу благочиния возглавлял подчинявшийся городничему (в губернском городе - губернатору) полицеймейстер (в Петербурге и Москве обер-полицеймейстер). Сфера полицейского управления была обширна: обеспечение «тишины и спокойствия», руководство пожарными командами, исполнение судебных решений, организация народных развлечений и празднеств, контроль за соблюдением порядка торговли и санитарным состоянием города. В 1790 г. на городские управы благочиния было возложено осуществление цензурных функций. [3. С. 91].

Яренский уезд был разделен на четыре части: Пысская волость отошла к Мезенскому уезду Архангельской области, четыре нижевычегодских волости к Сольвычегодскому уезду Великоустюжской области, а на остальной территории были образованы Устьсысольский и Яренский уезды, относившиеся к Великоустюжской области. Территорию бывшего Пустозерского уезда включили в Мезенский уезд. В 1784 г. Архангельская область была преобразована в наместничество. В 1796 г. Архангельское и Вологодское наместничества преобразовали в губернию, Великоустюжская область была ликвидирована. В 1797 г. по указу Павла I проведена очередная реформа, в результате которой произошло укрупнение волостей, в результате в Яренском уезде осталось пять волостей, а в Устьсысольском – восемь [4. С. 21].

Представленная выше административно-территориальная система не учитывала этнические особенности населения, но следует признать, что она показала свою жизнеспособность до 1917 года. При этом сложившаяся система имела ряд своеобразных черт по сравнению с центральной частью России.

Во-первых, население, проживающее на изучаемой территории, не знало «ярма крепостничества». Оно относилось к государственным крестьянам, и составляло более 93% всего населения губернии [4. С. 138]. Крестьянское сословие издавна было объединено в крестьянские союзы, границы которых соответствовали границам волостей. Каждая волость включала в свой состав несколько деревень, которые также являлись крестьянскими организациями. Здесь отсутствовало помещичье землевладение, и вся земля находилась в собственности государства, которое возложило сбор государственных податей и выполнение натуральных повинностей на выборное крестьянское управление, как волостное, так и деревенское [5. С. 54-60].

Во-вторых, изучаемая территория не была этнически однородна. Здесь проживали русские, коми-зыряне, ненцы и другие народы. Это накладывало особый отпечаток на деятельность выбираемых органов при решении ряда возложенных на крестьянскую организацию задач.

Как уже было отмечено, государство, на изучаемой территории было представлено уездными канцеляриями.

Основной их задачей, оставались наблюдение и контроль за сбором денежных налогов с населения, в нашем случае с крестьян, а также выполнение последними натуральных повинностей. Решение их было возложено на крестьянское управление.

Обычно, два раза в год, из уездного центра в волость поступал указ о сборе с крестьян денежного налога за землю. Собирался «мирской» сход и между общинниками производилась раскладка налога, то есть каждый крестьянин должен был заплатить определенную сумму за владение участком земли и сенокоса. При этом учитывались не только количество детей и взрослых в семье, но и состоятельность крестьянина. Как показывают архивные материалы, крестьянские «миры» строго контролировали выплату денежного налога, используя при этом «круговую поруку», то есть, сбавляя сумму налога с бедных крестьян и прибавляя богатым. Например, в 1782 г. при проведении раскладки в Вологодской губернии Яренского уезда Межадорской волости на «мирском» сходе крестьянину Морозову было «прибавлено за владение землей 2 копейки с десятины, а крестьянину Давыдову той же волости убавили 2 копейки». Такое решение было вынесено сходом потому, что Морозов был более состоятелен и имел мельницу и сенокосы, тогда как Давыдов относился к «малоимущим» [1. Д.134. Л. 56].

После того, как необходимая сумма была собрана, ее отправляли в город. Если образовывались недоимки, то в волости, для выяснения причин, посылались чиновники канцелярии. На «мирских» сходах, в присутствии прибывшего чиновника, происходило разбирательство. В том случае, если они были вызваны «нерадением или леностью» крестьян, то наказание было неотвратимо. Оно заключалось в «порке крестьян батогами», «выставлением на правеж» и так далее. Если же недоимки были связаны с заморозками, половодьем, засухой, то их «прощали» или списывали. В 1748, 1771 гг. сотские Вологодской губернии Яренского уезда Киберской, Пажгинской, Визингской и других волостей, совместно с целовальниками и другими «мирскими» людьми подали в канцелярию челобитные с просьбой списать образовавшуюся недоимку, «вследствие заморозков» и «недорода пшеницы» [1. Д. 123-145].

Аналогичная ситуация наблюдалась при выполнении натуральных повинностей, которые включали поставку рекрут для армии, расчистку почтового тракта, сопровождение почты, доставку грузов в уездный город. После поступления указов из канцелярии о «неукоснительном» их выполнении, на «мирских» сходах начиналось обсуждение данных документов. Как показывают материалы Яренской воеводской канцелярии, внутри волости, при выполнении той или иной повинности, между деревнями существовала очередь, то есть каждая деревня поочередно или «поставляла рекрутов», или «расчищала тракт», или «сопровождала до города Яренска преступников». Если случалось, что очередь не соблюдалась, то мирские сходы деревень, решительно отказывались выполнять ту или иную повинность, мотивируя это тем, что их очередь еще не наступила. В 1782 г. возник спор между крестьянами Архангелогородской губернии Ижемской волости деревни Занулье и крестьянами деревни Чупрово той же волости. Первые отказывались «разчищать участок тракта, ибо оное они уже делали и теперь очередь за крестьянами деревни Чупрово» [2. Л. 67].

Вопросы, связанные с выплатой денежных налогов и выполнением повинностей, были неразрывно связаны с земельными вопросами. Изученные исторические источники показывают, что вся земля, находящаяся в пользовании крестьян, делилась самими крестьянами на два вида. Это общие для всех крестьян земли: «мирские покотины», земли под улицами, расчищенные всем «миром» пашни и другие [1. Д.165, 168, 189], и земли, которыми распоряжались крестьяне индивидуально [1. Д.187, 188, 189]. В связи со строительством в Вологодской губернии Яренском уезде металлургических заводов, довольно часто их владельцы, через своих поверенных, «захватывали» общие, «мирские» крестьянские земли, не платя при этом налогов за пользование землей крестьянскому сообществу.

Крестьянские «миры» не хотели мириться с таким положением вещей и отправляли жалобы в канцелярию. В 1738 г. в Яренской воеводской канцелярии Вологодской губернии рассматривали явочное челобитье Яренского уезда, Вымских третей мирского посыльщика Дмитрия Иванова от крестьян

вымских волостей о неплатеже гостем Панкратовым в «мир» податей за захваченные «у оных Вымчских третей земли». Аналогичная жалоба была подана на заводовладельцев Нювчимского, Нючпасского и Кажимского заводов [1. Д. 178. Л. 123].

Крестьянский «мир» решал поземельные конфликты и среди односельчан. Как показывают документы, большинство дел подобного рода заканчивалось «полюбовно», то есть крестьяне «не ходя в суд, помирились», но если это не удавалось, то обращались в канцелярию. Приведем типичный пример. В 1746 г. в Яренской воеводской канцелярии Вологодской губернии рассматривалось дело крестьянина Ибской волости Михаила Шулепова, на крестьянина той же волости Андрея Завьялова о «завладении Андреем скотского выпуска», который был расчищен отцом Михаила Шулепова - Иваном. При этом Шулеповым, в канцелярию, были представлены подтверждающие документы. В результате его челобитная была удовлетворена [4. Д. 138. Л. 45].

С поземельной и фискальной функциями общины связаны вопросы отхода крестьян на заработки. Уходя из волости, крестьянин оставлял свой земельный надел или родственнику, или «миру», которые должны были выплачивать за участок ушедшего земельную ренту [1. Д. 123. Л. 46]. Только после этого крестьянин мог получить паспорт, где указывалась длительность и место отхода. Получить такой документ можно было только «с общего согласия» и разрешения канцелярии [1. Д. 187, 198, 200]. В 1765 г. в Яренскую воеводскую канцелярию Вологодской губернии поступили сведения от сотских Иртовской, Жешартской, Киберской и других волостей о выдаче 119 паспортов крестьянам, желающих уйти из волости за пределы края для поиска работы «в разные российские города» [1. Д. 165-178].

Как уже было отмечено, все вышеназванные вопросы решались на «мирских» сходах. Здесь выбиралось управление общиной, заслушивались отчеты каждого должностного лица, проводились финансовые проверки их деятельности [1. Д. 145, 167, 189, 199]. Должностные лица крестьянского «мира» (сотские, старосты, целовальники, «мирские посыльщики» и другие) выбирались на строго определенный срок и кроме обязанностей,

возложенных на них общиной, они должны были соответствовать определенным требованиям: быть верующими, непьющими, зажиточными и справедливыми. Если поведение такого «выборного» не соответствовало этим критериям, то его «самовольно», «миром» - смещали. В 1762 г. крестьяне Гамской волости Яренского уезда Вологодской губернии жаловались на сотского Габова, что он «советов не слушает, пьянствует, ... мирские деньги на пол высыпает и каждого, кто жалуется своей рукою и палкою бьет». Крестьяне просили разрешения переизбрать сотского до срока. В волость был направлен представитель Яренской канцелярии, и сотский был снят [1. Д. 681. Л. 87-88].

Крестьянские «миры» могли сместить с должности не только выборных из своей среды крестьян, но и представителей царской администрации. В архивных фондах Яренской воеводской канцелярии сохранилось дело о смещении воеводы Яренского уезда Василия Бурцева, датированная 1767 годом. Крестьяне 16 волостей Яренского уезда жаловались на воеводу, что он «берет взятки, заставляет работать на себя, требует подарков и подношений». В конце документа шла просьба о назначении нового воеводы. Жалоба ушла в г. Великий Устюг. В Яренск прибыла комиссия, и воевода был снят [4. Д. 689. Л.113].

Таким образом, местное управление на Европейском Севере России в XVIII в. состояло из администрации, назначаемой «сверху» и выборного крестьянского управления. Оба эти звена решали задачи фискального, полицейского и административно-правового порядка. Государство в лице канцелярий не вмешивалось в дела крестьянских «миров» до тех пор, пока последние своевременно платили налоги и выполняли повинности.

Источники:

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА) Ф. 609. Оп. 1.
2. РГАДА. Ф. 609. Оп. 1. Д. 654.

Литература:

3. Гагиева А.К., Кондратова И.В. Организация государственных учреждений в России (IX-XX вв.). Учебное пособие. Сыктывкар: КРАГСИУ, 2011.

4. Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII - XIX середине века. Сыктывкар, 1998.

5. Мальцева А.К. Общинная организация и правосознание крестьян Коми края во второй половине XVIII века // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981.

УДК 908+326.3

ББК Т.3(2)521.2-7

ГСНТИ 03.23.31

Код ВАК 07.00.02

Н.В. Голохвастова

Пермь

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
УРОВНЕ КРЕПОСТНЫХ СЛУЖАЩИХ УРАЛЬСКОЙ
ГОРНОЗАВОДСКОЙ ВОТЧИНЫ КАК ОДИН ИЗ
ЭЛЕМЕНТОВ ИХ САМОСОЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ
ПЕРМСКИХ ВОТЧИН СТРОГАНОВЫХ)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: уральская горнозаводская вотчина, пермские имения Строгановых, крепостные служащие, социальная психология, самосознание, образовательный уровень.

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются представления и отношение к образовательному уровню крепостных служащих уральских горнозаводских вотчин как один из элементов их самосознания.

N.V. Golohvastova

Perm

NOTIONS ABOUT THE EDUCATIONAL LEVEL OF

SERF EMPLOYEES IN URAL MINING ESTATES AS ONE OF ELEMENTS OF THEIR SELFCONSCIOUSNESS (ON THE EXAMPLE OF PERM PATRIMONIES OF THE STROGANOF ESTATES)

KEY WORDS: Ural mining estate, Perm country seats of the Stroganovs, serf employees, social psychology, selfconsciousness, educational level.

ABSTRACT: The notions and attitude towards educational level of serf employees in Ural mining estates are considered in the article as one of elements of their selfconsciousness.

Одной из своеобразнейших групп в социальной структуре российского общества конца XVIII – первой половины XIX в., и особенно в структуре уральских горнозаводских латифундий, являлись крепостные служащие. Они явственно выделялись из массы крепостного населения по своему образовательному и культурному уровню, характеру занятий, условиям труда и быта, и особенно – по своему менталитету, социально-психологическим установкам. Эта социальная группа существовала в том или ином объеме во всех частных горнозаводских имениях Урала [15. С. 18]. В Прикамье все подобные латифундии появились на базе пермских вотчин Строгановых, «отпочковавшихся» от них [14. С. 61]. Поэтому попытаемся рассмотреть некоторые черты социальной психологии крепостных служащих на примере этой группы в пермских строгановских имениях.

Несмотря на то, что служащие были довольно разнородной группой, отдельные слои которой отличались друг от друга по материально-бытовому положению, месту в иерархии вотчины, профессиональной принадлежности, характеру труда, уровню образования и культуры, но при этом они имели общие психологические черты, характерные именно для представителей этой группы: достаточно четкие представления о системе вотчины (менее четкие – об общественной системе в целом) и о месте и роли в этой системе той социальной группы, к которой они себя относили, о своих интересах, целях, потребностях.

Сложившиеся представления были основаны на объективном социально-экономическом положении служащих, в то

же время содержали в себе и субъективные моменты, не всегда адекватные социальной действительности, питавшиеся иллюзиями, а также личностную окраску. Весь этот сложный, но внутренне взаимосвязанный комплекс психологических черт, характерных именно для вотчинных служащих, стержневым моментом которого является осознание членами данного слоя своей социальной принадлежности, своего единства на основе общности интересов, целей – с одной стороны, и отличия, отграничения их от представителей других социальных групп – с другой стороны, можно определить как социальное самосознание.

Критериями осознания определённой общности крепостных служащих выступали, во-первых, общность рода занятий, деятельности, то есть «служба», связанная зачастую с умственным трудом; во-вторых, источник получения средств к существованию, единственный для представителей этой социальной группы (за редким исключением) – жалование от владельца; в-третьих, возможность получения особых, полагавшихся только строгановским служащим, материальных и социальных привилегий – пенсионного обеспечения в старости, отпуска «на волю» при условии определенной выслуги лет; в-четвертых, наличие качественного образования, а у служительской «элиты» – высокого образовательного уровня; и, в-пятых, в отдельных группах служащих пермских вотчин Строгановых существовал такой объединяющий признак, как общность профессии [13. С.182].

В основе формирования понятия «мы» у представителей крепостных служащих лежало и осознание своего достаточно высокого образовательного уровня. То, что качественное образование действовало как критерий объединения-отграничения в среде строгановских служителей, говорят многочисленные факты. Александр Теплоухов (впоследствии – начальник Лесного отделения Главной Санкт-Петербургской конторы Строгановых, главный лесничий и главноуправляющий Пермского нераздельного имения; 1811 – 1885) [1], будучи студентом Тарандской лесной академии, писал А.М. Пестрякову: «ты, Шарин, и я... поставлены в ряд просвещённых людей» [2]. Как видим, Теплоухов называет себя в ряду с Петром Сосипатровичем Шариным, почти

одновременно с Александром Ефимовичем получавшим высшее образование в Германии (во Фрейбургской горной академии), и с Александром Максимовичем Пестряковым, также, как и первые два – выпускником Санкт-Петербургской школы, который в этот период уже занимал значительную должность в Главной Санкт-Петербургской конторе Строгановых. Что касается будущего главного лесничего майората, то он на протяжении всей своей жизни подчёркивал, что, в первую очередь, «считает себя образованным человеком» [3]. Молодой Василий Волегов (будущий управляющий Ильинским и Усольским округами Пермского майората Строгановых и его главноуправляющий, 1807 – 1864) [17. С.64] с удивлением и горечью писал о своих соучениках по Строгановской школе, которые своим образом жизни порочили звание «строгановского воспитанника», получившего образование: «Новые маркитанты, хотя и однокашники с нами, но они должны быть другой формации; Иванцов с нами вместе кончил курс и был учителем в школе – но за пьянство сослан в Пермь» [4]. К образованным служащим как особому слою предъявлялись более высокие требования администрацией имения. Так, выпущенному из лесного отделения Санкт-Петербургской школы с аттестатом I разряда лесничему в Ильинском округе майората Строгановых Михаилу Чазову, о котором мы уже упоминали, был объявлен Главным правлением строгий выговор «с запиской в формуляр и понижением аттестации» за «связи и бражничество с мужиком Поповым и земским писарем Коротинным», что «для него, как человека образованного, крайне неприлично» [5]. Напротив, отсутствие образования в среде служащих, особенно второй четверти XIX в., рассматривалось как нехарактерная черта, даже – как недостаток. Так, член Главного управления Пермского нераздельного имения Строгановых С.И. Конюхов, сообщая в своём донесении графу от 21 мая 1851 г. о злоупотреблениях сельского приказчика Кривецкого ведомства, отмечал как негативный момент тот факт, что Симанов «образованием... стоит не выше обыкновенных пищиков, из крестьян, и вообще: выглядит мужиком» [6]. Таким образом, в психологии служащих этого периода недостаточная образованность была чертой, не позволявшей считать такого

человека представителем своего слоя, но казалась им типичной для других социальных групп, от которых они себя, как видим, сознательно отделяли (в данном случае – крестьянства).

Более других осознавали свою общность те служащие, которые получили одинаковое профессиональное образование и были близки и по роду своей трудовой деятельности. Так, строгановский крепостной Андрей Яковлевич Россомагин чётко осознаёт себя членом особого, но довольно многочисленного во второй четверти XIX в. в майорате отряда лесных служащих. В апреле 1846 г. он писал своему учителю А.Е. Теплоухову не от собственного лица, а от лица многочисленных выпускников лесного отделения Санкт-Петербургской школы: «Я и мои товарищи приобрели от Вас... все нужные познания. Вы... показали и показываете нам, своими неусыпными трудами, как надо поступать с приобретёнными в теории познаниями и применять оные к практике... Много было у вас этих учеников, а мне товарищей, и они все, лишь только получив познания от Вас, отправились с радостью на места службы» [7]. Работники лесного хозяйства были, пожалуй, единственной группой среди вотчинных служащих, которые осознавали свою общность на основе профессионального признака. Очевидно, этому способствовало значительное увеличение их числа с 40-х гг. XIX в., в связи с более научной и рациональной постановкой лесного дела в майорате Строгановых под руководством А.Е. Теплоухова. Лесные служащие уже не были разбросаны поодиночке на пространствах лесных угодий имения: в каждом округе их было десятки человек (при общем числе более 200). Конечно, выпускниками лесного отделения Санкт-Петербургской школы из них были единицы, но даже не имевшие теоретического образования получали практические уроки лесоводства непосредственно во время прохождения службы, так как вся система лесного дела в Пермском нераздельном имении Строгановых в этот период была построена на единой основе, принципы которой разработал и внедрил в русскую практику А.Е. Теплоухов [12. С. 81; 16. С. 21]. Интересно, что сам Александр Ефимович, будучи по положению очень далек от простых лесных служащих имения, все же ощущал себя частью этого профессионального коллектива, всегда

ревностно защищал интересы работников строгановского лесохозяйства, если считал, что они ущемляются, за какую-то «профессиональную солидарность» даже подвергался критике со стороны некоторых представителей административно-управленческого аппарата вотчины [8].

Большинство строгановских служащих, получивших хотя бы общее среднее образование, не говоря уже о выпускниках специальных учебных заведений, высоко оценивали свои знания и рассматривали образование как гарантию хороших служебных перспектив. Так, окончивший Санкт-Петербургскую школу с аттестатом 2 разряда крепостной служитель Фёдор Воронин просил графа С.Г.Строганова назначить его на должность, «соответствующую его силам, знаниям и опытности», а именно – «начальническую» на любом из горных заводов или соляных промыслов. Прошедший курс обучения в Пермском уездном училище крепостной служащий Андрей Красиков, занимавший ранее должности учителя и писца, убеждён в том, что достоин большего: «По чувству *собственного сознания* (курсив наш – Н.Г.), я мог бы быть и прежде в числе кандидатов на должность сельского приказчика». Престарелый служащий Абрам Иванович Рогов, очевидно, настолько высоко оценивал уровень профессиональных (юридических) знаний своего младшего сына Александра, также крепостного Строгановых, что даже посчитал необходимым просить вотчинника отпустить сына на более соответствующую его образованию «вольную службу», причём подчёркивал, что владельцам молодой человек обязан «*лишь первоначальным*» (курсив наш – Н.Г.) воспитанием, полученным им в Ильинском Приходском Училище» [9].

И, наоборот, низкая самооценка служащих обычно была вызвана их необразованностью; отсутствие хорошего образования осознавалось в первой половине XIX в. как личный недостаток. Например, сельский приказчик Лука Мокрушин, попытавшись по собственной инициативе проанализировать состояние сельского управления и положение крестьян в майорате, представив свои выводы в письменном виде графу С.Г.Строганову, во вводной части своего «опуса» писал: «Всеуниженнейше прошу Ваше Сиятельство не поставить всё то в вину мне, но отнести сие

сколько к недоумению моему, а более того к недостаткам моим в сочинении вследствие неполучения порядочного образования»; ниже он назвал себя «малограмотным пермяком» [10]. Другой бывший сельский приказчик Иван Шехурдин прямо говорил о себе: «Я физически неспособен к обращению с людьми высшего сословия, не могу исправно говорить, по косноязычию от природы» [11]. Очевидно, «природное косноязычие» Шехурдина было бы хоть сколько-нибудь исправлено образованием, но, как видим, этого не случилось.

Таким образом, строгановские крепостные служащие весьма четко осознавали свою принадлежность к особой социальной группе. Это выражалось в представлениях о своей специфичности, базировавшихся в том числе и на соответствующей оценке ими своего образовательного уровня, а при наличии действительно качественного образования – в ожидании служебных перспектив, карьерного роста в иерархии вотчины.

Источники:

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 613. Оп. 1. Д. 16. Л. 50 – 56.
2. ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 466. Л. 4.
3. ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 171. Л. 6; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1366. Л. 193 об.
4. ГАПК. Ф. 672. Д. 263. Л. 2.
5. Ильинский районный краеведческий музей (ИРКМ). Рукоп. фонд. № 1963/84. Л. 403.
6. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1472. Л. 98-98 об.
7. ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 70. Л. 45-46.
8. РГАДА. Ф. 1278. Д. 1366. Л. 8 об. – 9 об., 189.
9. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1478. Л. 1 об. - 3; 102; ИРКМ. Рукоп. фонд. № 1990/108. Л. 57 - 58 об.
10. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1470. Л. 1а об., 48 об.
11. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1360. Л. 33 об.

Литература:

12. Бейлин И.Г., Парнес В.А. Александр Ефимович Теплоухов. М., 1969.
13. Голохвастова Н.В. Крепостные служащие в системе управления уральского горнозаводского имения в конце XVIII– первой половине XIX века (на примере пермских вотчин Строгановых). Пермь, 2004.

14. Мезенина Т.Г. Пермские владения Строгановых в XVIII– первой половине XIX века: особенности пространственной и социально-экономической организации. Нижний Тагил, 2011.

15. Мухин В.В. Крепостные служащие вотчинных имений Урала в первой половине XIX века // Общественная и культурная жизнь дореволюционного Урала. Пермь, 1990. С. 17-25.

16. Чернов Н.Н. Первопроходцы уральской лесной науки. Екатеринбург, 2004.

17. Шилов А.В. Из истории интеллигенции Пермского нераздельного имения Строгановых (В.А.Вологов и его вклад в культуру Прикамья) // Сторонушка Ильинская. Материалы научно-практической конференции. Ильинский, 1997. С. 64-71.

УДК 352.111

ББК Т.3(2)

ГСНТИ

03.23.31/03.23.55

Код ВАК 07.00.02

О.В. Горбачев

Екатеринбург

**АДМИНИСТРАТИВНО-БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ РОССИЙСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ (XVIII-
НАЧАЛО XX в.)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: урбанизация, административно-территориальное устройство, бюрократия, Российская империя, реформы системы управления.

АННОТАЦИЯ: В статье анализируются проблемы российского городского развития в связи с административными реформами XVIII–XIX вв. Рассматриваются вопросы становления городского самоуправления, характер зависимости региональных центров от государственной власти. Выделяются группы регионов, отличающихся схожей динамикой городской эволюции. Делается вывод, что административное вмешательство в процесс урбанизации в условиях России имело как положительные, так и отрицательные последствия: оно не только определяло односторонний характер развития большей части городов, но и служило катализатором развития сети населенных мест.

O.V. Gorbachev

Yekaterinburg

ADMINISTRATIVE-BUREAUCRATICASPECT OF

RUSSIAN URBANIZATION (XVIII - BEGINNING OF XX CENTURY)

KEYWORDS: urbanization, the administrative-territorial structure, the bureaucracy, the Russian Empire, the reform of the management system

ANNOTATION: The paper analyzes the problems of the Russian urban development due to the administrative reforms of XVIII-XIX centuries. Under consideration are the problems of the municipal government formation, character of regional centers dependence of the state power. The groups of regions with similar urban evolution pointed out. The conclusion is that political interference in the process of urbanization in Russia had both positive and negative effect: it not only defined one-sided nature of most of the cities, but also served as a catalyst for the development of a network of sites.

При характеристике российской урбанизации обычно возникает трудность в определении того, что считать городом. Представления о городе как многофункциональном центре неизбежно корректируются российской практикой – городами считались те поселения, за которыми этот статус закреплялся официально. Поэтому административная составляющая в урбанизационном процессе присутствует изначально.

Что касается самой урбанизации, то сегодня мы имеем дело с несколькими базовыми ее концепциями, различия между которыми усматриваются в том числе в определении ее начальной стадии.

С точки зрения заявленной темы интересен мир-системный подход И. Валлерстайна, поскольку в его рамках урбанизация рассматривается как основа государственности. Ограниченность его применения в том, что в мир-системе не разграничиваются древний и новый город [5. С. 290].

Вслед за большой группой исследователей мы склонны полагать, что урбанизация – это явление новейшего времени и тесно связано с процессами модернизации. Имеется в виду, что города древности и средневековья являлись частью традиционного общества, выполняя четко закрепленные за ними функции (административные, военные, торговые и т.п.). В условиях модернизации города становятся центрами инновационного развития, отчетливо противопоставляя себя деревенской традиции.

Возможности для такого развития обычно давали промышленный переворот и капиталистические отношения. Именно поэтому история урбанизации не совпадает с историей городов.

В настоящее время существует обширная литература, рассматривающая особенности российской урбанизации (В. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. Г. Вишневецкий, Ю. Л. Пивоваров, А. С. Сенявский и др.). Они усматриваются в неравномерности, сжатости, сильной зависимости от политической конъюнктуры.

По мнению Б.Н. Миронова, российская урбанизация прошла несколько стадий, совпадающих с этапами модернизации. Если город XVIII в. был доиндустриальным, то в первой половине XIX в. он становится прединдустриальным, на рубеже XIX–XX вв. – раннеиндустриальным [6. С. 203]. Затем, в течение XX в., российские города сначала превращались в индустриальные, а к концу столетия все активнее приобретали постиндустриальные черты.

Поскольку роль государства в развитии России была и остается значительной, встает вопрос о возможностях и ограничениях влияния административных решений на процесс урбанизации. Не менее важна и обратная зависимость: изменение системы управления в стране под влиянием урбанизации.

Интенсивность и качество процесса урбанизации оцениваются по следующим параметрам:

1. Динамика роста городов и численности населения в них.
2. Система управления городом; состояние городского самоуправления.
3. Изменения в функциональной структуре городов (от монофункциональной к смешанной).
4. Социальная структура населения и его занятия.
5. Состояние ресурсов городского развития.
6. Городское влияние и урбанизация сельской местности.

Непосредственное отношение к теме статьи имеют состояние местного самоуправления, изменения в функциональной структуре, состояние ресурсов городского развития. Им и будет уделено основное внимание.

Поскольку урбанизация представляет собой пространственное явление, анализ ее административно-

бюрократического аспекта возможен только с учетом региональных факторов. С другой стороны, так как российские города очень часто возникали по воле государства, процессы градообразования в России вполне целесообразно рассматривать как результат реализации определенного государственного проекта, в контексте городской и региональной политики. При этом собственно городскую политику как самостоятельное направление деятельности государства чаще всего выделить затруднительно.

Существенно, что в начальный период модернизации в стране существовало небольшое количество городских ремесленных и торговых центров. Как правило, они были встроены в систему административной власти.

До XVIII в. в России преобладали административно-военные и аграрные города, эти функции нередко сосуществовали. В XVIII столетии (в период так называемой *protoурбанизации*) административные реформы имели целью модификацию социальной структуры города с тем, чтобы аграрная составляющая была вытеснена торговой. Эту цель преследовала городская реформа Петра I (1720), когда в ведении городских магистратов и ратуш оказалось все посадское население городов, различные категории которого, независимо от рода занятий, были объединены под общим названием купечества [1. С. 71]. В этом видится дань меркантилистской моде (город с его ремесленным и торговым населением должен стать источником основного богатства государства). Кроме того, в России XVIII в. существовала очевидная потребность в экономически сильных местных сообществах. Но их появление не предполагало опоры на демократические принципы: административный контроль не ослабел, а усилился. Основной функцией выборных городских органов стал контроль над выполнением горожанами их повинностей по отношению к государству. Характерно, что при заимствовании шведской системы областной администрации собственно самоуправленческий уровень – «кирхшпиль», или приход, был признан Петром непригодным для России на том основании, что «среди мужиков умных нет» [3. С. 122]. В решении Петра проявилась «вечнозеленая» российская традиция – введение

заимствованных с Запада внешних демократических форм при фактическом сохранении административных рычагов в руках правящей элиты.

Осознание необходимости реального городского самоуправления приходит в екатерининскую эпоху на начальной стадии модернизации. Децентрализация управления путем волевого повышения статуса городов привела к формированию точек роста на месте малозначительных прежде поселений. В то же время «Жалованная грамота городам» (1785) так и не стала прорывом: местные городские элиты, не обладая финансовой самостоятельностью, продолжали ориентироваться на центр, а общность региональных интересов осознавалась весьма слабо. Тому же способствовал и преобладающий статус этих городов прежде всего как административных и военных центров.

В ходе екатерининской реформы проявилась еще одна российская проблема: децентрализация способствовала росту бюрократизации. Организация управления на принципах европейского камерализма в России обернулась ростом бюрократических злоупотреблений из-за характера власти и больших расстояний.

Для Екатерины II европеизированная бюрократизация выглядела меньшим злом в сравнении с традиционной московской сверхцентрализацией, поэтому в развитии городов она выступила фактическим продолжателем дела Петра.

Павел I, изначально настроенный против Екатерины, был равнодушен к идеологическим предпосылкам ее реформ, но с удовольствием замечал их издержки. Бюрократизация была одной из них. Важнейшим средством противодействия бюрократизации считается упрощение управленческой вертикали. Под лозунгом борьбы с бюрократией Павел заменил екатерининскую *деволюцию*, т.е. передачу полномочий из центра на места, новой централизацией. На городском уровне это проявилось в появлении военизированных ратгаузов на месте введенных при Екатерине городских собраний и городских дум.

Это означало, что линия развития городов от монофункциональных к многофункциональным, обозначившаяся в

прежнее царствование, была прервана. Функции городов снова оказались редуцированы до военных и фискальных.

При характеристике российской модернизации есть большой соблазн оценивать качество этих процессов с точки зрения идеологических установок очередного правителя и выделять соответственно «европейский» и «традиционалистский» векторы. В применении к XVIII в. эта схема работает плохо. После Петра петровский вектор в развитии системы управления в основном сохранялся. Проявления «старомосковского» традиционализма наблюдаются лишь в короткий период правления Петра II. Что касается других монархов, которых принято считать консерваторами (Анна Иоанновна, Петр III и Павел I), то их правление отмечено сильным немецким влиянием. Поэтому можно согласиться с Л.Ф. Писарьковой, предлагающей оценивать результаты административных преобразований в XVIII в. не с точки зрения реформ–контрреформ, а в контексте централизации–децентрализации (по крайней мере, в отношении центральной России). Децентрализация отмечалась в 1708 и 1775 гг., централизация – в 1730 и 1797 гг. Новая модель утверждалась всякий раз, когда недостатки предыдущей достигали критической массы [8. С. 541–543].

В России имперского периода можно выделить три условных модели регионального развития:

- 1) центр;
- 2) восточные окраины, Левобережная Украина и Белоруссия;
- 3) западно-христианские окраины.

В чистом виде «*децентрализаторская*» тенденция наблюдаются в *регионах Центра*. Здесь появляются элементы городского самоуправления. В конце столетия создаются предпосылки для сбалансированного городского развития.

«*Централизаторская*» тенденция в XVIII в. проявляется слабее ввиду малой длительности соответствующих правлений и их относительной идеологической слабости в сравнении с петровской традицией. В периоды централизации городское самоуправление ликвидируется, либо сжимается. Из-за обширности территорий централизация не может быть

эффективной; ввиду опасения утраты контроля наблюдается склонность к использованию военно-административных форм управления. Главной побудительной причиной для этого процесса выступают не столько идеологические соображения, сколько обычное для России отсутствие средств для поддержания эффективной бюрократической вертикали; отсюда ее упрощение. Каждая из названных тенденций не выступает в чистом виде. Характерно, например, что в ходе «централизаторской» реформы Павла I (1796–1797) в составе Коммерц-коллегии оказались выборные купцы от городских управлений Санкт-Петербурга и Москвы [8. С. 490].

Централизаторские и децентрализаторские тенденции слабо сказываются на *регионах второй группы*. Логика освоения обширных территорий определяет стремление к усилению государственного присутствия и унификации системы управления. Обычной практикой для отдаленных территорий был рост «воеводских» городов как очагов давления на прилегающую округу. На протяжении XVIII в. постепенно увеличивалась доля гражданского населения в городах Сибири. Тем не менее, во многих местах, где основной задачей властей выступал сбор ясака, военные по-прежнему преобладали. В основном речь идет о северных городах [4], но, к примеру, даже в следующем, XIX в., военные составляли 83,3% от общей численности населения города Омска (1826) [2]. Если в городских поселениях Европейской России она в 1796–1870 гг. уменьшилась с 13,1 до 12,1%, то в Сибири увеличилась за тот же период с 11,0 до 23,9 %. Причем в давно присоединенной Западной Сибири доля военных в начале 1860-х гг. была еще выше – 25% от всего населения городов [9].

Здесь необходимо заметить, что проведение продуманной региональной и, соответственно, городской политики в отношении окраин нередко тормозилось отсутствием элементарной информации об отдаленных территориях. До 1762 г. были неизвестны ни точное количество городов, ни персональный состав воевод на окраинах [8. С. 310].

Гораздо более осознанной и последовательной была политика по отношению к левобережной Украине и Белоруссии,

которая на протяжении большей части XVIII в. носила выраженный централизаторский характер.

Можно говорить о наличии единой политики в XVIII в. и в применении к регионам третьей группы, т.е. к *западно-христианским окраинам*. На протяжении всего столетия в них сохранялись традиционные европеизированные структуры управления, которые власть была склонна рассматривать в качестве возможных образцов для копирования; представители местной бюрократии нередко рекрутировались в центральные управленческие органы. В этом смысле довольно любопытной является губернская реформа Павла I (1796). Западным губерниям были возвращены их этнические наименования (Виленская и Слонимская были переименованы в Литовскую, Ревельская – в Эстляндскую, Рижская – в Лифляндскую), что можно рассматривать в качестве определенной уступки местным элитам. С другой стороны, обращает на себя внимание своеобразный «уход» от городских названий губерний, что может восприниматься как антимодернизаторская тенденция, т.е. сворачивание политики, направленной на развитие городов, характерной для царствования Екатерины II.

В XIX в. российская региональная политика в целом серьезно усложнилась, что было связано как с продолжением роста территории государства, так и с постепенной европеизацией России.

Как преобразования, так и проекты изменений *первой половины XIX в.* находились в соответствии с практикой предшествующего реформирования. Так, по проекту Н.Н. Новосильцова (1820) предполагалось все города, кроме столиц, разделить на три степени в соответствии с их губернским, уездным и окружным статусом; в городских управах под председательством городничего должны были заседать выборные ратманы [1. С. 110–111]. По мнению М.М. Сперанского, высказанному в проекте 1820-х гг. «Учреждения для управления губерний», обе столицы наравне с уездами необходимо подчинить губернским властям [Там же. С. 119]. Это означало, что за городами по-прежнему не признавалась сколько-нибудь самостоятельная роль. Реальные реформы, как водится, были еще скромнее проектов. Главное, чего добилась

власть в первой половине XIX в. – окончательное оформление управленческой вертикали.

В *пореформенный период* как никогда остро встал вопрос о соотношении чиновничьих и выборных институтов. Прежде он решался довольно просто. О специфике российской выборности в XVIII столетии красноречиво свидетельствует тот факт, что все выборные по состоянию на 1786 г. состояли на казенном жалованье [8. С. 436]. Это означало, что наличие института местного самоуправления в российских городах само по себе еще не создавало условий для органичного городского развития. Ограниченность института местного самоуправления в российских условиях изначально заставляет предположить **наличие сущностного сходства между выборными и назначенными управленцами**. Особенно явным в пореформенный период это сходство было именно в городах, где, в сравнении с земствами, либеральный дух изначально проявлялся гораздо меньше, а зависимость от правительственных чиновников была больше.

Важно заметить, что в обоих случаях – и выборности, и назначения – наличествовало стремление к максимальной концентрации функций в руках местных управленцев. Среди причин такого явления, помимо больших российских расстояний – стремление обывателя отделить себя от власти, отсутствие желания контролировать выбранную власть снизу. Характерно, что выборная должность воспринималась как повинность и была малопrestижной.

С учетом вышесказанного следует оценивать и успех городской реформы 1874 г. Она не означала прорыва в развитии городского самоуправления. Кроме того, в результате контрреформы Александра III (1892) губернаторский контроль за городскими органами власти еще более усилился.

Показательно, что при Николае II именно земства, а не города стали средоточием протестных настроений. Они становятся объектами реформирования в проектах различных политических партий начала XX в. В составе Госсовета в 1906 г. было представлено земское, а не городское самоуправление. Хотя в начале XX в. наибольшая политическая активность отмечалась как

раз в городах, городские власти редко имели к ней прямое отношение.

Серьезные изменения в системе городской власти произошли в 1917 г. Так, активное участие в событиях Февральской революции принял выборный Комитет московских общественных организаций. 15 апреля, с изданием «Временных правил о производстве выборов гласных городских дум» впервые в истории России было введено демократическое избирательное право. 9 июня было издано постановление Временного правительства, расширявшее права городских дум и управ [1. С. 164]. К сожалению, многие из тогдашних начинаний впоследствии не получили продолжения.

Если говорить о территориальном аспекте российской урбанизации в XIX – начале XX вв., то надо заметить, что у монархов этого периода отсутствовали значимые различия в подходах к городскому самоуправлению в *регионах Центра*: молчаливо признавалась его необходимость: либо в устаревших екатерининских формах, либо в более современных, определенных форматом городской реформы 1874 г. В этих условиях города получали ограниченный доступ к инновациям.

На *восточных окраинах и на Кавказе (без Грузии)*, как обычно, военно-административные формы централизованного контроля сочетались с самоуправлением местных элит.

В отношении *западно-христианских окраин* (Прибалтики, Финляндии, Польши), а также *Грузии* допускалось местное самоуправление, в том числе городское. При этом во второй половине столетия обозначилось явное желание центральной власти экспортировать на западные окраины уже оформившуюся к тому времени российскую модернизационную модель с ее доминирующим административно-государственным началом, что вызывало предсказуемую реакцию отторжения у населения этих территорий. Элементы шведской модели местного управления достаточно долго сохранялись в Остзейском крае и остались в неприкосновенности в Финляндии. Несмотря на то, что остзейское дворянство было довольно широко представлено в правящей бюрократии Российской империи, в XIX в., в отличие от предшествующего столетия, попытки использования опыта

западных окраин в организации местного самоуправления уже не предпринимались. Что касается Финляндии, то она вряд ли могла служить положительным примером: ее естественная урбанизация тормозилась не менее сильным административным вмешательством – со времен шведского владычества там действовали законы, ограничивавшие сбыт продуктов крестьянских промыслов, крестьянскую торговлю и ремесло [7. С. 233–234].

Таким образом, возможности для городской эволюции по смешанному многофункциональному типу в России XVIII–XIX вв. были административно ограничены. Опыт городского самоуправления территорий западно-христианской окраины был слабо востребован в Центре. Что касается восточных окраин, то их урбанизация даже в позднеимперское время осуществлялась в однолинейных военно-административных формах.

Важно понимать, что изначально административный характер российской модернизации не отменял процесса ее естественной эволюции. Поэтому важным является вопрос *о возможностях и границах административного влияния на развитие городской среды*. В этом смысле вполне показательным сравнением результатов городской реформы Александра II с предшествующими попытками введения городского самоуправления. Относительный успех этой реформы определяется в том числе и тем, что уровень осознания принадлежности к городской общности у тогдашних обывателей был гораздо более высоким, чем прежде.

Совершенно очевидно, что, по крайней мере, до 1917 г. городское самоуправление было декоративным, либо отсутствовало. Как это сказалось на качестве городского развития?

По данным Б.Н. Миронова, в середине XIX в. 43% городов были промышленными, что стало прямым следствием модернизации (1760-е гг. – 3,6%). В 1897 г. преобладающим типом города стал смешанный (около 90%, в 1760-е гг. таких городов было лишь 30,6%) [6. С. 181]. Одновременно резко сократилось количество монофункциональных административно-военных и аграрных городов. Городское развитие сделало возможным начало интеграции города и деревни, продолжившейся и в XX веке [Там

же. С. 203]. Это означает, что процессы российской урбанизации при значительном отставании от Западной Европы в целом соответствовали глобальным закономерностям.

Таким образом, российская власть имела непосредственное отношение к возникновению большого количества городов, и административное вмешательство в этом случае выступало неким катализатором развития населенных мест при обязательном наличии других ресурсов роста. При отсутствии таких ресурсов использование административных рычагов само по себе не могло гарантировать городу процветания.

Отмеченные выше тенденции получили развитие и в советский период. *Советская промышленная модернизация* имела результатом появление большого количества промышленных моноотраслевых городов и, в конечном счете, создание очаговой урбанизированной среды. Ограничение количества городских функций все же не стоит рассматривать как архаизацию, поскольку, в отличие от имперского периода, новые города, как правило, предполагали создание промышленной базы (одновременно отрицая прежние торговые города, а также города-духовные центры).

Недостаток государственных ресурсов в сочетании с нежеланием поощрять инициативы региональных городских сообществ обусловили проблемный, односторонний характер советской урбанизации. Как и в имперский период, административное вмешательство тормозило и отчасти искажало ход естественных урбанизационных процессов, но было не в состоянии их отменить. Односторонний характер советской урбанизации, в огромной степени обусловленный жестким административным контролем со стороны государства, в конечном счете не смог отменить естественных законов городского развития. Городское индивидуализированное сознание отрицало коллективистские ценности и в итоге советские города, хотя и с запозданием, повторяли в своем развитии путь западноевропейских центров.

Поскольку городское самоуправление было заменено правлением бюрократическим, российские города, лишённые механизмов саморегуляции, были более уязвимы, чем

западноевропейские, а их развитие слишком сильно зависело от политической конъюнктуры. Сила и глубина урбанизационных процессов в России определялись способностью городов выполнять функции источников инноваций, несмотря на ограничения, заданные административно-бюрократической системой.

Литература:

1. Административно-территориальное устройство России: история и современность. М., 2003.

2. Алисов Д.А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX – начале XX вв. Омск, 2001. URL: <http://kulgor.narod.ru/monoalisov/m5.html> (дата обращения 10.06.2012).

3. Власть и реформы: От самодержавия к Советской России. М., 2006.

4. Дмитриев А.В. Сибирь в составе Российского государства в XVII–XVIII вв. URL: <http://gkaf.narod.ru/dmitriev/sk/8.html> (дата обращения: 10.06.2012).

5. Мазур Л.Н. На пути к городскому обществу: предпосылки и особенности урбанизации в России в конце XVIII – первой половине XIX в. // Проблемы истории России. Вып. 9. Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени. Екатеринбург, 2011.

6. Миронов Б.Н. Историческая социология России. СПб., 2009.

7. Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е гг. Л., 1990.

8. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007.

9. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и культурных процессов. Новосибирск, 2005. URL: <http://history.nsc.ru/kapital/project/frontier/ch1.html#tn48> (дата обращения 10.06.2012).

УДК 323.38

ББК 90.043.3

ГСНТИ: 03.81.37

Код ВАК 07.00.09

И.В. Даренская

Нижний Тагил

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ВЛАСТНОГО И НИЗОВОГО ДИСКУРСА: ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОКУМЕНТОВ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическое пространство, властный и низовой дискурс, информационный подход, интерпретационные особенности документа.

АННОТАЦИЯ: В статье ставится проблема интерпретационного потенциала документов советского периода. Рассматриваются возможности применения дискурсивных теорий, информационного подхода как методологии исследования источников 1920-1930-х гг. Рассматриваются основные источники для анализа политического пространства властного и низового дискурса.

I.V. Darenskaya

Nizhniy Tagil

POLITICAL SPACE OF POWER AND LOWER DISCOURSE: INTERPRETIVE SPECIFICITIES OF THE SOVIET PERIOD DOCUMENTS

KEY WORDS: political space, power and lower discourse, informational approach, interpretive specificities of the document.

ABSTRACT: The article is aimed at the problem of interpretive potential of the soviet period documents. The author analyses the opportunities for usage of discursive theories, informational approach as the methodology for analysis of sources of 1920s and 1930s. The main sources for analysis of political space of power and lower discourse are studied.

Советский период является длительным временным отрезком, в течение которого произошла существенная трансформация механизмов взаимодействия власти и общества. Особым переломным этапом стали 1920-е-1930-е гг., когда в стране сформировалось специфическое политическое пространство, в границах которого согласовывались позиции власти и населения, вырабатывались новые стратегии поведения,

концептуализировалась символика официального властного сленга и «наивного» языка населения.

Сложность и многоаспектность первичной информационной среды советского периода определила необходимость расширения исследовательских подходов к изучению исторических источников, но, в условиях современного методологического плюрализма, определяющую роль в ее концептуальном осмыслении играет не столько поиск и отбор документов, сколько угол зрения на заявленную проблему и раскодирование выявленных текстов.

Как отмечают Г.В. Можяева и Н.А. Мишанкина, рассматривая информационную сущность исторического источника, следует признать, что информация содержится как в тексте в открытом и латентном состоянии, так и в самом носителе, в контексте, в личности создателя информации [5]. Субъект отражает реальность и сам отражается в источнике, т. е. выступает как отражающийся объект. Таким образом, источник – это результат информационной деятельности субъекта по отбору, накоплению, переработке и кодированию информации и поэтому отражает специфику его мировоззрения, его картину мира.

Наиболее широко раскрыть потенциал документов советского периода позволяют несколько методов, например, использование информационного подхода, при применении которого акцент ставится на изучение информационного взаимодействия, представляющего собой 2 этапа: 1) информационное взаимодействие на этапе создания источника; 2) информационное взаимодействие на этапе прочтения источника историком. На первом этапе источником информации является сама эпоха, приемником – автор будущего исторического источника. В качестве источника информации выступает объект прошлого, сведения о котором фиксируются в источнике. На втором этапе источником информации служит уже исторический источник, а в качестве приемника информации выступает историк [4].

Не менее продуктивным является использование дискурсивного анализа, который, в отличие от контент-анализа, предполагает декодирование источника, изучение механизмов и форм

воздействия текстов на аудиторию, их коммуникативных стратегий.

Поскольку понятие дискурса полисеманлично, ракурс его интерпретации зависит от традиций и контекста применяемой методологии (например, различная трактовка дискурса дается в рамках теории речевых актов, конвенциональном анализе, лингвистическом дискурс-анализе, коммуникативных подходах социолингвистики). В рамках данной статьи ограничим поле исследования политическим дискурсом, трактуемым как система знаков (вербальных и невербальных), при декодировании которых информация обретает политический смысл, а коммуникация оборачивается тем или иным действенным эффектом, становясь политическим событием [3. С. 29].

Основой изучения политического пространства 1920-х-1930-х гг. является анализ корпуса текстов, выступающих трансляторами бытующего в обществе политического дискурса, а также конструируемых, артикулируемых и разделяемых политико-символических убеждений, отражающих определенную социальную позицию субъекта в дискурсивном поле. Используя терминологию М. Пеше, это идеологические формации, представляющие собой репрезентацию политических установок, содержащих определенные позиции участников коммуникации, их социокультурный опыт [6. С. 560]. Учитывая специфичность документов советского периода, каждый компонент текста необходимо исследовать на двух уровнях: микроуровне, на котором анализируются семантические элементы, значения слов и предложений, отношения между ними, стилистика и риторика конструкторов, дискурсы «умолчания», то есть высказанные, но при этом не проговоренные выражения, доносящиеся до сознания «внутренним голосом», а также на макроуровне, где анализ текстов позволяет раскрыть социально-политический, культурный и психологический контекст коммуникативного акта политического взаимодействия.

Классифицируем и охарактеризуем особенности текстовых баз исследований советского периода, куда включаются источники властного (официального) и низового (городского) дискурса, расставляя акценты на их интерпретационном потенциале.

Наиболее значительным по объему является комплекс нормативно-законодательных материалов, которые не только «узаконивали» выбранный курс форсированной модернизации, но и, ориентируясь на представления и ожидания общества, существенно корректировали их, изменяя или усиливая отдельные аспекты коммуникативного акта. Директивы высших органов государственной власти в большей степени отражали догматизированные представления о реальности, в отличие от сопутствующих им циркуляров советских органов регионального звена, в которых официальные идеологемы совмещались с реалистической оценкой ситуации и более активно циркулировали в политическом коммуникативном пространстве.

Вторым по объему является комплекс делопроизводственной документации, в который входят несколько групп: 1) организационно-распорядительные материалы (распоряжения, циркуляры, инструктивные письма), сочетающие идеологический, нормативный и конкретно-ситуативный аспекты управления, призванные регламентировать подготовку и ход основных мобилизационных мероприятий (отчетно-перевыборных и «выдвиженческих» кампаний, кампаний по чистке советского аппарата и рядов ВКП(б), кампаний по повышению производительности труда, «займовых» и военно-патриотических кампаний и др.); 2) основные документы официального дискурса - протоколы и стенограммы партийных, советских, общественных и профсоюзных организаций. Протоколы данных форумов, тексты речей присутствовавших на них представителей властных структур, непосредственные отклики, выступления на прениях, комментарии самих рядовых участников являются важным источником информации, поскольку позволяют выявить преломление политики властей в сознании людей. Исследовательская оценка информативности и репрезентативности этих материалов является дискуссионным вопросом среди историков, что обусловлено спецификой данного источника. Поскольку в 1920-х - 1930-х гг. существовала практика организованного (коллективного) обсуждения основных законопроектов и постановлений партийно-государственных органов, в рамках которой не допускалась свободная

интерпретация политических текстов, то ряд авторов, акцентируя внимание на политической конъюнктуре и на том факте, что в документах отражена идеологическая оценка событий и процессов, доказывают низкую информационную ценность данного источника с минимальным содержанием информации, соответствовавшей реальным представлениям людей. При этом необходимо отметить, что в текстах протоколов и стенограмм политических форумов, кроме констатации одобрения политики партии и советского правительства, выражения доверия к властным институтам, перепоручения им функций управления пролетарским государством, фиксируются также и отклонения от идеологических формулировок и клише официальной пропаганды, содержатся критические оценочные суждения о ходе и проблемах реализации форсированного курса развития страны.

Особый интерес в текстовом комплексе делопроизводственной документации представляют информационно-аналитические материалы органов политического контроля. Необходимо понимать, что собираемая информация предназначалась не для приведения политики власти в соответствие с общественным мнением и не для того, чтобы заручиться поддержкой населения, а использовалась в формировании и «взращивании» «нового человека», поэтому надзор за населением был предназначен не просто для выявления мнений и настроений населения, его цель заключалась в том, чтобы воздействовать на людей для их изменения [1. С. 47]. В этом случае мероприятия по надзору включали в себя не только попытки сбора информации о настроениях населения, но и меры по трансформации этих настроений, что представляет особый исследовательский интерес. При этом необходимо отметить, что материалы, содержащиеся в информационных сводках ВКП(б) и ОГПУ – своеобразном мониторинге общественного мнения, обладают существенной долей субъективности, поэтому к их прочтению необходимо применять критический подход. Часть историков считает данный источник недостаточно репрезентативным, акцентируя внимание на том, что контрольные органы для поддержания мнения о собственной необходимости сознательно «сгущали краски», акцентируя внимание на

негативных реакциях населения на действия властей, выражаемых в специфических моделях поведения и вербальных акциях, но концентрация негативной информации не умаляет информационной значимости сводок, для объективной оценки которой необходимо сопоставлять их содержание с материалами других видов источников, а также применять альтернативные подходы к интерпретации источника.

Еще одну текстовую группу документов советского периода представляют статьи, речи, выступления высших партийных и государственных деятелей на съездах ВКП(б), пленумах ЦК ВКП(б), Всесоюзных съездах ударников, партийных конференциях различного уровня, в которых отражены не только приоритеты внутривластного развития, но и личностная оценка методов и путей реализации курса на развитие страны. Как отмечает С.И. Быкова, к этим документам необходимо применять не традиционный ракурс интерпретации, а «дискурсивный», рассматривая исследуемые тексты как «письмо власти», имеющее конкретного адресата и по этой причине обладающее разнообразными средствами воздействия на него [2. С. 11]. Изучение содержания официальных текстов позволяет реконструировать процесс формирования социальных мифов, эталонов политического поведения и моделей трудового активизма, являвшихся существенным элементом практики манипулирования общественным сознанием.

Не менее важной текстовой базой является периодическая печать, анализируя информационную ценность материалов, которой необходимо учитывать существенное влияние официальной позиции властей, на содержание публикуемых текстов. Так, в информационной политике, проводимой как на страницах центральных изданий («Правда», «Рабочая газета»), так и региональных изданий («Уральский рабочий», «Рабочий», «Пролетарская мысль», «Пролетарий», «Звезда», «Красный Курган», «Красное Прикамье») и заводских «многотиражках» («Красный каталь», «Смычка», «Гудок»), учитывались ментальные установки населения на восприятие готовых оценок происходящих событий (в силу ограниченности культурного потенциала и недостатков в политической подготовке),

сознательно и в определенном ключе интерпретировались факты внешнеполитической ситуации и события внутренней жизни, формировались стереотипы представлений о них. Использование подобных газетных сообщений, непротиворечащее источниковедческим канонам, позволяет путем привлечения не только «исторически-верных», но и ложных газетных публикаций, выявить, как, независимо от качества информации, они воздействовали на массовое сознание, способствовали формированию и распространению мифологем советской идеологии.

Особых подходов и методов изучения требует следующий текстовый комплекс документов советского периода, представленный материалами низового дискурса - источниками личного происхождения (автобиографиями, письмами, ходатайствами, жалобами и заявлениями), направляемыми в областные и союзные органы исполнительной власти, адресованные руководству ЦК ВКП (б), лидерам партии и государства. Будучи коммуникативным способом решения насущных вопросов повседневной жизни, клапаном для выпуска социальной энергии и недовольства, «письма во власть» содержат информацию о непосредственных контактах людей с институтами и представителями власти; о противоречиях во взаимоотношениях между отраслевыми структурами и трудовыми коллективами, между рабочими и администрацией предприятий; об идейных разногласиях среди коммунистов, о конфликтах между рядовыми членами ВКП (б) и партийными функционерами. Содержащаяся в письмах информация о социальных явлениях и процессах, о взаимоотношениях в производственных коллективах, партийных ячейках, семье, городской среде, характеристика моделей поведения, оценок внутриполитического курса развития страны, высказанная конкретными представителями городского социума, позволяет реконструировать различные стереотипы механизма взаимодействия власти и населения на местах. В советский период в условиях отсутствия присущих демократическому обществу форм диалога государства и общества, апелляция «к властям предрержащим» при помощи заявлений, петиций, жалоб являлась

суррогатным заменителем обратной связи, способом общения с государством и воздействия на власть. Но при этом необходимо учитывать, что человек, «пишущий во власть», ориентировался на определенные клише и стереотипы, которые, по его мнению, позволили бы ему рассчитывать на понимание со стороны адресата «письма». К сожалению, постепенное «разучивание языка власти» вытесняло из сознания индивидуальное восприятие событий, что снижает информативность источника, поэтому требует его корреляции с другими текстовыми комплексами, в частности с формами городского творчества: частушками, стихотворениями, пословицами, песнями, которые отражают индивидуальное и коллективное восприятие курса власти, а также приоритеты массового сознания, мотивы социального поведения, которые фиксировали кардинальные социально-политические изменения в обществе.

Дискурсивный материал содержится и в источниках, визуализирующих образ эпохи: образцах наглядной агитации (плакатах, листовках, транспарантах), карикатурах, коллекции сюжетных фотографий; портретах ударников труда, почетных грамотах, благодарственных письмах. Каждый из перечисленных источников представляет собой знаковую кодограмму, осуществляющую роль транслятора культурного, социального и политического опыта, раскодирование которой возможно при условии исследования символической системы источника как текста, что позволяет выделить качественно новое знание.

Таким образом, документы советской эпохи являются ценными источниками, обладающими значительным интерпретационным потенциалом и существенной долей скрытой информации, что требует применения тщательного источниковедческого анализа и использования междисциплинарных методов изучения.

Литература:

1. Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология. Самара, 2001.
2. Быкова С.И. Политические представления советских людей в 1930-е годы (на материалах Уральского региона): автореф... дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003.

3. Многообразие политичного дискурса. Екатеринбург, 2004.
4. Можаява Г.В. Информация в истории: исторические аспекты информатиологии // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2002. № 29.
5. Можаява Г.В., Мишанкина Н.А. Информационный потенциал историографического источника в свете теории информации // Открытый междисциплинарный электронный журнал «Гуманитарная информатика». Вып. 2. 2012 г. URL: <http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/content/index.htm>.
6. Семиотика. Антология. Екатеринбург, 2001.

УДК 908+377.5

ББК Т.3(2)531

ГСНТИ

03.23.31/03.23.55

Код ВАК 07.00.02

Л.А. Дашкевич, Е.Ю. Рукосуев

Екатеринбург

СРЕДНЕЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА УРАЛЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: профессиональное образование, горнозаводская промышленность, учебный процесс, правовой статус учащихся и выпускников

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается история существовавших в конце XIX – начале XX вв. среднетехнических учебных заведений, готовивших специалистов-техников для горнозаводской промышленности Урала. Дана характеристика учебных программ. Приведён ход дискуссии между участниками Съездов горнопромышленников Урала и представителей административных учреждений о способах расширения сети учебных заведений технического образования в регионе и направлениях его развития.

L.A. Dashkevich, E.Y. Rukosuev

Yekaterinburg

SECONDARY TECHNICAL EDUCATION IN THE URALS AT THE END OF XIX - EARLY XX CENTURIES

KEYWORDS: professional education, the mining industry, the learning process, the legal status of students and graduates.

ABSTRACT: The article deals with the history of the late XIX - early XX centuries. technical secondary schools, were preparing technicians for the mining industry in the Urals. The characteristics of training programs were given. The discussions between the participants in the Congress of Miners Urals and representatives of administrative agencies on ways to expand the network of educational institutions of technical education in the region and the directions of its development were given.

На Урале о целенаправленной политике формирования системы профессиональных учебных заведений можно говорить, начиная с конца 1880-х гг., когда вступили в силу «Основные

положения о промышленных училищах» [6. Т. 8. № 5057]. К разработке этого документа, законодательно утверждённого императором 7 марта 1888 г., были привлечены крупные научные силы и педагоги, одним из которых был И.А. Вышнеградский – известный инженер, профессор, директор Технологического института, занявший в 1887 г. пост министра финансов. Закон впервые в нашей стране ввёл понятие системы профессионально-технического образования, которая включила в себя средние и низшие технические училища для подготовки техников, а также ремесленные школы для рабочих, которые должны были заменить традиционное цеховое ученичество. Были определены основные принципы и задачи профессионального образования производственных кадров, унифицированы учебные планы и программы специальных школ. Позднее появились «Положение о школах ремесленных учеников» от 20 декабря 1893 г.[6. Т. 13. № 10179.], «Положение о низших ремесленных школах» от 24 апреля 1895 г.[6. Т. 15. № 11594.], «Закон о ремесленных и технических учебных мастерских и курсах» от 18 марта 1902 г.[6. Т. 49. № 52983.], которые дополнили правовую базу функционирования системы подготовки рабочих и среднетехнических кадров.

В уральских губерниях, по подсчётам современного исследователя С.А. Климакова, к 1888 г. действовали 28 стационарных профессиональных учебных заведений разных типов и ведомств (сельскохозяйственных, медицинских, горных, технических), а также 39 ремесленных отделений общеобразовательных школ для мальчиков и 190 – для девочек. В числе промышленно-технических, помимо традиционных для Урала горных училищ, были: Ижевские оружейная (1870 г.) и ремесленная (1876 г.) школы, Кунгурское техническое училище Губкина (1877 г.), Пермское железнодорожное училище (1879 г.), Кунгурская женская рукодельная школа (1885 г.), городские ремесленные школы в Яранске (1873 г.), Малмыже (1877 г.) и Вятке (1888 г.), ремесленные училища в Оренбурге (1870 г.), Котельниче (1871 г.), Уфе (1875 г.), Ирбите (1877 г.), Бирске (1882 г.) и Елабуге (1887 г.) [16. С. 55, 58; Приложение 2].

С началом профессионально-образовательной реформы в России число профессиональных учебных заведений на Урале

многократно выросло. К 1910 г. здесь действовали 149 специальных школ, училищ и учебно-показательных мастерских (сельскохозяйственных, медицинских, коммерческих, лесных, технических, горных, художественно-промышленных), а также 38 ремесленных отделений общеобразовательных школ для мальчиков с общим числом учащихся 8643 чел., из них 7769 учеников и 874 ученицы [16. Приложение 5]. Основной упор делался на развитие низшего и ремесленного образования. В обществе того времени было распространено убеждение, что для техников на производстве особая подготовка не обязательна. Роль специалистов среднего звена могут выполнять способные мастера-практики или питомцы высших учебных заведений, только что начавшие работу. Это убеждение, кстати, поддерживал и сам разработчик закона о профессиональном образовании И.А. Вышнеградский [17. С. 234].

Система горнозаводских учебных заведений, сложившаяся здесь в 1850-е гг., была нарушена с началом реформирования горного управления. В 1874 г. казённые заводы Урала перешли в ведение Министерства государственных имуществ, которое в своей учебно-образовательной деятельности уделяло основное внимание развитию сельскохозяйственных знаний. Из специальных горнозаводских уральских учебных заведений под его контроль попало лишь Уральское горное училище. Заводские и окружные школы в 1879 г. были переданы в ведение Министерства народного просвещения, после чего, как с грустью отмечал в своём докладе на VII съезде горнопромышленников (1899 г.) Н.Е. Китаев, «связь училищ с интересами заводов порвалась. Преподавание за последнее время приняло совершенно иное направление и самый состав преподавателей уже не имеет отношения к заводскому делу. Стройная, вполне законченная система обучения, созданная Глинкой, разрушена и из всех его школ, имевших в виду идти рука об руку с горнозаводской промышленностью, только одно Уральское горное училище, основанное при условиях совершенно отличных от настоящих, осталось верным своей первоначальной задаче» [10. С. 208-209].

Среднетехнических учебных заведений на Урале было немного. В 1917 г. к их числу относились: Уральское горное

училище (1853 г.), Красноуфимске промышленное училище (преобразовано из реального в 1889 г.), Вятское сельскохозяйственно-техническое училище (1901 г.), Воткинское (1907 г.) и Златоустовское (1909 г.) механико-технические училища, горнозаводское отделение при Пермском Алексеевском реальном училище (1896 г.), Пермское коммерческое училище (1915 г.).

Статус старейшего в крае Уральского горного училища долгое время был неопределённым. Согласно Положению 1852 г., учащиеся этого специального учебного заведения, при продолжении казённой службы, имели достаточно большие перспективы. Они получали звание урядников второй или третьей статьи, а после необходимой выслуги лет – первый классный чин. Но с отменой крепостного права звание урядников на казённых заводах было упразднено, а вместе с ним исчезли и все положенные льготы. Интересы выпускников Уральского горного училища были учтены только при проведении военной реформы. В отличие от всех появившихся позднее горных школ, Уральское горное училище было причислено к разряду средних учебных заведений и, соответственно, для его воспитанников был сокращён срок военной службы. Никаких других льгот у них не осталось. Уральское горное правление неоднократно пыталось решить эту проблему, обращаясь к вышестоящему начальству с просьбами и ходатайствами, но разработка нового Положения об училище затянулась на долгие годы. В начале 1880-х гг. в Министерстве государственных имуществ появился проект преобразования подведомственных ему Уральского горного училища и Лисичанской штейгерской школы, но «по затруднительному состоянию в то время казначейства», он был отложен до более благоприятного времени.

Неблагоприятное положение дел в Уральском горном училище стало одной из тем обсуждения Первого съезда уральских горнозаводчиков, собравшегося в Екатеринбурге в 1880 г. Представитель Кыштымских заводов А.Д. Одинцов поднял вопрос о недостатке на производстве хороших специалистов-техников. Заводы, по его словам, «положительно не имеют хороших штейгеров, те штейгеры, которыми мы располагаем, не умеют распознавать железную руду красного цвета, а чёрной руды

они положительно не признают. Нельзя не хлопотать, чтобы Уральское горное училище доставляло нам надёжных штейгеров» [9. С. 91]. В развернувшихся прениях выяснилось, что названное специальное учебное заведение испытывает большую нужду в преподавательских кадрах. Учителя, в связи с низкой заработной платой, вынуждены искать себе дополнительные доходы в других местах, в результате, как сказал А.А. Рогов, представитель заводов графа Строганова: «классы часто остаются без преподавателей, программа не выполняется» [9. С. 91-92]. При этом он отметил, что каждый год в Уральском училище за счёт графа Строганова обучается несколько мальчиков, из которых выходят «дельные второстепенные служащие», смотрители цехов. Главный начальник Уральского горного управления И.П. Иванов, не только согласился с высказанными замечаниями, но пояснил, что «преподаватели не могут обойтись без посторонних занятий, так как вознаграждение не только мало, но ничтожно. Преподавание в училище составляет, поэтому, не самостоятельную службу, а добавочное занятие».

В 1896 г. новое предложение о преобразовании Уральского горного училища в полноправное среднее учебное заведение представил управляющий учебного заведения горный инженер Н.Е. Китаев. Главный начальник горных заводов Урала И.П. Иванов поддержал эту инициативу. В апреле 1896 г. он направил объяснительную записку горного инженера в министерство земледелия и государственных имуществ. Своими предложениями Н.Е. Китаев поделился с участниками V съезда горнопромышленников Урала, который собрался в Екатеринбурге в июле 1897 г. Перед заседанием съезда председатель прочёл собравшимся сообщение директора Горного департамента Н. Денисова о том, что на соединённом заседании Горного совета и Горного учёного комитета 23 октября 1896 г. были рассмотрены проекты положений и штаты Уральского, Лисичанского, Домбровского, Томского и Кавказского горных училищ. После оживлённых прений по этому поводу участники съезда приняли решение обратиться в горный департамент с заявлением, что прежде чем директор Горного департамента утвердит представленные документы, их должны рассмотреть советы

соответствующих училищ, начальники горных управлений и съезды горнопромышленников, «так как только при разностороннем и обстоятельном обсуждении и сличении различных высказанных взглядов на постановку в России среднего технического образования можно будет прийти к достаточно веским заключениям о целесообразности проектируемого положения в интересах успешной подготовки необходимых в России техников сведущих в горном деле» [4. С. 15-16].

После обсуждения предложенного проекта Н.Е. Китаева, в котором принял участие специально приглашённый для этого директор Пермского реального училища с горнотехническим отделением М.М. Дмитриевский [1], участники съезда безоговорочно поддержали реформу Уральского горного училища и выступили с ходатайством о расширении комплекта воспитанников этого учебного заведения. Звучали высказывания о том, что два средних учебных заведения с горнозаводским курсом, в Екатеринбурге и Перми, составляют буквально каплю в море все возрастающей потребности уральских заводов и промыслов. 30-40 молодых людей, ежегодно заканчивавших эти учебные заведения, забирались заводами буквально нарасхват, а некоторые управляющие заводами зачисляли их к себе кандидатами за год до окончания курса. Вскоре после съезда, в октябре 1897 г., в Екатеринбурге была собрана комиссия под руководством главного начальника горных заводов Урала П.П. Боклевского для обсуждения изменений в Уральском горном училище. Сюда были приглашены «сведущие лица», а также представители съезда уральских горнопромышленников. Проект реформы, вместе с журналом заседаний комиссии, был отправлен в Горный департамент для ходатайства об утверждении его в законодательном порядке [3. С. 57].

Мнение комиссии, очевидно, стало решающим для того, чтобы дело пустили в ход и в высших сферах. В 1901 г. министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов направил в Государственный Совет представление о расширении прав выпускников Уральского горного училища [7. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5998. Л. 4]. А.С. Ермолов предлагал предоставить всем его учащимся, в том числе и уже окончившим курс обучения, права, превосходящие

уровень всех прочих горных учебных заведений. Объем преподавания в училище, по мнению министра, был близок к средним техническим учебным заведениям ведения Министерства народного просвещения. Лиц, получивших аттестаты об окончании курса училища «с полным успехом», необходимо удостоивать звания «учёного штейгера» или «учёного уставщика» и причислять к личному почётному гражданству после 10 лет работы на рудниках или заводах. Кроме того, если учёные штейгеры или уставщики определяются на государственную службу без прав по происхождению, то они могут быть произведены в первый классный чин через пять лет, а если у них есть эти права – то на общих основаниях с выпускниками прочих средних учебных заведений.

При предварительном обсуждении в ведомствах проект А.С. Ермолова не встретил возражений. Поступили лишь несколько замечаний со стороны министра народного просвещения о том, что из наименования «учёный штейгер или уставщик» следует изъять слово «учёный», а льготы по правам государственной службы можно предоставлять только тем выпускникам училища, которые поступят на технические должности. Это мнение было принято в Министерстве земледелия и государственных имуществ и представление исправили. Положительное мнение Государственного Совета о расширении прав выпускников Уральского горного училища было принято 23 мая 1901 г. и высочайше одобрено 16 июня 1901 г. [7. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5998. Л. 3]

Статус училища как среднего технического учебного заведения подтвердило новое Положение об Уральском горном училище [6. Т. 24. № 24629], которое было принято 26 мая 1904 г. Законодательный документ изменил лишь принятые в решении 1901 г. звания выпускников училища: вместо штейгеров и уставщиков их стали именовать «рудничными техниками» или «горнозаводскими техниками». Переписка о правах учащихся Уральского горного училища, однако, и после этого не прекратилась. В феврале 1911 г. главный начальник уральских горных заводов П.П. Боклевский направил в учебный отдел Министерства торговли и промышленности отношение, в котором

просил пояснить, могут ли выпускники Уральского горного училища поступать в высшие технические учебные заведения. П.П. Боклевский писал, что вопрос этот необходимо решить скорее, так как в мае 1911 г. состоится первый выпуск воспитанников Уральского горного училища, имеющих права среднего учебного заведения, а в Положении 1904 г. нет никаких указаний о возможности их дальнейшего обучения.

Обеспокоены этим вопросом были и преподаватели училища. 10 января 1911 г. для обсуждения проблемы и составления мотивированной записки по поводу прав выпускников Педагогический совет Уральского горного училища решил создать особую комиссию. Мнение педагогов было единодушным: хотя в Положении об училище нет указаний о возможности его воспитанникам продолжать образование в высших технических учебных заведениях, тем не менее, комиссия «находит желательным и возможным возбудить в установленном порядке ходатайство о предоставлении таких прав и об изменении в этом смысле действующего положения» [7. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5997. Л. 48].

Причину законодательных ограничений по отношению к Уральскому горному училищу преподаватели видели в позиции их бывшего непосредственного начальника, министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова. В записке от 30 октября 1903 г., поданной в Государственный совет, о преобразовании учебного заведения министр написал, что оно имеет своей целью «дать нашей промышленности среднего техника, как ближайшего помощника инженера и самостоятельного деятеля в несложных промышленных предприятиях, не создавая, однако, из них кандидатов к получению высшего специального образования» [7. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5997. Л. 47 об]. В 1905 г. Уральское горное училище перешло под начало Министерства торговли и промышленности, которое, как надеялись преподаватели, будет более лояльным по отношению к их воспитанникам. Комиссия не видела особой угрозы в том, что новые правила лишат промышленность большого количества техников, так как «несомненно, что в высшие учебные заведения пойдёт лишь самый незначительный процент оканчивающих курс училища как ввиду конкурса при приёме в высшие училища, так

ещё более ввиду скудного материального обеспечения большинства учащихся: наибольший контингент их составляют дети мелких горнозаводских служащих и даже рабочих, которые в силу своей необеспеченности вынуждены довольствоваться средним образованием» [7. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5997. Л. 48 об]. Между тем, предоставление права на поступление в высшие технические учебные заведения, безусловно, «вызовет более ревностное отношение учеников Уральского училища к усвоению проходимого ими курса и поднимет энергию их к образованию, так как ввиду того, что высшие учебные заведения раскрывают свои двери только для лучших и более успевающих учеников, то присущее учащемуся юношеству стремление к высшему образованию как более всего желаемой ими цели, всегда служит причиной соревнования между учащимися в их заведениях» [7. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5997. Л. 48].

Докладная записка Педагогического совета поступила в учебный отдел Министерства торговли и промышленности, а оттуда – к самому министру. Тот, «не признавая, в общем, желательным, предоставление воспитанникам средних технических учебных заведений права поступать в высшие специальные учебные заведения, изволил, однако, приказать, предварительно окончательного разрешения поднятого вопроса о правах окончивших Уральское горное училище, подвергнуть этот вопрос обсуждению в Горном Учёном комитете» [7. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5997. Л. 49 об]. Нам не удалось обнаружить документов, свидетельствующих о завершении этого спора. Из литературы известно, что обсуждение затянулось, и вопрос о правах воспитанников Уральского горного училища решился только в 1916 г. [13. С. 30].

Принятое по инициативе управляющего Уральским горным училищем Положение 1904 г. существенно расширило учебный курс этого учебного заведения, как в отношении общеобразовательных, так и специальных предметов. В соответствии с новым Положением, здесь преподавались: закон Божий, русский язык, арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, техническое черчение, минералогия, основные начала физики, химия с краткими сведениями из органической

химии, механика, горное искусство, геодезия и маркшейдерское искусство, геология, горная и заводская механика, строительное искусство в применении к горному и заводскому делу, аналитическая химия, основные начала электротехники, пробирное искусство, металлургия металлов, обрабатываемых на Урале, химическое извлечение золота и других металлов из руд, краткие сведения о горных законах, учение о подаче помощи при несчастных случаях, а также, по желанию, немецкий и французский языки [6. Т. 24. № 24629].

Близким по курсу к Уральскому горному училищу было горнозаводское отделение Пермского Алексеевского реального училища. Основание этому учебному заведению было положено в 1875 г., когда по инициативе деятелей Красноуфимского земства, с целью «поднятия производительности горнозаводского промысла в уезде», было основано Красноуфимское реальное училище. Это было шестиклассное учебное заведение, которое распалось с пятого класса на два профессиональных отделения (горнозаводское и сельскохозяйственное). В 1889 г., после начала преобразования Красноуфимского училища в соответствии с новым законом о промышленном образовании, губернатор В.В. Лукошков предложил министру народного просвещения перевести горнозаводское отделение в Пермь. После улаживания необходимых формальностей, в 1896 г. этот перевод состоялся [6. Т. 16. № 12562]. Исследователи отмечают, что перемещение учебного заведения из уездного в губернский город положительно сказалось на его дальнейшей судьбе и, в целом, отвечало интересам края [15. С. 177].

Сложную судьбу в пореформенный период имело Выйское училище Демидовых. В условиях продолжительного экономического кризиса заводовладельцы отказались от многих своих патерналистских обязательств, в том числе и по отношению к образованию заводских служащих. В 1862 г. Выйское училище было переведено в посёлок Нижнетагильского завода, ему присвоили новое название – Нижнетагильское реальное училище [5. Т. 37. № 38370], решение это было утверждено императором 14 июня 1862 г. Новое Положение изменило структуру училища. Вместо прежнего четырёхлетнего курса обучения в нем был введён

шестилетний, при этом учащихся разбивали на три двухгодичных класса. Из закрытого училище превратилось в открытое, за плату сюда пустили обучаться детей из посторонних горнозаводских округов. В 1874 г. образование было специализировано на более узкие направления. В третьем классе выделили металлургическое, механическое, бухгалтерское и топографическое отделения, учеников топографического отделения к тому же на второй год обучения разделяли ещё на два курса – геодезическое и лесное. В летние «каникулы» воспитанники Выйского училища занимались лесной и маркшейдерскими съёмками, изучали на фабриках металлургические процессы, осматривали рудники и прииски. К началу учебного года они готовили письменные отчёты о своей практике и сопровождали их грамотно выполненными чертежами [19. С. 148-153].

В 1882 г. решено было привлечь в помощь учебным заведениям округа частные и общественные средства. В заводском посёлке был создан Попечительный совет, в который вошли наиболее уважаемые служащие заводов. В 1896 г. Нижнетагильское реальное училище было реформировано в соответствии с Основными положениями о промышленных училищах (1888 г.). Учитывая уровень преподавания, В.А. Грамматчиков предложил реорганизовать учебное заведение в среднетехническое. Однако попечитель учебного округа в ответ на это ходатайство ответил, что по размеру своего бюджета оно подходит лишь под Устав низших горных школ. Устав 1896 г. вновь изменил наименование учебного заведения. Нижнетагильское реальное училище было преобразовано в горнозаводское училище с четырёхлетним сроком обучения и последующей одногодичной практикой [6. Т. 16. № 12517]. По продолжительности обучения и программе Нижнетагильское горнозаводское училище было максимально приближено к среднему техническому учебному заведению, но никаких льгот своим воспитанникам не давало. В 1911 г. опекуновское правление Демидовых окончательно прекратило содержание учебного заведения. Оно продолжило своё существование на деньги губернского и уездного земства, что имело и свои положительные стороны. В 1916 г. новые

руководители училища добились присвоения ему официального статуса среднетехнического учебного заведения [16. С. 26-27].

Низшим к этому времени на Урале осталось лишь одно горное училище. Оно было открыто в 1884 г. в посёлке Турьинские рудники Богословского горного округа по инициативе известного горного инженера и изобретателя А.А. Ауэрбаха. Отдалённое расположение заводов и сопряжённые с этим трудности в найме на работу служащих побудили А.А. Ауэрбаха к созданию в округе собственной горнотехнической школы [11. С. 1-2]. На сельском сходе, бывшем 30 мая 1882 г., состоялся приговор, которым Турьинское сельское общество обязывалось построить дом достаточной вместимости, как для классных и других учебных помещений, так и для квартиры заведующего училищем. Было принято решение, что это учебное заведение будет называться – Турьинское горное училище. Министерство народного просвещения поддержало предложение об учреждении частного училища, сомнение чиновники высказали лишь в том, достаточно ли будет средств для содержания учебного заведения и найдутся ли желающие в нем учиться, программа училища показалась им слишком обширной. На эти замечания А.А. Ауэрбахом был дан замечательный ответ, что «при частном ведении дела руководствуются не исключительной сметой, но действительными потребностями, и что он готов увеличить ассигнования до 4000 рублей» [15. С. 51].

А.А. Ауэрбах сам составил проект устава учебного заведения и отправил его на рассмотрение в Санкт-Петербург. Официальное открытие Турьинского горного училища состоялось 24 октября 1884 г. С началом профессионально-образовательной реформы устав училища был изменён в соответствии с Основными положениями о промышленных училищах 1888 г. Государственный Совет одобрил новое Положение о Турьинском училище 14 декабря 1889 г. В нем говорилось, что «горное училище, учреждённое в селе Турьинские рудники Верхотурского уезда Пермской губернии, имеет целью образование сведущих в горном деле мастеров и подмастерьев; принадлежит к числу частных технических училищ низшего разряда и состоит в ведении попечителя Оренбургского учебного округа; в училище

принимаются дети обывателей Богословского горного округа и служащих в нем, в возрасте не старше 14 лет, имеющие познания в объёме не ниже курса однокласного сельского училища; обучение в училище происходит бесплатно» [6. Т. 9. № 6437].

Было определено, что училище будет состоять из четырёх классов, из которых два первых – общеобразовательные, а два последних – специальные. Ученики, успешно окончившие полный курс наук в училище, должны были выбрать свою будущую специальность – горную или заводскую, и после этого проходить на рудниках или заводах дополнительный двухлетний практический курс, заключающийся в изучении всех видов работ, относящимся к избранной ими специальности. После окончания практики, ученики должны были представить в училище удостоверение от управителя рудника или завода о том, что они, производя в течение двух лет все возлагавшиеся на них работы, приобрели надлежащие знания в их производстве. Только после этого Советом училища выдавалось свидетельство об окончании училища. В целом, общий срок обучения составлял шесть лет. Ученики, получившие свидетельства об успешном окончании полного курса училища, пользовались льготой по отбыванию воинской повинности, положенной для учебных заведений третьего разряда. Общий срок службы в сухопутных войсках в конце XIX в. определялся в 15 лет, из которых шесть лет действительной службы и девять лет в запасе. Если же призывник окончил курс учебных заведений третьего разряда, то срок действительной службе сокращался до трёх лет, но служба в запасе армии увеличивалась до двенадцати лет [5. Т. 49. № 52983].

Училище было прекрасно оснащено. При нем действовали: минералогический кабинет, содержащий 258 минералов и 300 образцов горных пород; химический кабинет, где имела возможность демонстрировать разные опыты; лаборатория, где ученики под руководством преподавателя проводили определение металлов мокрым и сухим путём; физический кабинет с 200 приборами. Кроме того, в зале стояли 115 моделей, которые позволяли учащимся изучать кристаллографию. Музей горных наук собрал около 60 моделей, показывавших различные горные и заводские работы. Учебная и фундаментальная библиотека

училища имела около тысячи томов [15. С. 52]. В 1901 г. Богословское Общественное собрание приобрело кинематографический аппарат и давало сеансы с целью предоставления своим членам, то есть рабочим, служащим и их детям, полезного и разумного развлечения по вечерам в воскресенье и праздничные дни. Для учеников местных школ и Турьинского горного училища устраивались особые сеансы с учебными программами. Киноленты для этого специально выписывались у кинопрокатных компаний из Петербурга, Москвы, Харькова, Стокгольма, Парижа. Воспитанники училища могли приобщаться к новинкам культуры самым передовым для того времени способом [2].

Начиная с 1902 г., администрация Богословского горного округа стала ходатайствовать перед министерством народного просвещения о переустройстве Турьинского училища в учебное заведение среднего типа и расширении прав его выпускников, но эти просьбы оставались без ответа. Руководство округа вынуждено было пойти другим путем. Оно добилось переподчинения школы министерству торговли и промышленности, которое относилось к своим подопечным более либерально [16. С. 150]. Закон об этом был утвержден 9 апреля 1912 г. [6. Т. 32. № 36804], но нового статуса школа так и не получила.

Недостаток в стране средних и низших горнотехнических школ многим деятелям горного дела казался явлением совершенно ненормальным [20. С. 110-114]. Промышленники страны активно обсуждали его на своих съездах. В частности, вопрос «О мерах к увеличению числа служащих на частных горных заводах специалистов горного дела» был поднят на съезде железозаводчиков, который собрался в 1885 г. в Санкт-Петербурге. Участники съезда выделили два основных метода решения этой проблемы: во-первых, обращение правительством большего внимания на практическую сторону высшего технического образования и, во-вторых, увеличение в России числа второстепенных техников путём учреждения средних технических учебных заведений. Представители Горного департамента доложили собравшимся, что правительство уже приняло соответствующие меры. Буквально накануне съезда горное

ведомство пересмотрело устав Горного института, причём одной из главных целей этого мероприятия было именно придание образованию горных инженеров более практического характера. А во-вторых, оно запланировало увеличение числа средних горных учебных заведений, готовящих техников. Первое из них откроется в Домброве (Царство Польское). На частных заводах и рудниках, по мнению правительства, эта проблема должна была решаться самими владельцами, которые должны были чаще приглашать специалистов горного дела на службу. Находя при этом, что «осуществление такой меры едва ли могло бы быть достигнуто до тех пор, пока она не сделается обязательной по закону», представитель министерства государственных имуществ сообщил, что уже сделаны некоторые подготовительные работы и разрабатывается проект закона, по которому для лиц, заведующих разработкой рудников и управляющих горными заводами, будет установлен ценз в отношении их технического образования [8. С. 45].

Закон, принятый в 1891 г., действительно ввёл такой ценз для управляющих подземных разработок, но его требования были минимальными. Речь шла о необходимости представления этими служащими дипломов горных инженеров, аттестатов техников или свидетельств об испытаниях в комиссиях при окружных инженерах, к которым допускались лица, имевшее стаж работы на горнотехнических предприятиях не менее трёх лет, при этом от них не требовалось никакого общеобразовательного минимума [12. С. 98]. В силу своей ограниченности, закон 1891 г. не дал какого-то стимула для дальнейшего расширения сети горнотехнических учебных заведений.

Уральские промышленники обсуждали проблемы развития среднего и низшего горнотехнического образования на V-VIII съездах в 1897-1900 гг. Современная исследовательница С.Я. Бугаева сравнила постановку вопроса об обучении техников на съездах уральских и южных горнопромышленников и пришла к интересным выводам. Она отметила, что быстро развивавшееся крупное механизированное производство Юга нуждалось в квалифицированных рабочих, поэтому программа южной буржуазии акцентировала внимание на создании школ десятников,

воскресных школ для взрослых рабочих, контингента низших руководителей, близко стоявших к рабочим. На их подготовку южные промышленники авансировали достаточно большие капиталы. На Урале же большое количество мелких рудников и промыслов с незначительной механизацией и преобладанием ручного труда требовало техников, совмещавших в одном лице и руководителя, и квалифицированного рабочего, поэтому уральские промышленники на первый план выдвигали проекты создания училищ более высокого уровня [14. С. 84].

К проблемам низшего и среднего горнотехнического образования уральские горнопромышленники вернулись в 1914 г. XIX съезд отметил, что, за истекшие после V съезда 18 лет ситуация с образованием горнотехнических школ на Урале изменилась мало. Основную вину в создавшемся положении горнозаводчики видели в позиции правительства, так и не утвердившего разработанный съездами устав низших горнотехнических школ. В монографии С.П. Постникова и М.А. Фельдмана, однако, справедливо отмечается, что это утверждение заводчиков весьма уязвимо, так как и сами они в эти годы, «отвлекаемые более срочными экономическими вопросами», не прикладывали активных усилий в развитие технического образования [18. С. 36]. Сопоставив данные по Уралу и России, представленные в «Сборнике статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования в России» (1910 г.) учёные показали, что финансовые вложения уральских промышленников в систему профтехобразования почти в три раза отставали от среднероссийских показателей [18. С. 36-37].

В целом, несмотря на заметный рост, система подготовки технических и рабочих кадров на Урале не удовлетворяла запросов местной промышленности. Горное образование на Урале к 1917 г. представляли единичные учебные заведения.

Источники:

1. Государственный архив Пермского края. Ф. 185. Оп. 1. Д. 157. Л. 1-3.
2. Государственный архив Свердловской области. Ф. 45. Оп. 1. Д. 116. Л. 4, 25, 39, 86.

3. Материалы к вопросу о низших горнотехнических учебных заведениях на Урале. СПб., 1905.
4. Особое приложение к журналам V съезда Уральских горнопромышленников. 1897 г. Екатеринбург, 1897.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье.
7. Российский государственный исторический архив. Ф. 25.
8. Съезд железозаводчиков в г. Санкт-Петербурге в 1885 году и его пожелания. СПб., 1889.
9. Труды I съезда Уральских горнозаводчиков. Екатеринбург, 1881.
10. Труды VII съезда горнопромышленников Уральской горной области, бывшего 15-20 января 1899 года в г. Екатеринбурге. Журналы заседаний, доклады Совета Съезда и избранных съездом комиссий, отчёты и материалы. Екатеринбург, 1899.

Литература:

11. Ауэрбах А. Горные училища низшего разряда // Горнозаводской листок. – 1890. № 3. С. 1-2.
12. Бугаева С.Я. Образовательный уровень уральской интеллигенции в конце XIX – начале XX века // Народное образование на Урале в XVIII – начале XX в.: сб. науч. тр. Свердловск, 1990. С. 89-104.
13. Веселов А.Н. Профессионально-техническое образование в СССР: Очерки по истории среднего и низшего профтехобразования. М., 1961.
14. Дашкевич Л.А., Бугаева С.Я. Техническая интеллигенция горнозаводского Урала. XIX век / Учёные записки Свердловского областного краеведческого музея. Т. 2. Екатеринбург, 1997.
15. Исторический очерк Турьинского горного училища // Уральский техник. 1910. № 3. С. 51-54.
16. Климаков С.А. Развитие профессионального образования на Урале в 60-е гг. XIX в. - феврале 1917 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2001.
17. Кошман Л.В. Профессиональное образование // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001. С. 229-243.
18. Постников С.П., Фельдман М.А. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900-1940 гг. Екатеринбург, 2004.
19. Черноухов Э.А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке. Екатеринбург, 2011.

20. Ячевский Л.А. Статистика среднего и низшего горнотехнического образования в России // Горный журнал. 1911. Т. 3. № 7. С. 110-114.

УДК 908

ББК Х.3(2)614

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

С.И. Дубинин

Самара

**«ДЕЛО СДАТЬ В АРХИВ»: ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ НА УРАЛМАШЕ В
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х ГГ.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: УРАЛМАШ, политическая история, репрессии, ИТР, доносительство, архивы.

АННОТАЦИЯ: В статье анализируются особенности практики политических репрессий на УРАЛМАШе в отношении инженерно-технических работников среднего звена накануне «Большого террора».

S.I. Dubinin

Samara

**«THE CASE TO FILE»: PRACTICE OF POLITICAL
REPRESSION ON URALMASH IN THE FIRST HALF OF
THE 1930S**

KEYWORDS: URALMASH, political history, repression, engineers, whistleblowing, archives.

ABSTRACT: The paper analyses the characteristics of political repression at Uralmash against the engineers middle level before the "Great Terror."

Восьмидесятилетие Уралмаша (УЗТМ), отмечаемое в июле 2013 г., вновь возвращает исследователей к осмыслению аспектов его начальной истории, отмеченной противоречивыми явлениями, в частности связанными с трагическими судьбами многих первостроителей, пострадавших в ходе политических репрессий 1930-х гг. Сакраментальной фразой «Дело сдать в архив» завершались выписки из протоколов по рассмотрению дел репрессированных уралмашевцев, длительная работа по

реабилитации которых воплотилась в серию весомых публикаций, но еще далеко не завершена.

Первые трудные пять лет существования УЗТМ как предприятия (1931-1935 гг.) после выделения его из Уралмашинстроя (1928-1931 гг.) были связаны со многими проблемами становления и форсирования производства. Общественно-политическая ситуация на УЗТМ и околзаводская атмосфера начала 1930-х гг. были пронизаны разоблачениями «вредителей», «оппортунистов», «двурушников», «шпионов», «классово чуждых и враждебных элементов», проецируя соответствующие масштабные акции по СССР, начиная с «шахтинского дела» 1928 г., дела «промпартии» 1930 г., «дела Востокстали» 1931 г., процесса над «Метро-Виккерс», партийной чистки и дела «вредителей на электростанциях» 1933 г. и др. Исследователи упоминают череду крупных репрессивных акций по УЗТМ, например, в июне 1934 г., когда было арестовано 45 инженеров [6. С. 78-79].

Штампы радикальной идеологической борьбы и риторика сопутствующих публикаций в периодике УЗТМ формировались и санкционировались партийными функционерами, в особенности пришедшим весной 1934 г. на должность секретаря заводского парткома, а затем Сталинского райкома ВКП (б) и в редколлегию заводской газеты Л.Л. Авербахом (1903-1937) - яростным вдохновителем репрессивных сценариев. Апофеозом «авербаховщины» стало выступление нового парторга УЗТМ на грандиозном политическом процессе в Свердловске летом 1934 г. по делу о пожаре кузнечно-прессового цеха УЗТМ в декабре 1933 г., свидетелем которого он лично не был [4], а также абсурдное решение суда о причислении к «контрреволюционной террористической организации» скончавшегося еще до инцидента главного инженера В.Ф. Фидлера (1882-1932).

Иррациональность репрессивных действий власти, демонстрирующей тесную связь партийных и карательных органов, проявлялась в повсеместном разрушении новых социальных структур, которые сама же политика «социалистического наступления» и была призвана создавать [11. С. 4-8]. Репрессивная деятельность ОГПУ-УНКВД постепенно

охватывала также средние и низшие слои инженерно-технических кадров Уралмаша, т.е. той их части, формирование которой было связано с особыми трудностями в ситуации «кадрового голода» быстро растущего уникального многопрофильного производства, каковым являлся УЗТМ. Происходила подмена главного лозунга второй пятилетки «Кадры, овладевшие техникой, решают все!» упрощенно-управленческой манипулятивной интерпретацией «Кадры решают все!», которая позволяла оценивать в первую очередь политическое лицо работника, следование «генеральной линии», готовность выполнить поставленную задачу административно бездумно и любой ценой, подавляя свои инициативность, мнение, предприимчивость. Аксиоматичная правильность «генеральной линии» сводила ответственность за неудачи к «виновности» самих этих кадров, то есть к кадровой проблеме как феномену организационного сверхмеханизма [11. С. 93].

Исследования историков и краеведов по кадровым чисткам и репрессиям на УЗТМ 1930-х гг. еще достаточно фрагментарны и тормозились длительной недоступностью и невозможностью публикации архивных материалов. Одна из таких типичных практик воплотилась в объединенном «деле Котова и Стрельцова» начала 1935 г. инспирированном по отработанному сценарию на основе частного (личного) доноса в Свердловское УНКВД [1].

Детальные исследования феномена доносительства в сталинском СССР, появившиеся лишь в последние годы, отмечают, что политдоносы непосредственно в НКВД становятся заметным социальным явлением только в эпоху «Большого террора», но вся кампания политически стимулируется и набирает обороты постепенно (призывы к «бдительности» в прессе, реформа системы партконтроля 1934 г., директивы ЦК ВКП(б) в связи с убийством Кирова и о новой проверке партдокументов и др.) [10. С. 112, 126, 146]. Кристаллизация доносительства с середины 1930-х гг. как одной из базовых советских политических практик и компонентов террора, воплощавших властное насилие, обращалась к разным сторонам жизни, в особенности на производстве, где это явление в частности смогло «серьезно затруднить жизнь руководителям среднего звена» [10. С. 330]. Доносительство стало

официально поощряемым инструментом как управления, так и карательной политики первой половины 1930-х гг. - «прелюдии» к развертыванию массовых репрессий [11. С. 10, 67].

Главная фигура рассматриваемого дела - начальник сетей и подстанций ТЭЦ УЗТМ инженер-электрик Владимир Илларионович Котов (1908-1939), один из первостроителей и руководителей среднего звена [5. С. 2]. Родившись в семье кустаря-столяра, не вступив в комсомол, он не соответствовал критериям «выдвиженца». Поступив на Уралмашстрой осенью 1929 г. техником по проектированию, имея полное школьное образование, диплом самарского электротехникума и опыт работы на Сарапульской ГРЭС, он активно участвовал в прокладке ЛЭП на строящийся комбинат, затем работал электротехником, инженером по сетям, а с пуском в 1932 г. заводской ТЭЦ в ее руководстве. В июне 1931 г. В.И. Котов был принят кандидатом в члены ВКП(б), в мае 1933 г. получил звание ударника, комнату в элитном жилфонде Соцгорода на ул. Ильича. В первой половине 1934 г. В.И. Котов был командирован в Германию на фирмы-партнеры УЗТМ «KruppAG» и «DEMAG» для освоения электротехники, значительно повысив свой профессиональный потенциал [7. С. 16].

В протоколах собраний партячейки ТЭЦ, которую решением «авербаховского» парткома УЗТМ с ноября 1934 г. возглавил В. Коротовский, за вторую половину 1934 г. отмечены активные выступления вдохновленного впечатлениями от организации производства в Германии В.И. Котова с критикой халатности, плохой дисциплины, отсутствия ухода за агрегатами электростанции и т.п. [2. Л. 150, 156, 158]. В последний раз его выступление на партсобрании в защиту исключаемого из ВКП(б) коллеги - И.И. Плотникова датировано началом января 1935 г. [3. Л. 34].

В январе 1935 г. уполномоченный Свердловского УНКВД рассмотрел заявление «о контрреволюционных террористических настроениях» В.И. Котова от Е.С. Стрельцовой, работницы спецраспределителя треста нарпит, члена ВЛКСМ и «группы сочувствующих». В последовавшем через месяц постановлении на арест В.И. Котова констатировались его резкие

контрреволюционные террористические настроения в разговоре с Е.С. Стрельцовой на вечеринке в декабре 1934 г., посвященной дню рождения ее супруга – М.Л. Стрельцова, инженера сетей и подстанций УЗТМ, подчиненного В.И.Котова. В пространном заявлении и на первом допросе Е.С. Стрельцова, знакомая с В.И.Котовым только с лета 1934 г., обнаружила неожиданно большое количество сведений, как о личности подследственного, так и фактов, «изобличающих» его, которые все неожиданным образом якобы укладывались в монолог в личной беседе с ней на вечеринке. Часть информации оказались известна ей со слов мужа. Среди прочего такие очевидные для дознавателей аргументы для обвинения В.И. Котова по ст. 58 (10) УК РСФСР как: осуждение коллективизации, клевета на партию и ее политику, измышления о голоде на Украине, призыв к неизбежному террору против партаппарата, восхваление фашистского режима в Германии. Эти аргументы Е.С. Стрельцова подтвердила и на очной ставке с обвиняемым.

В материалах дела обращает на себя внимание, что на втором допросе Е.С. Стрельцова оказалась замешанной в разбирательстве с махинациями с продовольственными карточками для военнослужащих. После введения продовольственного нормирования в 1932 г. дело о «вредительстве» в Свердловском НАРПИТе прозвучало в 1933 г. в контексте расследования о хищениях его начальника – Горкуши и было затем политизировано в местной партийной публицистике [7. С. 14].

Супруг заявительницы Михаил Лукьянович Стрельцов (1903-1944) на допросах, не причисляя себя к близким знакомым своего начальника, не настаивал на аргументах супруги и на необходимости обращения в НКВД, даже отговаривал ее от заявления, постоянно ссылаясь в вопросах о Котове на «слова жены». Примечательно, что М.Л. Стрельцов отмечен в материалах дела как исключенный в 1933 г. из ВКП(б) «политически близорукий и сочувствовавший троцкистам», бывший секретарь партячейки и заместитель секретаря парторганизации Свердловского энергоинститута, где он обучался. После «невнятного» поведения на следствии в отношении В.И. Котова он

сам попадает в сферу интересов дознавателей в контексте «чистки ИТР».

Важной фигурой следствия, поддержавшей и расширившей обвинение, был знакомый В.И. Котова с 1930 г. его сосед по квартире и подчиненный А.Н. Левшин, техник сетей и подстанций УЗТМ, через которого он сблизился со Стрельцовыми. На допросе и активнее на очной ставке он добавил аргументы о скрываемом Котовым классово-чуждом происхождении, об общении с местными церковниками и о восхвалении фашистской Германии. На апрельском партсобрании ТЭЦ по «делу Котова» Левшин, известный также своими выступлениями в заводской прессе против «вредителей», повторил эти доводы.

Эти факты позволяют предположить, что супруги Стрельцовы уже находились в «оперативной разработке» в УНКВД, а многосемейный Левшин мог иметь интерес в отношении жилплощади своего начальника. Кроме того, А.Н. Левшин также находился в поле зрения УНКВД как бывший участник Кронштадского восстания 1921 г., исключенный из ВКП(б) в ходе партчистки 1929 г., но затем в 1932 г. восстановленный в партии.

Предъявленное в марте 1935 г. обвинение В.И. Котов отрицал и попросил сделать протокольное добавление: «Я имею основания предполагать, что показания Левшина и Стрельцова относительно меня не беспристрастны, т.к. последнее время особенно и тот и другой имели от меня большие неприятности по службе как подчиненные мне по службе». Следователь А.В. Казанский при этом проявил достаточную «объективность», посчитав недоказанным причастность В.И. Котова к контрреволюционной террористической деятельности, что грозило осуждением по более строгой статье 58 (8) УК.

Показательны сценарий и опережающая хронология действия партийной и затем полицейской частей «комплексной» репрессивной машины. В конце марта 1935 г., т.е. до утверждения начальником УНКВД И.Ф. Решетовым обвинительного заключения В.И. Котову и закрытия дела, одновременно в партком УЗТМ и в УНКВД поступила секретная выписка из февральского протокола партколлегии КПК (ее центральный аппарат с февраля

1935 г. возглавил Н.И. Ежов) по Свердловской области. Еще до завершения следствия и предъявления В.И. Котову обвинения, сформированного начальником 1-го отделения СПО УНКВД А.В. Казанским, она уже содержала обвинение его в «сочувствии зиновьевской группировке и клевете на партийное руководство» и постановление об исключении «из рядов ВКП(б) как двурушника». Обвинение по ст. 58 (10) УК РСФСР уже учитывало исключение В.И. Котова из ВКП(б) «по настоящему делу» и сводилось к констатации ведения им «систематической антипартийной пропаганды в направлении: а) распространения клеветнических измышлений на партруководство и генеральную линию партии; б) пропаганды террора; в) идеализации фашистской Германии».

М.Л. Стрельцов обвинялся в приговоре, где снисходительно маркировался как «сын рабочего» (в действительности его отец был машинистом в Бакинском пароходстве) на фоне классово-чуждого «сына кустаря» В.И. Котова, по ст. 58 (12) УК «в том, что: а) не сделал в соответствующие учреждения заявлений, которые обязан был сделать, о контрреволюционной террористической деятельности Котова; б) воздействовал на свою жену Стрельцову, стремясь удержать ее от подачи заявления». Он был осужден на три года высылки в Узбекистан (Коканд), куда вскоре по иронии судьбы последовали и сам доноситель - его супруга Е.С. Стрельцова и вся семья.

Заочно на партсобрании ТЭЦ в начале апреля 1935 г., где в отношении В.И. Котова повторил свои прозвучавшие на следствии доводы А.Н.Левшин, тот был *aposteriori* исключен из кандидатов в ВКП(б) «за сочувствие к контрреволюционной организации, за двурушничество» [3. Л. 28-30]. Одновременно и чиновники спецсектора областной прокуратуры дали заключение об утверждении обвинения и о направлении дела В.И. Котова на рассмотрение в Особое Собрание при НКВД СССР. Созданное постановлением ЦИК и СНК СССР [5 ноября 1934 г.](#), оно могло присудить до начала в 1937 г. максимальный срок ссылки или заключения в 5 лет. Всего по Свердловской области ОСО НКВД по имеющимся сведениям [12] было осуждено в 1935 г. ок. 600 человек (см. табл. 1).

Таблица 1

**Статистика репрессивной деятельности УНКВД по
Свердловской области в 1935 г. [12]**

Исправительно-трудовые лагеря до 5 лет	Исправительно-трудовые лагеря до 3 лет	ссылка и высылка	прочие меры	освобождены	переданы в суд	всего
72 (12%)	154	100 (17%)	17	236	22	601

Согласно данным таблицы 1, практика Свердловского УНКВД в 1935 г. была еще относительно «либеральной» и находилась, как показывает «дело Котова и Стрельцова», под давлением партийных органов.

Решение ОСО в отношении В.И. Котова последовало лишь в начале июня 1935 г.: «за контрреволюционную деятельность заключить в исправтрудлагерь сроком на пять лет, считая срок с 8.02.1935 г.», то есть с момента ареста. Таким образом, он провел как подследственный в сцеткорпусе № 1 Свердловского УНКВД (внутренняя тюрьма)* около четырех месяцев [7. С. 297].

Дальнейшая судьба В.И. Котова и М.Л. Стрельцова в разной степени трагична. Первый погиб в БЕЛБАЛТЛАГе (Соловецкое отделение) за год до завершения своего срока летом 1939 г. [8. С. 96], второй умер от ран в боях под Витебском весной 1944 г. В 1956 г. оба обвиняемых были полностью реабилитированы [9. С. 297]. Показательны судьбы и ключевых фигур Свердловского областного УНКВД «эпохи Ягоды», оставивших след в «деле Котова и Стрельцова»: И.Ф. Решетова (первого после образования

* Триэтажная бывшая внутренняя тюрьма Свердловского УНКВД (находилась во дворе зданий по просп. Ленина, 17) была снесена в начале 2010 г.

в июле 1934 г. и по 1936 г. начальника УНКВД), П.А. Самойлова (в 1934-1936 гг. зам. начальника УНКВД); Н.Х. Ревина (в 1934-1937 гг. начальника секретно-политического отдела), А.В. Казанского (начальника первого отделения секретно-политического отдела, инспектора при начальнике УНКВД), В.А. Антонова (в 1934-1938 гг. секретаря УНКВД), И.Я. Ломбака (в 1934-1937 гг. начальника управления и штаба внутренней охраны УНКВД). Все они были в ходе так называемых «ежовских чисток» уволены из органов НКВД и подверглись репрессиям в конце 1930-х гг. [9. С. 290].

Эскалация репрессий начала 1930-х гг. против инженерно-технических работников негативно сказалась на работе УЗТМ, на его научно-технической базе, ослабила его кадровый потенциал. Урон, нанесенный прослойке квалифицированных ИТР, тем не менее «компенсировался», но уже кадрово-карьерной ротацией согласно констатации вышедшего в 1938 г. «Краткого курса ВКП(б)», что сталинский лозунг «Кадры решают все!» был успешно реализован в годы второй пятилетки [11. С. 120].

Источники:

1. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Фонд УФСБ РФ по Свердловской области. Дело № 21869-П «По обвинению Котова В.И. и Стрельцова М.Л. по ст. 58. (10) и (12) УК.

2. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 1020. Оп. 1. Д. 151. Л. 150, 156, 158.

3. ЦДООСО. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 198. Л. 34.

Литература:

4. Авербах Л. Речь общественного обвинителя на судебном процессе 28.07.1934 г. по делу о пожаре кузнечно-прессового цеха УЗТМ. Свердловск, 1934.

5. Агеев С.С. Возвращение имени // За тяжелое машиностроение. 1989. № 192.

6. Агеев С.С., Бриль Ю.Г. Неизвестный Уралмаш: история и судьбы. Екатеринбург, 2003.

7. Дубинин С.И. Парадоксы советско-германских индустриальных связей 1930-х годов: Уралмаш - Рурская область // Вестник гуманитарного института ТолГУ. Тольятти, 2010. № 2(8).

8. Дубинин С.И. Человек, система и эпоха: инженеры Уралмаша в советско-германском сотрудничестве 1930-х гг. // Историческая наука и историческое образование как факторы гуманизации общества: сб. науч. статей / Екатеринбург, 2012. Ч. 2.

9. Книга жертв памяти политических репрессий: Свердловская область. Екатеринбург, 2003. Т. 4.

10. Нерар Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928 - 1941 гг.). М., 2011.

11. Общество и власть: 1930-е годы / Отв. ред. А.К.Соколов. М., 1998.

12. Решения Особого совещания при НКВД СССР по территориальным органам. URL: <http://stalinism.ru/content/view/856/29/1/16/>

УДК 373.1

ББК

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

Т.3(2)534+4426.63

А.А. Кальсина

Пермь

**ШКОЛЬНАЯ РЕФОРМА ГРАФА П. Н. ИГНАТЬЕВА
(1915-1916 ГГ.) И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ
ИСТОРИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: реформа школы, историческое образование, Первая мировая война, министр народного просвещения П. Н. Игнатьев.

АННОТАЦИЯ: В статье представлен процесс развития отечественной школы в начале XX века, описаны поиски оптимальной модели реформы школы и наиболее прогрессивный проект – школьная реформа П.Н. Игнатьева (1915-1916 г), ставшая во главу угла проблемы исторического образования.

A.A. Kalsina

Perm

**SCHOOL REFORM BY THE GRAPH P.N. IGNATIEV
(1915-1916 AGES) AND PROBLEMS OF TEACHING
HISTORY**

KEY WORDS: reform school history education, the First World War, the Minister of Education P.N Ignatiev.

ABSTRACT: This article presents the development of the national school in the early twentieth century, describes the search for the optimal model of school reform and the most advanced project - school reform P.N Ignatiev (1915-1916 ages), assigns priority the problem of historical education.

В условиях модернизационных процессов начала XX в. со всей актуальностью выявилась проблема кардинального изменения системы отечественного образования. Германская классическая модель образования, господствующая до этого времени в России, вступила в противоречие с очередным витком модернизации, которое выражалось как в технологическом, так и политическом аспекте. Технологический аспект предусматривал переход к качественно новому уровню индустриального общества, а политический – смещением в сторону конституционной монархии. С 1905 г. в российском обществе ускоряются все социальные процессы, происходит слом традиционалистских ценностей, характерных для аграрного общества. Делается ставка на нового человека, обеспечивающего в перспективе развитие сильного государства. Осуществить новый социальный заказ должна была отечественная система школьного образования.

Динамично развивающаяся отечественная педагогическая наука этого периода выявила три научно-педагогические парадигмы, которые условно можно назвать «школа учебы», «школа труда», «свободная школа». «Школа учебы» была представлена в основном массовой практикой средней школы и подвергалась критике со стороны общества, как не соответствующая времени. «Свободная школа» защищала личностные цели образования, педоцентризм, свободу ребенка, творчество. «Школа труда», или «трудовая школа» отвечала потребностям индустриального общества, поддерживалась государством и отличалась приоритетом социальных задач образования, ориентацией на гражданские и общечеловеческие цели воспитания, развивающий характер обучения.

Концепция «трудовой школы» отвечала интересам многих социальных групп и выступала существенным фактором в решении общественных проблем на всех уровнях жизни общества

– от личного до государственного. Судьбой отечественной школы были озабочены все социальные группы российского общества. По вопросу о школе как социальном институте в обществе сложились различные мнения. Либеральные круги делали ставку на развитие земской школы, с которой связывалось не только просвещение народа, но и формирование граждан новой России. Консервативное направление поддерживало церковную школу, возлагая на нее задачу воспитания молодежи, и пыталось вытеснить из сферы образования общественность, усилить свое влияние и отодвинуть на второй план земства. Революционное направление, активизировавшееся в период первой русской революции, привлекло к школьной проблеме внимание всех политических партий, которые вынуждены были в свои программные документы включить вопрос о школьной реформе. Все радикальные группы общества, проявившие себя в 1905–1907 гг. (Всероссийский учительский союз (ВУС), группы учащейся молодежи, родительские комитеты), выступили с требованием создания в России единой системы образования, преемственности ее основных ступеней, введения бесплатного начального обучения, светскости образования, передаче дела народного образования органам местного самоуправления. В развитии школы были заинтересованы как государство, так и широкая общественность. Однако реформаторская политика государства проводилась довольно умеренно и дозировано. Более радикальному характеру реформ мешало само государство, император Николай II и консервативные круги, а позже – Первая мировая война.

Тем не менее общественно-педагогической мыслью начала XX в. была выработана оптимальная модель отечественной школы, основанная на всеобщем бесплатном начальном образовании, единстве и преемственности школьной системы, демократизации учебного процесса, трудовом обучении, интересе к личности ребенка, связи семьи и школы.

Наиболее полно эти идеи были отражены в проекте реформы школы, предложенной в 1915–1916 гг. прогрессивным министром народного просвещения графом П.Н. Игнатьевым. Потенциала сформулированных в ходе подготовки реформы конструктивных идей и программно-методических материалов хватило на то, чтобы

наполнить образовательную политику Временного правительства, школьную политику небольшевистских правительств в годы Гражданской войны, школьную политику большевиков и школу Русского зарубежья.

В 1915–1916 гг. либеральный министр граф П.Н. Игнатьев выдвинул проект реформы школы, предусматривающий создание семилетней средней школы с I и II ступенями (3+4 года), с фуракцией II ступени на три направления: новогуманитарное, гуманитарно-классическое и реальное. Проект П.Н. Игнатьева кардинально модифицировал структуру содержания образования, изрядно потеснив латинский и греческий языки, Закон Божий. Приоритетными становились отечественная история, география России, русская литература, родной язык. Впервые учебный план был разделен на предметы образовательные и воспитательные. Центр тяжести всей школьной работы в проекте реформы школы переносился с обучающего на воспитательный фактор, что полностью соответствовало общему направлению российской педагогической мысли.

Доминантой в содержании становился общественно-полезный труд, а главной задачей – подготовка учащихся к практической жизни. Трудовая деятельность становилась основой всей учебно-воспитательной работы и рассматривалась как важнейшая в подготовке «волевой, умелой и разносторонне образованной молодежи» [2. С. 87-88].

В качестве цели образования выдвигалась задача гармоничного развития всех способностей человека. Наряду с интеллектуальным развитием, упор делался и на физическое, эстетическое и трудовое воспитание. Большое место в проекте реформы уделялось патриотическому воспитанию, которое приобретало особое значение в условиях Первой мировой войны. Была существенная оговорка: воспитание патриотизма и национальной гордости ни в коем случае не имеет ничего общего с национализмом. Проект четко разграничивал понятия «национальное» и «националистическое».

Первая мировая война остро поставила вопрос о создании в России русской национальной школы и о решительном повороте в содержании образования к «патриотическим предметам» –

истории, литературе, географии, наравне с предметами техническими. В условиях Первой мировой войны усилилась проблема существования нации и государства, поэтому национальной школе придавалось важное значение.

Современное наполнение термина «национальная школа» относится либо к национальным меньшинствам, либо к преподаванию на родном языке. В начале XX в. такие школы называли инородческими. Понятие «национальная школа» применительно к системе дореволюционного отечественного образования подразумевает стремление общественно-педагогических сил России усилить русский национальный компонент в отечественной системе образования, приоритет этнокультурной основы в процессе воспитания и обучения личности. Идея национальной школы возникла и развивалась под влиянием общественно-экономических и социокультурных факторов, действовавших в российском обществе в начале XX века, и в своем развитии прошла определенную эволюцию. В 1900–1907 гг. эта идея рассматривалась как возможность стабилизации общественных процессов в контексте монархических реформ. В 1907–1914 гг. идея русской национальной школы приобрела двойственную направленность: 1) в русле программ крайне правых монархических организаций, являясь проводником национал-шовинистических настроений; 2) у представителей либерального направления в контексте этнокультурных установок. В 1914–1917 гг. выявлялось отношение к идее русской национальной школы как к базовой идее реформирования отечественного образования.

Идея русской национальной школы была представлена и разработана в педагогических концепциях К.Д. Ушинского, В.Я. Стоюнина, проектах В.Н. Сороки-Росинского и П.Н. Игнатьева. В реализации данной идеи ключевым положением было создание воспитывающей среды, где осуществлялось изучение, сохранение и трансляция этнокультурного опыта, характерного для отдельной национально-этнической общности в пределах ее расселения. Однако широкого практического воплощения идея русской национальной школы не получила. В практику работы школы были внедрены лишь ее отдельные элементы [5. С. 9].

Авторы проекта школьной реформы П. Н. Игнатьева, возлагали ведущую роль в создании национальной школы на историческое образование. Особо обращалось внимание учителей на необходимость изучения истории различных народов, населявших Российскую империю, предлагалось включать в курсы местный материал из истории Средней Азии, Кавказа, других регионов. Красной нитью через все проекты программ проходило требование научного изложения материала. «Сильна и устойчива не слепая любовь к родине и человечеству, – отмечалось в объяснительной записке, – а сознательная; такую любовь можно воспитать только научно правдивым изложением курса» [1. С. 102]. Составители выступали против искажения исторической правды в угоду определенным историческим установкам.

В объяснительной записке к программам обозначались важные вопросы о структуре курсов истории и последовательности их изучения, о связи прошлого с современностью и соотношении фактов и обобщений, то есть о том, что называется методологией исторического познания. Программы предусматривали, что отечественная история должна занимать в русской средней школе вполне самостоятельное место. «В нашей учебной литературе делались попытки ввести русскую историю в курс истории всеобщей, – отмечалось в тексте объяснительной записки, такая постановка преподавания настоящим учебным планом решительно исключается» [1. С. 89]. Вместе с тем программы нацеливали преподавателя на изучение отечественной истории в тесной связи с мировым историческим процессом, предполагали установление межкурсовых связей, на основе которых изложение той или иной темы осуществлялось только в одном курсе при некоторых дополнениях в другом. Дискуссионной, как впрочем, и сейчас, оставалась проблема интеграции курса всеобщей истории и отечественной истории в единый предмет. Так, известный методист-историк Я. Кулжинский выступал за создание единого курса отечественной истории и всеобщей истории, поскольку, по его мнению, такая структура способствует пониманию причинно-следственных связей и формированию исторического мышления [6. С. 56]. И действительно, подобный подход был осуществлен в проекте

программ для коммерческих училищ. Однако большинство методистов считали необходимым сохранение самостоятельного курса отечественной истории.

Отличительной особенностью новых программ по истории, разработанных комиссией под руководством П. Н. Игнатьева, было включение современного материала, вопреки существовавшей традиции завершать исторический курс событиями второй половины XIX века. Программы предусматривали изучение новейшей истории, т. е. первых двух десятилетий XX века, что являлось определенной новацией [3. С. 25].

В то же время, авторы программ по истории считали недопустимым вводить в исторический курс разного рода обобщения философско-социологического характера.

Это было связано с распространением марксистской концепции смены формаций, поэтому в объяснительной записке высказывалось отрицательное отношение к идее «преемственности» цивилизаций, и к теории о «восхождении человечества по ступеням мировой истории» [1. С. 24].

Задачи формирования у учащихся «исторического отношения к жизни» напрямую подвели к проблеме политического воспитания молодежи. Особенно актуально это звучало в условиях Первой мировой войны. В объяснительной записке к программам по истории говорилось о том, что «школа не в праве игнорировать духовные интересы, она обязана идти навстречу первым проблескам научного мышления и гражданского чувства» [1. С. 86].

Вместе с тем, общая установка педагогической общественности начала XX вв. («школа вне политики!»), выражалась в недопустимости вовлечения учащихся в политическую борьбу, разделялась комитетом, готовившем реформу школы.

Проект реформы школы графа П. Н. Игнатьева также предусматривал отмену цифровых баллов, то есть школьных отметок. Они заменялись частым осведомлением родителей о случаях неуспеваемости. Одновременно отменялись переводные и выпускные экзамены. Они заменялись периодическими проверками знаний в течение учебного года. Эти

«революционные» решения основывались на серьезном теоретическом фундаменте. По мнению педагога П.Ф. Каптерева, экзамены отнимают слишком много сил и времени, часто такое напряжение сил вредно для здоровья. Итоги экзаменов могут быть результатом особых случайностей и не отражают ни подлинных знаний учащихся, ни их отношения к учебе вообще [4. С. 46].

В проекте нашли отражение рекомендации, выработанные как российскими педагогами, так и зарубежной психолого-педагогической мыслью Европы и особенно США. В частности, речь шла об участии общественности в административном управлении школой, в определении содержания образования, в предоставлении каждой школе автономии для решения вопросов школьной жизни. Предусматривалось введение всеобщего, бесплатного и обязательного начального образования, совместное обучение детей. Реформой предусматривалось создание школьных советов, в которые на основе принципа равных третей входили учителя, представители общественности и родители, что должно было теснее связать школу с местным населением, которое в отличие от государства более заинтересованно в качественной школе.

Проект реформы средней школы графа П.Н. Игнатьева можно оценить как один из лучших, предложенных в начале XX века, так как в нем был собран богатый опыт прогрессивной педагогической науки и передовой педагогической практики. Реформа не состоялась из-за противодействия правительства и Мировой войны. В декабре 1916 г. последовала отставка П.Н. Игнатьева [7. С. 272].

Процесс развития отечественной школы в начале XX века явился этапом теоретического и концептуального моделирования школьной модернизации, в рамках которого были сформулированы прогрессивные идеи и теоретические демократические основы реформы: единство школьной системы, всеобщее, бесплатное, обязательное начальное обучение, доступность среднего образования, трудовой принцип в обучении, внимание к личности ребенка, связь семьи и школы. Характер реформаторских идей начала XX века указывал на стремление различных социальных групп спроектировать оптимальную модель отечественной школы

и всей системы образования, но проективные идеи не успели оформиться в официальную образовательную парадигму.

Источники:

1. Материалы по реформе средней школы: Примерные программы и объяснительные записки, изданные по распоряжению г. Министра народного просвещения. Пг., 1915.

Литература:

2. Богуславский М.В. Подвижники и реформаторы российского образования. М., 2005.

3. Вендровская Р.Б. Школьная реформа 1915-1916 годов и преподавание истории // Преподавание истории в школе. 1995. №4.

4. Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения. М., 1982.

5. Криворотова Т.А. Идея русской национальной школы в отечественной педагогике второй половины XIX – начала XX века: автореф. дис. ...канд. пед. наук. Н. Новгород, 2003.

6. Кулжинский Я. Новые программы по истории // Русская школа. 1916. № 7-8.

7. Шакиров Р.В. Школа и общество. Системно-концептуальный анализ реформ образования в России в XX веке. Казань, 1997.

УДК 631.92

ББК Т.3(2)611-2

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

Г.Е. Корнилов

Екатеринбург

**ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
СТРАТЕГИИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ
ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ И СОЦИАЛЬНО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЕЕ
РЕАЛИЗАЦИИ В 1890-Е – 1930-Е ГОДЫ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аграрная модернизация, продовольственная безопасность, продовольственное обеспечение

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется история становления системы продовольственного обеспечения населения восточных регионов в условиях модернизации. Утверждается, что продовольственное дело

постепенно выделяется в отдельную отрасль государственного управления.

G.E. Kornilov

Yekaterinburg

**FOODSTUFF PROVISION FOR STRATEGY OF THE
ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA'S EASTERN
REGIONS AND THE SOCIO-DEMOGRAPHIC
CONSEQUENCES OF ITS IMPLEMENTATION DURING
THE 1890S - 1930S**

KEY WORDS: agrarian modernization, foodstuff safety, foodstuff provision

ABSTRACT: The article analyses a history of arising the system of foodstuff provision for the population of Russia's eastern regions under conditions of modernization. It is stressed that the foodstuff issue has been gradually evolved to become a distinctive branch of the state administration.

В научных публикациях о проблемах коллективизации и аграрного освоения восточных регионов отдельные проблемы темы получили освещение. Однако разработка адекватных моделей регулирования процессов обеспечения продовольствием практически не изучалась. Необходимо выявление наиболее значимых факторов, оказывавших влияние на этот процесс, выделение критериев, позволяющих оценить состояние и уровень продовольственной безопасности в условиях модернизации России, особенно в период активного промышленного освоения восточных регионов.

Для всестороннего анализа проблемы продовольственного обеспечения населения в определенно-исторический период необходимо изучение развития и состояния сельскохозяйственного производства на Урале и сопредельных территориях, место различных форм торговли, ее объемы и товарную структуру, динамику и структуру потребления различных социальных групп, уровень информированности как властных структур, так и населения о состоянии продовольственных запасов. Сложным моментом изучения проблемы является политика правительства,

мероприятия и реформы, которые осуществлялись в тот или иной период с целью формирования и поддержания производства и потребления продуктов питания.

Основу для разработки проблемы продовольственной безопасности составили труды ученых – экономистов Л.И. Абалкина [19], Е.Н. Борисенко [21], А.В. Гордеева [25], В.В. Милосердова [42. С. 29 - 35], Т.Ф. Рябова [53], А.В. Тарханова [57. С. 59 - 69], Г.И. Шмелева [61. С. 27 - 40] и др., в которых исследовались проблемы экономической и как составной ее части продовольственной безопасности.

В трудах уральских ученых А.А. Куклина [58], В.В. Маслакова [41], О.А. Романова [58], А.Н. Семина [54], А.Ф. Татаркина [58], В.Н. Чуканова [58] проанализирована продовольственная ситуация конца XX – начала XXI вв. на материалах Урала.

Проблема продовольственного обеспечения не получила освещения и в зарубежной исторической литературе, хотя интерес к социально-экономическому развитию Урала и сопредельных территорий в XX столетии был достаточно высок. В трудах Р.У. Дэвиса [29. С. 198 – 210; 31], М. Левина [17; 18; 39. С. 4- 11], М.Б. Таугера [59. С. 298 - 332], С.Г. Уиткрофта [31], Ш. Фицпатрик [59] и др. исследовались вопросы экономического и социального развития российской деревни. Вместе с тем недостаточная эмпирическая база данных по восточным регионам не могла не отразиться на обоснованности и достоверности их выводов.

Исследования аграрной модернизации показало, что в ходе её формировались специфические региональные механизмы продовольственного обеспечения. Модернизация в XX вв., охватившая все сферы жизни российского общества, кардинальным образом изменила условия существования человека, вела к складыванию открытого подвижного общества, в котором происходило смешение этнических, социальных слоёв и складывалось интегрированное общество, характеризующееся общепринятыми нормами и структурой потребления, изменялся механизм обеспечения продовольствием [37. С. 286 - 316].

Результаты аграрной модернизации российской деревни не однозначны. В советский период она насаждалась сверху железной

диктатурой, её темпы форсировались в ущерб качеству процесса и здоровью народа, её успехи были достигнуты за счет насилия, дешевого принудительного труда, прежде всего, крестьян-колхозников. Модернизация носила очевидный военно-политический характер.

Аграрная сфера является базисным элементом устойчивости любого общества. Нестабильность аграрного строя, несоответствие уровня развития сельского хозяйства, стоящим перед страной внешнеполитическим и внутривнутриполитическим задачам, осознание необходимости её радикальной трансформации стали одной из побудительных причин революционных событий 1905 г., 1917 г., 1991 г.

Исторический опыт XX столетия показывает, что всероссийская модель структурно состоит из региональных составляющих, включающих особенности сложившихся историко-географических, историко-экономических и историко-культурных реалий. Все регионы России охватила в XX вв. трансформация аграрной сферы и сельского социума. Мы обозначаем её как аграрный переход [36. С. 4 - 14].

В ходе аграрного перехода происходили экономическая, демографическая, политическая, культурная, социальная, правовая трансформации, изменение сельского расселения и шло формирование системы продовольственной безопасности. Направления, темпы развития и формы проявления компонентов аграрного перехода были обусловлены и конкретизировались конкретно-исторической обстановкой, борьбой конструктивных и деструктивных элементов. Конкретно-исторические исследования, особенно на региональном материале, позволяют определить, насколько в течение последнего столетия этот агропереход осуществился, где и на каком этапе находится российский сельский социум, каков вектор его дальнейшего развития.

Аграрная модернизация России в XX веке определялась специфическими факторами и при этом необходимо учитывать три обстоятельства: 1) сельский житель более других связан с природой. Огромные параметры социально-природной системы не позволяют очень быстро набирать силу как негативным, так и позитивным процессам. 2) В аграрной сфере все процессы носят

инерционный характер. 3) Отношение к этой системе царской, советской и постсоветской властей всегда оставалось потребительское и традиционно эксплуататорские.

Процесс аграрного перехода, процесс модернизации аграрной сферы России можно разделить на три фазы:

1-я фаза агроперехода – конец XIX в. – середина XX в.;

2-я фаза – 1950-1980-е гг.;

3-я фаза – с конца 1980-х гг. – до начала XXI в.

В основу периодизации положен комплекс факторов, приводивших к качественным изменениям в жизни села. Концепция агроперехода позволяет рассматривать аграрную трансформацию России с позиции непрерывности, континуитета.

Процесс модернизации формировал специфические механизмы продовольственного обеспечения, изменялись общепринятые нормы и структура потребления. В XX столетии в России, а затем в СССР в трансформации механизма продовольственного обеспечения весьма значительную роль играло государство, которое выступало в ходе модернизации как фактор организации производства и распределения продовольственных ресурсов.

На первой фазе аграрного перехода, когда шёл процесс формирования системы продовольственного дела, или продовольственной безопасности не исключались недоедание и голод различных групп и слоёв населения. Выявлены кризисы сельского хозяйства, которые приводили к различным по форме, масштабам и последствиям голодовкам на Урале: 1892, 1901, 1906, 1911, 1921-1922, 1931-1933, 1942-1943, 1946-1947 гг. Несмотря на достаточно солидную историографию истории голодовок в России и глубокие исследования российских учёных В.П. Данилова [26], Н.А. Ивницкого [31], И.Е. Зеленина, В.В. Кондрашина [35] и др., а также зарубежных историков М. Тагера, С. Уиткрофта [28. С. 95 - 109], уральские историки-аграрники Г.Е. Корнилов, Е.Ю. Баранов, В.А. Лабузов [20], С.А. Пьянков [50. С. 213 – 218; 44], М.К. Манкевич [4038. С. 92 – 99;39; С. 411 - 412], Д.В. Каракулов [34. С. 55 - 60] стали изучать историю становления и развития продовольственного дела, формирование системы

продовольственных запасов на уровне государства, региона, социальной группы и семьи.

Толчком к формированию новой системы продовольственного дела в России послужил страшный голод 1891-1892 гг. Власть под воздействием ухудшения экономического положения крестьянства в условиях неурожая и голода 1891-1892 гг. выступили инициатором комплекса законодательных мер, направленных на пересмотр организации продовольственного дела. Первым шагом стало принятие в 1892 г. «Устава об обеспечении народного продовольствия» (первый этап реорганизации) [6. С. 24 - 30]. Вскоре устав признали несовершенным, в 1893 г. император Александр III утвердил Особую комиссию по пересмотру продовольственного законодательства. В итоге её семилетней работы появились «Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей», утверждённые императором Николаем II 12 июня 1900 г. (второй этап). В начале XX в. пересмотр продовольственного законодательства продолжался, предлагались новые проекты, но ни один из них не был утверждён. «Временные правила» 1900 г. с незначительными поправками действовали до Первой мировой войны (третий этап) [6. С. 45– 50; 15. С. 7 – 11, 41 – 42, 418 - 421].

«Временные правила» изъяли продовольственное дело из рук земства и передали его в ведение крестьянских учреждений. Общее руководство продовольственным делом возлагалось на губернаторов. Меры помощи населению сводились к двум направлениям: накопление продовольственных запасов в благополучные по урожайности годы и раздача их в ссуду в периоды неурожая и других бедствий. За земскими учреждениями возлагались вспомогательные операции: оказание благотворительной помощи, устройство общественных работ и продажа хлеба по заготовительной цене. Система продовольственного капитала (резервов) разделялась на местный (хлебные запасы и общественные капиталы), губернский (губернские капиталы) и государственный (общеевропейский капитал) уровни.

С этого времени всё большую роль в продовольственном обеспечении начинало играть государство. После продовольственной катастрофы 1892 г. выделяются колоссальные средства из государственного казначейства для предотвращения голода, и с каждым годом объем денежных средств увеличивался, органы власти приняли ряд мер по уменьшению задолженности населения по продовольственным долгам.

Существенным изменениям подвергалась организация внутренней торговли. Важным фактором этих изменений стало строительство железных дорог на рубеже XIX–XX вв., создание сети элеваторов и зернохранилищ. Постепенно падало значение ярмарок, торговля приобретала стационарный характер, формировался всероссийский рынок, развивалась кооперация. В Пермской губернии с конца XIX в. развернулось активное строительство железных дорог, выдвигались проекты строительства элеваторов, создавались зернохранилища. Открытие кредитных товариществ с 1907 г. приняло массовый характер. Развитие кредитной кооперации имело успех среди крестьянского населения, несмотря на сложности в организации складов для хранения хлеба, получения кредитов от Государственного банка.

Проблема питания крестьянства в позднеимперской России вызвала дискуссию среди отечественных историков. Несмотря на то, что историки опираются на итоги расчета продовольственного баланса для хлеба и картофеля, но делаются различные выводы об уровне питания населения. Б.Н. Миронов [43. С. 83–95; 45. С. 137–155] и М.А. Давыдов [26. С. 168 - 176] оценивают его позитивно. Своё мнение Б.Н. Миронов подкрепляет антропометрическими показателями призывников в армию, М.А. Давыдов – данными об экспорте хлеба, продовольственной помощи в годы неурожая. С.А. Нефёдов доказывает, опираясь на данные статистики урожая и населения, что уровень питания был низким [45. С. 96—107; 47. С. 155—162; 48. С. 127—136].

Усреднённые показатели потребления, которые используют указанные авторы, не дают полной картины. Анализ статистических данных по Пермской губернии за 1890-1914 гг. свидетельствует о достаточном производстве зерна, картофеля. Мясомолочных продуктов в пищевом рационе основной массы

населения было недостаточно. Пермское губернское земство установило необходимое количество хлеба в размере 19 пудов на человека в год [5; 40. С. 92 – 99; 52. С. 17]. Средние показатели зернового производства на душу населения за обозначенный период составляло 20, 96 пудов без вычета фуража и других хозяйственных нужд. Производство продовольственных культур ниже 19-пудовой нормы фиксировалось в губернии в 1890, 1891, 1892, 1898, 1901, 1907 и 1911 гг.

Количество потребляемых продуктов по такому показателю, как калорийность, приближалось к норме, белков растительного происхождения в ней было достаточно, но животных белков в большинстве случаев не хватало. В группе малопосевных хозяйств крестьян, как и у большинства рабочих, пища была перегружена углеводами. Объёмы потребления находились в определённой зависимости от экономического состояния хозяйства, что в свою очередь определялось количеством работников и ценностью капитала, которым обладало хозяйство. Чем крупнее были хозяйства, тем значительнее в них были остатки сельскохозяйственных продуктов. Малопосевные хозяйства часть продуктов приобретали на рынке. По данным бюджетных обследований рабочие также тратили значительную часть своих заработков (более 50%) на питание.

Мнение М.А. Давыдова и Б.Н. Миронова верно только частично. В начале XX в. в Пермской губернии питание крестьян находилось на достаточном уровне у 15-20% крестьян, которые относились к многопосевным хозяйствам. В отношении этой группы можно говорить и о качественном, и о количественном достатке пищи. Данные за 1903 г., когда показатели урожаев находились на уровне средних значений, у большинства крестьян (состоявших в малопосевных группах, более 70%) наблюдалось качественно-относительное голодание (по классификации П.А. Сорокина [54; 56]), поскольку в рационе не хватало белков животного происхождения, пища была перегружена углеводами, то есть присутствовало явное недопотребление. В годы неурожая количество продовольствия снижалось, закупочные цены на зерно значительно возрастали (на 20 -50%), росла спекуляция.

В начале XX в. в результате неурожаев массового голода не произошло, население страдало от недоедания. Наибольшие людские потери принес голод 1891-92 гг., когда произошла демографическая катастрофа (фиксировалась естественная убыль населения), в остальные годы, в том числе и неурожайные, показатели естественного прироста сохраняли положительное значение (при сокращении рождаемости и повышении смертности).

В неурожайные годы начала XX в. благодаря совместным мерам правительства, земства и общественных организаций продовольственный кризис был предотвращен, голод не разразился, имело место относительное голодание, питание большей части крестьян было качественно неполноценным, реже количественно неполноценным. Следовательно, реорганизация хлебозапасной системы и формирование продовольственного дела в конце XIX – начале XX в. показали свою относительную эффективность.

Центральные органы управления и местные структуры самоуправления реагировали на неурожай более слаженно: уже в конце лета – начале осени фиксировался его уровень, формировались обоснованные заявки на помощь, своевременно выделялись продовольственные капиталы, организовывалась перевозка закупленного правительством хлеба для голодающих на места. Государство сумело взять под полный контроль предкризисную ситуацию в 1901, 1906-1907, 1911 гг. и не допустить роста смертности вследствие голода, несмотря на то, что масштабы неурожаев были больше недородов 1890-1891 гг. В конце XIX - начале XX в. была сформирована система продовольственного обеспечения, которая достаточно эффективно сработала в периоды неурожаев и при истощении собственных запасов хлеба в крестьянских хозяйствах.

Система продовольственной безопасности - это система, имеющая главной целью надежное и достаточное снабжение населения основными продуктами питания, гарантирующее отсутствие опасности голода и недоедания. Советская история дает пример действия другого механизма формирования, другой модели продовольственной безопасности, основанной на

народнохозяйственном планировании и регламентировании распределения продуктов питания. Во второй четверти XX в. были предприняты большие усилия по созданию такой системы.

Апрельский (1926 г.) объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) принял решение об образовании постоянного государственного хлебного фонда (ГХФ). В январе 1927 г. СНК СССР принял постановление об образовании, хранении и использовании ГХФ, он рассматривался переходящим из года в год запасом хлеба и фуража. Целью создания ГХФ было обеспечение населения хлебом в случае неурожая, чрезвычайных потребностей государства, а также регулирование рыночных цен на хлеб. Распоряжение о расходовании ГХФ могло дать СТО и НКВнутторг СССР. Согласно постановлению Наркомат внутренней торговли устанавливал для каждого планового заготовителя количество хлеба и фуража по культурам, а также сроки и место сдачи. Хранение Государственного хлебного фонда поручалось Госбанку СССР на имеющихся у него элеваторах и складах.

Экстенсивно развивавшееся сельское хозяйство было не в силах одновременно удовлетворять потребности населения и наполнять формирувавшиеся государственные хлебные резервы. Поэтому ГХФ создавался за счет ограничения внутреннего потребления хлебных продуктов. Создание ГХФ означало по существу восстановление государственной хлебной монополии. Хлебные кризисы конца 1920-х годов заставили власти создать местные хлебные резервы в промышленных и рабочих центрах. С 1929 г. они создавались за счет внеплановых закупок. Местные хлебные резервы образовывались при наличии переходящих остатков хлеба в размере двухнедельной потребности.

Образование и хранение государственных резервов продовольствия было поручено Наркомторгу СССР. В 1929 г. работа с хлебными резервами была передана акционерному обществу «Союзхлеб», однако распорядителем резервов оставался Наркомторг. В октябре 1931 г. СНК СССР образовал Комитет резервов при СТО. Наряду с хлебными начали существовать государственные продуктовые и материальные резервы. С этого времени неприкосновенный хлебный фонд и государственный хлебный фонд переименовываются в государственные фонды и

передаются из Наркомснаба в ведение Комитета резервов, который на местах проводил работу через своих уполномоченных - полномочных представителей ОГПУ. Комитет резервов и его уполномоченные учитывали наличие зерна и другого продовольствия в стране, контролировали их экономное расходование в пределах утвержденного правительством плана [14. С. 326 – 327, 363 – 364, 518, 659].

Курс советского руководства на индустриальное развитие страны определял и продовольственную политику государства. Первоочередное снабжение промышленности, индустриальных строек стало одной из основных задач в конце 1920-х – 1930-е годы. Но городское снабжение пострадало из-за развала внутреннего рынка, наступления на частных торговцев. Секретные информационные сводки отдела ЦК ВКП(б) свидетельствуют о продовольственных затруднениях в городах в 1928 г. Реакцией местных властей на недостаток хлебопродуктов в городах стало введение нормированного распределения (снабжения) среди городского населения. В июне 1928 г. Уралобком ВКП(б) установил нормы выдачи хлеба через Центральные рабочие кооперативы рабочим и служащим Уральской области, а также членам их семей [7. Л. 59]. Несмотря на нормированную продажу, продуктов в городах, промышленных центрах не хватало. Нарастал продовольственный кризис. 14 февраля 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о введении всесоюзной карточной системы на хлеб [8. Л. 2 - 4]. Перебои с продовольствием привели к тому, что вскоре в промышленных регионах в дополнение к хлебным карточкам стали распространяться и карточки на другие продукты. Как и в случае с хлебом, нормирование и карточки оформлялись санкциями местной власти.

Центральное руководство стремилось стабилизировать ситуацию с продовольствием в первую очередь в промышленных центрах страны. 15 февраля 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление СТО от 26 января "О мероприятиях по организации снабжения рабочих продовольственными продуктами и промтоварами" [9. Л. 2, 31 - 36]. Этим постановлениям утверждалось два списка городов и промышленных районов, согласно которым определялся порядок их снабжения. Снабжение

основными продовольственными продуктами городов и районов, входивших в список № 1, производилось в централизованном порядке и из хозяйств потребительской кооперации. Наркомторгу СССР и Центросоюзу надлежало обеспечивать снабжение рабочих и их семей городов и районов первого списка по твердым ценам. Снабжение рабочих и их семей второго списка осуществлялось из ресурсов централизованных заготовительных организаций и из ресурсов, получаемых потребкооперацией в порядке местных заготовок и из собственных хозяйств кооперации.

В январе 1931 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) Наркомат снабжения СССР ввел всесоюзную карточную систему на основные продукты питания и непродовольственные товары [48. С. 89 - 90]. Карточки выдались тем, кто трудился в государственном секторе экономики, а также их иждивенцам. С начала 1931 г. существовало четыре списка снабжения. Преимущества в снабжении имели особый и первый списки, куда вошли и ведущие индустриальные предприятия Урала. Внутри каждого из четырех списков существовали разные стандарты снабжения, которые зависели от производственного статуса людей.

Недостаток продуктов питания в городах приводил, с одной стороны, к росту рыночных (базарных) цен, с другой - к распространению натурального товарооборота. Наибольший рост цен дали 1931 и 1932 гг. В мае 1932 г. была легализована колхозная торговля. Повышенный спрос на продовольствие в условиях разразившегося голода заставил в марте 1933 г. ввести коммерческую торговлю хлебом. Однако ни карточная система, ни легализация колхозной торговли, ни разрешение свободной продажи хлеба не решили продовольственной проблемы горожан региона.

Формирование механизма нормированного продовольственного снабжения не касалось крестьянства. В годы НЭПа произошло улучшение жизни уральского крестьянства, выросли денежные доходы, росло потребление продовольственных продуктов. В конце 1920-х годов в уральской деревне наблюдались продовольственные затруднения. Недостаток продуктов питания в Курганском, Пермском, Свердловском, Троицком округах в мае - июне 1928 г. стал причиной антисоветских выступлений.

Фиксировались случаи голодания бедноты, заболевания и смерти на почве голода детей и взрослых, употребление в пищу суррогатов и падали. Весной и летом 1929 г. в отдельных районах области крестьяне из бедняцких слоев взламывали частные и общественные амбары и "растаскивали" хлеб [10. Л. 29, 31. 46, 47, 50, 54,56].

В процессе массовой коллективизации началось наступление государства на частную патентованную торговлю. Конфискации и репрессии сократили ресурсы крестьян, что подрывало их самообеспечение и крестьянскую торговлю. Фиксируется в документах рост миграции сельского населения в город за продуктами. Весной - летом 1930 г. тяжелая ситуация с продовольствием сложилась в Троицком, Ишимском, Курганском, Челябинском, Шадринском и Тюменском округах [2. Л. 56]. Продовольственные затруднения приводили к локальным голодовкам. Остро нуждавшимся в продовольствии и семенах оказывалась государственная помощь. Она предоставлялась в виде ссуд с возвратом из урожая следующего года, выдавалась в основном хозяйствам социалистического сектора.

Продовольственный кризис обострился на Урале в начале 1932 г. По официальным данным, за 1931 г. было собрано 17 млн ц зерна, что на 64 % меньше, чем в 1930 г. [13.С. 203]. Уралоблисполком 13 февраля 1932 г. принял постановление об организации продовольственной помощи 28 недородным районам к весенней посевной кампании. Голод постепенно охватил всю территорию Уральской области. По данным постоянных бюджетных обследований крестьянских семей Уральской области основными источниками поддержания жизненных сил были картофель, хлеб-суррогат и менее 2-х стаканов молока в день [11. Л. 97]. В 1933 г. по данным крестьянских бюджетов снизилось суточное потребление основных продуктов сельским населением.

Усилившийся в связи с голодом отток крестьян из деревни советское руководство стремилось прекратить. Согласно законам от 13 сентября 1932 г. и от 17 марта 1933 г. крестьянам запрещалось оставлять свои колхозы в поисках работы без разрешения руководства и без предоставления документов о готовности предприятия принять на работу крестьянина. 7 декабря

1932 г. была введена "единая паспортная система с обязательной пропиской по всему Союзу ССР", что ограничивало бегство крестьян.

Возникшие в 1928 г. в связи с чрезмерным изъятием сельскохозяйственной продукции в ходе заготовительных кампаний продовольственные затруднения обернулись для сельского населения голодом в 1932 - 1933 гг. Его сопровождали эпидемии сыпного и брюшного тифа, оспы, цинги. Известны факты антропофагии, трупоедства, употребления в пищу кошек и собак, самоубийств на почве голода в сельской местности [1. С. 186].

Трудности в обеспечении населения продовольствием привели к формированию механизма нормированного распределения продуктов питания. Карточная система не смогла решающим образом исправить кризисную ситуацию со снабжением, хотя позволила горожанам избежать голодовки. Но латентный голод (относительное качественно-количественное голодание) в 1932 - 1933 гг. охватил всю территорию Уральской области, в том числе и городское население. В отличие от горожан сельское население не снабжалось продовольственными товарами. Изъятие из деревни хлеба привело к недостатку его у жителей. Весна - лето 1933 г. - пик голода в регионе. Наиболее пораженными голодом были районы Центрального и Южного Зауралья.

Коллективизация сельского хозяйства, проводившаяся ускоренными темпами, стала главной причиной аграрного кризиса начала 1930-х гг., который охватил все сферы жизни деревни. Одним из его трагических проявлений явился продовольственный кризис, вылившийся в голодную катастрофу 1932 – 1933 гг.

Основными показателями продовольственной стабильности общества являются: 1) величина переходящих запасов зерна, позволяющая нейтрализовать дестабилизирующие факторы (неурожай, стихийные бедствия); 2) душевое производство зерна. При этом особое значение имеют пороговые значения – это предельные величины, несоблюдение значения которых препятствует нормальному ходу развития различных элементов воспроизводства, приводит к формированию негативных,

разрушительных тенденций. Приближение к предельно допустимой величине уже свидетельствует о нарастании угрозы социально-экономической стабильности, а превышение предельных, или пороговых, значений – о вступлении в зону нестабильности и социальных конфликтов.

В условиях аграрного кризиса и резкого роста городского населения, связанного с индустриальным развитием Урала, введение нормированного распределения, карточной системы снабжения не смогли стабилизировать продовольственную ситуацию.

Критериальная оценка продовольственной безопасности включает ресурсный потенциал (он был в наличии в начале 1930-х гг.) и уровень эффективности использования ресурсов, когда возможность угрозы сводится к минимуму. В связи с этим встает вопрос, если продовольственные ресурсы имелись в начале 1930-х гг., то почему же они не использовались для оказания помощи голодающему населению?

Механизм предоставления районам страны дополнительного отпуска хлеба на общее снабжение был достаточно сложным. В общее снабжение включались поставки сельскохозяйственной продукции как городскому, так и сельскому населению, направленные на индивидуальное снабжение, а также на нужды промышленности и сельского хозяйства в целом.

В Политбюро поступало ходатайство об увеличении отпуска продукции на снабжение от местного партийного комитета административно-территориального образования, в нашем случае - это Уральский обком ВКП(б), решение по которому принималось на заседаниях Политбюро или в опросном порядке его членами. При этом для рассмотрения ходатайства создавались специальные комиссии из членов Политбюро. Ходатайство могло направляться для согласования и реализации в СНК СССР, Комитет заготовок СТО, Комитет товарных фондов при СТО и другие организации, связанные с учетом, хранением и распределением продовольственной продукции.

Следует отметить, что Уралоблисполком также направлял ходатайства об изменении планов отпуска продукции на снабжение в центральные органы управления, в том числе в

вышеперечисленные комитеты [1. С. 156]. Но окончательное решение было за Политбюро.

Предкризисное состояние с продовольствием фиксировалось на Урале уже в конце 1931 г. Уралоблисполком 13 февраля 1932 г. принял постановление об организации продовольственной помощи недородным районам области к весенней посевной кампании. Согласно этому постановлению, колхозникам районов, пострадавших в 1931 г. от засухи, на февраль – март 1932 г. отпускалась продовольственная помощь в размере 16010 ц в порядке ссуды с возвратом осенью 1932 г. Постановлением предписывалось обязать райисполкомы распределить данную продовольственную помощь между наиболее нуждавшимися колхозами, при этом внутри колхозов обеспечить семьи находившихся в Красной армии детей и семьи колхозников, работавших на животноводческих фермах [2. Л. 56].

В течение 1932 г. ситуация с продовольствием перешла в **угрожающую стадию кризиса**. Голодовки охватывали все большую территорию. Они распространились даже на территорию Северного Зауралья, куда всегда завозилось продовольствие. По данным постоянных бюджетных обследований крестьянских семей Уральской области основными источниками поддержания жизненных сил были картофель, хлеб-суррогат и менее 2 стаканов молока в день. Только 22 октября состоялось решение Политбюро ЦК ВКП(б) “О продснабжении Урала”, по которому на октябрь 1932 г. было отпущено региону 39 тыс. т хлеба вместо ранее утвержденного 37 тыс. т (с оставлением на ноябрь и декабрь по 38 тыс. т) [24. С. 161]. Еще одно решение Политбюро состоялось 5 апреля 1933 г., по которому “отпустить колхозам Уральской области дополнительно к ранее отпущенной семенной ссуде 800 тыс. пудов пшеницы за счет сокращения на соответствующее количество отпущенной пшеницы в порядке обмена и сверх этого 200 тыс. пудов в качестве продпомощи” [24. С.106]. Весной 1933 г. ситуация с продовольствием крайне обострилась. В спецсправке ОГПУ от 3 апреля 1933 г. сообщалось, что в Челябинском, Усть-Уйском, Троицком, Камышловском, Куртамышском, Багарякском, Бродокалмакском, Ярковетском, Бардымском, Ольховском, Сухоложском, Шадринском и других районах наблюдались острые

продовольственные затруднения. В Троицком районе употреблялись в пищу трупы павшего от сапа скота, которые были залиты карболовым раствором и находились в скотомогильнике. В Усть-Уйском районе употреблена в пищу павшая якобы от сибирской язвы лошадь [24. С. 289]. В 1933 г. по сведениям бюджетных обследований резко снизилось суточное потребление основных продуктов питания сельского населения. На почве недоедания резко выросли эпидемические заболевания (сыпняк, брюшник, цинга, натуральная оспа). В январе 1933 г. было зафиксировано 3613 случаев заболеваний от этих болезней, а в феврале – 4839 [24. С. 291].

Показателем перехода **угрожающей стадии кризиса в чрезвычайную** свидетельствовали участвовавшие случаи хищения зерна и других продуктов, особенно в сельской местности, а также побег крестьян из деревни. За 1932 г. в Уральской области по «закону о колосках» было приговорено к расстрелу 55 человек, в 1933 г. – 194 человека. С 1 августа 1932 г. по 1 июля 1933 г. в области по закону об охране социалистической собственности было привлечено 45542 человека, а за июль – сентябрь 1933 г. еще 3 тыс. колхозников [38. С. 36]. По сведениям Уральской областной Рабоче-крестьянской инспекции из колхозов области на новостройки, в промышленность за 1931 г. ушло 301,1 тыс. человек, что составило 18,7% к общему числу трудоспособных. Часть крестьян бежали из деревни, не желая оставаться в колхозах, поскольку отходничество позволяло не возвращаться в деревню. За зиму 1930 – 1931 г. в Троицком округе покинули село 1400 семей. Из 45957 обобществленных хозяйств на 20 марта 1931 г. выбыло 23506, то есть более половины [16. С. 126]. За 1931 г. в промышленность ушло 438,2 тыс. крестьян Уральской области. За первый квартал 1932 г. деревню покинули 62,3 тыс. семей. К маю 1932 г. на заводы Востокстали прибыло 10,1 тыс. человек из деревни, из них осталось на постоянную работу 3,3 тыс. человек. На Магнитострой в 1932 г. было завербовано 9,8 тыс. человек, а самотеком прибыло 13,3 тыс. человек [3, л. 18]. В ходе коллективизации крестьяне, оказавшиеся в колхозах, фактически лишились не только своей собственности, но приусадебных хозяйств. В 1932 г. ситуация с приусадебными участками

несколько улучшилась. Размер огородов на Урале не превышал 6 соток, тем не менее семья колхозника могла частично обеспечить себя картофелем и овощами. На 1 января 1933 г. только 55 % колхозников региона имели в индивидуальном пользовании посевы, 61 % держали крупный рогатый скот (в том числе коров – 57%), 6,2 % - свиней, 38 % - овец и коз. Практически половина крестьянских семей существовала за счет того, что выделил колхоз [4.С. 157]. В 1933 г. 36 % колхозов Урала выделили на 1 трудодень до 1 кг зерна, 52 % - от 1 до 3,6 кг [26.С. 579]. Основным фактором перехода от угрожающей фазы к чрезвычайной явилось чрезмерное изъятие сельскохозяйственной продукции в ходе заготовительных компаний (если в 1928 г. в счет хлебозаготовок из уральской деревни было вывезено 15% собранного зерна, то в 1932 г. – 45%, мяса – соответственно: 16 и 58,1%) [26.С. 513]. Разразился голод.

В архивных документах зафиксированы факты антропофагии, трупоедства, употребление в пищу кошек и собак, самоубийств на почве голода [1.С.192 - 193]. Голод и сопутствующие ему эпидемии стали причинами общесоюзной демографической катастрофы 1933 г., которая затронула и Уральскую область. Убыль населения Уральской области в 1933 г. составила 7,2% от убыли населения РСФСР.

Полномасштабная катастрофа (чрезвычайная стадия кризиса), характеризующаяся скачкообразным ростом смертности, развернулась в регионе в январе – феврале 1933 г. и достигла своего пика в городах уже в апреле – мае, а в деревне – в августе – сентябре, когда смертность достигла максимальных значений. В декабре 1932 г. скончалось 12906 человек, в январе 1933 г. – 17227, в феврале – 22459, в марте – 24133. Максимальных величин число смертей достигло в августе 1933 г., когда в Уральской области было зафиксировано 32,9 тыс. умерших. Следовательно, за семь месяцев – с декабря 1932 г. по август 1933 г. – количество смертей выросло более чем 2,5 раза. Депопуляция в сельской местности имела место с мая по сентябрь 1933 г. [26. С. 427]. Естественный прирост городского населения имел отрицательное значение в марте - июне 1932 г., когда происходило линейное ежемесячное сокращение рождаемости при увеличении смертности в отдельные месяцы. Но

данное обстоятельство не привело к демографической катастрофе в регионе, так как рождаемость в сельской местности значительно превышала убыль городского населения (в 3,8 раза). Естественный прирост городского населения имел отрицательное значение непрерывно с января 1933 г. по июнь 1934 г. Общий естественный прирост был отрицательным весь 1933 г., когда убыль населения составила 37,6 тыс. человек, и в первом полугодии 1934 г. (убыль населения составила – 10,3 тыс. человек) [1. С. 257 - 258].

Медленное снижение числа умерших было зарегистрировано с октября 1933 г. Рождаемость, как более инерционный, чем смертность, элемент процесса воспроизводства населения, сокращалась до апреля 1934 г. Пониженная рождаемость в конце зимы – весной 1934 г. вызвала рецидив депопуляции. На протяжении трех месяцев (февраль-март) 1934 г. показатели естественного прироста были отрицательными. И только осенью 1934 г. демографическая ситуация на Урале нормализовалась [26. С. 427].

Возникшие трудности в обеспечении населения продовольствием привели к формированию механизма нормированного распределения продуктов питания. Карточная система не могла решающим образом исправить кризисную ситуацию со снабжением, хотя позволила горожанам избежать массовой голодовки, но латентный голод (относительное качественно-количественное голодание по классификации П. Сорокина [57]) в 1932-1933 гг. охватил всю территорию Уральской области, в том числе и городское население. В отличие от горожан сельское население не снабжалось продовольственными товарами. Изъятие из деревни хлеба привело к недостатку его у жителей. Локальные голодовки, которые вместе с сопутствующими эпидемиями, стали непосредственными причинами человеческих смертей. Весна – лето 1933 г. – пик голода. Наиболее пораженными голодом были сельскохозяйственные районы Центрального и Южного Зауралья. По своим масштабам голод 1932-1933 гг. в Уральской области, унесший около 100 тысяч человеческих жизней, уступал по масштабам голоду на Украине, Северном Кавказе, в Поволжье, Центрально-Черноземной области и Казахстане.

В условиях аграрного кризиса конца 1920-х - начала 1930-х гг., роста городского населения, связанного с индустриальным развитием региона, нормированное распределение, карточная система не смогли предотвратить продовольственного кризиса и голода. Уральская область из района, самообеспечивавшего себя зерновыми культурами, превратилась в район, осуществлявший их ввоз. Главными особенностями механизма продовольственного обеспечения населения, характерного для всего советского периода, стали централизация и дискриминационный характер по отношению к сельскому населению.

Процесс модернизации формировал специфические механизмы продовольственного обеспечения, изменялись общепринятые нормы и структура потребления. В России, а затем в СССР в трансформации механизма продовольственного обеспечения весьма значительную роль играло государство, которое выступало в ходе модернизации как фактор организации производства и распределения продовольственных ресурсов. Опыт создания системы государственной продовольственной безопасности в России в первой трети XX в. совпал с первой фазой аграрного перехода аграрной модернизации страны. Он показал, что создаваемая до 1917 г. система общественно-государственного обеспечения населения продовольствием не выдержала натиска Первой мировой и Гражданской войн, была ликвидирована самими крестьянами; создаваемая в СССР в ходе активного промышленного освоения система государственного централизованного снабжения городского населения в условиях продовольственных кризисов и катастроф также не смогла справиться с задачей бесперебойного продовольственного обеспечения, что приводило к огромным демографическим потерям.

Источники:

1. Аграрное развитие продовольственное обеспечение населения Урала. 1928 – 1934 гг.: сборник документов и материалов / Под ред. Г.Е. Корнилова. Оренбург, 2005.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 88. Оп. 1. Д. 3305.
3. ГАСО. Ф. р-235. Оп. 1. Д. 400.

4. История коллективизации сельского хозяйства Урала (1927 – 1937 гг.): сборник документов. Пермь, 1983.
 5. Обзор Пермской губернии за 1912 год. Пермь, 1913.
 6. Продовольственная безопасность Урала в XX веке: документы и материалы /Под ред. Г.Е. Корнилова и В.В. Маслакова. Т. 1. Екатеринбург, 2000.
 7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 307.
 8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 726.
 9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 776.
 10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 307.
 11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14.
 12. Российский государственный архив экономики. Ф. 1943. Оп. 2. Д. 504.
 13. Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935 г. М., 1936.
 14. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. Т.1. М., 1999.
 15. Узаконения и распоряжения по продовольственному делу за 1914-1917 гг. Ч.1. Петроград, 1917.
 16. Челябинская область. 1917 – 1945 гг. Сборник документов и материалов / Под ред. П.Г. Агарышева. Челябинск, 1998.
- Литература:**
17. Lewin M. Russian Peasants and the Soviet Power. L., 1975.
 18. Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York: Panteon Books, 1985.
 19. Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения: очерки. М.: Наука, 2002.
 20. Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е., Лабузов В.А. Аграрное развитие продовольственное обеспечение населения Урала. 1928 – 1934 гг. М., 2009.
 21. Борисенко Е.Н. Продовольственная безопасность России (Проблемы и перспективы). М., 1997.
 22. Буздалов И.Н. Аграрные преобразования в России // Общественные науки и современности. 1998. № 6. С. 27-39.
 23. Буздалов И.Н. Теория аграрных отношений: современная представления // АПК: экономика и управления. 2002. №6.
 24. Голод в СССР. 1930 – 1934 гг. М., 2008.
 25. Гордеев А.В. Продовольственное обеспечение России (вопросы теории и практики). М.: Колос, 1999.
 26. Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб.:Алетейя, 2010.

27. Давыдов М.А. К вопросу о потреблении населения в России в конце XIX – начале XX в. // Российская история. 2009. № 2.
28. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. М., 2011.
29. Дэвис Р.У. Советская экономика в период кризиса. 1930 – 1933 // История СССР. 1991. № 4.
30. Wheatcroft S.G. The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels // Slavic Review. Vol. 58. 1999. Spring, № 1.
31. Дэвис Р.У., Уиткрофт С.Г. Годы голода. Сельское хозяйство СССР. 1931 – 1933. М., 2011.
32. Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930-1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006.
33. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (Начало 30-х годов). М.: Интерпракс, 1994.
34. Каракулов Д.В. Голод 1921 – 1922 гг. на Урале // Отечественная история: взгляд из XXI века: сб. науч. ст. Екатеринбург: УрГПУ, 2012. С. 55 – 60.
35. Кондрашин В.В. Голод 1932 – 1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.
36. Корнилов Г.Е. Аграрная модернизация России в XX в.: региональный аспект // Уральский исторический вестник. 2008. № 2.
37. Корнилов Г.Е. Трансформация аграрной сферы Урала в первой половине XX века // XX век сельская Россия: российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Токио, 2005.
38. Крестьянство Зауралья в 1929 – 1941 гг. Курган, 1992.
39. Левин М. Режимы и исторические процессы в России XX в. // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства. Международный симпозиум 12-14 января 1996 г. М., 1996. Манкевич М.К. Динамика земледельческого производства в Пермской губернии в конце XIX – начале XX в. // Великие реформы 1860 – 1870-х гг. и аграрная Россия: сб. ст. VI международной научно-практической конференции. Оренбург, 2011. С. 92 – 99.
40. Манкевич М.К. Хлебозапасные магазины в Пермской губернии в конце XIX – начале XX в. // Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII – XX вв.: макро- и микропроцессы: сб. ст. Оренбург, 2010. С. 411 – 412.

41. Маслаков В.В. Концепция системы продовольственной безопасности индустриально-аграрного района (на примере Урала и Сибири). Екатеринбург: УрО РАН, 1998.
42. Милосердов В.В. С чужого стола не прокормишь // Российская Федерация сегодня. 2008. №15. С. 29-31.
43. Миронов Б.Н. Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.? // Уральский исторический вестник. 2008. № 3 (20).
44. Миронов Б.Н. Модернизация имперской России и благосостояние населения // Российская история. 2009. № 2.
45. Нефедов С.А. Влияние революции 1917 г. на динамику потребления пищевых продуктов // Уральский исторический вестник. 2008. № 3 (20).
46. Нефедов С.А. О связи демографических показателей и потребления в России конца XIX – начала XX в. // Российская история. 2009. № 2.
47. Нефедов С.А. Уровень жизни населения в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 5.
48. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927- 1941. М., 1998.
49. Продовольственная безопасность России: материалы международной конференции. М.: Информационный бюллетень МИД РФ, 2002.
50. Пьянков С.А. Динамика производства в крестьянском хозяйстве Пермской губернии конца XIX – начала XX в. // Новейшая история России в образовательном пространстве школы и вуза: традиции и новации. Ч. 2. Екатеринбург: УрГУ, 2009. С. 213 – 218.
51. Пьянков С.А. Крестьянское хозяйство Пермской губернии в конце XIX – XX века: автореф. ... канд.ист. наук. Екатеринбург, 2010.
52. Роднов М.И. Третья Россия (о крестьянстве и не только) // Российская история. 2009. № 2.
53. Рябова Т.Ф. Экономическая безопасность: продовольственная безопасность: термины и определения: словарь. М., 2001.
54. Семин А.Н. Обеспечение продовольственной безопасности требует системных подходов // Ресурсы регионов России. 2000. № 2.
55. Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Петроград, 1922.
56. П.А. Сорокин выделил две основные формы голодания. Первая – это, по сути, абсолютный голод, возникавший вследствие полного

прекращения поступления пищи в организм. В качестве второй формы голодания он выделил относительное (недефицитное), разделяя его на социально-относительное и индивидуально-относительное. Показателем социально-относительного голодания в обществе служит величина его имущественной дифференциации. Под индивидуально-относительным голоданием им понималось уменьшение количества и ухудшение качества пищи в рационе конкретного индивида. См.: Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003.

57. Тарханов А.В. Продовольственная безопасность: состояние, проблемы и решения // Национальные интересы: приоритеты и безопасности. 2010. № 29.

58. Татаркин А.И., Романова О.А., Куклин А.А., Чуканов В.Н. Экономическая безопасность региона: единство теории, методологии исследования и практика. Екатеринбург: УрГУ, 1997.

59. Таугер М. Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1995.

60. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001.

61. Шмелев Г.И. Продовольственная безопасность России: пути достижения // Проблемы прогнозирования, 1999. №1.

УДК 37.034

ББК 4108.2

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

Г.А. Кругликова

Екатеринбург

**КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОГО
ГОРОДА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культурный потенциал, нравственные ценности, воспитание молодежи.

АННОТАЦИЯ: В статье обобщены научные подходы определения категории «культурный потенциал». Определены элементы культурного потенциала, факторы, влияющие на его формирование. Изложены подходы к формированию нравственных ценностей молодежи.

G.A. Kruglikova

Yekaterinburg

CULTURAL POTENTIAL OF THE MODERN CITY AS A FACTOR IN THE FORMATION OF MORAL VALYES OF YOUTH

KEY WORDS: cultural potential, moral values, education of youth.

ABSTRACT: This article summarizes the scientific approaches in determination of the category of "cultural potential". The elements of the cultural potential and factors that have influence on its development were found. The approaches of the formation of moral values of youth were expounded.

Современная ситуация в России, характеризующаяся большими социальными изменениями, интенсивностью социально-экономических и социокультурных процессов, обостряет проблему формирования нравственных качеств личности вообще и молодого поколения, в частности. В последние годы XX вв. произошло изменение привычного образа жизни людей. Разрушение государственной системы воспитания молодежи, исчезновение общественных организаций, занимавшихся нравственным воспитанием (пионерская организация, комсомол) вызвали большие проблемы в социокультурной жизни страны. Это нашло отражение в обесценивании традиционных нравственных ориентиров, «бескультурия» молодежи, распространении «массовой» культуры, и, как следствие этого, появления ожесточенности, роста преступности и насилия.

Настоящая социальная ситуация российского общества оценивается учеными как кризисная. Она сопровождается усилением социальной напряженности, потерей многими людьми ценностных ориентиров, наступлением состояния аномии, при котором «старые ценности уже во многом не работают, а новые еще не заработали в полную силу, так как находятся в состоянии формирования, или утверждения». В сегодняшнем российском поляризованном обществе, характеризующемся материальным и социальным расслоением, противоречивость ценностных детерминант усложняет процесс воспитания молодежи, затрудняет культурное воспроизводство, под которым понимается передача ценностей и норм культуры от поколения к поколению.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что духовное обнищание населения и, прежде всего молодежи, происходит при наличии в стране неисчерпаемого культурного потенциала, накопленного предшествующими поколениями. Историко-культурное наследие, которым может гордиться наша страна, к сожалению, в большинстве своем находится в плачевном состоянии, нуждается в особой заботе и внимании, как со стороны общества, так и со стороны государства.

В настоящее время приходит понимание того, что в XXI в. важнейшим элементом национального богатства становится не столько земля и капитал, сколько духовный потенциал общества. Мера культурности общества может быть определена только при оценке культуры индивида как носителя культурного потенциала, живущего в этом обществе и составляющего нравственный ресурс социума, города, страны в целом.

Перед современным российским обществом возникает ряд вопросов, которые позволяют сформулировать проблемную ситуацию. Какими характеристиками и свойствами обладает культурный потенциал? Каковы возможности и перспективы повышения качества культурного потенциала? Возможно ли использовать культурный потенциал для формирования нравственных качеств молодежи?

Воспитание нравственности возможностями культуры, через эстетическое образование обосновали в своих трудах видные деятели науки и искусства: Д.С. Лихачев, Н.К. Рерих, Л.С. Выготский, Д.Б. Кабалевский, Б.Д. Неменский, Н.Г. Чернышевский, К.Д. Ушинский и др. Они считали, что овладение культурным наследием прошлого способствует развитию творческих способностей, учит сопереживанию, эмоциональному восприятию окружающей действительности, формирует потребность строить жизнь по законам красоты.

Прежде всего, определимся с толкованием понятий «потенциал», «культура», «культурный потенциал». Термин «потенциал» происходит от латинского *potencia* - «сила», и в общем виде трактуется как «совокупность средств, возможностей в какой-либо области...» [2. С. 395].

- потенциал культурный - условный показатель, отражающий способность культуры к функционированию, выживанию и развитию при оптимальных социально-экономических условиях той или иной страны [3. С. 391].

- культурный потенциал - это совокупность материальных памятников, научных идей и теорий, религиозно-философских и нравственных учений, общий уровень достигнутой населением грамотности, образования и квалификации, творческая способность данного народа решать проблемные ситуации культурного и духовного плана [1. С. 670-671].

В современной литературе исследователи Г.А. Аванесова, Т.Г. Богатырева, Р.С. Гринберг, В.А. Квартальнов, В.Р. Кузьмин, Ф.Ф. Рыбаков, А.Я. Рубинштейн, С.А. Севастьянова, Г.Л. Тульчинский рассматривают лишь некоторые элементы культурного потенциала региона. В работах практически без определения самой категории «культурный потенциал» как таковой изучаются проблемы использования составляющих в качестве факторов социально-экономического развития региона.

С.А. Севастьянова в монографии «Региональное планирование развития туризма и гостиничного хозяйства» дает определение историко-культурного потенциала, который она характеризует как включающий в себя всю местную социокультурную среду – язык, обычаи, традиции, верования, особенности бытовой и хозяйственной деятельности [9].

Рассматривая культурный потенциал современного города, Т.Р. Азиулина ограничивает его определение рамками фактора формирования нравственных ценностей молодежи. Культурный потенциал интерпретируется ею как комплексное многоуровневое образование, основанное на психической структуре личности, содержащее в себе также ценностно-ориентационные и мотивационные компоненты [4].

Изучая культурный потенциал в рамках исследования городской среды, В.М. Глазычев определяет культурный потенциал города как «меру способности городского сообщества создавать вновь и поддерживать условия своего развития, ...способность городского сообщества к развитию через осознание самого себя» [5].

На сегодняшний день имеется ряд исследований, посвященных изучению влияния культурного потенциала региона, однако эти исследования носят социологический, философский характер [10]. Недостаточно проработаны, на наш взгляд, вопросы, рассматривающие влияние культурного потенциала на формирование нравственных ценностей молодежи при условии взаимодействия, взаимозависимости всех институтов общества: семьи, школы, СМИ, религии, армии и т.д.

Авторы едины в том, что значительным ресурсом многоуровневой личностной идентичности является качество культурного потенциала, актуализация которого поможет приобщить молодое поколение к историко-культурным ценностям, воспитать чувство патриотизма, транслировать опыт старшего поколения, повысить уровень социального воспроизводства.

Культурный потенциал вбирает в себя многие категории культурного процесса. Это и культурное наследие, доставшееся городу, поселку от предыдущих поколений, а также современные культурные достижения, активно используемым местным населением в качестве нравственных ориентиров. Объекты культурного потенциала, признанные нематериальным культурным наследием и памятниками истории и культуры, в совокупности представляют культурное наследие. На данные объекты (находящиеся как в государственной: федеральной и муниципальной, так и в частной собственности) распространяются правила государственной охраны, в связи с чем, они подлежат обязательному сохранению и включению в единый государственный реестр.

Культурное наследие в совокупности с возможностями, запасами, средствами и источниками и образует культурный потенциал. Его содержание шире понятия ресурсный потенциал культуры и искусства, определяемое как совокупность культурного наследия с производственными ресурсами культуры.

Культурный потенциал города состоит и из системы религиозных, морально-нравственных, художественно-эстетических ценностей. Духовно-материальное выражение этих ценностей – в произведениях искусства, религиозных, этических трактатах и т.д., а духовное – в сознании людей. К культурному

потенциалу относятся так же организации, институты, люди, деятельность которых связана с распространением этих ценностей, с морально-нравственным, религиозным, эстетическим воспитанием.

По мнению О.К. Луховской «культурный потенциал следует определять как достаточно сложную по своему содержанию категорию, включающую в себя целый ряд не менее сложных по содержанию элементов. Нематериальные ресурсы включают нематериальное культурное наследие — обычаи, знания, навыки, предметы, культурные пространства, признанные сообществами в качестве культурного наследия, проявляющиеся в таких областях как устные традиции, исполнительские искусства, обычаи, обряды, празднества; знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами. В совокупности своей они представляют высокое экономическое значение для практических областей культурной, а точнее сказать, художественной деятельности разных исторических периодов [7].

Существует система внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние, как на отдельные компоненты структуры, так и на качество культурного потенциала в целом. К внешним факторам относятся социальные, политические, экономические условия жизни общества. Под внутренними факторами подразумеваются физиологические особенности индивида, его психологические особенности — темперамент, склонности, поведенческие модели [6].

Роль элементов (факторов) культурного потенциала, влияющих на формирование нравственных ценностей, играют такие социальные институты как семья, школа, молодежная среда и такие духовные детерминанты, как система образования, наука, искусство, политика, религия. Социальные механизмы влияния культурного потенциала города на формирование нравственных ценностей молодежи обусловлены не только городскими возможностями, но и особенностями людей молодого возраста, принадлежащих к различным стратам, с вытекающим отсюда неравенством в доходах, степени власти, образовании.

В условиях современного города формируется молодое поколение — особая социальная общность, характеризующаяся не

только специфическим статусом, но и субъективными характеристиками. Для современной молодежи, с одной стороны, характерны индивидуализм, рационализация мышления, меркантильность, размытость сформированных нравственных ценностей, детерминированных необходимостью адаптации к быстро меняющимся социально-экономическим условиям. С другой стороны, формируется слой юношества, имеющий свою ценностную систему, свои цели: стремление к совместной деятельности для большей адаптивности; толерантность к иным вероисповеданиям и видам деятельности; открытость, высокая информированность, широта интересов, приверженность к общечеловеческим ценностям.

В основу определение «культурного потенциала» закладывается особое свойство составляющих его элементов - способность удовлетворять все потребности общества. От позиции молодого поколения во многом зависит судьба и благополучие России, а, значит, каждого ее жителя.

Важность нравственного образования и воспитания молодежи на основе имеющегося в обществе культурно-нравственного потенциала отмечал К. Манхейм: «Статичные общества, которые развиваются постепенно при медленном темпе изменений, опираются главным образом на опыт старших поколений. Образование в таких обществах сосредоточено на передаче традиций, а методами обучения являются воспроизведение и повторение. Такое общество сознательно пренебрегает жизненными и духовными резервами молодежи, поскольку не намерено разрушать существующие традиции. В противоположность статичным, медленно изменяющимся обществам динамические общества, стремящиеся к новым стартовым возможностям, независимо от господствующей в них социальной и политической философии, опираются главным образом на сотрудничество с молодежью» [8. С.345].

Очевидно, что в современных социально-культурных условиях культурный потенциал города, региона становится одним из критериев качества жизни его населения, а развитие и актуализация этого культурного потенциала – фактором, определяющим настроения, взгляды, возможности общества к

культурному росту. Это формирование и проявление таких качеств как гуманизм, креативность, рефлексивность.

Влияние элементов культурного потенциала города на формирование системы нравственных ценностей неодинаково: первенство принадлежит малым группам (семья, круг друзей). Постоянно возрастающее влияние средств массовой информации как детерминанты инкультурации ставит их по силе воздействия на уровень малых групп. Недостаточно влияние таких компонентов культурного потенциала, как образовательные учреждения, религия, учреждения культуры.

В условиях большого города, в силу специфики его устройства, особенно сильное влияние на формирование нравственных ценностей молодежи как внешние факторы оказывают институциональные механизмы в силу того, что в городе есть возможности широкого выбора учреждений образования, досуга и культуры.

Несомненно, для эффективного функционирования системы необходимо моделирование оптимальных социально-экономических условий со стороны государства. Произойти это может только при условии дальнейшего развития демократических институтов, поиска новых форм сотрудничества членов общества и официальных структур, поощрения и мотивирования социальных инициатив, увеличения темпов социально-культурной модернизации. Работа этих организаций позволит выстроить единую модель, социализирующую личность, ориентированную на формирование свободной, самостоятельно, инициативной, гуманистичной, толерантной личности.

Источники:

1. Кравченко А.И. Культурология : словарь. М., 2000.
2. Словарь иностранных слов / Под ред. А.Г. Спиркина и др. М., 1985.
3. Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. Р/Д: изд. «Феникс», 1997.

Литература:

4. Азиулина Т.Р. Культурный потенциал современного города как фактор формирования нравственных ценностей молодежи (На

материалах города Набережные Челны): Дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2004.

5. Глазычев В.Л., Егоров М.М., Ильина Т.В. Городская среда. Технологии развития: настольная книга. М., 1995.

6. Давлетшина Д.М. Индикативно-кластерный анализ качества культурного потенциала молодежи в полиэтнической среде современной России (социологический аспект) : дис. ... докт. социол. наук. Саратов, 2012.

7. Луховская О.К., Чернышова О.А. Культурный потенциал как социально-экономический ресурс национального хозяйства. URL: <http://www.prugina.ru/books/oe-bashina/kulturnyi-potentsial-ka> (дата обращения 17.02.2013)

8. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: 1994.

9. Севастьянова С.А. Региональное планирование развития туризма и гостиничного хозяйства: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2007.

10. См.: Азиуллина Т.Р. Культурный потенциал современного города как фактор формирования нравственных ценностей молодежи (На материалах города Набережные Челны) : дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2004; Луховская О.К. Управление развитием культурного потенциала регионов России в современной экономике. М.: МГУКИ, 2008; Абреч С.И. Трудовая культура как фактор формирования духовного потенциала современной российской молодежи : Дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2010; Давлетшина Д.М. Индикативно-кластерный анализ качества культурного потенциала молодежи в полиэтнической среде современной России (социологический аспект) : Дис. ... докт. социол. наук. Саратов, 2012; и др.

УДК 631+330.856

ББК У321.

ГСНТИ 03.27

Код ВАК 07.00.03

В.Н. Лазуренко

Черкассы (Украина)

**ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ
КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ФЕРМЕРСКОГО
ТИПА УКРАИНЫ В ГОДЫ НЭПА**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: крестьянское хозяйство, фермерство, налог, продналог, налогообложения, крестьянство.

АННОТАЦИЯ: Раскрыты особенности налогообложения в годы новой экономической политики (1921 – 1929 гг.) экономически сильного – зажиточного крестьянского хозяйства Украины фермерского типа.

V. M. Lazurenko

Cherkassy (Ukraine)

**TAXATION PECULIARITIES OF PEASANT FARMS OF
FARMER TYPE IN UKRAINE DURING THE NEP**

KEY WORDS: peasant farm, farming, tax, food taxation, taxation, peasantry.

ANNOTATION: The focus is given to the peculiarities of taxation of Ukrainian well-off peasant farms in the years of new economic policy (1921 – 1929).

Налоговая система в период новой экономической политики (НЭПа) имела целью выполнение не только функции традиционного инструмента фискальной политики, но выступала и как средство политической борьбы партийной верхушки с «классовым врагом».

Налоговой политике советской власти в украинском селе в период НЭПа посвящен целый ряд исследований [9, 13, 15, 16, 18, 20, 21, 22]. По интенсивности, характеру и целям освещения вопроса в отечественной историографии данная проблематика рассматривается с начала 20-х годов XX в. В советский период через всем теперь известные причины, цензоры пристально следили за каждой печатной строкой. Как следствие такой

политики к рассмотрению запретных тем попали целые пласты и направления истории Украины. К запрещенным, или освещаемым только с односторонних принципов, принадлежала и проблема налоговой политики советской власти в украинском селе в годы НЭПа. Обусловлено это было прежде всего тем, что в традиционной советской историографии любого времени эти годы изображались исключительно в радостных, мажорных, беспроблемных тонах. Однако, реальное положение крестьянства, его экономические отношения с советской властью были далеки от изображаемой идиллии. Поэтому проблема налоговой политики советской власти в украинском селе в восстановительный период рассматривалась и освещалась только исходя из предустановленной единственно верной и единственно возможной точки зрения.

Мероприятия большевиков в налоговой сфере в годы НЭПа были направлены на раскол крестьянства, усиление антагонизмов на селе. Эти задачи успешно решались методами предоставления и отмены налоговых льгот, сроками уплаты налоговых платежей и др.

Формирование организационно-правовой основы налоговой системы в годы НЭПа началось с принятия двух документов – Декрета ВЦИК “О замене продовольственной разверстки натуральным налогом” от 21 марта 1921 г. и Декретом СНК “Приказ Совета Народных Комиссаров о проведении в жизнь основ новой экономической политики” от 9 августа 1921 г., который закрепил восстановление денежного обращения [19. С.53]. Принятию этих декретов, как известно, предшествовали соответствующие партийные решения. В частности, X съезд РКП (б), который состоялся на в марте 1921 г., утвердил резолюцию “О замене разверстки натуральным налогом” [4. С. 256 – 257].

Руководство УССР, хотя и имело свою точку зрения по внедрению НЭПа в Украине, однако, подчиняясь партийной дисциплине, чрезвычайная комиссия ВУЦИК 27 марта 1921 г. приняла почти созвучное по содержанию постановление о замене разверстки налогом. Вскоре, 29 марта 1921 г. это решение было утверждено Совнаркомом УССР [11. С. 56].

В целом отвечая ожидаемым чаяниям введенный продналог вместе с тем не мог сразу облегчить положение украинского крестьянства. К тому же более предприимчивая, а также и богатая часть крестьян-фермеров становилась объектом неприкрытого налогового давления со стороны КНС, на которые возлагался контроль за выполнением продналога на селе. На предвзятый подход к налогообложению сельского фермерства их ориентировали и официальные партийно-государственные документы. Так, на заседании Коллегии Видробитселю (отдела по работе на селе) ЦК КП (б) Украины от 29 апреля 1929 г. по результатам рассмотрения вопроса о комбедах было принято решение о том, что в основу выполнения закона о продналоге должно быть положено “увеличение прогрессии при установлении размеров продналога более состоятельных слоев” [8. С. 28].

Такое предвзятое отношение к системе налогообложения фермерских хозяйств заставляло их искать пути ослабления налогового давления, который подрывал экономическую основу их дальнейшего развития. Одним из распространенных способов избежания непомерных налогов стало сокрытие от налогообложения значительных земельных площадей, пользуясь незавершенностью и несовершенством землеустройства, особенно в начале 1920-х гг. Эта своеобразная форма протеста против несправедливого налогообложения наибольшее распространение получила в южных районах. Так, в 1921 г. в Кременчугской губернии не учтенными оказались 322 тыс. десятин земли, налог с которых составлял почти 1,3 млн. пудов зерна [3. С. 2].

Такое явление обеспокоило органы власти и 19 октября 1921 г. высший законодательный, распорядительный, исполнительный и контролирующий орган государственной власти УССР – ВУЦИК, принимает постановление “О мерах борьбы с сокрытием земли”. Согласно этому документу в республике создавались репрессивные органы – продревтрибуналы, на которые возлагались функции расследования фактов сокрытия земли и привлечения к ответственности виновных. При этом одним из главных критериев было социальное положение хозяйств, которые уклонялись от учета земли – чем богаче были их владельцы, тем мера наказания была выше. Например, рассматривая дело крестьян

села Дмухайловка Новомосковского уезда Екатеринославской губернии, выездная сессия такого продревтрибунала присудила более зажиточного крестьянина не только к уплате налога, но и конфискации коня, 5 овец, свиньи и 14 десятин земли. В аналогичной ситуации менее зажиточного односельчанина обязали лишь уплатить налог [2. С. 1].

Однако, несмотря на принятие репрессивных мер, сокрытие земли продолжало иметь место. В частности, в 1923 г. в Екатеринославской губернии было скрыто от учета 27% общей земельной площади [13. С. 1].

Декрет о едином сельскохозяйственном налоге в 1924 – 1925 сельскохозяйственном году продолжил линию на утверждение классового подхода в системе налогообложения.

Отличие нового закона от предыдущего заключалась в том, что делалась попытка учета не валовой, а чистой прибыли крестьянского хозяйства. Вместо валовой продукции хозяйства критерием налогообложения вводилась условно-чистая прибыль, то есть продукция ведущих отраслей сельского хозяйства – земледелия, животноводства, лугов и приусадебных земель, за исключением нужд на семена и корм для скота. Несколько усовершенствовалась техника начисления. В частности, в этом году вместо выделения групп с землеобеспечением на едока вводилась переменная шкала налогообложения. Суть ее состояла в том, что для каждой губернии, округа и района давались определенные интервалы, по которым облагается земля каждого едока. Например, для Киевской губернии были определены следующие интервалы налогообложения: первый – 0,25 десятины, второй – от 0,25 – до 1 десятины, третий – более 1 десятины. Начисление налога на хозяйство осуществлялось следующим образом: к земле в натуральном измерении добавлялось количество земли, полученной от перечислений по коэффициентам скота и сенокосов, а полученная сумма делилась на количество едоков [17. С. 35].

В декрете для каждой губернии было прописано ряд интервалов, ставок и коэффициентов согласования единиц учета поголовья скота с учетом земельных площадей. В свою очередь губернии областям, а округа для районов, а там, где возможно, и

для отдельных сел, могли применять ряды интервалов, эквивалентов и ставок других губерний, в которых та или иная административная единица ближе подходит по экономическим особенностями сельского хозяйства. Однако при этом сумма налога по губернии не могла меняться.

В 1924/1925 сельскохозяйственном году кроме прошлогодних критериев, по которым группировались налоговые группы в количестве 9, еще применялись критерии по обеспечению хозяйств скотом. По этому признаку были установлены следующие группы: 1) без скота, 2) с одной головой, 3) с двумя головами, 4) с тремя головами, 5) с четырьмя и более головами. Всего сформировано 45 групп.

В основе внедрения такого комбинированного формирования налоговой системы лежало стремление перенести часть налогового бремени на богатые слои крестьянства. Последствия внесенных с этой целью изменений наглядно видно на примере Одесской губернии (см. таблицу 1 [17. С. 34 – 39])

Таблица 1
Удельный вес налога, который приходился на группы хозяйств Одесской губернии по численности поголовья скота

Группы	Часть налога, который приходится на каждую группу (в %)		Разница
	1923/1924 г.	1924/1925 г.	
без скота	17,7	14,19	– 3,51
1 головами	17,6	15,27	– 2,33
2 головами	21,92	20,75	– 1,17
3 головами	23,05	24,67	+1,62
4 и больше головами	19,43	24,82	+ 5,39

Таким образом, 7% всего налога снято с первых трех групп крестьянских хозяйств (без скота, с одной головой и с 2 головами скота) и переведен на более крепкие хозяйства, которые имели по 3 – 4 и более голов скота.

Такая же ситуация имела место и в налогообложении крестьянских хозяйств по критерию обеспечения земель на одного едока. Внесенные изменения в систему налогообложения

облегчили участие малоземельных хозяйств, поскольку из шести низших групп снято 7,36% всего налога и переведены на три высшие группы. Во второй половине 1920-х гг. продолжалось усиление налогового давления на фермерские хозяйства. Если в 1927/1928 сельскохозяйственном году зажиточные крестьянские хозяйства с прибылью 900 и более рублей платили от 16,2% до 18,5% от суммы прибыли, то в следующем году сельскохозяйственный налог для этой категории крестьянских хозяйств увеличился до 20,2 – 22,5% [17. С. 123 – 124]. В отчете правительства УССР XI съезду Советов отмечалось, что в 1927/1928 сельскохозяйственном году недостаточно налогообложено верхушку села и особенно кулацкую его часть. Поэтому уже в следующем 1928/1929 сельскохозяйственного года были увеличены налогообложения доходов зажиточной части украинского села. В частности, введено индивидуальное (так называемое экспертное) налогообложение только для экономически сильных хозяйств. Зато малоимущие хозяйства освобождались от налога – сначала 25%, затем по постановлению юбилейной сессии ЦИК – 35% всех хозяйств Украины [1. С. 77]. Внедрение в жизнь этого налога происходило в сложных условиях. Представитель Наркомфина Зотов в докладе секретариату ВУЦИК отмечал, что руководители многих округов отрицали возможность обложить индивидуально-экспертным порядком 2,82% от общего количества крестьянских хозяйств (такую разнарядку для Украины определил СНК СССР). Газета “Вести ВУЦИК” по этому поводу писала: “Окрисполкомы не позаботились о том, чтобы создать достаточно авторитетные сельские учетные комиссии, обеспечив их классово-выдержанным составом и надлежащим руководством. Это привело к тому, что за исключением Киевщины, Проскурищины и еще нескольких округов, в начале кампании учет объектов налогообложения выполнен неудовлетворительно. Почти везде определенной части глитайства повезло затаить свои настоящие доходы, имущественное положение и избежать таким образом экспертного налогообложения” [5. С. 1]. Однако, выше партийно-государственное руководство страны не отступало. В январе 1928 г. советским правительством с целью дальнейшего скачивания с украинского села денежных ресурсов были введены

еще и самообложения сельского населения на культурные нужды села в сумме 30 млн. руб. Основная часть этой суммы опять же ложилась именно на зажиточный слой крестьянства [17. С. 124]. Как следствие, данные о налогообложении крестьянских хозяйств Украины в 1928/29 г. свидетельствуют, что налог с наиболее состоятельной группы крестьянства (с прибылью более 1 000 рублей) составил в среднем 332 руб., или 22,5% от полученной прибыли [14. С. 95]. Более того, уже летом 1929 г. для зажиточного крестьянства официально были установлены так называемые “твердые задания”. В реальной жизни это означало обязательную сдачу государству всего товарного зерна. За отказ хозяина двора от этой акции сельским советам предоставлялось право налагать в административном порядке на зажиточные хозяйства штрафы в пределах пятикратного размера стоимости запланированного количества зерна. Несостоятельность крестьянина уплатить совершенно не реальную сумму штрафа, угрожала продажей всего его имущества с аукциона. В случае же какого-либо сопротивления действиям советских органов в проведении подобного рода “хлебозаготовок”, по статьям 57 и 58 Уголовного кодекса УССР, кроме штрафных санкций, предусматривалась конфискация имущества двора и принудительное выселение всех его членов в отдаленные районы СССР. Нет ничего удивительного, что в ответ на это зажиточное крестьянство, а по их примеру и представители среднего и даже нижесредняцкой прослойки крестьянства начали массово прибегать к сокрытию зерна. Сначала его прятали в собственных хозяйствах, но впоследствии, после проведения грубых обысков дворов, зерно начали прятать за пределами населенных пунктов – в оврагах, лесах, в степи [10. С. 33]. В индивидуальном порядке советским государством в 1929/30 г. было обложено налогом 155 000 хозяйств зажиточного крестьянства, или 3,02% общего количества крестьянских дворов на Украине [17. С. 124]. Зажиточные крестьянские хозяйства фермерского типа не выдерживали такого непосильного налогового давления. Количество крестьян, которые использовали в собственном хозяйстве наемную рабочую силу, уменьшилась с 75,3% до 46,8%, а их посевы сократились на 18,7% [12. С.1242]. Поэтому вполне логично, что соответствующей степенью

уменьшилась и их производительность, а отсюда и вытекающая из нее товарность. В стране резко обострился продовольственный кризис. Ответственность за такое позорное состояние дел высшее советское руководство перевело на украинских фермеров.

В целом, в период нэпа налоговая политика советского государства по отношению к украинскому крестьянству, особенно в его наиболее производственно активному слою, определялась политической ситуацией и изначально имела откровенно предвзятый характер.

Партийно-государственное руководство УССР не было самостоятельным в принятии решений по проблемам политического и экономического развития республики и вынуждено было даже нередко, помимо своей воли, последовательно выполнять директивы ЦК РКП (б) и ее лидеров, собственно Сталина и его группы в партийном руководстве. Согласно их взглядам на экономику, развитие сельского хозяйства должно было полностью подчиниться общесоюзным директивам.

Начав в 1921 г. реорганизацию социально-экономической жизни украинского села на принципах новой экономической политики с пересмотра налоговой политики в целом, в пользу аграрного сектора экономики, советская власть, однако, очень быстро, фактически уже в первые годы НЭПа начала использовать налогообложения, как инструмент выкачивания финансовых ресурсов из крестьянских хозяйств, прежде всего, экономически активных, а отсюда и богатых. При этом власть не забывала и о финансовых манипуляциях, с целью раскола крестьянства на антагонистические социальные группы. В дальнейшем постоянный рост налогового давления в условиях все более откровенной ориентации на формирование совхозно-колхозной системы привело к свертыванию нэпа и перехода к внеэкономическим принципам хозяйствования, способных, по мнению Сталина и его группы в политбюро, обеспечить форсированную индустриализацию через неотъемлемую ее предпосылку – сплошную коллективизацию.

Откровенно направленная политики против зажиточных крестьянских хозяйств, которые своими экономическими успехами объективно демонстрировали огромные перспективы для

українського крестьянства в умовах збереження товарно-денежних основ функціонування сільського господарства, податкова політика радянського державства фактично свідомо вела до поступовому уповільненню темпів розвитку сільського господарства. Зажиточні крестьяне придушені надмірним податковим тиском, втрачали будь-який економічний інтерес до подальшого розвитку своїх господарств, що, крім того, вимагало від них причеи повсякденного величезного фізичного напруження. Це вело до знищення в крестьянині почуття господаря, перетворення його в політично несправного і економічно повністю залежного від тоталітарної системи виробника сільськогосподарської продукції в уже на момент їх виникнення фактично повністю огосударствлених будто-би колективних господарств.

Источники:

1. Два роки роботи уряду УСРР (1926/27 – 1927/28). Х. : Видання секретаріату ВУЦВК та управління справами РНК УСРР, 1929.
2. Коммунист. Харків. 1921. 17 декабря.
3. Комуніст. Харків. 1921. 16 грудня.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898 – 1970. М.: Политиздат, 1970. Т. 2. (1917 – 1924).
5. Секретаріат ВУЦВК про перебіг кампанії збирання єдиного с.-г. податку // Вісті ВУЦВК. 1930. 4 січня.
6. Селяньська правда. Харків. 1923. 27 березня.
7. Соловейчик С. О єдином сільсько-господарському податку // Бюллетень народного комісаріату земледілля УС.С.Р. 1924. № 47 – 48. С. 34 – 39.
8. Центральний державний архів громадських об'єднань України. Ф. 1. Оп. 20, спр. 843 (01 січня – 05 вересня 1921 року). 73 арк.

Литература:

9. Валенштайн А. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время. М.: Экономист, 1924.
10. Ганжа О. І. Опір селян становленню тоталітарного режиму в УСРР. К. : Ін-т історії України НАНУ, 1996.
11. Ганжа О.І. Україньське селянство в період становлення тоталітарного режиму (1917 – 1927). К. : Ін-т історії України НАНУ, 2000.
12. Голубничий В. Куркулі // Енциклопедія Українознавства. Львів : НТШ, 1994. Т. 4. С. 1241.

13. Гуревич М.Б. Прямое обложение сельского хозяйства Украины. Х., 1923.
14. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М.: Наука, 1979.
15. Денисовец П. М. Податкова політика радянської держави щодо селянства України // Український історичний журнал. 1982. № 6. С. 88 – 96.
16. Залесский М.Я. Налоговая политика советского государства в деревне. – М., 1940.
17. Игошина М. Продналог – составная часть НЭПа. Х., 1961.
18. Історія селянства Української РСР: В 2-х томах. Т. 2. К. : Наукова думка, 1967.
19. Калініченко В.В. Селянське господарство в Україні в період НЕПу: Історико-економічне дослідження. Х. : Основа, 1997.
20. Корновенко С.В., Лазуренко В.М. Село. Хліб. Гроші. Податкова політика радянської влади в українському селі у період НЕПу. Черкаси : Ваш Дім, 2004.
21. Кульчицький С.В. Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919 – 1928 рр.). К. : Основи, 1996.
22. Морозов А.Г. Село і гроші. Українська кредитна кооперація в добу НЕПу. Черкаси, 1993.
23. Пешехонов А.В. Сравнительная тяжесть натуральных налогов 1921 года для различных групп крестьянства. Х., 1922.

УДК 330.856

ББК У32-57

ГСНТИ 03.23.07

Код ВАК 07.00.09

Ю.Н. Лазуренко

Черкасы (Украина)

ПОБЕДА "МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКО-СТАЛИНСКОЙ" ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ УКРАИНЫ ЭПОХИ НЭПА В ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА 1920-Х – 1930-Х ГГ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сельское хозяйство, крестьянские хозяйства, исследования, производительные силы.

АННОТАЦИЯ: Проанализирована историография 1920-х – 1930-х гг. относительно особенностей освещения "марксистско-ленинско-сталинской" теоретико-методологической парадигмы развития

производительных сил крестьянских хозяйств Украины периода новой экономической политики.

Y. M. Lazurenko

Cherkassy (Ukraine)

**THE VICTORY OF "MARKS-LENIN-STALIN"
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PARADIGM
OF DEVELOPMENT OF PRODUCTIVE FORCES OF
PEASANT FARMS OF UKRAINE OF THE NEP EPOCH IN
THE LITERATURE OF LATE 1920'S – 1930'S.**

KEY WORDS: agriculture, peasant farms, research, productive forces.

ANNOTATION: Historiography of 1920's – 1930's relatively features of lighting of "marks-lenin-stalin" theoretical and methodological paradigm of productive forces development of peasant farms in Ukraine in the period of new economic policy is analyzed.

Научные исследования производительных сил сельского хозяйства Украины в период нэпа продолжались еще и в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Так, в 1928 г. при ВУАН была создана комиссия, которая непосредственно занималась изучением развития производительных сил сельского хозяйства Украины [23]. В том же 1928 г. была создана Комиссия по изучению народного хозяйства УССР под руководством К. Воблого. Эта комиссия подготовила научный сборник "Положение сельского хозяйства степной Украины". А уже в 1929 г. комиссия ВУАН по изучению природных богатств составила перспективный пятилетний план изучению производительных сил Украины. В 1930 г. был учрежден Институт социальной реконструкции сельского хозяйства в системе ВУАН. Как отдельную проблему указанные учреждения рассматривали вопросы согласования административно-территориального деления и экономического районирования, что было крайне необходимо для налаживания эффективного хозяйствования. Кроме этого, в 1929 г. был основан Научно-исследовательский институт социалистической реконструкции сельского хозяйства, который возглавил А. Шлихтер. Однако теоретическое обобщение опыта социалистического строительства на селе требовало более упрощенного подхода к изучению сельского хозяйства. В связи с проведением коллективизации и

изменением экономической доктрины партии институт реорганизовали в Бюро экономических исследований в 1934 г.

Для историографии период 1929 – 1930 гг. был переломным. Уже на XI съезде КП (б) У, который состоялся 5 –15 июня 1930 г. и фактически дублировал съезд ЦК ВКП(б), Г. Петровский беспартийно заявил следующее об "уклонах" в партии: "... съезд в своей работе проводил четко и решительно линию непримиримой борьбы с правым уклоном, с "левыми" изгибами и примиренчества к ним. С полной ясностью, без каких-либо замазываний, съезд обличал правый уклон, отражающий идеологию мелкобуржуазных глитаивских элементов, уклон представляет собой теперь главную опасность"[9]. Это означало, что все политические оппоненты и ученые-экономисты, которые не разделяли генеральной линии коммунистической партии, могли стать жертвами коммунистического режима. Такая же борьба проводилась и с крестьянством. "Борьба с крестьянством, которое делает кровлю из металла, устраивает молочное хозяйство или покупает лишнюю лошадь, подозрительное отношение к владельцам сеялки или молотилки, – писал экономист-эмигрант А. Югов, – является фактором, который задерживает развитие производительных сил сельского хозяйства. Какую бы отрасль сельского хозяйства не взять, всякое движение вперед достигается лишь после длительной, упорной борьбы крестьянства с политикой властей"[29. С. 205].

Обращают на себя внимание "Итоги Всесоюзной конференции аграрников-марксистов", опубликованные членом Президиума Госплана СССР А. Гайстером [5]. Он приводил темпы роста основных фондов в государственных и коллективных хозяйствах на уровне роста в 1927 г. на 18,9%, 1928 г. на 38,1%, 1929 г. на 62,2%, в 1930 г. на 100,4%; зато в частном секторе в 1927 г. на 6,4%, 1928 г. на 7,0%, 1929 г. на 6,9% [5. С. 18 – 19]. Но А. Гайстер приводил цифры по частному сектору, говоря о темпах накопления инвентаря. Однако фонды в сельском хозяйстве кроме инвентаря включают также здания, сооружения, сложную сельскохозяйственную технику и оборудование, скот, семена, корма и удобрения. Учитывая искусственное уничтожение рынка и кооперации, когда перед крестьянством была закрыта возможность

покупки новой техники, племенного скота, сортовых семян, удобрений, а власть всячески поддерживала коллективные хозяйства, возникает сомнение относительно аргументированности приведенных утверждений. Поэтому предложенная статистика не выдерживает критики. Но несмотря на это, результатом конференции стало провозглашение необходимости "решительного наступления на всех участках аграрной науки, где мелкобуржуазные взгляды и предубеждения находят все еще себе убежище" [5. С. 27].

В начале 1930-х гг. довольно основательно о динамике развития сельского хозяйства периода нэпа писали С. Косиор и М. Хатаевич [10]. Были работы, которые раскрывали реальное состояние развития производительных сил в сельском хозяйстве, особенно начального периода нэпа. Так, в общих работах М. Попова, Х. Миронера, М. Волина внедрение нэпа показано как выход КП(б)У из кризиса в начале 1920-х гг. Труды указанных авторов в общих чертах раскрывали также суть нэпа как экономического союза рабочего класса и крестьянства [3]. Е. Ярославский и М. Попов оценивали аграрную политику большевиков как исключительно советское явление, которое в значительной степени диктовалось послевоенной разрухой, проблемами в армии, ошибками в планировании [30].

С самого начала коллективизации внимание исследователей было обращено к ликвидации индивидуальных крестьянских хозяйств, особенно состоятельных, как "враждебных элементов" социализма. Сталин объяснил такую необходимость следующим образом: «...чтобы искоренить глубокие корни капитализма, уничтожить всякую основу для роста кулака как класса, нужно проводить эту ликвидацию на базе сплошной коллективизации. При этом создается на селе фундамент социалистической экономики и окончательно искореняются глубокие корни капитализма»[15]. Постановление СНК СССР от 21 мая 1929 г. конкретно выделяло признаки, по которым должны были определяться кулацкие хозяйства [28]. На XVI конференции ВКП(б) партийные деятели в большинстве поддерживали необходимость допущения зажиточных крестьян в колхозы, но только при условии выполнения ими всех внутренних распоряжений

коллективных хозяйств и сдачи всех средств производства [27. С. 336]. Эта точка зрения на дальнейшую судьбу "кулаков" нашла отражение и в историографии. О выгодах "использование" зажиточных крестьян при осуществлении коллективизации писал Э. Ильиных, В. Каврайский [6]. Но грабительская политика в отношении крестьянства не могла быть принята тружениками села, поэтому большинство зажиточных крестьян проигнорировали предложения власти. Следствием были сплошные репрессии против зажиточных крестьян, советская историография повесила на них несправедливый жупел "врагов народа". Призыв к "ликвидации кулачества как класса" все больше принимался во внимание как предмет исследований. Все невзгоды сельскохозяйственного производства, в том числе и неудачные попытки организации коллективных хозяйств в период нэпа, ложились тяжким бременем обвинения наиболее состоятельных слоев деревни [2].

Съезды партии в 1930-х гг. декларировали не сворачивание новой экономической политики, а ее продолжение, ведь "частная торговля и капиталистические элементы" еще оставались [27]. В связи с этим главное внимание ученых обращалось не к прошлому, а в "светлое коммунистическое будущее", достижения на пути строительства которого подчеркивались партийными и государственными функционерами с особым пафосом. Следует отметить, что особенно в 1929 – 1930 гг. выходит много аналитических статей и материалов, в которых проводится детальный анализ проблем и достижений в проведении коллективизации [4]. «От политики ограничения мы перешли к политике искоренения остатков капитализма в деревне, – констатировал Милютин, – в тех районах, где большое обобщественное сельское хозяйство действительно заслуживает названия сплошного хозяйства и где существование капиталистических элементов является ничем не оправданным» [18]. О наличии условий для коллективизации писало большинство советских ученых. Обращает на себя внимание, в частности, статья В. Аверьева "О двух этапах раскулачивания (1918 и 1929/30 гг.)" [1]. К предпосылкам коллективизации и раскулачивания он относил экономические и социально-политические причины.

"Раскулачивание текущего периода, – утверждал В. Аверьев, – обусловлено изменениями в производственной структуре села, а этот процесс глубоких производственных изменений требует строгого учета всех своих предпосылок, всех районных экономических особенностей" [1. С. 86]. Л. Крицман, другой известный исследователь, отмечал, что «колоссальный размах коллективизации стал общественно необходимым, когда оказался разрыв между теми требованиями, которые поставил перед сельским хозяйством пролетариат, в руках которого находилась государственная промышленность, и ограниченными возможностями расширения мелкого крестьянского хозяйства [...] огромный размах коллективизации значит [...] что происходит переход в направлении дальнейшего роста производительных сил по одному – социалистическому пути»[13. С.10, 17]. Кризис хлебозаготовок 1928 – 1929 гг. Я. Никулихин выводил от необходимости «расчистить путь быстрому росту производительных сил в хозяйстве СССР» [20. С. 52]. То есть, по убеждению большинства тогдашних ученых, развитие производительных сил и социально-классовая ситуация на селе полностью соответствовали необходимости кардинальных изменений производственных отношений. Итак, период нэпа принес значительный хозяйственный подъем, который позволил делать соответствующие выводы советским ученым.

Еще одной особенностью анализируемого нами историографического этапа исследования развития производительных сил сельского хозяйства Украины было обращение профессиональных историков к указанной проблеме с перманентной необходимостью, в зависимости от политической конъюнктуры и нужд партии. Чаще это делалось для объяснения текущего курса большевиков на коллективизацию. В этом контексте написаны работы С. Покровского [24], М. Калинина [8], Н. Рязова [26].

С развертыванием политики "коммунистического штурма" прогрессивные идеи организационно-производственного направления аграрно-экономической науки были оттеснены сначала на второй план, а потом и вовсе признаны ложными и враждебными коммунистическому режиму. Работы Л. Юрловского,

Н. Кондратьева, А. Чайнова, М. Макарова, О. Челинцева, В. Целлариуса, Н. Бухарина, став достижением истории экономической мысли, так и не были воплощенными на деле. Многих известных экономистов-аграрников отстранили от работы и репрессировали. Исследователи обвиняли известных ученых в контрреволюции, желании реставрировать капитализм [17].

Переломным этапом в развитии исторической науки безусловно была политическая победа Сталина. Именно она и определила на десятки лет традиции "классической" советской историографической школы. Так, уже первые советские работы 1930-х гг. по истории крестьянства в годы нэпа использовали выборочный подход к источникам [21]. Они и определили историографическую традицию 1930-х гг.

"Великий перелом" конца 1920-х гг. в сельском хозяйстве и форсированная индустриализация привели к тому, что историки обходили проблемы 1920-х гг., особенно когда вопрос стоял о других, не социалистических формах собственности. Авантюристическая политика и экономические преобразования Сталина направили советскую историческую и экономическую науки в лоно волюнтаризма и апологетики коммунизма, когда опыт предыдущего нэповского строительства или вообще не учитывался, или рассматривался через призму коллективизации. С 1938 г. государственные архивы перешли под ведомство НКВД СССР [17], что закрыло для научных исторические источники для изучения истории сельского хозяйства.

Литература:

1. Аверьев В. О двух этапах "раскулачивания" (1918 и 1929/30 гг.) // На аграрном фронте. 1930. № 6. С. 82 – 93.

2. Азизян А.К. Аренда земли и борьба с кулаком. М.-Л.: Государственное издательство, 1929.

3. Волін М. Історія КП(б)У в стислому нарисі. Х. : Держвидав "Пролетар", 1931.

4. Гайстер А. На крутом переломе // На аграрном фронте. 1930. № 3. С. 3 – 14;

5. Гайстер А.И. Итоги Всесоюзной конференции аграрников-марксистов // На аграрном фронте. 1930. № 1. С. 17 – 36.

6. Ильин Е.И. Колхозы РСФСР и перспективы их развития. М.-Л.: Государственное сельскохозяйственное издательство "Сельхозгиз", 1930.

7.Каврайский В.А., Нусинов И.С. Классы и классовая борьба в современной деревне. – Новосибирск : Сибкрайиздат, 1929.

8.Калинин М.И. О советской торговле. М.: Партийное изд-во. 1932.

9.Кінцева промова т. Петровського на закритті XI з'їзду КП(б)У // Вісті ВУЦВК. 1930. 17 червня. С. 1.

10. Косіор С.В. Підсумки хлібозаготівель і завдання КП(б)У в боротьбі за піднесення сільського господарства // Більшовик України. 1933. № 3. С. 21 – 66.

11. Красавин Н. Борьба кондратьевцев за столыпинскую политику землеустройства// На аграрном фронте.1931. № 1. С. 8 10.

12. Красавин С.Н.Первые итоги сплошной коллективизации // На аграрном фронте. 1934. № 12. С. 34 – 51.

13. Крицман Л. Решающий этап коллективизации // На аграрном фронте. 1930. № 5. С. 3 – 24.

14. Лаптев И.Д. Советское крестьянство. М. : Сельхозгиз, 1939. Лур'є Д. Розвиток ленінської аграрної теорії в працях Сталіна // На аграрному фронті. 1934. № 1 С. 17 – 30.

15. Любошиц Л. Программа капиталистической реставрации и теория равновесия // На аграрном фронте. 1930. № 10. С. 50 – 62.

16. Максаков В.В. История и организация архивного дела в СССР (1917 – 1945 гг.). М.: Наука, 1969.

17. Милютин В. Колхозный и индивидуальный сектор // На аграрном фронте. 1930. № 4. С. 3 – 8.

18. Милютин В. Контрреволюционное вредительство в сельском хозяйстве // На аграрном фронте. 1930. № 9. С. 3 – 14.

19. Никулихин Я. Борьба на два фронта // На аграрном фронте. 1930. № 5. С. 46 – 65.

20. Никулихин Я.П. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства в первой пятилетке. М.: Партиздат. 1934.

21. О порядке применения Кодекса законов о труде в кулацких хозяйствах. Постановление ЦИК и СНК СССР. 20.02.1929 // Собрание Законов Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР. 1929. № 14. С. 117.

22. Палладін О.В. Академія наук Української Радянської Соціалістичної Республіки 1919 – 1944. К. : Вид-во АН УРСР, 1945.

23. Покровский С. О нэпе и о новом этапе. Л. : Прибой, 1930.

24. Попов Н.Н. Очерк истории Коммунистической партии (большевиков) Украины. Х. : Пролетарий. 1928.

25. Ряузов Н. Вытеснение частного посредника из товарооборота. М.: Гос. планово-хозяйственное изд-во, 1930.

26. XVI съезд ВКП(б). Стенографич. отчет. 1 изд. Государственное издательство, М.-Л., 1930.

27. Хатаевич М.М. Завдання більшовиків України в боротьбі за хліб, за організаційно-господарське зміцнення колгоспів та за піднесення сільського господарства // Більшовик України. 1932. № 21 – 22. С. 1 – 20.

28. Югов А. Пути развития сельского хозяйства (Из книги “Народное хозяйство Советской России и его проблемы”. Берлин, 1929) // НЭП: Взгляд со стороны: Сб. ст. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 202 – 219.

29. Ярославский Е. Ленин и нэп // Борьба классов. 1931. № 1. С. 12 – 24;

УДК 321.015

ББК ТЗ(2)513

ГСНТИ 03.23.31

Код ВАК 07.00.02

Ю.В. Лаптева

Екатеринбург

ПРОЕКТ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

С.Е. ДЕСНИЦКОГО

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: разделение властей, закон, монарх, законодательная власть, «судительная» власть, «наказательная» власть.

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются основные идеи проекта С.Е. Десницкого, а также цель, идеал и структура государственного устройства. Поднимается актуальная для второй половины XVIII в. проблема роли закона в государстве. Анализируются политические предпочтения мыслителя.

J.V. Lapteva

Yekaterinburg

**THE DESNITSKIY'S PROJECT OF SEPARATION
OF POWERS**

KEY WORDS: separation of powers, the law, the monarch, the legislative power, «judicial» power, «nakazatelny» power.

ANNOTATION: The article considers the main idea of the Desnitskiy's project, as well as its purpose, ideal and structure of the state of the device. Rises relevant for the second half of the XVIII century the problem of the role of the law in the state. Political preferences of the thinker are analyzed.

Во второй половине XVIII века Семён Ефимович Десницкий, профессор права Московского университета, активно работал над проблемами закона. Творчество С.Е. Десницкого нашло отражение в обобщённых исторических трудах, посвящённых общественно-политической мысли [3. С. 74-75; 17. С. 217-230; 20. С. 213-215]. Исследование жизненного и творческого пути Десницкого представлено в трудах Н.М. Коркунова [16] и П.С. Грацианского [14], вышедших в конце XIX и XX веках соответственно. Коркунов заострил внимание на преподавательской деятельности Семёна Ефимовича и её роли в развитии русского правоведения, Грацианский анализировал идеи Десницкого на предмет критики общественного и государственного строя России. Современные статьи обходят принципы разделения властей в трудах Десницкого [18. С. 94-96; 19. С. 86-91]. До сих пор нет труда, раскрывающего, в полной мере, особенности его общественной деятельности и социально-политические идеи.

Сложной проблемой, не имеющей в историографии однозначного решения, остаётся отношение С.Е. Десницкого к монархии. Мыслителя приписывают то к сторонникам, защитникам самодержавного строя, желавшим адаптировать идеи разделения властей к монархии [15. С. 376], то к её критикам, противникам, стремившимся изменить форму правления [3. С. 74-75]. Грацианский отрицал наличие принципа разделения властей в проектах мыслителя. Следует заметить, что Десницкий, рассматривая в своих работах происхождение власти, собственности, семьи, роль государя в обществе, выражал политические идеалы, где ключевую роль играла идея примата законов в государстве.

Осуществление данного политического идеала С.Е. Десницкий мыслил через улучшение государственной системы. Многократно обращаясь к вопросам разделения властей и роли закона, автор подчеркивал, что данные идеи присущи всем просвещённым государствам, воплощены в жизнь, действуют и свидетельствуют об уровне просвещения народа [11. С. 154]. В 1768 году он предлагает политический проект для Уложенной комиссии. «Представление о учреждении законодательной,

судительной и наказательной власти в Российской империи» [7. С. 99-121] включает в себе политическую программу, идеал государственного устройства, выраженный в конкретных мероприятиях по преобразованию системы управления. Рассмотрим данный проект.

«Представления» имеют четкую логичную структуру: вначале документа традиционное хвалебное обращение к императрице; введение, где автор раскрывает основной смысл проекта; разделы о законодательной, судительной, наказательной и гражданской власти, разделённые на параграфы; пакет приложений. Во введении С.Е. Десницкий указывает цель создания проекта, теоретическую базу рассуждений и особенности внедрения данной политической программы в России. «Законы делать, судить по законам и производить суд во исполнении – сии три должности составляют три власти, то есть законодательную, судительную и наказательную, от которых властей зависит всё почти чиновложение и всё главное правление в государствах» [7. С. 101]. При первом упоминании о принципе разделения властей автор ссылается на Ш.Л. Монтескье, который разработал выдвинутую Дж. Локком идею [4. С. 76-97; 5. С. 26-34]. Десницкий уточнял, что данная идея была подвержена адаптации условиям России. Успех внедрения проекта рассматривался через четкое распределение юрисдикций властей, а также контроль за их деятельностью, при этом каждая из ветвей власти должна ограничивать другую. Адресуя проект Уложенной комиссии, мыслитель настаивал, что разделение властей должно стать главной её миссией.

Нельзя согласиться с утвердившейся точкой зрения П.С. Грацианского, который, подчёркивая роль монарха в предполагаемых государственных структурах, отвергает, что Десницкий выступал за разделение властей [14. С. 72]. Безусловно, Семён Ефимович, называя функции каждой из властей, оговаривал, что воля государя может влиять на ход дел. Тем не менее, в проекте подчёркивается, что «главное правление» также зависит от создаваемых властей, а ветви власти взаимно ограничивают друг друга.

При рассмотрении вопросов законодательной власти С.Е. Десницкий уделял внимание её функциям и органу, представляющему эту власть. По мысли автора, законодательная власть, которая по степени важности ставилась на первое место, должна: во-первых, издавать новые законы, поправлять и дополнять действующие, уничтожать устаревшие [7. С. 102], поскольку закон – это главный показатель уровня развития страны [11. С. 153]. Во-вторых, контролировать налоговую систему. В-третьих, осуществлять внешнюю политику. В-четвёртых, рассматривать апелляции [7. С. 102].

Далее мыслитель конкретизирует численность, состав и способ избрания Правительствующего сената. По его мнению, «обширность» территории России порождает необходимость в 600 или 800 выборных членов. Выборы должны идти как по территориям, так и по принципу сословного представительства. В идеале каждый человек по средствам своего представителя должен иметь возможность донести свою волю до правительства. Для участия в голосовании предполагался имущественный ценз. Однако сенатором мог стать представитель любого сословия, который в состоянии жить на своём иждивении пять лет, поскольку главным стимулом к несению данных обязанностей должно быть не жалование, а престиж должности и желание послужить «общему благу» [7. С. 102-104].

Описывая функции Сената, Десницкий так же уточнял роль государя. Основной вид деятельности данного органа власти – создание законов. Сенат заседает полным составом, каждый имеет право голоса. Закон, за который проголосовало большинство сенаторов, должен быть представлен монарху, принимающему конечное решение [7. С. 105]. Автор приводит примеры государственных систем Великобритании и Франции, где, напротив, любой указ правителя может быть воплощён в жизнь исключительно с согласия парламента. Факт нахождения Российского государя выше законов, мыслитель объясняет тем, что этого «требует» «монаршеское состояние» и «целость отечества» [7. С. 105]. Автор не даёт оценки такой системы, однако его мысли о совершенстве государственного устройства Великобритании (С.Е. Десницкий был хорошо знаком с политической системой

Великобритании, он проходил обучение в Глазго. В документах Московского университета представлена его переписка [10], и узаконение в отечестве «совсем противное сих государств установлениям», наводит на мысль о несоответствии его политического идеала и существующего в России строя.

Автор указывал, что в сенаторской должности, в деле служения государству, должны быть уравнены дворяне и разночинцы, духовные и светские чины, поскольку сенаторы представляют не частные интересы, а «целого отечества пользу и благосостояние», «надзирателем и судьёй», примиряющим возникающие споры является государь [7. С. 106]. Следует отметить, что во второй половине XVIII века приоритет в занятии столь значимых должностей, чаще всего, отдавался дворянам. Объяснение этому мыслители давали разное. Например, М. М. Щербатов настаивал на «праве рождения» [12. С. 360-369], Н. И. Панин и Д. И. Фонвизин на первый план выдвигали критерий постоянной работы с законами, знания прецедентов [1. С. 5-6; 8. С. 264-265]. Десницкий, определяя лица, которые могут заниматься разработкой законов, акцентировал внимание на принципе долженствования. Главное не положение человека, а его долг перед отечеством, и, соответственно, государства перед народом.

В предложениях о «судительной» власти Семён Ефимович уделял внимание проблемам территориального размещения, состава, функций судебных чинов, механизму рассмотрения дел, компетентности судей, их жалования и срока полномочий. Мыслитель полагал, что судебная власть по причине «обширности Российской империи» должна быть «распределена» по всей стране, для этого необходимы 12 человек на определённую территориальную единицу: генерал-адвокат, четыре «криминальных» и семь «тяжебных» генералов-судей. Десницкий подчёркивал принципы действия судов: во-первых, вся работа должна строиться исключительно на законе, во-вторых, все равны перед судом вне зависимости от положения человека в обществе, в-третьих, публичность, в-четвёртых, деятельность суда присяжных [7. С. 108-109]. По мнению мыслителя, это не только увеличило бы эффективность работы судов, но и повысило бы

правовую грамотность народа, чему он отводил важную роль в судебной системе [13. С. 235; 11. С. 233].

Большое внимание в проекте уделялось вопросам личностных качеств, знаний и подготовленности судей. Судья – это, прежде всего, человек с высокими моральными принципами, обладающий разносторонними знаниями, с «полным университетским воспитанием». Прежде чем стать судьёй, необходимо получить опыт работы с законами, а затем доказать свои способности, быть «исследованным во всём и засвидетельствованным», т.е. сдать экзамены, назначить на должность при этом может только монарх [7. С. 110]. Оговаривая обязанности судей по отношению к отечеству, С.Е. Десницкий останавливался также на условиях, которые должно предоставить государство. Для обеспечения полной безопасности и независимости судья должен назначаться на пожизненный срок, с властью судить по закону без права апелляции на его решения, и с соответствующим рангу жалованием [7. С. 112].

Таким образом, идеал функционирования судебной власти – решение всех дел на основании закона, «справедливость правосудия», отсюда «благосостояние отечества». Важно заметить, что мысли Десницкого о публичности судебного процесса, о предоставлении судьям максимума независимости посредством пожизненного назначения, суд присяжных найдут воплощение только в Судебных уставах Александра II в 1864 г. [6. С. 176-410].

Функции третьей ветви власти, «наказательной», по проекту Десницкого заключались в осуществлении порядка на местах. Монарх пользуется исключительным правом назначения подотчётных ему воевод, такое положение, по мнению мыслителя, должно обезопасить их от влияния знатных людей. Кроме того, любой человек должен иметь право подать жалобу на воеводу в суд, который доведёт дело до Сената, а монарх примет по нему решение. Функции воеводы, по мысли автора, заключаются в следующем: во-первых, «спокойство и тишину наблюдать», заниматься арестами преступников; во-вторых, содержать тюрьмы и приводить в исполнение смертельные приговоры; в-третьих, собирать пошрины с населения, в том числе и подушные [7. С. 114].

Десницкий оговаривал условия, которые должно предоставить воеводе государство, а именно: количество помощников, жалование, предоставление дома за счёт «казны». Строгое исполнение обязанностей обеспечивалось и отрицательными санкциями: «строгое истязание», штраф или «наказание произвольное монаршее в правительствующем сенате» [7. С. 116] за неисполнение обязанностей. Таким образом, автор, рассматривая принципы обеспечения порядка на местах, уделял внимание, как обязанностям воеводы, так и условиям, предоставляемым со стороны государства.

Мыслитель предлагал создать ещё одну «власть» для столичных городов – власть «гражданскую», представители которой решали бы насущные экономические, социальные задачи, а так же вопросы обустройства города: осуществлять «вексельные дела», контролировать установление цен на продукты, собирать пошлины, наблюдать за строительством, заниматься ремонтом дорог. Идеалом функционирования данного вида власти по Десницкому является быстрое решение текущих дел, включение в работу на добровольной основе [7. С. 119]. Функции «гражданской» власти, перекликаются с кругом обязанностей, которые были предусмотрены для полиции в Уставе благочиния А.А. Безбородко [9. Л. 7-12]. Однако в «Уставе» полицейские функции расширены до исполнительной власти: не только наблюдение «благочиния», «добронравия» и «порядка», но и контроль над исполнением предписанного законами, приведение в действие «повеления правлений, решения палаты и прочих судов [9. Л. 7].

В конце проекта С.Е. Десницкий подводит итог, подчёркивая основополагающие моменты его идеала государственного устройства. Разделение властей на «законодательную», «судительную» и «наказательную», объяснялось мыслителем, в том числе, и «обширностью территорий». Данная идея встаёт в оппозицию по отношению к официальной точке зрения, поскольку сама Екатерина II использовала предпосылку «обширности владений» для доказательства необходимости исключительно самодержавной власти [2. С. 23]. Автор полагал, что эффективное функционирование политической системы возможно на основе

постоянного взаимодействия всех ветвей власти. Гарантом такой работы должны стать законы и их обязательное исполнение на всех уровнях государства. Центральная идея проекта состоит в том, что посредством законов и создания трёх ветвей власти правительство может осуществлять свою главную миссию – «всеобщее благо», т.е. гарантия права, целостность отечества, вера и вознаграждение трудов. «На искусном учреждении сих властей всё блаженство подданных и государей состоит» [7. С. 121].

Подводя итоги, необходимо заметить, что исследуемый политический проект, представленный Уложенной комиссии, носит прикладной характер. С.Е. Десницкий не мог открыто проявлять взглядов, не отвечающих политическим предпочтениям правительства. Однако воплощение его идей привело бы к значительным изменениям в государственном устройстве. Идея разделения властей на «законодательную», «судебную» и «наказательную», при неоспоримом первенстве законодательной, влечет постановку вопроса о законотворческой инициативе. При этом мыслитель, с одной стороны, подчёркивал роль монарха, с другой – настаивал на том, что эффективная работа в законодательной системе требует включения в эту деятельность компетентных, имеющих опыт людей, независимо от их сословия. С их помощью разные категории населения должны иметь возможность выразить свои интересы, защитить их законом. Таким образом, проект действительно раскрывает идею разделения властей, несмотря на роль монарха в этой системе. Однако попытки интерпретировать идеи Десницкого как конституционные или монархические не оправданы. Процесс модернизации политической мысли XVIII века включал допущенную «сверху» идею о главенствующей роли закона в государстве. Мыслитель, сообщая закону силу обновления общества, предполагал, что чётко разработанное законодательство и разделение властей устранил негативные стороны государственного устройства. Проект не претендовал на ограничение власти монарха, государю отводилась роль координатора, «высшего судьи», «отца отечества».

Источники:

1. Доклад о управлении государством, поданный Екатерине II вскоре по восшествию на престол. Записка князя Михаила Никитича Волконского о необходимых улучшениях (1775). Лейпциг: В. Гергард, 1863.
2. Екатерина II. Сочинения / Сост., вступ. и примечания В.К. Былинина и М.П. Одесского. М.: Современник, 1990.
3. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. В 2 т. / Под ред. И.Я. Щипанова. Т.1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952.
4. Локк Дж. Избранные философские произведения. В 2 т. / Под ред. А.А. Макаровского. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.
5. Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999.
6. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Том XXXIX. Отделение 2. 1864 г. №№41475-41178. СПб.: Типография II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1867.
7. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей второй половины XVIII в. / Под ред. С.А. Покровского. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. С.99-121.
8. Рассуждение о непременных государственных законах // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений. В 2 т.; Т.2. М., Л.: Государственное издательство художественная литература, 1959.
9. Российский государственный архив древних актов. Ф.16. Оп.1. Д. 206.
10. РГАДА. Ф.17. Оп.1. Д. 44.
11. Слово о способе к научению юриспруденции // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей второй половины XVIII в. / Под ред. С.А. Покровского. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959.
12. Щербатов М. М. Сочинения кн. М. М. Щербатова. Политические сочинения / Под ред. И.П. Хрущева. Т.1. СПб., 1896.
13. Юридическое рассуждение о законоискусстве // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей второй половины XVIII в. / Под ред. С.А. Покровского. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959.

Литература:

14. Грацианский П.С. Десницкий. М.: Юридическая литература, 1978.

15. История политических и правовых учений / Под ред. О.Э. Лейста. М.: Зерцало, 2000.

16. Коркунов Н.М. С.Е. Десницкий – первый русский профессор права. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1894.

17. Ничик В.М., Уткина Н.Ф., Шкуринов П.С. Русская мысль в эпоху Просвещения. М.: Наука, 1991.

18. Пролубников А.В. Семён Ефимович Десницкий // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2002. №5. С. 94-96.

19. Томсинов В.А. Развитие Русской юриспруденции во второй половине XVIII века // Законодательство. 2006. №11. С.86-91.

20. Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен по XVIII в. Л.: Издательство Ленинградского ун-та, 1982.

УДК 32.019.57.

ББК Ф3, 13

ГСНТИ 03.41.91

Код ВАК 07.00.06

Т.С. Макарова

Екатеринбург

**К ДИСКУССИИ О ПРОЕКТЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО
ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В
ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (В ЧАСТИ
ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ И
НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА КУЛЬТУРНЫХ
ЦЕННОСТЕЙ ИМЕЮЩИХ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ)»**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Охрана памятников, археология, кладоискатели, Уголовный Кодекс, Федеральный Закон №73

АННОТАЦИЯ: В конце 2012 года, министерством Культуры Российской Федерации было предложено внести ряд изменений в некоторые законодательные акты. В связи с ними разгорелась серьезная дискуссия между профессиональными археологами и «кладоискателями», в ходе которой, был поставлен ряд проблем.

T.S. Makarova

Yekaterinburg

**TO DISCUSSION ABOUT THE DRAFT OF THE
FEDERAL LAW «ABOUT MODIFICATION OF
SEPARATE ACTS OF THE RUSSIAN FEDERATION
(REGARDING PREVENTION OF ILLEGAL
PRODUCTION AND ILLICIT TRAFFICKING IN**

CULTURAL VALUES HAVING ARCHAEOLOGICAL VALUE)»

KEY WORDS: Protection of monuments, archeology, treasure-hunters, Criminal Code, Federal Law 73

ABSTRACT: At the end of 2012, the Ministry of Culture of the Russian Federation, was offered to bring a number of changes in some acts. Due to it, serious discussion between professional archeologists and "treasure-hunters" inflamed, in that case a number of problems were put.

В связи с проектом федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части предотвращения незаконной добычи и незаконного оборота культурных ценностей, имеющих археологическое значение)» [2] разгорелась достаточно мощная дискуссия, между профессиональным археологическим сообществом и так называемым «кладоискателями».

В данном законопроекте вносятся изменения в следующие акты: Закон Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей», Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее ФЗ-73). Новые поправки прописывают в 73-м Федеральном законе порядок проведения археологических работ (ранее было дано понятие лишь об историко-культурной экспертизе); вводят санкции в случае не передачи коллекций с раскопок в музейный фонд; также предполагают достаточно серьезные штрафы и лишение свободы лицам, занимающимся «незаконной добычей археологических предметов», то есть «черным археологам»; а также ставят металлоискатели фактически вне закона, так как одна из поправок гласит: «Использование металлоискателя и иного специального поискового оборудования для обнаружения объектов археологического наследия и (или) археологических предметов возможно исключительно на основании разрешения (открытого листа)» [2].

Основные претензии «кладоискателей» и поисковых организаций сводятся к следующему:

1. Проект о запрещении приборного поиска ставит вне закона поисковые организации, специализирующиеся на поиске павших воинов.

2. Памятники археологии разрушаются как в виду хозяйственного освоения земель, так и в следствии эрозии почвы, а «кладоискатели» выкапывают «лишь несколько ямок не нарушая в общем ценность культурного слоя», следовательно, абсурдно обвинять их в разрушении памятников археологии.

3. «Подавляющая часть наших находок не имеет практически никакой ценности для археологии – они неинтересны в силу их заурядности»

4. Пользователи земельных участков, нашедшие «крестик и монетку у бабушки на огороде» рискуют попасть под действие поправок в Уголовный кодекс [5].

Сразу оговоримся, что в данной статье мы будем разбирать только вторую и четвертую поставленные проблемы, поскольку, первая требует серьезной нормативной проработки, в связи с тем, что на государственном уровне не утвержден порядок проведения поисковых работ на местах боев. А высказывание о заурядности и отсутствии ценности находок оставим на совести его авторов, оно лишь говорит об их некомпетентности в вопросах археологии.

По большому счету, эти поправки лишь усиливают текущее законодательство по проблеме сохранения объектов археологического наследия, ничего кардинально нового не вводится. А поиск предметов старины с металлоискателем или без него, осуждается в соответствии и с текущими правовыми актами и нормативными документами. Но принимаемые меры закрывают большинство лазеек в законах, чем и пользуются «кладоискатели». Например, те же металлоискатели не фигурируют ни в одном из перечисленных нормативных актов, а как известно что не запрещено, то разрешено. Давайте разберемся.

На сегодняшний день сохранение памятников археологии регулируется в Российском законодательстве следующим образом: согласно вышеупомянутому ФЗ-73 [3] все объекты археологического наследия имеют статус объектов культурного наследия федерального значения (статья 4), они его приобретают с момента их обнаружения (статья 18, пункт 6). Поскольку

памятники археологии расположены в почвенном слое, они рассматриваются и «Земельным Кодексом Российской Федерации» [1], который регулирует их использование (статья 3, пункт 2), а также ограничивает оборот (статья 27, пункт 5.4), а в случае, если речь идет о захоронениях, то и полностью изымает их из оборота (статья 27, пункт 4.9). Статья 56, пункт 2.3 данного кодекса ограничивает права на землю. Статья 99 вводит понятие земель историко-культурного назначения в соответствии с ней, эти земли хоть и не изымаются, но любая хозяйственная деятельность на участках подлежащих исследованию и консервации запрещена (пункт 3). Закон РФ от 21.02.92 N 2395-1 (ред. от 30.11.2011) «О недрах» [8] запрещает всяческую деятельность на памятниках культуры (к которым относятся и объекты археологического наследия в соответствии с ФЗ-73) и обязывает пользователей приостановить работы в случае их обнаружения (статья 33). Выявленный памятник археологического наследия должен быть внесен в единый государственный реестр в соответствии с законами и нормативными актами Российской Федерации. Как мы видим, претензия о «перепаханных полях» безосновательна. Сразу несколько законов регулируют хозяйственную деятельность на объектах культурного наследия (далее ОКН). А на участках, подлежащих хозяйственному освоению, проводится историко-культурная экспертиза. В случае обнаружения на распаханном поле предметов археологии, гражданин обязан в течение десяти дней сообщить в органы охраны памятников об участке, имеющим признаки объекта археологического наследия (ФЗ-73, статья 18, пункт 6), после чего, приостанавливается любая деятельность, нарушающая целостность памятника. То есть гражданин, обнаруживший артефакт в ходе прогулки по полю и не сообщивший о нем, уже нарушает ряд федеральных законов, а был в это время при нем металлоискатель или нет, уже особой роли не играет. Это, конечно, не говорит о ненужности новых поправок.

К сожалению, бесконтрольное использование приборов для поиска приводит к постоянно увеличивающемуся количеству раскопок «черных археологов», охвативших практически все регионы страны еще с конца 80-х гг. XX в. [9. С. 37] Зачастую, не выявленные памятники археологии, «кладоискатели» находят

раньше археологов, а на выявленных грабительские раскопки, проводятся еще до историко-культурной экспертизы или научных работ.

Серьезные проблемы сложились и в области выявления, изучения, государственной охраны и сохранения объектов археологического наследия. Существовавшая в предшествующие десятилетия система организации и управления в этой сфере требует уточнения и корректировки для учета новых российских реалий. Необходимо, в частности, четко разграничить функции и полномочия и регламентировать взаимоотношения органов государственной власти, местного самоуправления, РАН и ее специализированных научных организаций, а также исполнителей соответствующих работ в сфере археологической деятельности [4. С. 60]. Именно эту задачу и помогают решить предложенные поправки.

Рассмотрим проблему «огорода бабушки». В ФЗ-73 понятие объекта археологического наследия трактуется следующим образом: «частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки» (статья 3). В соответствии с 49-й статьей частный земельный участок и объект археологического наследия находятся в гражданском обороте раздельно, причем объект археологии находится в федеральной собственности. Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» определены особенности проектирования и проведения землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ осуществляется только при наличии заключения историко-культурной экспертизы об отсутствии на территории, подлежащей освоению объектов культурного наследия (статья 36, пункт 1). В случае обнаружения объектов культурного наследия на территории, подлежащей освоению, в проекты проведения землеустроительных земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ должны быть внесены разделы об обеспечении сохранности обнаруженных объектов (статья 36,

пункт 2). Что это значит? Допустим, на некоем огороде находится древний курган, хозяин дачи, может продать свой участок, но курган, не включается в землемерный лист; на данном кургане нельзя вести любые земляные работы. Площадь кургана переходит в собственность частного лица, лишь после раскопок. Но если речь идет об отдельных артефактах, найденных на огороде:

А. Была проведена некачественная историко-культурная экспертиза, на землях хозяйственного освоения (на месте будущего огорода), об этом резонно говорить в случае находки, например, неолитической керамики;

Б. Хозяйственная деятельность на данном участке ведется довольно долго (типичная ситуация для многих деревень) и формирование культурного слоя, по большому счету, продолжается и его собственником. Это к вопросу о «крестиках и монетках».

В. Очень редко такие находки означают выявленный памятник археологии и любая деятельность должна быть приостановлена до историко-культурной экспертизы, а памятник до ее завершения переходит в федеральную собственность, безусловно, данная ситуация неприятна как для граждан, так и для органов охраны памятников.

В связи с этим следует отметить, что предложенные меры помогут усилить контроль за землями, подлежащими хозяйственному освоению и невозможности возникновения подобного рода разногласий.

Вышесказанное относится к текущему законодательству без новых поправок. Высказанное мнение о том, что граждан будут сажать за «монетки» безосновательно, поскольку на территории Российской Федерации подобные прецеденты не известны.

Поговорим о санкциях, прописанных в Уголовном кодексе, в текущей редакции [7]. За самовольный снос или повреждение памятников истории и культуры существует административная и уголовная ответственность. Колоссальные возможности предоставляет хотя бы потенциальное привлечение виновных к уголовной ответственности согласно 243-й статье УК РФ.

Статья 243 Уголовного кодекса РФ прямо предусматривает уголовную ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории, культуры, природных комплексов или

объектов, взятых под охрану государства. Согласно ей - уничтожение или повреждение памятников истории, культуры, природных комплексов или объектов, взятых под охрану государства, а также предметов или документов, имеющих историческую или культурную ценность, - наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода виновного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок. Те же деяния, совершенные в отношении особо ценных объектов или памятников общероссийского значения (т.е. федерального), - наказываются штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода виновного за период от одного года до трех лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок [7]. Как мы видим, и нынешняя редакция подразумевает и серьезные штрафы, и реальный срок. Нововведения состоят в том, что памятники археологии выделены в отдельную группу [2].

Чаще всего Уголовный кодекс редактируют в соответствии с новыми реалиями. Предложенные поправки это не усиление «диктатуры», а достаточно здоровая реакция государственных органов на захлестнувший страну «приборный поиск» и разграбление объектов археологического наследия «поисковым движением».

Преступление, предусмотренное настоящей статьей, содержалось и в УК РСФСР (ст. 230) [8], хотя по сравнению с прежней редакцией диспозиция данной статьи несколько изменена. Так, из перечня предметов посягательства были исключены предметы или документы, имеющие научную ценность, а среди признаков квалифицированного состава данного преступления появилось указание на памятники федерального значения. Можно констатировать, что убранный указание на научную ценность, серьезно смягчило текущий закон именно для «кладоискателей», которые, априори, серьезно нарушают культурные слои своими действиями. Данное преступление посягает на отношение по

охране культурного и исторического наследия России, а также особо охраняемых природных объектов. Охрана памятников истории и культуры, бережное отношение к историческому и культурному наследию являются обязанностью граждан РФ, установленной Конституцией РФ (ч. 3 ст. 44).

Обязанности граждан по сохранению историко-культурного наследия прописаны и в Конституции, и в ряде нормативных актов. Но, как не странно, до сих пор раздаются голоса в защиту деятельности, которая противоречит и ряду федеральных законов, и Уголовному Кодексу. Предложенный проект закона с поправками на данный момент наиболее полно отвечает интересам охраны памятников археологии. Усиление санкций вызвано не желанием властей «закрутить гайки», а как ответная реакция на неконтролируемое никем разграбление исторических ценностей. Поправки ставят вне закона приборный поиск, что затрагивает интересы и «черных» археологов, и недобросовестных антикваров, и продавцов металлоискателей. И неудивительна поднявшаяся волна критики и обращений к властям. Но между тем, отметим возросший интерес государства к состоянию объектов культурного наследия. Изучение прошлого отдельных регионов России, усилия по охране их исторических памятников помогают властям строить государственную политику в области культуры, сохранять и приумножать национальные духовные приобретения.

Источники:

1. Земельный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 01.02.2009). Омега-Л. М., 2009

2. Министерство Культуры Российской Федерации [электронный ресурс]: Проект Федерального закона О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части предотвращения незаконной добычи и незаконного оборота культурных ценностей, имеющих археологическое значение). URL: <http://old.mkrf.ru/documentations/3974/detail.php?ID=247564> (дата обращения 15.02.2013)

3. Министерство Культуры Российской Федерации [электронный ресурс]: Федеральный закон от 25 июня 2002 года N 73-ФЗ "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации". URL: <http://mkrf.ru/dokumenty/581/detail.php?ID=61158> (дата обращения 15.02.2013)

4. Охрана и использование памятников культуры: сборник нормативных актов и положений. М., 2004.

Литература:

5. Система электронной демократии [электронный ресурс]: Открытое письмо Депутатам Государственной Думы от поискового сообщества. URL: <http://democrator.ru/problem/10348> (дата обращения 15.02.2013)

6. Уголовный кодекс РСФСР. Госюриздат. М., 1960

7. Уголовный кодекс (УК РФ) [электронный ресурс]: Статья 243. Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры. URL:<http://www.zakonrf.info/uk/243/> (дата обращения 15.02.2012)

8. Федеральный закон "О недрах". Ось-89. М., 2008.

9. Полякова М.А. Охрана культурного наследия России. М., 2005.

УДК 67.05

ББК Т.3(2)622,11

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

Н.Н. Мельников

Екатеринбург

**ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ТАНКОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
СССР НА ВОСТОК В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1941 Г.***

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: танковые заводы, эвакуация, Урал, Наркомат танковой промышленности, танки, самоходные установки.

АННОТАЦИЯ: Рассматривается проблема создания танковой промышленности на востоке страны накануне войны. Перемещение и эвакуация танкового производства на Урал. Формирование уральской танковой промышленности в условиях первой половины 1941 г.

N.N. Melnikov

Yekaterinburg

**MOVEMENT OF THE TANK-BUILDING INDUSTRY OF
THE USSR TO THE EAST IN THE FIRST HALF OF 1941**

KEY WORDS: tank factories, evacuation, Ural, the people's Commissariat of tank industry, tanks, self-propelled installation.

** Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН. Проект «Урал в модернизационной динамике России XX века: историография и методология проблемы» № 12-Т-6-1003.

ABSTRACT: The problem of creation of tank industry in the East of the country on the eve of the war is discussed. The movement and the evacuation of tank production in the Urals. The formation of the Ural tank industry in the conditions of the first half of 1941.

В период индустриализации 1930-х гг. в Советском Союзе создается совершенно новая для страны отрасль военной промышленности – танковая. Все предприятия, занятые в изготовлении танков, концентрировались в трех производственных центрах. Первый находился в Ленинграде. Здесь размещались Кировский завод (тяжелые танки KB-1 и KB-2) и Ленинградский машиностроительный завод № 174 им. К.Е. Ворошилова (легкие танки Т-50). Броневые корпуса и башни изготавливались на Ижорском заводе.

Второй центр танковой промышленности был основан на Украине. Это Харьковский паровозостроительный завод им. Коминтерна № 183 (ХПЗ), где были разработаны и внедрены в серийное производство в 1940 г. знаменитые средние танки Т-34. Кроме ХПЗ здесь располагался моторостроительный завод № 75, выпускавший танковые дизельные двигатели В-2. Бронекорпуса изготавливал Мариупольский завод им. Ильича.

Третий находился в районе Москвы и основывался на автомобилестроении. Сборочный завод № 37 был военным подразделением автозавода им. «КИМ», выпускавшего легкие машины из деталей, поставляемых Горьковским автозаводом (ГАЗ). В 1940 г. завод перешел на выпуск легких танков-амфибий Т-40. Подольский машиностроительный завод им. С. Орджоникидзе выпускал корпуса к легким машинам.

Катаную танковую броню для корпусных заводов давали Ижорский завод и Мариупольский завод им. Ильича.

После начала Второй мировой войны, в середине 1940 г., советское руководство приняло решение о существенном расширении производственной базы танкостроения за счет машиностроительных и металлообрабатывающих предприятий Поволжья и Урала. В Сталинграде на Сталинградском тракторном заводе (СТЗ) началась подготовка сборочного производства танков Т-34. Завод № 264 (Сталинградская судостроительная фабрика) приступает к подготовке производства корпусов средних танков. Тяжелые танки

серии «КВ» было решено изготавливать на Челябинском тракторном заводе (ЧТЗ), а корпуса – на заводе № 78 Наркомата боеприпасов (НКБ) [10. Л. 59-85]. Таким образом, география танковой промышленности страны начинает расширяться за счет формирования двух новых центров: Сталинград и Челябинск.

Но Великая Отечественная война серьезным образом изменила новую, еще находившуюся в стадии формирования, структуру танкостроительной отрасли. В течение уже первых дней войны руководство страны решило значительно расширить восточные производственные центры танковой промышленности за счет новых машиностроительных предприятий и подключения местных металлургических заводов к производству катаной брони. 24 июня 1941 г. прошло заседание политбюро ЦК ВКП (б), в результате которого на следующий день, 25 июня, были вынесены два совместных постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР: «Об организации новой базы по строительству брони и танков КВ» и «Об увеличении выпуска танков КВ, Т-34 и Т-50, артиллерийских тягачей и танковых дизелей на III и IV кварталы 1941 г.». С этого момента на Урале начинается создание самостоятельного производственного комплекса по производству тяжелых танков серии «КВ».

ЧТЗ резко увеличивает танковое производство (к концу года удельный вес военной продукции вырос с 13% до 93%) [13. С. 123]. На основании постановления ГКО, во второй половине июля 1941 г. ленинградцы командировали на ЧТЗ часть своих ведущих конструкторов и специалистов по производству танков во главе с заместителем главного конструктора Кировского завода Н.Л. Духовым, выслали большое количество специальной оснастки, приспособлений и инструментов, изготовили для челябинцев ряд сложных заготовок и деталей танков. Таким образом, ЧТЗ в первые месяцы войны увеличил выпуск танков: с 21 шт. во II квартале до 75 шт. в III квартале 1941 г., более чем в три раза [18. С. 13 – 15].

Урал до войны не производил проката броневой стали. Для создания производства броневых листов на Урале в экстренном порядке были демонтированы и вывезены в регион два толстолистовых прокатных стана для проката броневой стали:

один с Мариупольского завода им. Ильича на Магнитогорский металлургический завод, другой с Ижорского завода на Новотагильский металлургический завод [17. С. 124 – 125]. Погрузка ижорского оборудования для отправки на Урал была осуществлена 24 июня 1941 г. С прибытием стана 18 августа 1941 г. начался его монтаж, и менее чем за месяц, 10 сентября, стан был введен в эксплуатацию [9. Л. 2]. С небольшим опозданием стан вступил в строй и начал давать броневой прокат.

Переброшенный из Мариуполя крупнейший в СССР броневой стан, вследствие задержки в дороге, начал монтироваться на ММК в конце лета 1941 г. и вступил в строй только в октябре того же года (первоначально стан предполагалось запустить в эксплуатацию к 15 сентября 1941 г.) [2. Л. 118]. Кроме того, к организации производства танковой брони начинается на Кузнецком металлургическом комбинате.

Прежде всего необходимо было создать промышленную базу по производству броневых корпусов для тяжелых танков. Завод №78 НКБ к концу июня 1941 г. так и не смог наладить на своих площадках корпусное производство, а, следовательно, не приступил к изготовлению танковых корпусов [12. Л. 152-155]. Процесс отладки оборудования, изготовления оснастки и подготовки кадров был резко ускорен, но предприятие смогло начать серийное корпусное производство только в январе 1942 г.

Единственным предприятием на Урале, способным в кратчайшие сроки перейти на столь трудоемкий вид работ, был Уральский завод тяжелого машиностроения (УЗТМ или Уралмаш) в Свердловске. В целях реализации принятых решений появляется приказ народного комиссара тяжелого машиностроения №399сс от 28 июня 1941 г., распоряжение СНК от 29 июня 1941 г. и несколько позже, 3 июля 1941 г., приказ народного комиссара среднего машиностроения В.А. Малышева №429сс, касающиеся организации бронекорпусного и башенного производства на Уральском заводе тяжелого машиностроения Наркомата тяжелого машиностроения СССР и поставки этой продукции на ЧТЗ [5. Л. 98, 99, 108].

Предприятие имело законченный цикл производства: мартеновский, чугунолитейный и сталелитейный цехи,

термический, прессовый и кузнечный цехи, мощные механические и сборочные цехи позволяли, при должных преобразованиях, осуществлять на предприятии весь цикл операций по производству корпусов. Существовала широкая возможность для создания разветвленной сети кооперации производства, так как Свердловск являлся крупным железнодорожным узлом, который располагался достаточно близко к базам для литейного и металлургического производства. Недостающее оборудование для Уралмашзавода предполагалось изыскать как путем передачи с других предприятий региона и эвакуированных заводов, так и изготовив его собственными силами [6. Л. 117, 182].

На свердловском Уральском турбинном заводе было принято решение развернуть производство танковых дизелей В-2 для дальнейшей поставки их на ЧТЗ [4]. Для обеспечения этой программы на Уралтурбомаш перебрасывался вместе с кадрами авиадизельный цех МХ10 Кировского завода и ряд специалистов моторного завода № 75 НКСМ. Устанавливался план выпуска моторов В-2 на IV квартал 1941 г. – 500 шт. [3. Л. 122]. Передислокация мощностей Кировского завода продолжалась с 29 июня по 10 августа 1941 г.

Так как Уральский турбинный завод собственной заготовительной базы не имел, в порядке кооперации УЗТМ должен был осуществлять для Уралтурбозавода термообработку деталей, большую часть литья, производство поковок и штамповок дизельного двигателя, для чего на УЗТМ перемещались специалисты и цех цветного литья Кировского завода. Установку оборудования необходимо было завершить к 5 августа (менее чем через месяц) и начать выпуск силуминового литья с 1 сентября 1941 г. [1. Л. 105, 122]. Но в положенные сроки завод уложиться не смог. Свердловский горком ВКП(б) своим постановлением от 14 августа 1941 г. констатировал неудовлетворительное состояние хода подготовки производства силуминового литья на Уралмашзаводе. Только 12 августа был утвержден директором проект цеха силуминового литья, а первые 120 комплектов отливок были выданы в ноябре 1941 г. [7. Л. 298].

В отечественной литературе процесс переброски танковых и кооперирующих с ними мощностей на Урал летом 1941 г.

традиционно рассматривается в рамках эвакуации промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны. Однако решение о формировании уральского танкостроительного комплекса и перемещении соответствующих мощностей западных производств было принято буквально в течение первой недели войны. Следовательно, передвижение оборудования и кадров на Урал необходимо рассматривать в рамках процесса создания нового центра танковой промышленности, то есть, желания советского руководства значительно увеличить объемы производства. Вопрос об эвакуации в конце июня 1941 г. не мог стоять на повестке дня, так как на данном этапе угрозы западным танковым предприятиям еще не существовало.

Осень 1941 г. уральские заводы встретили в самом начале процесса восстановления переброшенных мощностей. В течение первых двух месяцев войны перемещение оборудования и кадров в целом было закончено, начинается монтаж прибывшего оборудования на площадках уральских предприятий.

Тяжелая ситуация на фронте кардинальным образом меняет географию советской танковой промышленности. Противник развивал наступление по всем направлениям, что привело к угрозе потери всех западных производственных центров. В восточные регионы, прежде всего на Урал, в срочном порядке эвакуируются основные мощности западных танковых предприятий СССР.

11 сентября 1941 г. был образован общесоюзный Народный комиссариат танковой промышленности (НКТП), который сосредоточил в своих руках управление всей танковой промышленности страны.

В середине сентября 1941 г. начались эвакуационные мероприятия на Украине: готовились к переброске в Нижний Тагил на Уральский вагоностроительный завод (УВЗ) харьковский завод № 183 и завод им. Ильича. Дизельный завод № 75 направляется на Челябинский тракторный завод. В первых числах октября 1941 г. началась эвакуация мощностей ленинградских предприятий. Танковое сборочное производство Кировского завода перебрасывались на ЧТЗ, основная часть бронекорпусного производства Ижорского завода и пушечное производство Кировского завода на площадку УЗТМ, часть мощностей

Ижорского завода – на завод № 78 НКБ. Во второй половине октября, эвакуировался московский центр танковой промышленности в Свердловск.

Эвакуация украинских предприятий прошла крайне неудачно. В разгар эвакуационных мероприятий на Мариупольском заводе им. Ильича город захватили немцы, и в качестве трофея им досталась большая часть рабочих, вся производственная оснастка и много вагонов с оборудованием. В конечном итоге из 6344 человек, работающих на заводе, в Нижний Тагил попало только 732 человека, из них рабочих, занятых на корпусном производстве – 589 человек. Из 12140 человек, подлежащих эвакуации с ХПЗ, прибыло 5234 человека, из них рабочих – 2859. Всего к концу 1941 г. на УВЗ прибыло 11 тысяч работников с различных предприятий страны. По мере прибытия эвакуированных заводов и соединения их с мощностями УВЗ в ноябре 1941 г. образовалось новое предприятие – Уральский танковый завод (УТЗ) № 183. Директором стал бывший глава ХПЗ Ю.Е. Максарев [8. С. 43].

Московский завод № 37, объединенный с Подольским заводом им. С. Орджоникидзе (производство корпусов легких танков) и московским автомобильным заводом им. «КИМ», был размещен на площадках свердловских заводов им. Воеводина и «Металлист». На объединенном предприятии, получившем название – завод № 37 НКТП, было решено продолжить производство легких танков Т-60 [15; 16].

С октября 1941 г. по январь 1942 г. на Уралмашзавод прибыло 3757 рабочих и ИТР с Ижорского и Кировского заводов. За счет оборудования ленинградских предприятий было развернуто производство танковых пушек (впоследствии выделилось в самостоятельный завод) и расширено корпусное производство [14].

Челябинский тракторный завод принял основную часть танкового производства ленинградского Кировского завода (5891 – рабочих и 1185 - ИТР) и харьковский моторный завод № 75 (1773 – рабочих и 1033 – ИТР). Объединенное предприятие получило название Кировский завод. Корпусное производство завода № 78

НКБ, после принятия и размещения оборудования Ижорского завода, выделено в самостоятельный завод № 200 НКТП [11].

Эвакуационные мероприятия в основном были закончены в ноябре 1941 г., и с декабря 1941 г. начался этап восстановления переброшенной промышленности, завершившийся к лету 1942 г. Но вместо еще одного комплекса по производства тяжелых танков (как это планировалось летом 1941 г.) на Урале был сформирован центр всей танковой промышленности страны. В трех городах региона (Нижний Тагил, Свердловск и Челябинск) были размещены ведущие предприятия Наркомата танковой промышленности СССР в годы Великой Отечественной войны.

Источники:

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 17. Л. 105, 122.
2. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 17. Л. 118.
3. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 17.
4. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 17 Л. 97, 108.
5. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 17.
6. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 17.
7. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 67.
8. История танкостроения на УТЗ № 183. Т. 2. Кн. 1. // Коллекция документов музея Уралвагонзавода.
9. Нижнетагильский городской исторический архив (НГИА). Ф. 196. Оп. 1. Д. 123.
10. Объединенный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-792. Оп. 1. Д. 57.
11. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 292. Л. 63.
12. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 21.
13. Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Челябинск, 1967.
14. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 31. Д. 286. Л. 225-226.
15. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 287. Л. 145;
16. ЦДООСО. Ф. 161. Оп.6. Д. 1520. Л. 19.

Литература:

17. Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992.
18. Валеев Р.Р. Рекорды Челябинского тракторного завода / Военно-исторический журнал. 2003. №3.

УДК 61+908

ББК Т.3-2832

ГСНТИ 03.23.31

Код ВАК 07.00.02

А.М. Мельникова

Красноуфимск

**МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
КРАСНОУФИМСКОГО УЕЗДА ПЕРМСКОЙ
ГУБЕРНИИ (1870–1917 ГГ.)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: земская медицина, земский врач, врачебный участок, фельдшерский пункт, уездная больница, Медицинский совет, ясли–приюты

АННОТАЦИЯ: В данной статье рассматривается проблема организации земской медицины в Красноуфимском уезде. Автор дает обобщенную характеристику основным направлениям деятельности земства в области медицины. Раскрываются процессы становления земской медицины, рассматриваются особенности этого процесса в данном регионе. Статья базируется на обширном круге архивных и печатных материалов.

A.M. Melnikova

Krasnoufimsk

**THE MEDICAL SERVICE OF THE POPULATION IN
KRASNOUFIMSK UYEZD OF THE PERM PROVINCE
(1870–1917)**

KEYWORDS: Zemstvo medicine, the local doctor, health care district, first-aid station, the County hospital, the Medical Council, nursery shelters.

ANNOTATION: In this article the problem is the organization of Zemstvo medicine in Krasnoufimsk uyezd. The author gives a summary of the main directions of the activities of the Zemstvo in the field of medicine. Here reveals the processes of formation of Zemstvo medicine, discusses the features of this process in the region. The article is based on the wide range of archival and published works.

Земское самоуправление на территории Пермской губернии было введено в 1870 г. До этого здравоохранение в губернии являлось предметом попечения самых различных ведомств: Приказа общественного призрения, владельцев горных заводов,

ведомства государственных имуществ и уделов. Сельское население было практически лишено врачебной помощи и обычно прибегало к услугам знахарок, лекарок и коновалов [35. С. 208].

Здравоохранение являлось одним из важнейших направлений практической работы земских учреждений. По «Положению о земских учреждениях», земства должны были осуществлять содержание больниц и богаделен, проводить санитарные мероприятия. Деятельность земства в сфере народного образования и медицины относилась к необязательным расходам. Вместе с тем многие земства выделяли значительную часть своих доходов именно на развитие этих необязательных статей. В 1870–1890-х гг. расходы земских учреждений Пермской губернии на народное образование и медицину превышали 40% их бюджетов [25. С. 444].

В Красноуфимском уезде до 1870 г. квалифицированная медицинская помощь населению практически не оказывалась. На два уезда (Красноуфимский и Кунгурский) был всего один врач в Кунгуре. Под его формальным руководством в Красноуфимском уезде работали 6 фельдшеров. В участке каждого фельдшера было от одного до трех оспопрививателей – неграмотных или малограмотных крестьян [34. С. 5]. Поэтому перед земством закономерно встала задача подбора медицинского персонала.

С этой целью Красноуфимская уездная земская управа в 1871 г. поместила объявления в газете «Пермские губернские ведомости» о приглашении земских врачей на службу. Заявления поступили от ссыльного поляка, доктора медицины А. В. Барановского, врача Суксунских заводов Л. Ф. Окинчица и врача Г. Л. Чирвинского. Врача А. В. Барановского пригласили занять место центрального земского врача [29. С. 8].

Помимо подбора медицинских кадров земство столкнулось и с необходимостью организации участкового обслуживания сельского населения. В 1870-х гг. шла острая борьба двух тенденций в развитии земской сельской медицины. Сторонники первой (т.н. разъездной) точки зрения считали, что для крестьян вполне достаточно медицинской помощи, оказываемой на уровне фельдшеров или даже священнослужителей, получивших минимальные профессиональные знания. Сторонники другой (т.н.

стационарной) точки зрения считали необходимым приблизить квалифицированную медицинскую помощь к сельским жителям. Для этого предполагалось разделить уезды на врачебные участки, где должны были действовать стационарные амбулатории с постоянно проживающим врачом [28. С. 441]. Амбулатория была необходима для регистрации больных с целью изучения болезненности населения, отбора больных в общий госпиталь, распространения гигиенических знаний, выявления первых случаев заразных больных с целью их изоляции [24. С. 756].

При амбулаторном приеме земские врачи регистрировали больных «по карточной системе», то есть заполняли на каждого амбулаторную карту. С помощью такой системы врачи накапливали чрезвычайно ценный материал для анализа заболеваемости населения. К тому же точная и полная регистрация обращаемости, достоверная статистика заболеваемости и смертности дали в руки земским врачам мощное средство для проведения санитарно-профилактической деятельности [31. С. 46–47].

В 1871 г. первый санитарный врач Пермской губернии И. И. Моллесон выделил основные отрицательные черты разъездной системы и показал ее бесполезность: «выполнение обязанности объезда деревень и лечение больных на лету: физические невозможно, потому что врачу не достает на это времени; во всех отношениях бесполезно для больных, потому что врач лишен возможности вылечить; вредно для врача, потому что он забывает медицину; наконец, невыгодно для земства, потому что на бесполезного врача тратятся бесполезно и деньги» [27. С. 66].

Разъездная система медицинского обслуживания практиковалась лишь в первые годы существования земской медицины, но постепенно земство встало на путь создания участковой системы. За период 1870–1917 гг. можно проследить рост количества участков в Красноуфимском уезде. В 1871 г. уезд разделили на 3 врачебных участка, где в Суксунском заводе врачом был Окинчиц, в Артинском заводе – Рязанов, а уездным врачом – Чирвинский [32. С. 68].

В 1872 г. уезд в санитарном отношении был разделен уже на 5 участков: центральный (32165 жителей), восточный (46846

жителей), западный (20158 жителей), северный (20158 жителей), южный (23453 жителя), которыми заведовали 5 докторов: Г. Л. Чирвинский, А. В. Барановский, Л. М. Ущановский, Л. Ф. Окинчиц и Рязанов [10. С. 157].

Количество фельдшерских участков увеличилось с 20 до 31. Это было связано с тем, что по распоряжению губернатора на каждой почтовой станции должно было быть по одному фельдшеру для осмотра провозимых из Перми в Сибирь арестантов [10. С. 287]. Следующее увеличение количества участков произошло только в 1892 г., когда в уезде стало функционировать 6 врачебных участков с больницей на 50 кроватей в городе [18. С. 233, 236].

В 1911 г. число земских врачебных участков достигло восьми: из Ключевского участка был выделен Суксунский, а из Артинского – Поташинский. Число земско-заводских участков тоже увеличилось с 2 до 3, так как земство достигло соглашения с Уткинским заводоуправлением о лечении земских больных заводским врачом. Количество врачей в уезде достигло 16 человек. На каждого врача приходилось более 20 тыс. человек, а на каждого земского – 30 тыс. человек. Уездная земская больница расширилась до 70 штатных коек. При больнице находилось 3 врача, одним из которых был хирург [6. С. 593].

Красноуфимский уезд был разделен не только на врачебные участки, но и на фельдшерские пункты, границы которых совпадали с границами волостей. Это деление Медицинским советом было признано неудобным, и врачом М. И. Мизеров было предложено географическое распределение фельдшерских пунктов. При такой системе фельдшер заведовал всеми близлежащими к его пункту селениями, даже если они относились к другой волости [3. Л. 6 об].

В 1914 г. в Красноуфимском уезде действовало 10 земских участков и 3 земско-заводских, 27 фельдшерских и 5 акушерских пунктов [5. Л. 195]. В 1915 г. количество фельдшерских пунктов увеличилось до 28, а акушерских – до 6 [4. Л. 339].

В основе создания сети врачебных участков лежало три принципа: 1) близость врача к населению (радиус врачебного участка не должен превышать 10 верст); 2) количество населения

участка должно быть не более 10 тыс. человек, так как предъявляемые врачу требования не должны переходить крайние границы посильной работы; 3) замена фельдшеров образованными докторами [7. С. 15–16]. Фактически же на один врачебный участок в среднем приходилось 47 тыс. человек, радиус участка составлял 150 верст при плохом качестве дорог [12. С. 142].

В целом организация участков в Красноуфимском уезде соответствовала общей линии развития земской медицины на Среднем Урале. Так, Камышловский уезд был разделен на 5 врачебных участков [20. С. 27–28], Екатеринбургский – на 9 [22. С. 105].

С целью расширения оказания более квалифицированной медицинской помощи населению земская управа предложила устраивать приемные покои в резиденциях участковых врачей. Первый приемный покой был открыт в 1883 г. – в юго-западном участке в селе Богородском. Приемные покои в юго-восточном (Михайловский завод) и северо-восточном (Уткинский завод) были открыты в 1885 г., в северо-западном участке в селе Ключи – в 1887 г. [32. С. 70], в Артинском заводе – в 1900 г. [33. С. 358], в Суксунском участке – 1912 г. на две штатные койки с тремя запасными [8. С. 2].

Первоначально количество коек в приемных покоях было распределено следующим образом: в Богородском участке – 6, Ключевском – 4, Михайловском заводе – 5, Бисертском заводе – 4, Артинском заводе – 5 [18. С. 233, 236]. В общей сложности к 1906 г. земство располагало 93 кроватями, одна кровать приходилась на 3 210,5 жителей. Такое количество кроватей являлось наименьшим в губернии [21. С. 289].

Получая от земства на содержание приемных покоев по 300 руб., врачи на оставшуюся от их содержания сумму старались приобрести необходимые медицинские инструменты. В приемные покои принимались больные только с острыми болезнями или тяжелыми ранениями, при которых необходимы постоянный уход, перевязки и наблюдения за протеканием болезни [17. С. 323].

К 1910 г. в уезде существовало три земских участковых лечебницы (Ключевская – на 10 коек, Богородская – на 12 и Артинская – на 10) и два участковых приемных покоя

(Михайловский – на 12 и Бисертский – на 8) [15. С. 333]. Кроме того, при Ключевской лечебнице было построено инфекционное отделение на 5 коек [33. С. 358], а при Михайловском – на 8 [8. С. 2]. Также медицинская помощь земскому населению уезда оказывалась при амбулаториях заводских врачей в Сылвинском и Уткинском заводах [15. С. 333].

В числе важнейших организационно-практических мероприятий Красноуфимского земства в области здравоохранения стало устройство яслей–приютов. В 1902 г. были устроены летние ясли в Михайловском заводе и Богородском участке под наблюдением местных земских участковых врачей Курдова и Половинкина. На их содержание было ассигновано 420 руб. [20. С. 296].

Специализированная медицинская помощь была в основном сконцентрирована в Красноуфимской земской больнице, которая начала функционировать на базе городской больницы. Эта больница досталась Красноуфимскому земству от Приказа общественного призрения и была устроена на 10 кроватей для пользования преимущественно чинов военного ведомства, которые снабжались медикаментами, получающими от интендантства [9. С. 298]. Городская больница была принята земством 17 октября 1870 г., а в 1874 г. была переведена в наемный дом Ильиной по ул. Никольской (ныне Интернациональной) [1. Л. 1].

В 1873 г. было принято решение учредить в Красноуфимске при городской больнице женское отделение на 6 кроватей [11. С. 404]. Для расширения больничной практики, которая могла бы принести пользу населению уезда и города, Управа предлагала следующие мероприятия: 1) с бедных поселян не брать платы за лечение; 2) оставить плату с более зажиточных сословий; 3) необходимо позаботиться об устройстве для уезда центральной больницы на 50 кроватей; 4) фельдшеров необходимо оставить только при больницах [12. С. 151–155].

Городская больница размещалась в небольшом и ветхом одноэтажном деревянном строении с мезонином. Поэтому земская управа была заинтересована в строительстве новой больницы и поручила составить проект здания молодому доктору М. И. Мизерову, поступившему на службу в Красноуфимское земство в

1880 г.

В качестве места для будущего медицинского городка он выбрал Дивью гору. За несколько лет здесь были возведены хирургический, терапевтический корпуса, родильное отделение, а также разбит прекрасный больничный парк. Первых своих пациентов земская больница приняла в 1886 г. [26. С. 8].

Первые два павильона (женский и терапевтический) вошли в строй 25 марта 1886 г., а в 1888 г. уже действовали 7 лечебных корпусов. В 1910 г. при больнице было открыто глазное (врач Е. Д. Садовникова) и хирургическое (врач Э. М. Сенкевич) отделения [6. Л. 680–681].

При больнице существовала медицинская библиотека, перешедшая от Приказа общественного призрения, состоящая из 135 наименований. Но она не пополнялась с 1860-х гг., за исключением 16 изданий, купленных после земского врача Ф. С. Мороза. В 1880 г. по ходатайству врача Мизерова управой было ассигновано 19 рублей на выписку журнала «Медицинского обозрения» и газеты «Врач». Он считал, что необходимость выписывания периодической печати обуславливается тем, что больничным врач при интересном болезненном случае всегда может найти здесь последнее слово науки, чего нет в его руководствах, которые издавались не часто [14. С. 280].

Особенно остро чувствовался в больнице недостаток в хирургических инструментах, из-за отсутствия которых больным приходилось ехать в Екатеринбург. М. И. Мизеров отмечал, что в больнице имелись акушерские щипцы, но они годны были «разве только для того, чтобы отправить в археологический музей». В 1879 г. управой были выделены средства на приобретение медицинских инструментов, но большинство выписанных инструментов либо потеряли свою силу (ланцеты для кровопускания), либо розданы фельдшерам (фельдшерские наборы, клестирные трубки) [14. С. 279].

На обширном пространстве Пермской губернии Красноуфимская земская больница считалась образцовой. Как ее руководитель, М. И. Мизеров ставил следующие задачи: 1) лечение для больных должно быть бесплатным (за счет земства); 2) всем нуждающимся обеспечить стационарное лечение; 3) врачей

максимально приблизить к населению.

Наряду с врачебным земством развивалось и аптечное дело. Земские аптеки – это аптечки при земских больницах, врачебных участках и фельдшерских пунктах, предназначенные для снабжения лекарствами больных, представлявшие собой наборы медикаментов, необходимых для оказания первой помощи, и хранившиеся в шкафах в кабинетах врачей и фельдшеров. Нередко врачи и фельдшеры сами занимались приготовлением лекарств и отпускали их больным.

Земские аптеки были первыми аптеками, открытыми в сельской местности. Они сделали лекарственную помощь более доступной для беднейших слоев населения, оказали положительное влияние на развитие русского фармацевтического рынка. Большое значение имело открытие земских аптечных складов и организация при них галеновых производств, что позволило уменьшить зависимость аптек от производителей галеновых препаратов [30. С. 60–61].

В Красноуфимском уезде земство имело привилегированную аптеку, которой управлял провизор. Медикаменты выписывались от столичных дрогистов (так тогда называли фармацевтов), большая часть сложных лекарств готовилась в городской аптеке, и участковые врачи получали медикаменты из городской земской аптеки. Отпуск лекарств из этих аптек при участковых врачах производился фельдшерами. Бесплатная выдача лекарств ограничена. В то время как в Кунгурском уезде отпуск лекарств крестьянам и земским плательщикам был бесплатный [23. С. 192].

К 1875 г. в уезде существовали три аптеки: в Красноуфимске – земская на весь уезд, а в Нижне-Сергинском и Нязепетровском заводах – заводские аптеки, из которых местному населению отпускались медикаменты. Земскую аптеку возглавляли провизоры Шлее, И. Балувев, а затем Е. П. Иванов. Расходы на аптечное дело в 1889 г. в уезде составляли 11690 руб. [23. С.194].

Красноуфимская аптека обслуживала все участки в уезде, так как центрального аптечного склада в уезде не было. Медикаменты отпускались по каталогам участковым врачам и фельдшерам, в земскую больницу, по рецептам и без рецептов. Аптека помимо земских больных обслуживала население всего города. Именно

поэтому осуществлялся и платный отпуск лекарств. По участкам медикаменты развозил особый возчик, нанятый управою с торгов [13. С. 298].

В 1893 г. при Красноуфимской аптеке была основана лаборатория, в которой было приготовлено 464 химических препарата [19. С. 184]. К 1908 г. в уезде функционировала центральная аптека в г. Красноуфимске и пять аптек в резиденциях участковых врачей: Артинская, Михайловская, Бисертская, Ключевская и Богородская, 22 аптечки было при фельдшерских пунктах [2. Л. 368 об.].

Важным направлением деятельности земства можно считать создание врачебных советов, которые практически руководили медициной в губерниях и уездах. Деятельность такого совета непосредственно касалась каждого врача. На XI очередном Красноуфимском уездном земском собрании в октябре 1880 г. был учрежден медицинский совет в Красноуфимске, который стал одним из первых в стране. Первыми членами этого совета были врачи Мизеров и Будрин.

На заседаниях медицинского совета обсуждались вопросы о подготовке среднего медицинского персонала, о способах распространения в народе гигиенических знаний, о мерах пресечения эпидемий и об условиях жизни и быта крестьянства [14. С. 45]. Регулярно издавались протоколы Красноуфимского земско-медицинского совета.

Сама по себе профессиональная самостоятельность и принцип организации советов не устраивали руководителей многих земств, вступавших в конфликты с земскими служащими. Пермская губернская управа выступала против врачебных советов типа Шадринского и Красноуфимского. Она высказывалась за врачебно-хозяйственный комитет, подчиненный управе [35. С. 221]. Но Мизеров, который возглавлял Красноуфимский медицинский совет, вместе с другими врачами сумел отстоять деятельность и значимость совета, возглавляя его до конца своей деятельности в земской больнице.

Таким образом, в Красноуфимском уезде сложилась смешанная (стационарно-разъездная) система медицинского обслуживания сельского населения уезда: постепенно

увеличивалось число врачебных участков, фельдшерских и акушерских пунктов, построена новая земская больница, при которой было организовано бесплатное питание больных за счет земства, отменен денежный по рецептурный сбор с крестьян и беднейшего населения города, выросла сеть приемных покоев, в которых неуклонно расширялся штат больничных коек, в некоторых участках начали функционировать лечебницы. Однако лечебные пункты размещались в непригодных помещениях, страдали нехваткой или полным отсутствием необходимых медицинских инструментов и медикаментов. Большой радиус участков не позволял рационально распределять медицинскую помощь в уезде.

Возникновение врачебного участка, как основной организационной единицы, явилось крупной заслугой земской медицины. Вместе с тем, и при созданной системе участков, врачи продолжали периодически «разъезжать» по селениям с целью оказания медицинской помощи. В уезде практически отсутствовала рациональная акушерская помощь, помощь психическим больным вообще не оказывалась.

Источники:

1. Бальчугов А. Д. Музей «Красноуфимская земская больница (1828 – 1920 гг.). Историческая справка. Машинопись // Филиал областного музея истории медицины «Красноуфимская земская больница». Б.н.
2. ГАСО. Ф. 375. Оп. 1. Д. 236.
3. ГАСО. Ф. 375. Оп. 1. Д. 96.
4. Государственный архив в г. Красноуфимске. Библиотечный фонд. Оп. 3. Д. 82.
5. Государственный архив в г. Красноуфимске. Библиотечный фонд. Оп. 3. Д. 79.
6. Государственный архив в г. Красноуфимске. Библиотечный фонд. Оп. 3. Д. 58.
7. Журнал общества русских врачей в память Н.И. Пирогова. 1903. № 4.
8. Журналы 44 очередной и 44–45 чрезвычайной сессии Красноуфимского уездного земского собрания 1913 г. с докладами Управы и комиссии и другими приложениями. Красноуфимск, 1914.
9. Журналы II очередного Красноуфимского уездного земского собрания сентябрьской сессии 1871 г. Пермь, 1872.

10. Журналы III очередного Красноуфимского уездного земского собрания 1872 года и доклады Управы и комиссии. Пермь, 1874. С. 328.

11. Журналы IV очередного Красноуфимского уездного земского собрания 1873 года и доклады Управы и комиссии. Ирбит, 1874.

12. Журналы V очередного Красноуфимского уездного земского собрания сентябрьской сессии 1874 года. СПб., 1876.

13. Журналы VII очередного Красноуфимского уездного земского собрания 1876 г. и доклады Управы и комиссии. Красноуфимск, 1878.

14. Журналы XI очередного Красноуфимского уездного земского собрания 1880 г. с докладами Управы и комиссии и другими приложениями. Кунгур, 1880.

15. Журналы XLI очередного Красноуфимского уездного земского собрания 1910 г. с докладами Управы и комиссии и другими приложениями. Екатеринбург, 1911.

16. Журналы XLIII очередного Красноуфимского уездного земского собрания 1912 года с докладами Управы и комиссии и другими приложениями. Екатеринбург, 1913.

17. Журналы XV очередного Красноуфимского уездного земского собрания 1884 г. с докладами Управы и комиссии и другими приложениями. Кунгур, 1885.

18. Журналы XXIV очередного Красноуфимского уездного земского собрания 1893 г. с докладами Управы и комиссии и другими приложениями. Красноуфимск, 1894.

19. Журналы XXV очередной, XIX и XX чрезвычайных сессий Красноуфимского уездного земского собрания 1894 г. с докладами Управы и комиссии и другими приложениями. Красноуфимск, 1895.

20. Журналы XXXIV Камышловского уездного земского собрания 1903 года с докладами Управы и другими приложениями. Пермь, 1904.

21. Журналы XXXVIII очередной и XXXVI–XXXVIII чрезвычайной сессии Красноуфимского уездного земского собрания 1907 г. с докладами Управы и комиссии и другими приложениями. Екатеринбург, 1908.

22. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XX очередной сессии за 1889 г. Екатеринбург, 1890.

23. Очерк состояния санитарного и медицинского дела в Пермской губернии. Земская медицина. Пермь, 1899.

24. Печоркин Е. Ф. Амбулатория в ее настоящем и ближайшем будущем // Общественный врач. 1912. № 6.

Литература:

25. Богатырева О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917). Екатеринбург,

2004.

26. Варганова О. Земская больница на Дивьей горе // Западный округ. 2004. № 8.

27. Карпов Л. Н. Первые земские санитарные врачи – организаторы здравоохранения // Советское здравоохранение. 1964. № 5.

28. Ковригина В. А. Здравоохранение // Очерки истории русской культуры XIX в. Т. 2. М., 2000.

29. Копыркина И. В. Земство // Знак вопроса. 2006. № 11.

30. Коротеева Н. Н. Из истории земской фармации (на материалах Курской губернии) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2006. № 4.

31. Мирский М. Б. Российская земская медицина (к 130-летию земства) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 1994. № 2.

32. Сердце Предуралья / под ред. С. А. Русинова, В. А. Пономарева, Л. Е. Алексейчик и др. Екатеринбург, 2007.

33. Смирных А. И., Архипова Л. В., Белоусов О. В., Флягина Е. И., Новиков А. И. Уездные столицы: культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2002.

34. Сюзева Л. Благодаря земскому врачу: из истории развития медицины и здравоохранения в Красноуфимске // Вперед. 1986. № 28.

35. Черныш М. И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959.

УДК 271.2

ББК Т3(2)613-37

ГСНТИ

Код ВАК 07.00.02

03.23.31/03.23.55

М.Ю. Нечаева

Екатеринбург

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ

ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ЧИСЛЕННОСТЬ И

СОСТАВ ЧЛЕНОВ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX ВВ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Императорское Православное Палестинское общество, религиозные общественные организации, история Церкви, Русская Православная Церковь, общественные организации.

АННОТАЦИЯ: Палестинское общество отличалось элитным интеллектуальным составом, высоким финансовым цензом членства и особыми условиями приема. Эти цензы оставляли за пределами Общества многих потенциальных претендентов на звание его члена и делали численность Общества меньшей, чем это было возможно.

M.Y. Nechaeva

Yekaterinburg

THE IMPERIAL ORTHODOX PALESTINE SOCIETY: MEMBERSHIP AND SOCIAL STRUCTURE OF THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

KEYWORDS: Imperial Orthodox Palestine Society, social organizations, religious social organizations, Russian Orthodox Church, history of the church

ANNOTATION: The Palestinian society was the elite nature, large membership fees and special conditions of reception. These barriers were left outside of the Society many who desire to become members of the Society and made the membership smaller than it was possible.

Православной Палестинское общество (с 1889 г. имевшее почетное наименование «Императорское») среди многих общественных организаций России конца XIX—начала XX вв. выделялось строгими требованиями к членам и высоким уровнем взносов.

Состав членов и основные требования к ним определялся уставом общества, принятым в 1882 г. Членство в этой организации было возможно в трех видах: почетные члены, действительные и члены-сотрудники. Изначально устанавливалось количество первых двух категорий. Почетных членов должно было быть 50, в них избирались лица, известные учеными трудами по святым местам Востока, «особенно сочувствующие» целям Общества или сделавшие единовременное пожертвование не менее 5000 рублей. Нести какие-либо должности по Обществу почетные

члены не обязывались, но могли присутствовать на общих собраниях. Кроме почетных могло быть еще 200 действительных членов и «членов-сотрудников в неограниченном числе». Желаящие стать действительными членами должны были быть рекомендованы двумя или более действительными членами Общества, а решение принималось общим собранием, причем за кандидата должно было быть отдано более половины наличных голосов присутствовавших. Действительные члены имели право голоса на собраниях, могли избирать и избираться на все должности в Обществе, и должны были ежегодно платить членские взносы – не менее 25 рублей серебром или одновременно внести 500 рублей серебром. Устав отмечал, что в будущем возможно увеличение числа почетных и действительных членов сверх установленного лимита, но этот вопрос должен был рассматриваться по предложению Совета, а новый лимит утверждаться Общим собранием Общества. В члены-сотрудники мог принять Совет Общества, а не общее собрание, членский взнос составлял 10 рублей серебром ежегодно или 200 рублей одновременно. Члены-сотрудники в собраниях имели только совещательный голос.

Все члены получали дипломы за подписью председателя и скрепою секретаря Общества, а кроме того, все почетные члены и те из действительных членов и членов-сотрудников, которые сделали единовременный взнос вместо ежегодного, получали еще и особо установленный знак (для каждого из этих разрядов свой) [30].

Изданные в 1901 г. «Руководящие правила для действия отделов Императорского Православного Палестинского Общества» повторили все эти нормы, уточнив некоторые из них. Так, более подробно описывались знаки, положенные членам Общества: «для ношения на шее на голубой ленте. Высочайше утвержденный знак Общества: почетные члены — золотой, действительные — серебряный и члены-сотрудники — темной бронзы». Четко оговаривалось и то, что дипломы и знаки высылаются только после внесения установленных взносов. Все члены Общества, регулярно платившие взносы, получали и бесплатный экземпляр журнала «Сообщения Императорского Православного

Палестинского Общества». Но не платившие в течение трех лет взносы исключались из общества и обязаны были вернуть дипломы.

Желавший поступить в члены Палестинского общества мог подать заявление или прямо в Совет Общества, или в местный отдел. В последнем случае, отдел «по изъявлению согласия на то», пересылал заявления в канцелярию Общества ежемесячно, с приложением выписки из приходо-расходной книги, в которой значились членские взносы.

Прилагалась к «Руководящим правилам» и специальная форма заявления, которую заполнял претендент. В частности, он должен был указать, к какому отделению Общества желает принадлежать: поддержания Православия в Святой Земле, пособия русским паломникам или ученых исследований и изданий. Уточнялось, что для открытия местного отдела было достаточно 10 любых членов Общества в епархии – почетных, действительных или членов – сотрудников [15].

«Руководящие правила» довольно пространно предупреждали, что при приеме в члены Общества особо важно не количество, а качество:

«На увеличение числа членов Общества, как оно ни желательно, следует, по мнению Совета, смотреть скорее как на средство распространения сведений о целях и деятельности Общества, чем на одно привлечение денежных средств. Каждый член, в особенности с ежегодным взносом, требует от Общества также ежегодно известные затраты, которые не всегда соответствуют получаемым от него взносам; большая половина таких членов требует уже на второй год напоминания о своем обязательном взносе, а многие и после второго и третьего напоминания забывают о нем. При этом как бы велико ни было число членов, взносы их никогда не доставят Обществу необходимых для его деятельности денежных средств.

Существенно важным представляется избрание в члены лиц сознательно, по убеждению, вступающих в Общество. Один такой член стоит сотни принимающих на себя только обязательство ежегодного взноса.

В виду вышеизложенного Совет Общества просил бы Отделы обратить особое внимание не столько на привлечение большого числа новых членов, сколько на то, чтобы в члены поступали преимущественно лица, ознакомленным с целями и деятельностью Общества и сочувствующие им; только таких можно признавать надежными членами» [15. С. 5-6].

Надо признать, что на фоне все более ощущавшейся конкуренции между различными общественными благотворительными организациями того времени, строгая позиция руководства ИППО, явно отражавшая высокие (и даже идеалистические) духовно-нравственные требования высочайшего председателя великого князя Сергея Александровича и принявшей после его кончины этот пост великой княгини Елизаветы Федоровны, лично искренне преданных служению святыням Палестины, изначально задавала высокую планку членства в организации.

Однако пополнение состава Общества в первые годы его существования, еще до открытия местных отделов, шло достаточно динамично. Уже в 1883 г. – через год после создания Общества – Совет поставил вопрос об увеличении числа почетных членов до 100, поскольку установленная Уставом 1882 г. планка в 50 человек была исчерпана, а «единственная для нас возможность отчасти возблагодарить особ, сочувственно относящихся к целям Общества, есть предложить им звание почетных членов... это сочувствие превзошло наши надежды, когда составлялся устав» [12. С. 35].

К 1885 г. – когда было решено создавать местные отделы – в Палестинском обществе уже состояло 615 членов (на 29 мая), в том числе 73 почетных, 180 действительных и 362 члена-сотрудника. Тогда же Советом был поставлен вопрос об увеличении лимита действительных членов до 300, поскольку с учетом поданных заявлений прежняя планка – 200 человек – также была преодолена [13. С. 50-51].

В это же время был составлен интереснейший список всех членов общества с указанием места их проживания, сводная информация по которому приведена в табл. 1.

Таблица 1

Состав членов Палестинского общества на 1 июня 1885 г.*

<i>Губернии</i>	<i>Количество членов</i>	<i>Епископат</i>	<i>Монахи</i>	<i>Белое духовенство</i>	<i>Миряне</i>
Санкт-Петербург	183	2	3	4	174
Москва	110	2	22	11	75
Акмолинская область	1	-	-	-	1
Архангельская губерния	4	1	2	1	-
Астраханская губерния	12	1	-	-	11
Бакинская губерния	1	-	-	1	-
Бессарабская губерния	3	1	-	1	1
Варшавская губерния	5	1	-	1	3
Витебская губерния	3	-	-	-	3
Владимирская губерния	8	1	2	-	5
Вологодская губерния	2	-	-	-	2
Волынская губерния	6	1	-	1	4
Воронежская губерния	4	-	1	-	3
Вятская губерния	5	2	-	1	2
Дагестанская губерния	1	-	-	1	-
Донская губерния	4	1	-	-	3
Екатеринославская губерния	13	-	1	2	10
Енисейская губерния	16	1	-	7	8
Забайкальская губерния	8	1	-	-	7
Казанская губерния	13	1	-	2	10
Калужская губерния	3	-	-	-	3
Киевская губерния	13	1	2	7	3
Костромская губерния	7	1	1	-	5
Кубанская губерния	4	-	-	1	3
Курская губерния	1	-	-	1	-

* Составлено по материалам: [13. С. 87-114].

Лифляндская губерния	2	-	-	-	2
Минская губерния	6	1	1	3	1
Московская губерния	4	-	3	-	1
Нижегородская губерния	2	-	-	-	2
Новгородская губерния	11	-	3	2	6
Олонецкая губерния	2	1	-	-	1
Оренбургская губерния	3	1	-	2	-
Пензенская губерния	11	1	1	-	9
Пермская губерния	17	1	-	-	16
Подольская губерния	5	1	-	3	1
Полтавская губерния	6	2	-	-	4
Псковская губерния	13	-	1	-	12
Рязанская губерния	3	2	-	-	1
Самарская губерния	7	-	-	-	7
С-Петербургская губерния	12	-	1	1	10
Саратовская губерния	5	-	-	-	5
Симбирская губерния	3	1	-	-	2
Смоленская губерния	3	1	-	-	2
Ставропольская губерния	3	1	-	1	1
Сыр-Дарьинская губерния	1	1	-	-	-
Таврическая губерния	5	-	-	2	3
Тамбовская губерния	13	1	3	4	5
Тверская губерния	7	1	-	1	5
Терская область	6	-	-	2	4
Тифлисская губерния	3	1	-	1	1
Тобольская губерния	4	-	-	-	4
Тульская губерния	6	1	-	1	4
Уфимская губерния	2	-	-	1	1
Харьковская губерния	6	-	-	3	3
Херсонская губерния	13	1	-	-	12
Черниговская губерния	1	-	-	-	1
Ярославская губерния	9	1	3	1	4
Вне России	22	3	3	-	16

Подавляющее большинство членов Палестинского общества проживало в двух городах – Санкт-Петербурге и Москве. По Санкт-Петербургу значились и 17 представителей Дома Романовых, ставших членами Общества. 22 члена находились за пределами России. В разных регионах количество членов Общества колебалось от 1 до 17 человек, причем в 11 губерниях число членов уже превосходило лимит в 10 человек, обязательный для открытия местного отдела: в Пермской было 17 членов, в Енисейской – 16, в Херсонской, Тамбовской, Псковской, Киевской и Казанской губерниях – по 13, в Санкт-Петербургской и Астраханской – по 12, в Пензенской и Новгородской – по 11. Показательно, что из числа губерний, имевших относительно большое количество членов Палестинского общества, лишь две могут быть отнесены к тем, где относительно рано открылись епархиальные отделы: в 1894 г. появились Пензенский и Екатеринбургский. В 1895 г. появились Псковский и Казанский отделы, в 1896 г. – Астраханский, остальные открылись еще позже – с 1897 по 1902 г., а в Санкт-Петербургской губернии местный отдел так и не был создан – его функции выполнял Совет Общества. Таким образом, отнюдь не изначальная численность членов Общества на местах определяла время открытия региональных отделов.

Рост численности членов Общества достаточно успешно шел в первые годы его существования, к началу 1888 г., например, их было 912 [14. С. 3]. Однако Совет Общества справедливо отмечал, что именно создание местных отделов Общества, начавшееся с 1893 г., привело к коренному росту состава ИППО. Уже в начале 1895 г. (к 30 апреля), когда можно было оценивать первые результаты открытия местных отделов, Совет четко связал увеличение числа членов до 2418 человек именно с этими событиями [17. С. 131]. Положительная динамика была и в последующие годы: к маю 1898 г. – 4400, к маю 1902 г. – 5116 членов [18. С. 174-175; 19. С. 84].

Однако с 1902/1903 отчетного года ситуация стала меняться: к 1 марта 1903 г. было уже 4977 членов [20. С. 167-168], а к 1 июня – 4127 [1. С. 16]. Падение численности продолжалось и далее: к 1 марта 1905 г. было 4994 человека, к 1 января 1906 г. – 4666, к 1

марта 1910 г. – 3266, к 1 марта 1911 г. – 3000, к 1 марта 1912 г. – 2734. С 1913 г. началась медленная стабилизация: к 1 января 1914 г. – в ИППО состояло 2917 человек, к 1 января 1915 г. – 2922 [21. С. 116; 22. С. 52; 23. С. 274; 24. С. 202; 25. С. 211; 26. С. 226; 27. С. 144; 28. С. 181].

Новые члены продолжали поступать в Палестинское общество, но этот прирост не покрывал убыль членов. Причины падения численности сводились к нескольким факторам. Во-первых, сказывался возрастной состав Общества: многие из числа его членов скончались в это время, и в ежегодных «Сообщениях ИППО» некрологи даже наиболее видных деятелей Общества занимали все больше места. Во-вторых, Палестинское общество стало отчислять за неуплату членских взносов более 3 лет.

Совет Общества, конечно, видел проблемы и даже вел статистику. Например, в 1904/1905 отчетном году вступило 275 человек, а выбыло 452, причем по смерти 8 почетных, 33 действительных и 115 членов-сотрудников (всего 166 человек), а ввиду прекращения платежа членских взносов — 296 (36 действительных и 260 членов-сотрудников) [21. С. 116-117]. Подобная картина – выбывших больше вступивших, а среди выбывших преобладают отчисленные за неуплату взносов – была и в последующие годы (с небольшими колебаниями) [21. С. 116-117; 24. С. 202; 25. С. 211; 26. С. 226; 27. С. 144; 28. С. 181].

Если спуститься на уровень отдельно взятых отделов, то мы увидим схожую картину колебания численности.

Так, например, Екатеринбургский отдел в первый год своего существования (1894/1895 г.) увеличил свою численность с 50 до 94 членов [6. С. 453, 456], а в 1902/1903 отчетном году увеличил свою численность только на 1 человека (численность членов 226 человек) [7. С. 271]. Однако в последующие годы численность членов также стала падать и в 1912—1913 г. в Екатеринбургском отделе было только 85 членов, на 8 человек меньше, чем в предыдущем [8. С. 288-289].

В списке членов Пермского отдела Общества к 1 марта 1898 г. (к концу первого года существования) было 88 человек [2. С. 430], в 1902/1903 отчетном году уже только 45. Показательно, что за один только 1902/1903 год из состава Пермского отдела выбыло

15 человек, и только двое из них по смерти, а остальные 13 – за непредставлением членских взносов в течение более чем трех лет [10. С. 473]. В 1910/1911 г. в Пермском отделе был 51 член, причем 7 из них поступили в этом году [3. С. 222].

К началу XX в. большинство членов Палестинского общества состояло именно в местных отделах. Например, в 1901/1902 г. на долю местных отделов приходилось 4276 членов из 5700 (75%) [16. С. 18-19].

Численность местных отделов Палестинского общества колебалась в весьма обширном диапазоне. По данным 1902/1903 отчетного года, например, в разных отделах было от 21 до 636 членов (см. таблицу 2). Самым малочисленным оказался Енисейский отдел (открыт в 1898 г.). Численность членов менее 50 человек имели Якутский отдел (старейший по времени существования, открыт в 1893 г.), Волынский, Оренбургский, Черниговский, Тверской, Казанский, Ставропольский, Псковский, Уфимский, Кишиневский, Пермский, Воронежский, Подольский, Архангельский, Витебский, Таврический, Тамбовский, Киевский отделы. Рекордсменом по численности членов был Донской отдел – 636 человек. Со значительным отрывом за ним шли еще несколько достаточно многочисленных отделов: Екатеринославский (252 члена), Екатеринбургский (222 члена), Вятский (206 членов), Орловский (203). Если сопоставить эти данные со временем открытия отделов, то можно отметить, что отнюдь не срок существования отдела определял его многочисленность. Равно как невозможно утверждать и то, что количество членов было связано с многолюдностью той или иной губернии или уровнем материального достатка. Напрашивается только один вывод: численность членов в региональных отделах напрямую зависела от энергичности деятельности активистов Общества на местах.

Члены-сотрудники составляли 83% членов местных отделов, действительные члены – 15,5%, а почетные – только 1,5%. Причем из числа действительных членов 48% смогли уплатить единовременный взнос в 500 рублей и войти в ранг пожизненных членов, а среди членов сотрудников – только 17 % смогли заплатить 200-рублевый взнос и стать пожизненными членами.

Всего из состава местных отделов ИППО 22% членов имели статус пожизненных (на 1902/1903 отчетный год).

Таблица 2

**Состав местных отделов ИППО в 1902/1903
отчетном году***

№№ отдел ов	Отделы	Пожизненные члены	Действительные члены		Члены-сотрудники		Всего
			Пожизненные	С ежегодным взносом	Пожизненные	С ежегодным взносом	
1	Якутский	1	10	1	7	25	44
2	Одесский	1	15	8	16	56	96
3	Волынский	1	8	3	12	22	46
4	Вятский	1	1	18	33	143	206
5	Оренбургский	1	4	2	8	28	43
6	Пензенский	2	8	5	41	100	156
7	Рязанский	3	6	3	16	78	106
8	Черниговский	2	4	2	12	24	44
9	Томский	1	10	10	28	102	151
10	Калужский	3	11	-	9	40	63
11	Екатеринбургский	3	9	12	17	181	222
12	Ярославский	2	20	7	22	64	115
13	Тверской	1	6	4	9	26	46
14	Казанский	1	9	-	8	12	30
15	Смоленский	1	4	7	7	45	64
16	Ставропольский	1	7	1	23	17	49
17	Псковский	1	7	4	3	18	33
18	Владимирский	2	13	14	18	44	91
19	Донской	1	12	23	58	542	636
20	Тульский	1	7	5	10	53	76
21	Уфимский	1	1	10	3	22	37
22	Астраханский	1	17	11	22	70	121
23	Вологодский	1	5	5	20	80	111
24	Кишиневский	2	3	1	7	28	41

* Составлено по материалам: [1. С.15].

25	Екатеринославский	2	14	53	32	151	252
26	Нижегородский	1	8	4	14	30	57
27	Пермский	1	4	-	9	32	46
28	Тобольский	1	2	1	8	44	56
29	Благовещенский	1	5	5	8	36	55
30	Новгородский	1	8	4	18	51	82
31	Воронежский	2	3	3	7	25	40
32	Енисейский	2	3	-	5	11	21
33	Костромской	2	13	11	8	24	58
34	Подольский	1	1	2	9	16	29
35	Архангельский	1	6	5	8	29	49
36	Олонецкий	1	3	7	1	49	61
37	Курский	1	1	19	5	73	99
38	Орловский	1	3	42	4	153	203
39	Полтавский	3	9	15	10	79	116
40	Витебский	-	3	3	-	41	47
41	Таврический	1	1	2	3	41	48
42	Симбирский	2	5	6	8	103	124
43	Тамбовский	-	4	4	6	18	32
44	Киевский	3	10	2	7	3	25
	Всего	62	313	344	579	2,829	4,127

Создание местных отделов Палестинского общества существенно изменило и социальный состав этой организации. До их создания большинство членов были представителями светских сословий. Так, к концу 1882/1883 отчетного года в Обществе состояло 405 членов, из них только 103 (25%) из духовного звания [12. С. 69]. К 1 июня 1885 г. из 646 членов общества только 164 (тоже 25%) были из числа духовенства. Больше половины светских членов Общества проживало в Санкт-Петербурге (174 человека) и Москве (75 человек), и это обстоятельство подтверждает тот факт, что Палестинское общество изначально имело высокоинтеллектуальный характер и было в значительной степени ориентировано на верхи российского общества.

Характерно, что к середине 1885 г. светских членов Общества не было только в 6 регионах (из тех территорий, где члены Общества вообще были), а из духовного звания отсутствовали в 10 регионах. В 25 регионах среди членов Палестинского общества не было епископата, в 41 регионе –

монашествующих, в 28 регионах – приходского духовенства (см. таблицу 1).

С созданием местных отделов картина стала постепенно меняться. Поскольку согласно уставным документам и в духе политики Совета ИППО возглавлять отделы должны были местные архиереи, епископат стал активнее пополнять ряды членов общества не только своими персонами, но и подведомственным им духовенством (в основном приходским). По статистике Совета ИППО в 1901/1902 отчетном году, например, из числа 526 вновь вступивших членов общества 276 были из духовного звания (52%). Этот факт Совет Общества находил отрадным: «Такое сочувствие со стороны духовенства, как наиболее ознакомленного с задачами общества и его нуждами, и являющегося, благодаря своему положению, примером для прихожан, особенно радостно, ибо служит доказательством, что деятельность Палестинского общества на Св. Земле в защиту угнетаемого инославными Православия находит справедливую оценку среди лиц, посвятивших себя служению Православной церкви на родине, и что эти лица, одинаково дорожащие торжеством веры Православной как у себя на родине, так и в далекой по расстоянию, по близкой по сердечному влечению — Св. Земле, не преминут оказать свое посильное содействие Палестинскому обществу» [16. С. 15-16].

Постепенное увеличение числа духовенства в рядах Палестинского общества можно наблюдать в истории практически всех отделов, хотя динамика была разная.

Например, в Екатеринбургском отделе ИППО, организованном в 1894 г., к концу первого года существования из 94 членов 39 (41%) были представителями духовенства, еще 55 (59%) – мирянами. Из числа духовенства, за исключением двух епископов – почетных членов (последовательно сменивших друг друга), все остальные стали членами-сотрудниками. Следовательно, основные финансовые средства Общество получило от мирян, которые соглашались быть и членами-сотрудниками, и действительными членами, причем иногда вступали в Общество с единовременными крупными взносами. Так, единовременно внесли на звание действительного члена по

500 рублей купцы Ушков Михаил Федорович из Верхотурья и Соснин Филипп Алексеевич из Шадринска, на звание члена-соревнователя по 200 рублей купцы из Екатеринбурга Лебедев Николай Сильвестрович и Атаманов Владимир Яковлевич, шадринская купчиха Шахматова Анна Галактионовна. Из членов отдела 24 были купцами, 21 – представителями местного чиновничества и интеллигенции, 10 – крестьянами.

Примечательна и география мест жительства первых членов Екатеринбургского отдела: не менее 53 человек – из Екатеринбурга, 10 человек из Шадринска, были также жители Верхотурья, Ирбита, Далматовского, Верх-Теченского, Каменского монастырей, Нижнетагильского, Алапаевского и Сусанского заводов, сел: Мехонское, Шайтанское, Клевакинское, Меркушинское, Ушаковское, Катайское, Ницинское, Новопышминское, Бакланское, Изъедугинское, Кабанское [6. С. 455, 458-464].

В списке членов Пермского отдела Общества на 6 апреля 1897 г. (на дату открытия) было 104 человека: 1 почетный – епископ Пермский Петр, 9 действительных и 94 члена-сотрудника [4. С. 320].

К началу XX в. состав членов этих отделов изменился. Так, в Екатеринбургском отделе в 1901/1902 г. из 248 членов духовенство составляло 76% , причем львиная доля приходилась именно на приходское духовенство (177 человек). Монашествующих было только 5. Из мирян больше всего было представлено купечество (32 человека), имелись представители крестьянства (7 человек), мещанства (4 человека) [9. С. 38-52]. В следующем году отдел пополнился еще 9 членами, причем все стали членами-сотрудниками с ежегодным взносом по 10 рублей: крестьянин Александр Дымшаков, мастеровой Иаков Мартюшев, мещанин Феодор Назаров, диакон Иоанн Кузовников, священники: Александр Сильвестров, Александр Пономарев, Димитрий Чернавин и Игнатий Кочнев и екатеринбургский купец Гавриил Логинов [7. С. 271]. Год спустя (в 1903/1904 отчетном году) в состав пожизненных членов вступили протоиерей Ирбитского собора Андрей Георгиевич Богословский с единовременным взносом 500 руб. и крестьянин Андрей Трутнев со взносом в 200

руб., а в число членов-сотрудников с ежегодным взносом 10 руб. вступили: священники Василий Сабуров, Димитрий Оглоблин, Иоанн Рыболовлев, Василий Яровский, епархиальный миссионер А. И. Обтемперанский, церковные старосты: Гавриил Поникаровский, Василий Зотов, Савватий Новоселов и Стефан Пермикин. Двое из этих 11 человек (А.Г.Богословский и А.И.Обтемперанский) вступили по приглашению делопроизводителя местного отдела [5. С. 189-190].

В соседнем – Пермском отделе – значительно меньшем по количеству членов (на 1902/1903 отчетный год – 46 человек) – 51% составляли представители духовенства (правящий архиерей, игуменья Руффина и 21 священник) [11. С. 484-485]. Из мирян больше всего было представлено купечество (14 человек), имелись также мещане, крестьяне и др. [10. С. 484-485].

Совет Палестинского общества и должностные лица местных отделов прекрасно видели и старались анализировать четко проявившуюся с начала XX в. отрицательную динамику выбытия членов из состава Общества. Отток членов все более превышал их пополнение (см. таблицу 3). Основной причиной выбытия из членов Палестинского общества вплоть до начала 1913 г. оставалась неуплата членских взносов (от 65 до 75% выбывших), и только в последующие годы этот процент стал немного ниже, а само соотношение числа вновь вступивших и выбывших начало сближаться.

Таблица 3

**Соотношение количества новых и выбывших членов
ИППО в начале XX в.***

<i>Год</i>	<i>Вступило</i>	<i>Выбыло</i>	<i>% выбывших за неуплату членских взносов</i>	<i>% выбывших по причине смерти</i>
1904/1905	275	452	65	35
1909/1910	125	426	75	25
1911/1912	169	435	75	25

* Составлено по материалам: [21. С. 116-117; 23. С. 274; 24. С. 202; 25. С. 211; 26. С. 226; 27. С. 144; 28. С. 181].

1912/1913	322	332	72	28
1913/1914	197	193	58	42
1914	112	179	57	43
1915	83	78	1	99

С 1906 г. Совет Общества стал постепенно осознавать необходимость введения более гибких условий членства и уплаты взносов, осознав, что негативную динамику числа членов порождает не только несознательность некоторых вступивших, но и организационные моменты, не учитывающие в полной мере экономическое положение и ментальность реальных людей, оказавшихся в рядах Палестинского общества. Так в 1906 г. Совет уже сообщал, что «озабочиваясь изысканием средств к возможно большему на будущее время ослаблению такого прискорбного явления и, параллельно с этим, к привлечению новых членов, Совет Общества принципиально пришел к убеждению, в согласии с поступившими отзывами большинства отделов, что необходимо впредь не только облегчать поступление ежегодных членских взносов, но и поощрять каждое лицо, внесшее, хотя и в рассрочку, свой взнос пожизненного члена полностью» [21. С. 117]. Однако руководство не пошло на пересмотр принципов членства и динамика численности оставалась негативной.

Подробный анализ кадровых проблем Палестинского общества показывает, что на динамику его численности влиял широкий спектр причин, в том числе и сугубо организационные аспекты, как-то излишняя строгость условий членства. Надо полагать, что сохранение этих условий было последствием попыток обеспечить элитный характер организации, что объективно препятствовало расширению социальной базы Общества.

Источники:

1. Деятельность отделов Императорского Православного Палестинского Общества в 1902/3 году. Санкт-Петербург, 1903.
2. О деятельности Пермского отдела Императорского Православного Палестинского Общества со дня открытия отдела по 1-е марта 1898 г. // Пермские епархиальные ведомости. 1898. № 24. Отдел офиц.

3. Общее собрание Пермского отдела Императорского Православного Палестинского Общества // Пермские епархиальные ведомости. 1912. № 12. Отдел неофиц.

4. Открытие Пермского отдела Православного Палестинского Общества // Пермские епархиальные ведомости. 1897. № 10. Отдел неофиц.

5. Отчет Екатеринбургского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества, за время с 1 марта 1903 года по 1 марта 1904 года // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1904. № 11. Отдел офиц.

6. Отчет о деятельности Екатеринбургского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за первый год его существования (10 апреля 1894 г.—10 апреля 1895 г.) // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1896. № 20–21. Отдел офиц.

7. Отчет о деятельности Екатеринбургского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за девятый год его существования, с 1 марта 1902 года по 1 марта 1903 года // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1903. № 11. Отдел офиц.

8. Отчет о деятельности Екатеринбургского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за время с 1 марта 1912 года по 1 марта 1913 года // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1913. № 24. Отдел офиц.

9. Отчет о деятельности Екатеринбургского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за восьмой год его существования (с 1 марта 1901 г. по 1 марта 1902 г.) // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1903. № 3. Отдел офиц.

10. Отчет Пермского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1902–1903 годы // Пермские епархиальные ведомости. 1903. № 40. Отдел офиц.

11. Отчет Пермского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1902–1903 годы (продолжение) // Пермские епархиальные ведомости. 1903. № 41. Отдел офиц.

12. Отчет Православного Палестинского Общества за 1882-1883 год. Санкт-Петербург, 1883.

13. Отчет Православного Палестинского Общества за 1884-1885 год. Санкт-Петербург, 1885.

14. Отчет Православного Палестинского Общества за 1887-1888 год. Санкт-Петербург, 1889.

15. Руководящие правила для действия отделов Императорского Православного Палестинского общества [Санкт-Петербург] : Тип. В. Киришбаума, [1901].

16. Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XIII. Приложение 1. Санкт-Петербург, 1902.
17. Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том VI. Санкт-Петербург, 1896.
18. Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том IX. Санкт-Петербург, 1899.
19. Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XIII. Санкт-Петербург, 1903.
20. Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XIV. Санкт-Петербург, 1903.
21. Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XVII. Санкт-Петербург, 1906.
22. Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XVI. Приложения. Санкт-Петербург, 1906.
23. Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XXII. Санкт-Петербург, 1911.
24. Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XXIII. Санкт-Петербург, 1912.
25. Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XXIV. Санкт-Петербург, 1913.
26. Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XXV. Санкт-Петербург, 1914.
27. Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XXVI. Петербург, 1915.
28. Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XXVII. Петроград, 1916.
29. Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Том XXIII. Санкт-Петербург, 1912.
30. Устав Православного Палестинского общества [[Текст] :] : [утв. 8 мая 1882 г.] Санкт-Петербург : Тип. В Киришбаума , 1887.

УДК 908+929.52

ББК Т.3-8

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

И.А. Новиков

Челябинск

**ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И
ЮЖНЫЙ УРАЛ: 400-ЛЕТИЕ ДОМА РОМАНОВЫХ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Южный Урал, Златоуст, горнозаводская промышленность, император, Александр I, Николай II

АННОТАЦИЯ: В статье рассмотрен 400-летний юбилей Дома Романовых и его отражение в истории Южного Урала. Показаны как позитивные, так и отрицательные моменты их политики в регионе. Определены причины посещения Южного Урала и Златоуста российскими императорами и наследниками престола, итоги и последствия для региона. Доказывается, что юбилейные даты актуализируют исторические знания в современном российском обществе и образовании.

I.A. Novikov
Chelyabinsk

**JUBILEE OF RUSSIAN HISTORY AND THE
SOUTHERN URALS: THE 400TH ANNIVERSARY OF
THE ROMANOV DYNASTY**

KEY WORDS: Southern Urals, Chrysostom, the mining industry, the emperor Alexander I, Nicholas II

ABSTRACT: In the article the 400th anniversary of the Romanov dynasty and its reflection in the history of the Southern Urals were shown. Positive and negative aspects of their policy in the region were shown. Reasons for attending the Southern Urals and Chrysostom Russian emperors, and heirs to the throne, the results and implications for the region were identified. We prove that the anniversaries actualize historical knowledge in contemporary Russian society and education.

В историческом календаре юбилейных российских дат 2013 года, по нашему мнению, необходимо выделить двенадцать, имеющих прямое или косвенное отношение к Южному Уралу: 70-летие Сталинградской и Курской битв, прорыва «Блокады Ленинграда», «Малой земли» и «Битвы за Днепр»; подвигов «Молодой гвардии» и «Александра Матросова»; 400-летие Дома Романовых; 200-летие Заграничных походов русской армии; 170-летие начала Крымской войны; 110-летие «Златоустовской бойни» и 110-летие И.В. Курчатова. Кто-то усомнится в представленном списке, другие добавят в него свои – это не аксиома, он может варьироваться, но юбилейные даты актуализируют исторические знания в современном обществе. Представленные даты и добавленные по усмотрению учителя или преподавателя

необходимо использовать в учебно-воспитательном процессе образовательных учреждений.

Мы остановимся на одной из них – 400-летию Дома Романовых. Дата тоже неоднозначная. «Ипатьевский дом» и «Ганина Яма» биссектрисой прошли по судьбе россиян, разделив их на долгие годы, на «белых» и «красных». Еще четверть века назад эту дату бы широко не афишировали. Тем более что для современных россиян Урал оставил трагический след в судьбе Романовых: гибель Николая II, его семьи, брата Михаила Александровича, других представителей Дома.

400 лет назад, 21 февраля 1613 г., с восшествия на престол Михаила Федоровича началось 304-летнее царствование династии Романовых. В середине XVII века начинается освоение (колонизация) Южного Урала, что приводит к первым башкирским восстаниям. В 70-х гг. XVII века была первая попытка промышленного освоения края: поиск серебряной руды в районе современного Златоуста, где они возвели «Новый уральский острожек». Для бесперебойной работы отряда были посланы стрельцы и крестьяне с лошадьми. Однако найти удалось только железную руду, в связи с чем поиск прекратили, а городок сожгли [17. Л. 343-345; 490-492] что подтверждают выводы историко-археологических экспедиций Е.Л. Курлаева [29. С. 275-277]. Кроме того, действовал железный промысел Далматовского монастыря с участием уральских крестьян и посадских людей, которые сыграли важную роль в выборе удобных мест для новых заводов, в т.ч. и южноуральских, а крестьянское население зауральских слобод одним из первых было приписано к Каменскому заводу.

В 30-е гг. XVIII века с началом деятельности Оренбургской экспедиции усиливается как колонизация, так и ответная реакция коренного башкирского населения. Промышленная модернизация Урала, затронувшая сначала территорию Среднего Урала, в середине 1740-х гг. перекинулась и на Южный Урал. При Анне Иоанновне был основан Челябинск, при Елизавете Петровне возникло большинство южноуральских заводов: Каслинский, Катав-Ивановский, Саткинский, Кыштымский, Златоустовский. Всего с 40-х гг. XVIII века на Южном Урале построено 17 заводов [28. С. 572-578], которые выпускали высокосортный металл, что,

делало возможным удовлетворение не только своих внутренних потребностей, но и его отправку на европейский и среднеазиатский рынки.

В 1820-е гг. начинается промышленная добыча золота. Один из приисков был назван в честь Александра I – Царево-Александровский. Горный начальник Златоустовских заводов С.П. Татаринов доносил директору департамента Горных и соляных дел Е.И. Мечникову, что с 8 по 18 июля 1824 г. «начата надлежащая разработка золота в открытом 28 мая сего года Царево-Александровском руднике. Золото, в сем руднике добытое, 24 фунта 62 золотника состояло большею частью в крупных кусках» [5. Л. 5]. Кроме того в 1815 г. на Златоустовском заводе начинает действовать Оружейная фабрика, а в 1830-е гг. для нее строится новое здание в стиле позднего промышленного классицизма, приезжают иностранные мастера. Основной продукцией фабрики стал выпуск холодного оружия, в т.ч. и украшенного, так формируется Златоустовское украшенное оружие. В 1826 г. издатель «Отечественных записок» П. Свиньин писал, что «Златоустовский завод на город походит более, чем многие уездные города, как регуляторством своим, так и движением. Улицы довольно широки и много зданий каменных в несколько этажей...» [18. С. 259].

На заводы отправляли практикантов, студентов, горных инженеров, иностранных специалистов. Деятельность заводов, в т.ч. и Златоустовских, была примером для других. Побывавший в 1829 г. на Южном Урале Александр Гумбольд писал из Златоуста, что «... маленькое и незначительное ранее местечко превратилось в совершенно немецкий фабричный городок, в котором мы повсюду слышали родную речь и видели родные порядки, и нравы ... я только что возвратился (Вы этого не ожидаете) с бала, данного нам здешними мастерами...» [13. Л. 4 об. 6]. Поэтому не вызывает удивления посещение Южного Урала и Златоуста российскими императорами и наследниками престола. В XIX – начале XX вв. два императора и два наследника престола посетили Урал: Александр I в 1824 г., Николай II в 1904 г., Александр Николаевич в 1837 г. и Николай Александрович в 1891 г. Каждая из

поездок имела свою цель, программу, итоги и последствия для региона.

Их пребывание нашло отражение в исторической литературе, но чаще всего в трудах дореволюционных уральских историков-краеведов Н.К. Чупина, В.Е. Бокова [22. С. 248-273; 23. С. 382-411; 24. С. 287-318; 3; 4] или современных российских – Ю.П. Окунцова, Н.А. Антипина, И.А. Новикова, И.Б. Шубиной [33. С. 38-41; 26. С. 124-129; 30. С. 66-72; 34]. Кроме того большой пласт материала о пребывании императоров и наследников престола хранятся не только архивах Екатеринбурга и Златоуста, но и Москвы, т.к. и Александр Николаевич и Николай II вели дневниковые записи, часть из которых опубликованы [4].

В своем дневнике Александр Николаевич писал, что прибыв 7 июня «... на Миасский завод и осматривав там музей, проплавку в печах золотоносных песков и выплавку из них золотистого чугуна и наконец опытное производство ... Дорога шла через живописные гористые места ... 8 июня – Златоустовский завод. ... В 11 часу мы отправились обозреть Златоустовский завод, который включает себе два производства: заводское и оружейное. ... направились в дом одного иностранного мастера, коих здесь до 500 семей. ... в госпиталь и в арсенале забрали и для себя оружие ... потом мы взбирались на гору, половину верхом, а половину пешком по камням и дошли до высшей сопки ...» [3. Л. 61-63].

Спустя 57 лет Николай II записал в своем дневнике: «30 июня, среда. Ночью стояли немного выше гор. Златоуста и утром увидели против окон столб с надписью: Европа – Азия. В 8¼ подъехали к станции. После встречи поехали на парад, на кот[ором] представились отлично полки: 214-й Мокшанский и 282-й Черноморский. Местоположение было очень красивое – горы кругом и площадки парада. Дождь прошёл, и даже показалось солнце. Заехав в собор у самого завода, вернулись на станцию, где осмотрели оружие и предметы, изготавливаемые на заводе. В 10½ уехали из Златоуста – остался очень доволен этим местом. После завтрака долго сидел с Мишей в заднем вагоне. Любовались красотой дороги при солнечном освещении, когда спускались с гор, попали в два ливня...» [4. С. 217]. Инаследник, и император

восхищались красотой «Уральской Швейцарии» и шедеврами златоустовских мастеров украшенного оружия.

В последние годы своего царствования Александр I обратил особое внимание на состояние горнозаводской промышленности империи. Это доказывает создание Екатеринбургской временной горной комиссии, поручение составить проект Уральского горного генерал-губернаторства и предпринятая осенью 1824 г. поездка императора на Урал. Во время поездки Александр I в подробностях ознакомился с краем, работой заводов и жизнью населения. Посетив Урал, император остался недоволен состоянием казенных заводов и управлением горнозаводского региона. По мнению императора, «начальники имеют много воли, они самовольствуют и распоряжаются казенным, как своею собственностью. ... Воровство усиливается, и надлежит его пресечь. Надобно им дать такого начальника, который бы их двигал и распорядился ими» [19. С. 271].

Это явилось причиной создания в конце 1824 г. Комитета для изучения работы казенных заводов и составления новых штатов [27. С. 40]. Было подано два проекта: главы Екатеринбургской временной горной комиссии В.Ю. Соймонова и министра финансов Е.Ф. Канкрин. Если первый предполагал создание Горного министерства, то второй – учреждение должности Главного горного начальника горных заводов Урала. Внезапные смерти В.Ю. Соймонова и Александра I предопределили выбор в пользу проекта Е.Ф. Канкрин. 22 ноября 1826 г. Николай I подписал положение о создании должности Главного начальника горных заводов хребта Уральского [15. С. 142-143].

В 1824 г. должность Горного начальника Златоустовских заводов занимал Степан Петрович Татарин. Он внес большой вклад в развитие техники добычи золота, выплавки и горячей обработки металлов на Златоустовских, Нерчинских и Алтайских заводах. С.П. Татарин один из немногих горных и главных начальников, занимавших этот пост в трех горнозаводских регионах: Горный начальник Златоустовских заводов и директор Златоустовской оружейной фабрики (1821-1826), Горный начальник Нерчинских заводов (1829-1840), Главный начальник

Алтайских горных заводов и Томский гражданский губернатор (1840-1847) [21. Л. 1].

С.П. Татаринов организовал встречу императора Александра I и сопровождал его во время посещения заводов и рудников Златоустовского горного округа. За найденный императором порядок и устройство Оружейной фабрики император наградил его орденом Анны II ст. Во время управления Златоустовским горным округом значительно увеличил добычу золота на Миасских промыслах. Организованные им геологоразведочные партии открыли ряд новых месторождений золота, за что в 1825 г. ему было объявлено «Высочайшее благоволение» [20. Л. 5]. Однако есть и другая версия перевода С.П. Татаринова со Златоустовских заводов, основанная на материалах записок главы Екатеринбургской временной горной комиссии В.Ю. Соймонова [19. С. 262-268]. Александр I остался недоволен его ответами, что С.П. Татаринов в совершенстве не знает горнозаводское производство, а постоянно апеллировал к своим подчиненным по тонкостям заводского действия. К этому необходимо добавить воровство золота, с которым С.П. Татаринов справиться не смог, и недовольство им иностранными мастерами. Поэтому неудивительно, что на его место был назначен А.А. Агте [12. Л. 2].

С пребыванием Александра I на «своем» руднике связана и легенда о царском подкидыше. Якобы, чтобы услужить монарху местное горнозаводское начальство подбросило (подложило) ему в шурф золотую самородку. Однако не в отчете о поездке по Златоустовским заводам, ни в других архивных документах «подкидыш» отсутствует [Более подробно об этом см. 30. С. 66-72].

На самом же деле «... до прибытия на оные Его Величества часа за три найдена при добыче песков при Царево-Александровском прииске мастеровым Дементьем 2-м Петровым золотая самородка весом в 8 фунтов 7 золотников и в присутствии Его Императорского Величества промыто золотосодержащих песков с Царево-Александровского прииска 100 пудов, из коего получено золота до 60 золотников, которое, а равно и самородку в 8 фунтов 7 золотников Государю императору угодно было оставить

при себе, и в знак монаршего своего благоволения изволил наградить мастерового Дементья 2-го Петрова, нашедшего золотую самородку 500 рублями, мастеровых 11 человек, работавших в одной разработке вместе с Петровым 550 рублями, и мастеровых, обращавшихся при промывке песков в присутствии Его Императорского Величества 135 человек 1000 рублей» [6. Л. 54-54 об.]. В 1850 г. на Царево-Александровском прииске будет воздвигнут памятник Александру I [10. Л. 1-2 об.].

Через двенадцать лет, в 1837 г., Златоустовский завод, благодаря стараниям К.И. Арсеньева и В.А. Жуковского – учителей наследника престола, вновь окажется обязательным объектом посещения Александра Николаевича. Помощник горного начальника Златоустовских заводов майор П.Е. Ахматов составил подробный отчет о пребывании. Вот некоторые выдержки из него: на Златоустовском заводе «...Вообще Его Высочество был весьма весел, шутил и всем остался доволен, в особенности в арсенале. После обеда его высочество изволил быть в саду, где производилась проба кирасам, стрельбою из солдатских фузей; потом отправился на Уреньгу, одну из высоких гор, окружающих Златоуст. ... толпы народа покрывали всю площадь, а под балконом играла музыка, составленная из здешних иностранцев. [...] Проезжая мимо сопки Урала, Его Высочеству вздумалось побывать на ней. [...] С большим затруднением взбирались на самую вершину сопки. [...] Несмотря на убедительные просьбы генерал-адъютанта Кавелина, чтобы не подниматься далее, а удовольствоваться пройденным пространством и открывшимися уже прелестными видами, Его Высочество изволил отвечать, что он затем и решился подниматься на гору, чтобы достигнуть высочайшего пункта. [...] и, наконец, он на высоте, где по одну руку Европа, а по другую Азия, и мы все прокричали ему «Ура». [...] Отдохнувши несколько, вдруг Его Высочество говорит: «Господа! Спойте все вместе, Боже царя храни!», и начал первый ...» [31. С. 91-95]. Кроме того, по воспоминания жительницы заводского селения, 70-летней Настасьи Даниловны, записанные в 1900 г., «... когда приезжал наследник, то баб и девок заставляли водить хороводы перед домом горного начальника, а с балкона бросали им двугривенные ...» [11. Л. 2].

В 1891 г. маршрут наследника Николая Александровича затронул только казачьи районы Южного Урала: Троицк, Степная, Верхнеуральск [26. С. 124-129], о его путешествии подробно писали «Оренбургские губернские ведомости» [16]. Хотя горнозаводская власть Златоуста приготовила подарок к возможному визиту – открытие памятника Александру II на заводской площади города. Стройка проходила долго, десять лет ушло на его возведение. Однако наследник в город не заехал, и памятник открыли без его участия [7].

Визит Николая II в 1904 г. в Златоуст оказался самым восточным пунктом его поездки. Основная цель – проводы полков на русско-японскую войну. Лесничий Златоустовских заводов Владимир Егорович Боков оставил краеведческое наследие по разнообразным сюжетам, связанным с историей Златоустовских заводов, в т.ч. и посещением заводов представителями династии Романовых [1; 2]. Тем более что он был свидетелем пребывания Николая II в 1904 г. в Златоусте.

В.Е. Боков описывает подготовку к встрече императора, непосредственное пребывание царственных гостей в городе и заводе. Златоустовский краевед Ю.П. Окунцов указывает на существование второго издания книги В.Е. Бокова, которое вышло после революции 1917 г. [33. С. 38-41]. Он приводит интересный анализ двух вариантов одного события. Однако разница между ними скорее не в фактическом описании, а в идеологической окраске события [26. С. 124-129]. Обратившись к свидетельствам В.Е. Бокова, мы видим, что в его рассказе каждый штрих, каждая деталь и душевное расположение к происходящим событиям создают неповторимую атмосферу далекого дорогого автору прошлого. В.Е. Боков писал: «Жители Златоуста с величайшим восторгом узнали о предстоящем приезде высочайших особ. ... Ко дню прибытия государя в Златоуст прибыли тысячи людей с окрестных заводов: Кусинского, Саткинского, Миасского, сел и деревень. По всем дорогам, ведущим к городу, два дня вереницею тянулись путники – в экипажах, верхом и пешком... На вокзале, разукрашенном флагами и гирляндами из зелени, собрались многочисленные депутации, масса публики и местное начальство. В версте от вокзала, на плацу выстроились для осмотра полки: 214

– Мокшанский и 282 – Черноярский. Подошел императорский поезд, и грянуло громогласное «Ура!» ... Прибыв на плац, где ждали его войска, Николай II пересел на белого коня. Полки под музыку прошли перед ним церемониальным маршем. Вручив командирам по иконе святителя Николая Чудотворца, ... император с наследником поехали в собор, где состоялась служба ... Многие тысячи, проникнутые любовью к царю, теперь считают себя счастливыми людьми, ибо они удостоились видеть своего царя» [1].

Далее В.Е. Боков пишет, что по прибытии на вокзал, государь осмотрел выставку изделий Златоустовского и Кусинского заводов, оружейной фабрики. Здесь же императору, великому князю и свите горное начальство поднесло подарки: золоченые шашки, кинжалы, ножи, клинки и «изящные вещи» чугунного литья. В ответ на подарки, 3 июля 1904 г. император изволил пожаловать по серебряным часам десяти отличившимся рабочим [1]. Однако не все жители Златоуста и рабочие Златоустовского завода были проникнуты патриотическо-монархическими настроениями. Были и те, кто готовил покушение с целью взорвать царский поезд [14. Л. 440-445]. Тем более что еще не рассеялось в сознании «Златоустовская бойня» 1903 г., в результате которой по разным оценкам погибло и умерло от ран от 45 до 69 человек [34. С. 130-142; 22]. Заговорщики были раскрыты и арестованы. Однако В.Е. Боков об этом не упоминает, скорее из-за цензурных соображений.

Николай II и сопровождавшие его лица находились в Златоусте недолго, около двух часов. Гласные городской думы выступили с инициативой установить на пожертвования обелиск в память о посещении императором Николаем II г. Златоуста. Также решили учредить при городском училище стипендии в память посещения Николаем II Златоуста 30 июня 1904 г. Стипендии учредили, но памятнику не суждено было появиться в городе [9. 1253].

Вместе с тем В.Е. Боков был первым, кто попытался поднять вопрос о сохранении исторической памяти, памятных мест, связанных со значимыми событиями истории Златоуста и заводов. В 1903 г. он писал горному начальнику Златоустовских заводов

А.А. Зеленцову: «Златоустовские горные заводы с 1824 по 1868 г. были посещены императором Александром I, наследником Александром Николаевичем ... великим князем Владимиром Александровичем. Некоторые местности и частные дома, посещённые высокими путешественниками, приобрели историческое значение ... Некоторые же эпизоды, относящиеся до приезда сюда Высочайших особ, изображены на картинах. ... Многие из сказанных сооружений пришли в ветхое состояние и рушатся. Картины на бумаге от времени могут изветшать или сгореть и навсегда потеряться для истории. ... считаю весьма необходимым снять фотографии, как с картин, так и домов местностей, имеющих за собою историческое значение и отпечатать их нескольких экземплярах ... а негативы хранить накрепко...» [8. Л. 204-205]. Однако его предложение осталось без ответа, а вышедшие работы и сегодня с интересом читаются, одновременно являясь источником – литературным памятником по данной проблеме.

Однако придут новые времена и воздвигнутые на пожертвования населения Златоуста, заводов и уезда памятники Александру I на Царево-Александровском прииске, Александру II в Златоусте и селе Кочердык, часовни на горе Уреньга и на Александровской сопке будут снесены, и только сама сопка будет напоминать жителям Златоуста и пассажирам проезжающих мимо поездов, что в 1837 г. на нее поднимался молодой наследник престола Александр Николаевич, а в здании краеведческого музея с особой гордостью рассказывают и показывают о доспехах рыцаря, сделанных для наследника мастером Иваном Бушуевым, и об одном из личных фотоальбомов Николая II, невесть каким образом, оказавшемся в запасниках музея, а теперь по «большим» праздникам, выставляемым для «больших» гостей.

Таким образом, 400-летний юбилей Дома Романовых не должен остаться в стороне от образовательных учреждений не только Урала, но и России. Вместе с тем, рассмотрение данной темы должно иметь взвешенные оценки их влияния как Россию в целом, так и отдельные регионы в частности.

Источники:

1. Боков В.Е. Посещение высочайшими особами г. Златоуста 30 июня 1904 г. Уфа, 1904.
2. Боков В.Е. Посещение высочайшими особами Златоустовских казенных горных заводов. Уфа, 1904.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 678. Оп. 1. Д. 287.
4. Дневники императора Николая II. М., 1991.
5. Златоустовский городской архив (ЗГАО). Ф. И-19. Оп. 1. Д. 420.
6. ЗГАО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 429.
7. ЗГАО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2932.
8. ЗГАО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 1135.
9. ЗГАО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 1253.
10. ЗГАО. Ф. И-69. Оп. 50. Д. 106.
11. ЗГАО. Ф. И-70. Оп. 1. Д. 48.
12. ЗГАО. Ф. И-70. Оп. 1. Ф. 59.
13. ЗГАО. Ф. И-70. Оп. 1. Д. 70.
14. ЗГАО. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 3.
15. Лоранский А.М. Краткий исторический очерк административных учреждений Горного ведомства России. 1700-1900. СПб., 1900.
16. Оренбургские губернские ведомости. 1891. 23 марта, 1 июня, 27 июля, 3 августа.
17. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 3. Д. 881. Ч. 2.
18. Свиньин П. Златоустовский завод // Отечественные записки. 1826. Ч. 26.
19. Соймонов М.В. Из бумаг В.Ю. Соймонова: Первое представление В.Ю. Соймонова императору Александру I // Горный журнал. 1894. Т. 1.
20. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 467.
21. ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 827.
22. Чупин Н.К. Записка о горном управлении и горном промысле на Урале в царствование Александра I // Горный журнал. 1878. № 2.
23. Чупин Н.К. Записка о горном управлении и горном промысле на Урале в царствование Александра I // Горный журнал. 1878. № 3.
24. Чупин Н.К. Записка о горном управлении и горном промысле на Урале в царствование Александра I // Горный журнал. 1878. № 8-9.
25. Шубина И. Ждали по-разному // Златоустовский рабочий. 1999. 30 июня, 1 июля.

Литература:

26. Антипин Н.А. Николай II // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2008 / сост. И.Н. Пережогина и др. Челябинск, 2007.

27. Беркович А.В. Учреждение должности Главного горного начальника заводов хребта Уральского: причины и следствия // Первые Татищевские чтения: Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 1997.

28. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.

29. Курлаев Е.Л. Поиски серебряной руды на Южном Урале в XVII в. // Урал в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции 24-25 февраля 1998 г. Екатеринбург, 1998. Ч.1.

30. Новиков И.А. Александр I в Златоусте // Маховик. Литературно-краеведческий альманах (Златоуст). 1991. № 5.

31. О посещении Златоустовских заводов наследником престола Великим князем Александром Николаевичем // Генерал от металлургии Павел Аносов / под ред. М.Е. Гловацкого. Екатеринбург, 1999.

32. Окунцов Ю. Златоустовская бойня // Челябинский рабочий. 2003. 1 апреля.

33. Окунцов Ю.П. Царский поезд // Маховик. Литературно-краеведческий альманах (Златоуст). 1990. № 3.

34. Роднов М.И. Златоустовская трагедия 1903 года свидетельства очевидцев // Археография Южного Урала. Материалы третьей межрегиональной научно-практической конференции 30 сентября 2003 года. Уфа, 2003.

УДК 347

ББК Т.3(2)521.2

ГСНТИ 03.23.31

Код ВАК 07.00.02

И.А. Попп

Екатеринбург

**МЕСТНЫЙ СУД В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ПО
МАТЕРИАЛАМ СЕНАТОРСКИХ РЕВИЗИИ НАЧАЛА
1880-Х ГГ.)***

** Выполнено в рамках исследования, финансируемого грантом РГНФ № 13-11-66003 а(р)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: местный суд, волостная юстиция, обычное право, мировой суд, крестьянство, сенаторские ревизии.

АННОТАЦИЯ: В статье обосновывается определение «местный суд», на материалах сенаторских ревизий начала 1880-х гг. рассматривается структура пореформенного местного суда Российской империи, обращается внимание на проблемы местного судостроительства. Автор поддерживает однозначное мнение ревизующих сенаторов о необходимости подчинения волостного суда мировому в апелляционном порядке.

I.A. Popp

Yekaterinburg

**A LOCAL COURT IN THE RUSSIAN EMPIRE
(ACCORDING TO THE SENATORIAL AUDIT IN THE
BEGINNING OF 1880 'S.)**

KEY WORDS: local court, local law, customary law, the institution of magistrates, the peasantry, Senator audit.

ABSTRACT: In the article, the definition of "local court" is defined, based on the materials of the Senatorial audits in the beginning of 1880-ies, the structure of the reformed local Court of the Russian Empire is considered, attention is drawn to the problems of the local judicial system. The author supports the unambiguous opinion of auditing Senators about the need of subordination of local court to the institution of magistrates in appeal order.

Ревизии как форма надзора за деятельностью местного государственного аппарата в дореволюционной России впервые были введены Петром I. Сенатор, поставленный в независимое положение от всех административных ведомств, имел право заявлять императору обо всех замеченных им «недостатках и неудобствах» местной администрации. «Сенаторские ревизии с самого их учреждения и до настоящего времени имели постоянно одну и ту же цель – открывать и уничтожать беспорядки и злоупотребления губернской администрации» [15. С. 126].

Современные исследователи государственного управления Российской империи все чаще обращаются к материалам сенаторских ревизий, которые содержат подробную характеристику губернских властей и местных учреждений [18. С. 125–131; 19. С. 38–43; 22. С. 70–73; 25. С. 93–97]. Особый

общественный резонанс ревизии вызывали в преддверии грядущих социально-экономических и политических перемен, т.к. служили «информационной основой при подготовке и проведении реформ» [20. С. 5].

К концу 1870-х гг. в стране остро ощущалась необходимость преобразования системы местного управления и суда, которая стала для центральной власти первоочередной задачей. В связи с этим, по инициативе нового министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова в девять губерний направлены «ревизирующие сенаторы», которые должны были «всеподданнейше» донести о проблемах местных административных, земских, городских, крестьянских учреждений и местного суда [10. Л. 22; 26. С. 243–244; 27. С. 212–213].

В пореформенный период в центральных губерниях Российской империи сформировалась система общих и местных судебных учреждений. К первым относились окружные суды, судебные палаты и Сенат, ко вторым – волостные и мировые суды. «Местные суды» – это судебные учреждения территориально приближенные к населению и обособленные от общих судебных инстанций. Они отличались упрощенным судопроизводством, были направлены на примирение сторон, рассматривали незначительные уголовные и гражданские дела (иски до 500 рублей), формировались и финансировались местным населением [23. С. 69–123].

Итак, местный суд включал институт мировых судей, созданный для упрощения, удешевления, ускорения судопроизводства, приближения суда к населению, внушения ему доверия и уважения к местному правосудию. Создатели судебной реформы 1864 г. считали мировые учреждения наиважнейшими, что нашло отражение в словах министра юстиции Д.Н. Замятина, который назвал мировой суд «краеугольным камнем гласного, скорого, правого и милостивого суда» [14. С. 21]. Деятельность мирового суда базировалась на европейском опыте организации независимой судебной власти, включала принципы гласности, всесловности, состязательности, быстроты рассмотрения дел, презумпции невиновности, апелляционного и кассационного

обжалования. Российские мировые судьи в отличие от европейских выбирались гласными земских собраний.

Наряду с мировым судом система местного судопроизводства включала крестьянский волостной суд, созданный в ходе реформы 19 февраля 1861 г. для решения незначительных крестьянских исков (до 100 рублей) [12. С. 141–169]. Волостные судьи избирались на крестьянском сходе и рассматривали уголовные и гражданские дела на основе обычного права (тесно связано с традицией, столетиями передавалось «из уст в уста» и имело первостепенное значение в крестьянской среде) [16. С. 97–110]. Это касалось множества мелких крестьянских исков друг к другу: «оскорбления», денежные взыскания за «побои», споры по договорам и имуществу, семейно-бытовые проблемы и др. Если крестьянин совершал преступление против лица, не принадлежавшего его сословию, или иск превышал установленную законом сумму, то дело передавалось в мировой или окружной суд [17. С. 295–314]. Таким образом, волостной суд был сословным, выборным, безапелляционным, направленным на сохранение общинного землевладения и круговой поруки.

В результате сосуществовали два вида местных судов: сословный (мировой) и сословный (волостной). Первый осуществлял правосудие на основе позитивного права (закона), второй – обычая (традиции). Местное правосудие совмещало в развитии судебной системы европейские тенденции и национальные традиции. Подобная структура российского местного суда первоначально отвечала потребностям трансформации аграрного в индустриальное общество и представляла переходную модель, сочетающую традиционное и современное [13. С. 15–35; 23. С. 23–99]. В дальнейшем предполагалось замещение традиции современным: через постепенное правовое воспитание населения повсеместное утверждение общего законодательства.

В 1880–1881 гг. Саратовскую, Самарскую, Уфимскую, Казанскую, Оренбургскую, Воронежскую, Тамбовскую, Черниговскую и Киевскую губернии «ревизовали» сенаторы. В личных беседах они рассказывали «про все безобразия, которые

делаются в провинции» [1. С. 68], понимая необходимость коренного переустройства губернских и уездных учреждений, их «приближения» к населению.

Каждый сенатор искал объяснения неустроенности местного управления. С.А. Мордвинов, направленный в Воронежскую и Тамбовскую губернии, видел причины общей «неустроенности» не только в «медленности», «равнодушии» и «формальном отношении к делу», но и в пьянстве, «беспорядке и распушенности крестьянского самоуправления». Негативно отзывался и о должностных лицах крестьянского самоуправления, которые «потеряли в глазах народа всякое доверие» [8. Л. 5–17 об.]. Подобное мнение высказал А.А. Половцов, объехавший Киевскую и Черниговскую губернии [6. Л. 46–55].

Ревизор Саратовской и Самарской губерний И.И. Шамшин указывал на «непрочность» земской и судебной реформ, которые могли бы быть «несравненно удачнее, если бы государственные деятели наши были ближе знакомы с местными условиями и обстоятельствами» [11. С. 62, 101]. Нежелание правительства своевременно вникать в проблемы пореформенных учреждений вели к их критике и порицанию в общественных кругах. К тому же, при проведении реформ не были «в должной мере приняты во внимание потребности вновь призванного к гражданской жизни крестьянского населения» [9. Л. 1–7].

Составляющие местного суда – волостной и мировой суды – также подвергались обоснованной критике. Несмотря на то, что деятельность мировых судей С.А. Мордвинов признал «удовлетворительной», но отмечал частые «переделы судебно-мировых участков» [3. Л. 2], «медленность, нерадение и незнание законов в среде этих лиц». О подобных проблемах мировой юстиции «всепопданнейше» докладывал И.И. Шамшин, но приравнивал мировые и общие суды к «лучшим нашим учреждениям» [8. Л. 5–17 об.; 9. Л. 1–7].

Волостной суд оценивался большинством сенаторов крайне негативно из-за влияния на его решения писарей, которые «под предлогом объяснения законов и укоренившегося обычая угощения судей водкой, потерял доверие крестьян» [8. Л. 5–17 об.]. И.И. Шамшин связывал негативное отношение крестьян к

«безапелляционному» и «бесконтрольному» волостному суду с социальными переменами, которые происходили в их среде «под влиянием новых условий их быта» [5. Л. 4 об.].

А.А. Половцов считал волостную юстицию привилегией, «дарованную исключительно одним крестьянам», которые не смогли ею воспользоваться из-за своей безграмотности, произвола волостных писарей и старшин, вследствие чего «крестьяне избегают своего суда» [6. Л. 46–55]. Он изучил решения волостных судей и пришел к однозначному выводу: «Волостной суд не может служить выразителем крестьянских обычаев и взглядов на гражданские и уголовные отношения. Это обстоятельство обнаруживается при самом чтении решений волостных судов, где часто попадаются выражения непонятные для крестьян..., противоречивые решения по однородным делам, перевершение прежних решений, присуждение по искам большей суммы, нежели та, о которой ходатайствовал истец, указывающие не на господство на суде крестьянских обычаев, но на влияние посторонних крестьянской среде лиц» [7. Л. 36 об.].

Уже в начале 1880-х гг. сенаторы понимали необходимость корректировки организационных структур пореформенных судебных учреждений: «Дабы судебное дело не пришло в упадок, необходимо, не ожидая жалоб на состояние судебных учреждений, принять своевременно, с сохранением основных начал нового судоустройства, меры к устранению в нем недостатков, которые не могли быть предусмотрены при издании закона и которые указаны теперь опытом» [9. Л. 1–7].

Сенаторы видели необходимость в доступном, скором и дешевом местном суде, в котором усиливалось единоначалие судоустройства и создавалась четкая, понятная населению иерархичная система. Ревизоры признавали необходимость специального суда для крестьян, но отмечали, что «действующий закон не только поставил волостной суд вне всякой связи с какими-либо другими судебными учреждениями, но и не подчинил его никакому контролю» [5. Л. 4 об.]. По итогам ревизии сенаторы выступили за подчинение волостного суда мировому: «Неудовлетворительное состояние правосудия в волостных судах, в особенности по делам гражданским, требует установления над

ними апелляционной инстанции. Единственным компетентным для сего учреждением является мировой судья» [4. Л. 78–79; 8. Л. 5–17 об.]. В поддержку расширения прав и обязанностей мировых судей и их съездов высказалось большинство земских собраний Российской империи [2. Л. 1–15]. Общество хорошо понимало, что только единство волостной и мировой юстиции сможет оздоровить всю систему российского местного суда.

Таким образом, на обширных провинциальных материалах сенаторы единогласно предложили объединение волостной и мировой юстиции во взаимосвязанный местный суд с удобной системой апелляционного и кассационного обжалования приговоров. Первоначально сохранялось использование обычаев при крестьянских судебных спорах. В дальнейшем предполагалось постепенное внедрение позитивного права. Подобные меры помогли бы снизить влияние волостной администрации, наладить тесное взаимодействие между мировым и волостным судами, изучить и сопоставить крестьянское обычное право и фиксированное законодательство. Однако искусственная консервация сословной системы, опорой которой в значительной мере являлась крестьянская община, привели к торможению модернизации судебной системы и правового сознания в России.

Источники:

1. Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990.
2. Научно-справочная библиотека Российского государственного исторического архива (НСБ РГИА). Коллекция печатных записок. Ф. 156. Материалы по преобразованию местного управления.
3. НСБ РГИА. Ревизия сенатора С. Мордвинова Воронежской и Тамбовской губернии.
4. НСБ РГИА. Ревизия сенатора Шамшина Саратовской и Самарской губернии. Записка по вопросам особого наставления ревизирующим сенаторам, относящимся к мировым судебным установлениям. С. 78–79.
5. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 290. П. 147. Д. 5.
6. ОР РГБ. Ф. 290. П. 148. Д. 2.
7. ОР РГБ. Ф. 290. П. 148. Д. 3.
8. ОР РГБ. Ф. 290. П. 150. Д. 6.
9. ОР РГБ. Ф. 290. П. 151. Д. 7.

10. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 600. Д. 865.

11. Перетц Е.А. Дневник Е.А. Перетца (1880–1883). М., 1927.

12. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-2). СПб., 1863. Т. 36. № 36657.

Литература:

13. Алексеев В.В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004.

14. Джаншиев Гр. К 30-летию Мирового Суда // Выборный мировой суд. Сб. статей. СПб., 1898.

15. Карнович Е.П. Очерки наших порядков административных, судебных и общественных. СПб., 1873.

16. Кузнецов С.В. Обычное право в русской деревне и государственное законодательство во второй половине XIX века // Этнографическое обозрение. 1999. № 5.

17. Лихарев В.О. Подсудности уголовных дел мировым судьям // Журнал министерства юстиции. 1868. № 4.

18. Любичанковский С.В. Губернские администрации Российской империи в оценке сенаторских ревизий начала XX в. // Клио. 2005. № 3.

19. Любичанковский С.В. Практика административного расследования должностных преступлений чиновников в оценке сенаторских ревизий начала XX в. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 10.

20. Михалкина Т.А. Роль сенаторских ревизий при проведении реформ в России // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2006. № 10.

21. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX в. / отв. ред. В.В. Алексеев. М., 2000.

22. Пекшева Л.А. Местное управление в России во второй четверти XIX века (по материалам сенаторских ревизий) // Регион: системы, экономика, управление. 2010. Т. 8. № 1.

23. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.

24. Попп И.А. Проблема взаимосвязанности структуры местного суда в 1860–1880-х гг. // История государства и права. 2013. № 3.

25. Савченко Н.А. Исторический опыт осуществления сенаторских ревизий в Российской империи (на примере Курской

губернии) // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2007. № 3.

26. Толмачев Е.П. Александр III и его время. М., 2007.

27. Христофоров И.А. Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830 – 1890-е гг.). М., 2011.

УДК 631.243.3+908

ББК ТЗ(2)53-7

ГСНТИ 03.23.31

Код ВАК 07.00.02

С.А. Пьянков

Екатеринбург

**СЕЛЬСКАЯ ХЛЕБОЗАПАСНАЯ СИСТЕМА
ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ ГОЛОДА
1891 ГОДА***

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Урал, Пермская губерния, крестьянство, продовольственное обеспечение, голод.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме продовольственного обеспечения крестьянского населения уральского региона. Автором проанализировано состояние сельской хлебозапасной системы накануне голода 1891 г. Рассмотрена динамика накопления и расходования продовольственных запасов. Показаны трудности в организации хранения продовольственных резервов. Сделан вывод о том, что система продовольственного обеспечения была не готова к событиям кризиса 1891 г.

* * Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг., соглашение № 8361 от 24.08.2012.

S.A. P'yankov

Yekaterinburg

**RURAL FOOD RESERVES SYSTEM OF PERM
PROVINCE ON THE EVE OF THE 1891 FAMINE**

KEY WORDS: Urals, Perm province, peasantry, food supply, famine.

ABSTRACT: The article deals with the problem of food supply of the Urals region peasant population. The author analyzes the rural food reserves system on the eve of the 1891 famine. Dynamics of accumulation and consumption of food supplies are examined. Difficulties in organizing of food reserves storage are demonstrated. A conclusion is drawn that the food supply system was not ready for the events of the 1891 crisis.

Исследования сельской хлебозапасной системы в России XIX в. приобрели научную актуальность со второй половины 1990-х гг., что связано с изучением исторического аспекта проблемы продовольственной безопасности [8. С. 91]. Одним из первых исследователей, вновь обратившейся к этой теме стал К. Мацузато, представивший ретроспективу изменений сельской хлебозапасной системы России второй половины XIX – начала XX вв.[9] Основное внимание исследователей, изучающих этот аспект аграрного развития России, сосредоточено на проблеме формирования системы продовольственной безопасности населения в XX в. Научный поиск ведется в историко-экономическом плане и рассматривает процесс складывания системы продовольственного обеспечения на общегосударственном и региональном уровнях [10. С. 7-13; 7; 11].

В данной статье будет рассмотрено функционирование сельской хлебозапасной системы накануне катастрофического неурожая 1891 г., повлекшего за собой голод. В это время сельская хлебозапасная система Пермской губернии, начиная с 1870 г., находилась в ведении земских органов управления. В целом система продовольственного обеспечения Российской империи имела сложную иерархичную структуру. Высшим уровнем являлся общеимперский продовольственный капитал, следующая ступень – губернские продовольственные капиталы, представлявшие собой финансовые резервы, созданные за счет выплат населения [9].

Основной задачей сельской хлебозапасной системы было формирование натуральных запасов. Законодательной основой функционирования сельской хлебозапасной системы исследуемого периода являлся Продовольственный устав 1834 г. и ряд дополнительных законодательных актов [9. С. 185, 189].

Согласно действовавшим нормам, зерно ссыпалось населением в хлебозапасные магазины определенными мерами объема. На одну ревизскую душу требовалось иметь резерв в размере одной четверти (четверть – мера объема сыпучих тел, равная 209,90 литра) ржи или пшеницы и половину четверти овса или ячменя. Ссыпка хлеба должна была производиться ежегодно по одному четвертику (четвертик – мера объема сыпучих тел, равная 26,24 литрам) и по четыре гарнца (гарнец – мера объема сыпучих тел, равная 3,28 литрам) ярового хлеба с каждой ревизской души [4. С. 10-11].

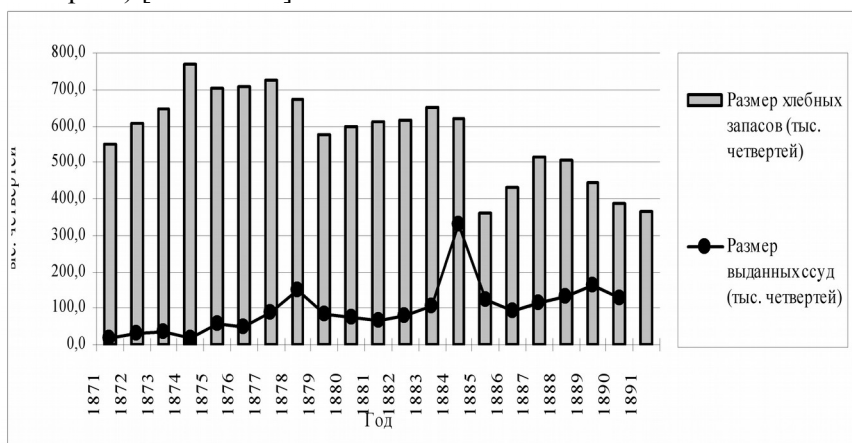
Рассмотрим данные о размерах резервов натуральных продовольственных запасов. В первую очередь попытаемся определить, как менялся размер хлебных резервов, ссуд и недоимок крестьянского населения на протяжении исследуемого периода и чем эти изменения определялись. Для изучения этих процессов мы располагаем ежегодными данными на 1 января 1871 – 1891 гг., собранными Хозяйственным департаментом Министерства внутренних дел (МВД) через губернскую администрацию в 1891 г. [2]. Собранные чиновниками МВД статистические данные не являются абсолютно точными, но позволяют оценить основные направления изменений. Материалы МВД детализируют данные Пермского губернского земства [5].

Определим соотношение хлебных резервов в сравнении ссудами и недоимками населения. Необходимо отметить, что в учет хлебных запасов велся по двум категориям: озимые и яровые зерновые. Для удобства сопоставления данных мы будем использовать их сумму. Объемы зерна, хранившегося в хлебозапасных магазинах, менялись на протяжении всего периода (см. Рис. 1).

Зачастую объем резерва не соответствовал законодательным нормам, и определялся рядом условий, главными из которых были урожайность и связанная с ней платежеспособность населения.

Максимальный размер накопленных хлебных резервов приходится на 1874 г., когда он достиг значения в 769,0 тыс. четвертей. Благоприятное положение дел в это время объясняется высокими урожаями начала 1870-х гг. Земские специалисты отмечали: «Первые годы существования земства в Пермской губернии сопровождались столь благоприятными урожаями хлебов, что натуральные продовольственные средства населения, принятые земством от комиссии народного продовольствия, не только не истощались выдачами ссуд, но даже пополнялись поступлением недоимок и ссуд прежних лет». Несмотря на относительное благополучие и нормальную урожайность хлебов на начало 1870-х гг. натуральные продовольственные запасы населения Пермской губернии не достигали требуемых размеров. По оценкам губернского земства наличное количество запасов в 1872 г. достигало лишь половины необходимой нормы. В среднем на одну душу в хлебозапасных магазинах имелось по 4,80 четвертика озимых и 2,86 четвертика яровых хлебов. Количество хлеба выданного в ссуду было равно норме продовольственного резерва, приходившуюся на одну ревизскую душу [5. С. 154].

Рис. 1. Динамика запасов и выданных ссуд хлебозапасных магазинов Пермской губернии на 1 января 1871—1891 гг. (тыс. четвертей) [2. С. 30-31].

Снижение размера хлебных резервов заметно с 1874 г. В этом году был принят закон, регламентировавший процесс перевода хлебных запасов в денежные [6. С. 312]. Однако, введенная законодательная норма, не внесла кардинальных изменений в существовавшую практику. По данным губернского земства переход от натуральной системы резервирования к денежной осуществило незначительное число сельских обществ. На основании закона 1874 г. лишь в 30 волостях Чердынского, Соликамского и Екатеринбургского уездов хлебные запасы были заменены на денежные [5. С. 155]. Размер хлебных запасов во многом определялся уровнем урожаев, которые зависели от климатических условий.

Минимальных значений объем хлебных резервов достиг в 1885 г. (См. Рис. 1), сократившись до уровня в 360,8 тыс. четвертей. Уменьшение запасов связано с сокращением сбора зерновых, отмеченного с 1882 г. Наибольший спад производства в 1880-е гг. произошел в 1883 г., характеризовавшийся неурожаем хлебов и картофеля. Особенно сильно пострадало от неурожая население Камышловского, Шадринского, Верхотурского и Екатеринбургского уездов [12. С. 153-154]. Последовавшая за неурожаем выдача ссуд производилась в 1884 г., достигнув максимальных значений в 331,4 тыс. четвертей. Процесс накопления хлебных резервов не был устойчивым и к началу 1890-х гг. было отмечено очередное сокращение запасов. К 1 января 1891 г. резервы хлебозапасных магазинов составляли 365,6 четвертей, лишь незначительно превышая уровень 1884 г.

Сокращение хлебных резервов сопровождалось накоплением недоимок и просроченных ссуд. В результате доля резерва в балансе хлебозапасной системы сокращалась, а долговые обязательства крестьян росли (см. Табл. 1). В целом по Пермской губернии доля наличных запасов зерна уменьшилась с 40,0% до 17,6%. Самое сильное сокращение хлебных резервов произошло в Шадринском, Камышловском и Екатеринбургском уездах. Состояние балансов их хлебозапасных магазинов свидетельствует, что к 1891 г. имевшиеся запасы зерна были истрачены.

Сложности сельской хлебозапасной системы имели комплексный характер и не исчерпывались проблемой

хронической задолженности населения. Техническое состояние зданий, процедура учета запасов и ссуд имели явные недостатки.

Все здания сельских хлебозапасных магазинов Пермской губернии, а их по данным исследования 1893 г. насчитывалось 1591, были деревянными. Каменных строений сельские общества не возводили. Материал и качество кровли были различным: 50 зданий были покрыты железом, основная часть – 1420 имели деревянные крыши, 121 магазин был покрыт прочими материалами [3. С. 173].

Организованные земством ревизии выявляли значительные нарушения в содержании зданий. Так, Камышловская уездная земская управа, проводившая ревизии хлебозапасных магазинов с 1 декабря 1886 г. по март 1887 г. отмечала нарушения норм хранения и учета хлеба. Описывая состояние зданий, земцы констатировали: «Магазинные здания содержатся крайне неисправно и беспорядочно, сплошь и рядом встречаются здания слишком обветшалые, с худыми сгнившими крышами, а нередко и с худыми полами». В результате небрежного хранения зерно быстро теряло пригодность для питания и посева. Увиденная ревизорами картина «сбережения припасов на черный день» не внушала оптимизма: «присутствие в них (магазинах – С.П.) птичьего помета, снега, мышинных гнезд и разного сора не составляет редкости, и все это громоздится кучами на самом хлебе» [1. С. 240].

Таблица 1

Доля наличных запасов в балансах хлебозапасных магазинов Пермской губернии в 1870 и 1891 г. (%)*

Уезд	1870	1891
Верхотурский	45,5	21,3
Екатеринбургский	31,4	5,9
Ирбитский	24,5	7,1
Камышловский	14,0	0,9
Красноуфимский	40,6	21,9
Кунгурский	34,9	40,0
Осинский	50,0	29,9
Оханский	52,4	25,4
Пермский	67,7	64,4

Соликамский	30,6	56,2
Чердынский	30,2	14,6
Шадринский	19,7	0,9
По губернии	40,0	17,6

* Составлено по: Труды совещания при Пермской губернской управе о мерах улучшения экономического положения крестьянского населения Пермской губернии (28 декабря 1892 г. – 7 января 1893 г.) Пермь, 1893. С. 160.

Не меньше проблем в камышловских магазинах было и с учетом имевшихся резервов. В отчете отмечено: «При многих магазинах вовсе не оказалось приходорасходных книг, и отчетности никакой не ведется, при других заведениях книги оказались вовсе не писанными, запись же о приходе и расходе хлеба ведется в черновых тетрадях на клочках бумаги...» [1. С. 241].

В итоге система, призванная создать хлебный запас на случай продовольственного бедствия, сама находилась в плачевном состоянии. Размеры резервов, организация хранения и учета подавляющего большинства хлебозапасных магазинов не соответствовали действовавшим требованиям. Серия неурожайных лет конца 1880-х гг. окончательно поглотила существовавшие запасы, общественные хлебозапасные магазины встретили 1891 г. с опустошенными закромами.

Источники:

1. Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому Губернскому земскому собранию XVIII очередной сессии. Пермь: Типография Губернской земской управы, 1888.

2. Местные продовольственные капиталы губернские, сословные и общественные и хлебные запасы в общественных магазинах за 1867—1891 гг. // Временник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. 1895. № 39. СПб. : Типолитография Ю.Я. Римана, 1895. XI.

3. Общественные сельские хлебозапасные магазины в 46 губерниях Европейской России, их вместимость и стоимость к 1892 г. // Временник Центрального комитета Министерства внутренних дел. 1894. № 31. СПб. : Тип. В. Безобразова, 1894. XVII,

4. Свод законов Российской империи. Т. XIII. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные. СПб. : Тип.

Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1957. 996 с. разд. паг.

5. Труды совещания при Пермской губернской управе о мерах улучшения экономического положения крестьянского населения Пермской губернии (28 декабря 1892 г. – 7 января 1893 г.) Пермь: Тип. Губерн. земск. управы, 1893.

Литература:

6. Веселовский Б. История земства за сорок лет. СПб. : Изд-во О.Н. Поповой, 1909. Т. 2.

7. Корнилов Г.Е. Кризисы сельского хозяйства и формирование системы продовольственной безопасности населения России в первой половине XX века // Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX – XX вв.: эволюция и кризисы. Оренбург : ОГПУ, 2007. С. 330—336.

8. Корнилов Г.Е. Формирование системы продовольственной безопасности населения России в первой половине XX века // Российская история. 2011. № 3. С. 91—101.

9. Мацузато К. Сельская хлебозапасная система в России 1864 – 1917 гг. // Отечественная история. 1995. № 3. С. 185—195.

10. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы / Под ред. Г.Е. Корнилова, В.В. Маслакова. Екатеринбург : Академкнига, 2000. Т. 1. 1900—1928 гг.

11. Стэльмах М.К. Организация продовольственного дела в Пермской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы истории, филологии и культуры. 2010 № 2. С. 140—154.

12. Черныш М.И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь : Пермское книжное изд-во, 1959.

УДК 343.01+908

ББК Т.3(2)53

ГСНТИ 03.23.31

Код ВАК 07.00.02

Г.Л. Решетников

Екатеринбург

ПРЕСТУПНОСТЬ В ОКРУГЕ

ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА В

ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Екатеринбургский окружной суд, преступность, подсудность, уголовная статистика

АННОТАЦИЯ: В представленной статье рассмотрено состояние преступности в Екатеринбурге в последней четверти XIX века по данным

Екатеринбургского окружного суда. Особое внимание уделено структуре преступности и ее динамике в течение всего рассматриваемого периода, анализу причин роста преступности. Рассмотрены также этнический и профессиональный компонент преступности в регионе.

G.L. Reshetnikov

Yekaterinburg

CRIMINALITY IN YEKATERINBURG DISTRICT COURT IN THE LAST QUARTER OF XIX CENTURY

KEY WORD: Yekaterinburg district court, criminality, jurisdiction, criminal statistics

ABSTRACT: This article deals with criminality in Yekaterinburg in the last quarter of XIX century. The analysis is based on the documents of Yekaterinburg district court. Special attention is drawn to the structure of criminality and its dynamics through the period under consideration. Author analyzed also reasons of the rise of crime rate, ethnic and confessional components of crime in the region.

Последняя четверть XIX века в российской истории характеризуется глубокими социально-экономическими процессами, существенно изменившими облик огромного государства. В пореформенную эпоху Россия превратилась из аграрной страны в аграрно-индустриальную, высокими темпами в ней развивались капиталистические отношения, разлагались феодальная система ведения сельского хозяйства, формировались классы промышленной и сельской буржуазии. Среди прочего это закономерно влекло очевидные изменения в картине общеуголовной преступности, о чем свидетельствует официальная уголовная статистика и труды крупнейшего дореволюционного специалиста в этой области Е.Н. Тарновского [6,7,8]. Одной из задач уголовной статистики того времени было отражение региональных аспектов уровня, структуры и динамики преступности, которая чутка к влиянию местных условий. Дело в том, что Российская империя была исключительно разнородна с точки зрения экономической специализации регионов, социального, национального, религиозного, полового состава населения, его плотности, уровня грамотности и культуры. Урал был регионом России, который также имел ряд специфических особенностей (оригинальный строй промышленности, сословная

группа горнозаводских рабочих), что в известной мере отличало его как от центральных великорусских губерний, так и от Сибири и национальных окраин. Что же касается преступности, то еще в крепостное время в Уральском регионе и особенно в Пермской губернии отмечался её повышенный уровень. Обращая на это внимание, судебные статистики К. Орлов и А. Хвостов видели причины такого положения в близости Пермской губернии к Сибири, здесь скапливались беглые ссыльные и каторжники, совершавшие новые преступления. Кроме того они ссылались на особенности состава уральского населения, включавшего татар, башкир, мешеряков и других инородцев, у которых, по мнению указанных авторов, склонность к воровству составляла как бы «наследственный порок» [4. С.46]. Как же изменилась ситуация с преступностью в пореформенное время? Мы предпримем попытку рассмотреть данный вопрос применительно к округу Екатеринбургского окружного суда, охватывавшему Екатеринбургский, Ирбитский, Верхотурский, Камышловский и Шадринский уезды Пермской губернии. Необходимыми источниками стали архивные материалы самого суда и относящиеся к нему сведения официальной уголовной статистики за 1874-1894 гг., опубликованные министерством юстиции России в 1899 году [2]. Наибольший интерес представляет статистическая справка, подготовленная канцелярией Екатеринбургского окружного суда к 25-летию его деятельности [1]. Она содержит добротные, квалифицированные обобщения по части уголовной статистики и криминологические наблюдения, в совокупности рисующие достаточно наглядную картину преступности в одном из районов Урала за четвертьвековой период*.

*Поясняем, что уголовная статистика в пореформенной России строилась, прежде всего, на учете уголовных дел, возбужденных и рассмотренных в главном звене общих судебных установлений - окружных судах. Для исчисления индексов судимости учитывалось также количество осужденных ими преступников. Такая статистика не давала полной и точной картины преступности, поскольку малозначительные уголовные дела рассматривались органами мировой юстиции (мировыми судьями, а позднее уездными членами судов и городскими судьями), но статическому обобщению подлежали только данные о числе подсудимых и осужденных по проступкам, влекущим наказание в виде тюремного заключения. Необходимо также иметь в виду, что среди крестьянского населения действовали волостные суды, а с 1889 г. - административно-судебные органы в лице земских

Как известно, судебная реформа в России проводилась последовательно и поэтапно. В соответствии с этим Екатеринбургский окружной суд (ЕОС) был открыт в один год с Пермским окружным судом 1 сентября 1874 г., что завершило введение в Пермской губернии Судебных уставов от 24 ноября 1864 года в полном объеме. Организационно ЕОС был подчинен Казанской судебной палате. Исходя из численности населения подведомственной территории ЕОС учреждался судом III разряда, то есть имевшим по одному уголовному и гражданскому отделению. Это стало явным просчетом министерства юстиции, не принявшим во внимание уровень преступности в данном районе Урала. Новоиспеченный суд сразу столкнулся с таким объемом уголовных дел, что справлялся с ним с огромным напряжением сил. Так, уже через два года после открытия ЕОС ежегодно рассматривал уголовных дел больше, чем некоторые окружные суды II разряда (Калужский, Харьковский, Екатеринославский, Пензенский) и лишь на 200-300 дел меньше, чем наиболее загруженные окружные суды I разряда — Московский, Курский, Одесский [1. Л. 130]. Чрезвычайно высокая загруженность ЕОС уголовной практикой заставила министерство юстиции уже в ноябре 1877 г. открыть в нём второе уголовное отделение. Но, став судом II разряда, ЕОС в том же году вышел на первое место среди таких судов по числу рассмотренных дел [1. Л. 49]. Статистика последующих лет также фиксирует высокую обремененность уголовных отделений ЕОС. Например, среди окружных судов России он занимал первое место по общему числу решенных дел в 1886, 1888 и 1890 гг., второе — в 1891 г., третье — в 1892, 1893, 1896 гг., четвертое — в 1894 и 1895 гг. [1. Л. 66]. Примечательно, что на фоне таких показателей работы уголовных отделений объем деятельности гражданского отделения ЕОС выглядел очень скромным. За период 1886 — 1896 гг. ЕОС не поднимался выше 40-50-х мест среди окружных судов по числу решенных гражданских дел [1. Л. 66].

Анализ уровня преступности посредством индексов судимости более точен и нагляден, однако данные о них в

начальников. Вот почему вне статистического наблюдения оставалось множество совершенных уголовно-наказуемых проступков.

статистической справке канцелярии ЕОС не приводятся, а в материалах официальной уголовной статистики по окружным судам в рамках рассматриваемого периода они даются только за 1890-1894 гг. Индексы судимости опять же подчеркивают лидерство ЕОС. В частности, по числу осужденных на 100 000 населения за преступления против женской чести и за бродяжничество он был первым среди окружных судов России, делил первое место с Варшавским судом по осужденным за мошенничество, а по количеству осужденных за убийство уступал только Усть-Медведицкому окружному суду [2. С.300-303]. Также отметим, что общий индекс судимости в округе ЕОС (74,8) — самый высокий по всем окружным судам, действовавшим в русских, украинских и белорусских губерниях Европейской России. Например, в округе Петербургского суда таковой составлял 59,3, Московского — 51,7, Киевского — 59,1, а в центральных великорусских губерниях со значительным преобладанием крестьянского населения (Воронежской, Пензенской и др.) на 100 000 населения приходилось менее 30 осужденных общими судами [2. С. 125, 128-129]. Наиболее близкий по местным условиям и составу населения округ Пермского суда давал по сравнению с ЕОС существенно меньший индекс судимости (57,3), который тоже был выше среднего. В материалах уголовной статистики по этому поводу констатировалось, что « Пермская губерния представляется стоящею изолированно на Востоке Европейской России своей повышенной преступностью» [2. С. 127].

Итак, вышеприведенные данные свидетельствуют, что в течение последней четверти XIX века округ ЕОС был один из самых неблагополучных районов России в плане общеуголовной преступности, и это колоритная черта дополняет все прочие особенности Уральского края*. Разумеется, что уровень преступности за этот период не оставался неизменным и статистика ЕОС дает возможность проследить его динамику. По

*Справедливости ради отметим, что параметры преступности в округе ЕОС в 1890-1894 гг. уступали тем, что были зафиксированы в Польше и Прибалтийском крае, являющимися также регионами с самой высокой преступностью в Российской империи. Так, наивысший индекс судимости в этот период был отмечен в округе Ломжского суда в Польше—156. 5 [2. С.125].

подсчетам своей канцелярии ЕОС за 25 лет своей деятельности разрешил 22959 уголовных дел, рассматривая ежегодно по 919 дел [1, Л. 54]. Наименьшее число уголовных дел было зафиксировано в 1876 г. - 703, а наибольшее в 1879 г. - 1209 [1. Л. 54]. 1880-е годы отмечается по количеству уголовных дел как время наивысшего уровня преступности, начало 1890-х годов демонстрирует постепенное снижение проходящих через суд уголовных дел. Например, с 1894 по 1898 гг. их число составляло от 718 до 777 ежегодно [1. Л. 54-55]. Правда, по поводу этих цифр в архивах ЕОС нет никаких упоминаний о том, каким образом на количестве проходящих через суд дел отразились законы от 18 мая 1882 г. и от 7 июля 1889 г. Дело в том, что первый закон существенно изменил подсудность между общими и мировыми судами, передав все дела по малозначительным кражам в мировую юстицию. Законом от 7 июля 1889 г., изданным в завершение судебной контрреформы, значительная часть дел о преступлениях против порядка управления (о сопротивлении власти, побегам арестантов, нарушениях равного рода казенных установлений и др.) была переведена из окружных судов в ведение суда с сословными представителями в судебных палатах. В результате применения закона от 18 мая 1882 г. уголовная статистика в общероссийском масштабе уже в 1883 г. зафиксировало количество уголовных дел в общих судах на уровне 1874 г., что конечно не могло быть показателем реального снижения преступности. Но даже с учетом этого обстоятельства, думается можно сопоставить общероссийскую динамику преступности с таковой в округе ЕОС и без риска существенной ошибки отметить их совпадения и расхождения. Так, общероссийская статистика отражала период с 1874 по 1882 гг. как время роста преступности, опережавшего рост населения [2. С. 109]. Рост числа уголовных дел в те годы отмечен и в округе ЕОС. 1884 - 1894 гг. выступают годами определенной стабилизации уровня преступности, когда ее рост не опережал темпов роста численности населения [2. С. 109]. В округе ЕОС весь период 1880-х гг. отмечен наибольшим уровнем преступности, а уже с 1891 г. она начинает постепенно снижаться,

несмотря на осязаемое увеличение численности населения*. По мнению чиновников ЕОС этот факт был не случаен, а обусловлен повышением грамотности уральского населения и «смягчением его нравов» [1. Л. 55].

При знакомстве с архивными материалами ЕОС обращает на себя внимание разнообразие практики его уголовных отделений. В статистической справке ЕОС не без гордости отмечалось, что «особенность деятельности Екатеринбургского окружного суда заключается еще в том, что в силу своего географического положения и крайнего различия между отдельными местностями округа Суда, в нем изумительное разнообразие дел и живая работа его имеет мало общего с монотонною деятельностью многих других судов Центральной России, которые нередко оперируют с какой-нибудь сотней статей Уложения о наказаниях, между тем как деятельность Екатеринбургского суда настолько разнообразна, что в его практике не встречались лишь весьма немногие преступления» [1. Л. 135]. Было бы излишним описывать все виды преступлений, совершенных в округе ЕОС, поэтому мы остановимся на характеристике распространенности и динамики тех, которые в основном определяли структуру преступности в подведомственных суду уездах.

Анализируя структуру преступности в округе ЕОС по уголовно-правовым основаниям, необходимо сразу отметить высокую распространенность в нем тяжких насильственных преступлений против личности. Например, заурядными были дела по всякого рода убийствам, которых с 1874 по 1899 гг. суд рассмотрел в количестве 2009. Ежегодно в среднем ЕОС рассматривал по 80 таких дел, а на 100 уголовных дел их приходилось в среднем почти 9 [1. Л. 77]. Динамика дел по убийствам следующая: в 1870-х годах число ежегодно решаемых дел варьировалось в пределах от 26 до 86, в 1880-е годы - от 74 до 103, в 1890-е годы - от 70 до 106 [1. Л. 77]. Как видим, разницы между 1880 и 1890 гг. почти нет, количество дел по убийствам

* Губернская статистика показывает, что на 1 января 1890 г. в Екатеринбургском, Камышловском, Верхотурском, Ирбитском и Шадринском уездах, в их уездных и заштатных городах проживали 1347973 жителя [4, 1891, С. 49]. К 1 января 1898 г. население этих уездов возросло на 98 722 человека, то есть более чем на 7 % [4. 1899. С. 65].

стабилизировалось на одном уровне при росте численности населения. Но относительно массы остальных уголовных дел они из года в год росли. Если в 1874 г. на 100 уголовных дел приходилось 4 дела по убийствам, то в 1898 г. уже 13 [1. Л. 77].

С 1874 по 1899 гг. ЕОС рассмотрел 2475 дел о нанесении увечий, ран и других повреждений здоровья (в среднем по 97 таких дел в год, а на 100 уголовных дел приходилось 11 дел такого рода) [1. Л. 80]. Статистика суда отражает устойчивый рост этих видов преступлений. Если в 1870-х гг. на 100 уголовных дел приходилось 6 дел по телесным повреждениям, то в 1880-е гг. - 12, а в 1890-е гг. - 24 [1. Л. 80].

Из других посягательств на личность отметим преступления против чести и свободы частных лиц, предусмотренные ст. ст. 1523-1548 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (посягательства на честь и целомудрие женщин, оскорбления личности, клевета и др.). Наиболее распространенными из них в округе ЕОС были преступления против чести и целомудрия женщин. За 25 лет своей работы ЕОС разрешил 657 дел такого рода, ежегодно рассматривая по 26 из них. На каждые 100 решенных дел приходилось 3 дела о посягательствах на честь и свободу частных лиц [1. Л. 85]. Динамика данных преступлений такова: в 1870-е гг. количество ежегодно рассматриваемых дел колебалось от 5 до 19, в 1880-е гг. - от 22 до 43, а в 1890-е гг. от 19 до 37 [1. Л. 85]. Таким образом, преступления против чести и свободы частных лиц в 1890-е гг. количественно снижаются на фоне общего снижения уровня преступности в округе ЕОС.

Тяжкие корыстно-насильственные преступления по сравнению с посягательствами на личность на территории ЕОС имели меньшую распространенность в количественном измерении. За 25 лет суд решил 265 дел о разбоях и 1300 дел о грабежах [1. Л. 91, 93]. В среднем в год суд рассматривал почти 11 дел о разбоях и 52 дела о грабежах, а в процентном отношении примерно одно дело о разбое ибо грабежах приходилось на каждые 100 уголовных дел [1. Л. 91, 93]. Динамика разбоев показывает, что в 1870-е гг. ежегодное количество дел по ним колебалось от 1 до 18, в 1880-е гг. был отмечен рост таких преступлений (от 7 до 21), а в 1890-е гг. произошло их снижение (число дел варьировалось ежегодно от 3

до 14) [1. Л. 91]. Значительное снижение было зафиксировано также по грабёжам. Если в 1870-е гг. ежегодное количество таких дел было от 31 до 70, а в 1880-е гг. они участились (от 51 до 109 ежегодно), то в 1890-е гг. начался процесс резкого снижения этих преступлений (от 14 до 56 дел ежегодно) [1. Л. 93]. Как видим, число дел по грабёжам в 1890-е гг. снизилось по сравнению с предыдущим десятилетием примерно наполовину и даже оказалось ниже уровня 1870-х гг.

Естественно, самыми распространёнными имущественными преступлениями были кражи. За период 1874 - 1899 гг. ЕОС решил 4 461 дело по кражам, ежегодно рассматривая примерно по 178 таких дел (из каждых 100 уголовных дел 19, были о кражах) [1. Л.96]. По статистике ЕОС в 1870-е гг. ежегодно рассматривалось от 37 до 266 дел о кражах, в 1880-е гг. - от 135 до 298, в 1890-е гг. от 130 до 215 [1. Л. 96]. Однако, как уже указывалось, мы не знаем каких образом на статистике краж отразился закон от 18 мая 1882 г., передавший ряд категорий дел такого рода в мировую юстицию. Но что касается 1890-х гг., то можно утверждать, что в эти годы наступила стабилизация данного вида преступлений. В частности, на каждые 100 уголовных дел в 1890 г. приходилось 18 дел о кражах, 1891 г. - 16, 1892 г. - 22, 1893 г. - 20, 1894 г. - 21, 1895 г. - 26, 1896 г. - 25, 1897 г. - 18, 1898 г. - 18 [1. Л. 96].

Прочие виды имущественных преступлений по сравнению с кражами в практике ЕОС имели гораздо меньшую распространённость. Некоторые из них исчисляются буквально единицами. Так, за 25 лет было решено всего 9 дел о насильственном завладении недвижимым имуществом и истреблении граничных меж и знаков [1. Л. 89].

Среди других видов преступлений, определявших в главных чертах структуру преступности в округе ЕОС, необходимо выделить преступления против общественного благоустройства и благочиния. За 25 лет было рассмотрено 5 320 таких дел (примерно 24 % от всех) [1. Л. 73]. Из них основную массу составили дела о бродяжничестве. Динамика данных дел сводится к их постепенному сокращению, особенно в 1890-е гг. [1. Л. 73-75]. Весьма распространёнными были преступления против порядка управления. За четверть века ЕОС рассмотрел 2 772 дела такой

категории (примерно по 111 дел ежегодно, 12 на каждые 100 уголовных дел) [1. Л. 62]. Из них наиболее частыми были случаи оскорблений и явного неуважения к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности (1 098 дел), а также взломы тюрем, уводы и побеги лиц из под стражи или надзора (973 дела) [1. Л. 62]. Преступления против порядка управления обнаружили устойчивую тенденцию к абсолютному и относительному росту. В 1870-е гг. ежегодно в среднем ЕОС рассматривал 56 таких дел (от 5 до 8 дел на каждые 100), в 1880-е гг. - 121 дело (от 7 до 16 на каждые 100), в 1890-е гг. - 136 дел (от 11 до 18 на каждые 100) [1. Л. 62-63]. При этом необходимо учитывать, что закон от 7 июля 1889 г. передал ряд категорий дел о преступлениях против порядка управления из ведения окружных судов с присяжными заседателями в судебные палаты для рассмотрения их с сословными представителями в качестве суда первой инстанции.

В рассматриваемый период стремление к росту характеризует динамику и некоторых других видов преступлений. В частности, это относится к преступлениям против прав семейственных (против брачного союза, преступления детей против родителей, злоупотребление родственной властью, кровосмешение, прелюбодеяние между родственниками и др.). ЕОС решил 274 таких дела (1,2 % от всех уголовных дел), причем в 1870-е гг. ежегодно рассматривал от 3 до 7 таких дел, в 1880-е гг. - от 2 до 23, в 1890-е гг. - от 10 до 27 [1. Л. 87]. Заметен был рост преступлений против религии. Если в 1870-е гг. ЕОС рассматривал ежегодно от 3 до 14 таких дел, то в 1880-е гг. - от 3 до 23, а в 1890-е гг. - от 13 до 31 [1. Л. 51].

Таким образом, в течение 25 лет структура преступности в округе ЕОС претерпела очевидные изменения. Тяжкие преступления против личности и собственности испытали в 1890-е гг. абсолютное или относительное снижение (разбои, грабежи, преступления против чести и свободы частных лиц) или же устойчивую стабилизацию в абсолютном измерении (убийства). Одновременно возросло число преступлений против телесной неприкосновенности, стабилизировался уровень краж. Снижение числа преступлений и проступков против общественного

благоустройства и благочиния сопровождалось ростом посягательств на государственные и общественные институты (систему управления, семью и религию). Как подчеркивает статистическая справка ЕОС, преступность с годами изменялась от крайне жестоких «зверских» проявлений в сторону большей человечности [1. Л. 55].

Архивные материалы ЕОС дают возможность проанализировать структуру преступности в его округе и по некоторым криминологическим основаниям, к примеру, по половому и возрастному признакам.

Общероссийская уголовная статистика отмечала за период 1884-1894 гг. возрастание числа осуждаемых женщин в большинстве судебных округов [2. С. 137]. Но ЕОС входил в группу семи судов, в которых процент представительства женщин среди осужденных оставался почти без перемен [2. С. 138]. Более того ЕОС замыкал группу из десяти окружных судов, имевших наименьшее отношение количества женщин среди осужденных — менее 9% [2. С. 140]. Внутренняя статистика ЕОС также свидетельствует, что на каждые 100 осужденных в его округе приходилось примерно 9 женщин [1. Л. 56]. Женскую преступность в округе ЕОС можно охарактеризовать следующими данными. Так, наибольший процент женщин среди осужденных был отмечен в делах по преступлениям против прав семейственных и прежде всего в делах о посягательствах на брачный союз. На каждые 100 судимых по этим делам приходилось 61 женщина и привлеченные к ответственности за данные преступления женщины составили 4 % всех состоявших под судом представительниц своего пола [1. Л. 87]. Заметным представительством женщин отличались дела по преступлениям против религии [1. Л. 51]. Особо следует сказать об убийствах. С 1874 по 1899 гг. в округе ЕОС к уголовной ответственности за убийства были привлечены 834 женщины, что составило почти 24 % от всех состоявших под судом женщин [1. Л. 77*]. У мужчин отношение убийц к другим преступникам было гораздо меньшим

*Заметим, что немалую часть осужденных за убийства женщин составили те, которые прошли оп делам об убийствах новорожденных и незаконнорожденных детей.

— примерно 7 % [1. Л. 77]. Причем за этот период обнаружилась тенденция к некоторому росту числа осуждаемых за убийства женщин, сопровождаемое обратным процессом у мужчин [1. Л. 78].

В остальных видах преступлений повышенное представительство женщин не отмечается. Так, они редко осуждались за разбои и грабежи. Самое большое число осужденных за разбои женщин пришлось на 1882 г. - всего 6 [1. Л. 91]. Подобная ситуация была и с грабежами. Единственное, что обращает на себя внимание по этим преступлениям, так это высокая доля осужденных женщин из числа городских обывательниц. Горожанки составили 27% от всех осужденных за грабежи преступниц [1. Л. 94].

Преступность несовершеннолетних в возрасте от 10 до 21 года** в последней четверти XIX века уже представляла для российского правосудия серьезную проблему. География преступности среди несовершеннолетних характеризовалась её большей распространенностью в западных регионах России, отличавшихся большей численностью городского населения и интенсивным развитием промышленности [2. С. 152-153]. Пермская губерния, как один из старых промышленных центров, также не избежала подобной участи. Е.Н. Тарновский отмечает Пермскую губернию как имевшую уровень преступности лиц до 17 лет выше среднего. Причем по сравнению с периодом 1884-1889 гг. в 1890-1895 гг. прирост числа осужденных в таком возрасте составил по мировым и общим судам Пермской губернии 44 % при среднем показателе 15 % [8. С. 6, 15]. Статистика ЕОС также подтверждает, что с 1874 по 1899 гг. отчетливо наблюдался рост доли преступников в возрасте от 17 до 21 года в общей массе подсудимых, особенно в 1890-е гг. Это расценивалось судебными деятелями как «одно из наиболее нежелательных явлений общественной жизни и шаг назад по пути морального прогресса народных масс» [1. Л. 61].

*** Точнее говоря, в дореволюционном уголовном праве преступники в возрасте от 10 до 14 именовались малолетними, а в возрасте от 14 до 21 года — несовершеннолетними.

При общем соотношении несовершеннолетних и взрослых преступников в округе ЕОС как 13 на 100 преступность в нем характеризовалась высоким представительством несовершеннолетних в некоторых категориях преступлений. Наибольшим оно было в посягательствах на честь и целомудрие женщин. По данным делам на каждые 100 приговоренных к наказанию мужчин приходилось 40 несовершеннолетних [1. Л. 86]. Значительным был процент несовершеннолетних (20 % мужчин и 9 % женщин) по делам о нанесении ран, увечий и других повреждений здоровья [1. Л. 79]. Несовершеннолетние в возрасте от 10 лет до 21 года составили 16, 5 % всех осужденных за убийства мужчин и 23 % женщин [1. Л. 79]. В имущественных преступлениях (кражи, разбои, грабежи, истребление имущества путем поджога) их участие также было заметным, превосходящим отмеченный выше общий уровень [1. Л. 90, 91, 94, 98].

Несколько слов необходимо сказать об уровне рецидивной преступности в округе ЕОС*. В статистической справке ЕОС о ней нет сведений, и мы можем опираться только на данные, опубликованные Е.Н.Тарновским. Он зафиксировал, что в период 1893-1897 гг. при среднем для окружных судов рецидиве 24% в округе Екатеринбургского суда таковой составил 25%, то есть был чуть выше среднего [6. С. 131]. Среди судов Казанской судебной палаты ЕОС отличался этим в худшую сторону. Только Казанский окружной суд имел уровень рецидивной преступности в 31 %, у остальных судов палаты (Симбирского, Вятского, Сарапульского, Пермского) этот показатель не превышал 22% [6. С. 130-131].

Почему же в Уральском крае уровень преступности был одним из самых высоких и в России? Юристы XIX века, исходя из представлений того времени о причинах и условиях преступности, объясняли такую ситуацию влиянием местных условий. Мы уже упоминали высказывание на этот счет И. Орлова и А. Хвостова [См.: 4. С. 46]. Как и они, зависимость между уровнем преступности в округе ЕОС и особенностями состава населения усматривал председатель ЕОС с 1894 по 1908 гг. А.А. Медем. В своей статье, посвященной 25-летию ЕОС, он отмечал, что

*В то время она учитывалась не по общему, а только по специальному (однородному) рецидиву.

население Екатеринбургского и Верхотурского уездов — центра горнозаводского Урала — более чем на половину было занято на горных заводах, фабриках, рудниках, золотых приисках, а также в сфере кустарных промыслов. Ирбитский уезд сохранял в основном земледельческий характер, и в еще большей степени это относилось к зауральским Камышловскому и Шадринскому уездам, хотя часть их жителей через отхожие промыслы уже была связана с уральской промышленностью. Уголовная статистика ЕОС свидетельствовала, что в отличие от крестьянского населения фабрично-заводская среда поставляла относительно большее число преступников. Как подчеркивал Л.А. Медем, фабрично-заводские рабочие, постоянно подвергая себя на работе массе случайностей, не дорожили ни своими, ни чужими жизнями. Этим он объяснял относительно большую распространенность среди фабрично-заводского населения убийств, посягательств на телесную и половую неприкосновенность, а также имущественных преступлений [3. № 47. С. 2243]. Надо полагать, что в качестве криминогенных факторов выступали и такие не упомянутые А.А. Медемом явления уральской фабрично-заводской жизни, как перенаселенность заводских поселков, скрытая безработица и вызванные ею сокращенные рабочие и «гулевые» дни, не говоря уже о бедности, тяжелых условиях труда и быта, неграмотности большинства рабочих.

Подчеркнем, что основная масса рабочих в силу специфики уральской промышленности была сосредоточена во внегородских фабрично-заводских, рудничных и приисковых поселках, а главные отрасли промышленности не были связаны с городской экономикой. Что же касается соотношения собственно городского и крестьянского населения на Урале, то к концу XIX века сельские жители по-прежнему значительно превосходили по численности все прочие сословия. Вот почему крестьяне составили в абсолютном измерении большинство осужденных в округе ЕОС. Такие деяния как преступления против прав семейственных и преступления против религии совершались почти исключительно сельскими обывателями [1. Л. 52, 88]. Относительное преобладание осужденных из числа городских обывателей было

отмечено только по делам мошенничества, присвоении, растрате, подлогах [1. Л. 100].

По мнению А.А. Медема, на состояние преступности в округе ЕОС оказывало влияние проживания в нем раскольников и старообрядцев, а также мусульман-башкир и язычников-вогулов, указывая, что данные категории населения составляли более 200000 человек или 15 % всего населения округа [3. № 47. С. 2244]*. Статистика ЕОС с 1874 по 1899 гг. зафиксировала среди подсудимых 609 мужчин и 159 женщин из числа раскольников [1. Л. 61]. По сравнению с общим соотношением осужденных мужского и женского пола преступниц-расколиц оказалось почти втрое больше, чем мужчин. На каждую условную тысячу приговоренных к наказанию пришлось 29 мужчин и 82 женщины из числа расколиц [1. Л. 61]. Пропорционально своей численности женщины — расколиц садились на скамью подсудимых чаще, чем православные. Например, за преступление против религии расколиц было осуждено в пять раз больше, чем православных [1. Л. 51]. Впрочем, по данным преступлениям непропорционально велик и процент мужчин — расколиц. В некоторые годы их судили за преступления против веры вдвое, втрое и даже впятеро больше, чем православных мужчин [1. Л. 52]. Но за исключением этого специфического вида преступлений по другим процент расколиц примерно соответствовал их доле в общем количестве населения.

Иное положение было с мусульманским населением. Осужденные ЕОС женщины — мусульманки исчисляются буквально единицами. Причиной тому была национальная замкнутость и почти полная изоляция мусульманок от внешнего мира. Но по некоторым видам преступлений было отмечено непропорционально большое представительство мужчин — башкир. В частности, на каждые 100 осужденных за грабежи приходилось 7 мусульман, на 100 осужденных за разбой — уже 16,

*Эти данные расходятся с официальными цифрами. Губернская статистика за 1890 год показывает, что в подведомственных ЕОС уездах проживали 38 834 раскольника и 46 875 мусульман [4, 1892. С.64-65]. Тем самым они составляли примерно 7% от общего числа жителей этих уездов. Кажется невероятным, что к 1899 году, когда была опубликована статья А.А. Медема, численность раскольнического и мусульманского населения возросла более чем в два раза.

а среди каждых 100 осужденных за кражи насчитывалось 25 мусульман [1. Л. 92, 94, 98, 99]. Надо добавить, что объектом посягательств по данным преступлениям были почти исключительно лошади. Как указано в статистической справке ЕОС, конокрадство у башкир было «важным подспорьем в их донельзя упавшем, скудном хозяйстве» [1. Л. 99]. Оно характеризовалось и высоким уровнем рецидива. Отмечалось, что «башкир, судящийся за вторую и третью кражу лошади, явление самое заурядное» [1. Л. 99].

По преступлениям против личности мусульмане составляли не более 3 - 4 % от общего числа осужденных, что в целом соответствовало их доле в составе населения [1. Л. 99].

Можно сделать вывод, что влияние раскольнического и мусульманского населения на состояние преступности в округе ЕОС было частным и отчетливо обнаруживалось только по некоторым видам преступлений.

К факторам, вызывавшим повышенный уровень преступности в округе ЕОС, А.А. Медем также относил близость Пермской губернии к Сибири. Через Екатеринбург проходил Сибирский тракт, служивший маршрутом беглых преступников, ссыльных и бродяг на пути в Европейскую Россию [3. № 47. С. 2244-2245]. Насколько они осложняли криминогенную обстановку можно судить по тому, что в 1874 г. бродяги и ссыльные составили в ЕОС 71% подсудимых, а в 1875 — 54% [1. Л. 60]. По ряду видов преступлений доля этих элементов очень велика. Например, по преступлениям и проступкам против общественного благоустройства и благочиния из 100 осужденных мужчин 91 были из числа бродяг, из 100 осужденных женщин — 56 [1. Л. 75]. Большинство из них осуждались опять же за бродяжничество. Беглые ссыльные составили 34% осужденных ЕОС за преступления против порядка управления [1. Л. 64]. Судили их главным образом за простые и квалифицированные (сопряженные с насилием) побег, взломы мест заключения и т.п. Довольно заметно было участие беглых ссыльных и бродяг в делах о разбоях (5 % от общего числа осужденных) и кражах (4%) [1. Л. 92, 98]. В материалах официальной уголовной статистики за 1874-1894 гг. утверждалось, что «повышение преступлений против половой

нравственности в Пермской губернии...может быть в известной мере объяснено наплывом в эти местности пришлых элементов (бродяг из Сибири...)» [2. С. 131]. Этот вывод прямо не подтверждается уголовной практикой ЕОС. Более того в его статистической справке специально оговаривается, что среди осужденных за посягательства на честь и целомудрие женщин за все 25-летие не встретилось ни одного бродяги или беглого ссыльного [1. Л. 86]. Факт сам по себе примечательный, но совершенно необъяснимый!

Влияние наплыва беглых ссыльных и бродяг на состояние преступности в округе ЕОС с годами ослабло за счет строительства 1880-1890 гг. Сибирской железной дороги через Челябинск. Основная масса данных лиц предпочла для перемещений путь вдоль линии этой дороги. К 1898 г. они составляли в округе ЕОС уже примерно 10 % от общего числа подсудимых [1. Л. 60]. Следует также учитывать, что уголовная статистика за период 1874-1894 гг. зафиксировала заметное уменьшение числа дел о бродяжничестве в масштабах всей России [7. С. 140].

Конечно, отмеченные А.Л. Медемов обстоятельства влияли на состояние преступности в округе ЕОС. Но думается, кроме них были и более глубокие криминогенные факторы, которые были связаны с социально-экономическими процессами второй половины XIX века и переходным характером пореформенной эпохи. Рушились сформированные веками феодализма жизненный уклад, система ценностей и мораль, ослабевал социальный контроль в крестьянской среде, интенсивней стала миграция населения. Вследствие этого росла численность маргинальных и деклассированных элементов, составлявших питательную почву преступности. Разумеется, все это не могло не сказываться отрицательно на картине преступности в уральском регионе. Однако нарождались и благоприятные в криминогенном плане факторы. Снижение уровня преступности в округе ЕОС в 1890-е гг. несомненно, можно считать следствием начавшегося тогда промышленного подъема и связанного с ним постепенного роста жизненного уровня и грамотности уральского населения.

Таблица 1

Отношение среднего ежегодного числа осужденных
на 100 000 населения
(за 1890-1894 гг.) (фрагмент таблицы) [2. С. 300-303].

Окружные суды	Виды преступлений											
	Убийство	Преступления против личности	Преступления против вещности	Преступления против в том числе преступления против личности	Преступления против личности (в том числе) Преступления против личности	Преступления против личности 4)	Бродяжничество	Мошенничество	Насильственное похищение детей	Кража и святотатство	Имущественные преступления	Остальные преступления
Казанский	2,2	0,9	0,2	4,0	6,4	1,7	0,7	0,9	14,0	16,3	11,3	36,4
Симбирский	3,1	0,5	0,3	4,1	7,5	1,0	1,0	1,3	19,3	24,1	15,1	47,9
Вятский	2,4	0,5	0,2	6,1	8,7	0,7	0,3	1,0	10,1	12,1	10,5	32,3
Сарапульский	3,0	1,2	0,4	6,6	10,0	1,0	0,5	3,1	14,4	18,8	16,2	46,8
Пермский	4,3	1,5	0,7	8,6	13,6	5,0	0,8	2,6	19,7	24,0	13,9	57,3
Екатеринбургский	5,2	2,0	1,0	6,5	12,7	10,8	2,4	3,6	18,4	25,5	24,8	74,8
Среднее по всем окружным	2,5	2,8	0,3	7,0	9,8	1,1	0,6	1,9	16,5	19,8	16,1	49,3

Источники:

1. ГАСО. Ф. II. Оп. 1. Д. 10.
2. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет. 1874-1894 / Под ред. Е.Н. Тарновского. Спб., 1899.
3. Медем А.А. Краткий очерк 25-летней деятельности Екатеринбургского окружного суда // Право. 1899. № 47, 49.
4. Орлов И., Хвостов А. Материалы для уголовной статистики России // Журнал министерства юстиции. 1860. № 10.
5. Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии.

Литература:

6. Тарновский Е.Н. Данные уголовной статистики о рецидиве в

общих и мировых судебных установлениях // Журнал министерства юстиции. 1901. №4.

7. Тарновский Е.Н. Движение преступности в Европейской России за 1874-1894 гг. // Журнал министерства юстиции. 1899. № 3.

8. Тарновский Е.Н. Преступность малолетних и несовершеннолетних в России // Журнал министерства юстиции. 1899. №

УДК 94(47).05

ББК Т.3(2)511-06

ГСНТИ. 03.23.31

Код ВАК 07.00.02

Е. С. Соколова

Екатеринбург

**ОБОСНОВАНИЕ НАДСОСЛОВНОЙ ПРИРОДЫ
РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ В
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПЕТРА I О ПОРЯДКЕ
ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ПРАКТИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1720-Х ГГ.: ОПЫТ
ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: институт престолонаследия, надсословная монархия, государственный патернализм, имперское законодательство, правовая политика, принцип законности, правительственная элита, правосознание, политическая практика.

АННОТАЦИЯ: в статье выявлена теоретико-юридическая основа института престолонаследия в российском законодательстве первой четверти XVIII в.; автор делает вывод о том, что в условиях династического кризиса 1725 г. сторонники правления Екатерины I рассматривали принцип законности как правовую гарантию сохранения надсословного имиджа российского самодержавия, необходимого для последовательной корректировки петровских реформ.

E.S. Sokolova

Yekaterinburg

**JUSTIFICATION OF THE OVER-ESTATE NATURE OF
RUSSIAN AUTOCRACY IN THE LEGISLATION OF
PETER I ON THE ORDER OF SUCCESSION TO THE
THRONE AND THE POLITICAL PRACTICE OF THE
FIRST HALF OF THE 1720S: EXPERIENCE OF THE
HISTORICAL AND LEGAL RECONSTRUCTION**

KEY WORDS: Institutesuccession,over-estatemonarchy,state paternalism,imperial legislation, legal policy, the principle of the rule of law, government elite, sense of justice, political practice.

ABSTRACT: The article revealstheoreticallegal basisof the Instituteof successionin the Russian legislationin thefirst quarter of theXVIII century; The author concludesthatinthe dynasticcrisis of1725the supportersof CatherineIsawthe principle of legalityas a legalguarantee of preservation of the over-estateimage of Russianautocracy,requiredfor sequentialadjustmentof the Peter’s reforms.

Идея верховенства закона в моделировании государственно-правовой системы Российской империи с первой четверти XVIII в. приобрела значение ведущего теоретико-идеологического концепта законодательной политики самодержавия. В значительной степени этому способствовала неоднозначность петровских преобразований с их рационалистическим обоснованием в духе «общего блага», заимствованным из платонической традиции западной политической философии. Декларируя божественное предназначение монарха всеми силами способствовать реализации «государственного интереса», Петр I сознательно воздерживался от разработки развернутого законодательного определения указанного понятия. Это позволяло ему виртуозно балансировать между интересами разобщенных социальных групп со сложной стратификацией и естественной в условиях затяжной войны потребностью верховной власти узаконить свои неограниченные prerogatives [16. С. 61 – 65; 17. С. 86 – 88].

Общеизвестно, что кончина Петра I спровоцировала возникновение серьезных разногласий в правительственной среде по поводу дальнейшей судьбы государственно-правовых преобразований, социально-экономическое бремя которых остро чувствовали все слои населения, включая дворянство. Царь-реформатор и сам хорошо понимал всю степень тяжести проводимого им внутривнутриполитического курса на скорейшее достижение «общего блага». Об этом, в частности, свидетельствуют последние в его жизни именные указы, на основе которых было составлено несколько предписаний Сената, подтверждающих волю умирающего монарха. Перед смертью Петр I приказал простить всех «колодников» и распорядился не

приводить в исполнение судебные приговоры по «военным артикулам и правам», предусматривающие применение смертной казни. Исключение составляли только лица, осужденные «по первым двум пунктам» петровского указа 1715 г об обязанности подданных доносить царю о деяниях против спокойствия государя и государства [11. С. 408; 12. С. 409 – 410].

27 января 1725 г. «ради доброго здоровья его императорского величества» царское прощение получили и все дворяне, не прибывшие на очередной смотр в герольдмейстерскую контору Сената. По желанию Петра I за ними сохранялись прежние чины, и была отменена конфискация имущества [10. С. 409]. Вместе с тем, будучи в силе, царь никогда не сомневался в оправданности наложенных им на все сословия имущественных и личных тягостей, мотивируя необходимость самых непопулярных законодательных мер обязанностью природного государя служить божественному замыслу. В частности, составляя 16 августа 1724 г. программу для празднования очередной годовщины Ништадского мира, Петр I отмечал «неискусство наше во всех делах», свидетельствующее о том, что «все умы человеческие ничто есть против воли божией» [18. С. 536].

В научной литературе неоднократно отмечалось, что важным последствием сословной реформы Петра I, направленной на расширение социальной опоры самодержавия за счет принципа выслуги дворянского звания, стало усиление социальной неоднородности дворянства. Ожесточенная борьба между «старыми» и «новыми» дворянами за доступ к верховной власти и политическое влияние при новом дворе отражала расстановку социальных сил внутри служилого сословия Российской империи и в то же время свидетельствовала об «усталости» различных слоев населения от ускоренного темпа двадцатилетних петровских преобразований. Об этом, в частности, писал вскоре после смерти Петра I П. И. Ягужинский, характеризуя в обстоятельной записке на высочайшее имя общее положение дел в России. Он, например, указывал новой императрице на необходимость «прилежного и скорого рассуждения к поправлению нынешнего в государстве состояния ...», так как впредь «... внутри и вне

государства для целостности государства и народа меры взять крайняя нужда настоит» [18. С. 551].

Соображения Ягужинского были настолько основательными, что осенью 1725 г. Сенат даже предложил Екатерине I впредь исключать из подушного оклада всех «убылых» лиц, уменьшить его размеры на следующий год до 60 копеек с души и продумать в дальнейшем возможность сокращения численности армии и размеров ее денежного содержания [3. С. 8]. Как известно, кажущееся единодушие сенаторов при обсуждении вопроса о необходимости внесения частных коррективов в законодательство Петра I было поверхностным результатом весьма непрочного консенсуса, достигнутого правительственной элитой в результате возведения на императорский престол его супруги Екатерины Алексеевны. По отзывам современников этого события, в роли ее самых активных сторонников выступили лица из ближайшего окружения царя, имевшие основание опасаться прихода к власти сына погибшего Алексея Петровича. Результаты розыска 1718 г. показали, что сам опальный царевич весьма рассчитывал в соперничестве с Петром I за власть на поддержку Долгоруких, Голицыных и других видных боярских фамилий. Все они дожидались своего часа, чтобы изгнать из политической жизни «худородных» выскочек, не гнушаясь при этом самыми высокими государственными постами в петровской администрации.

Отсутствие упорядоченного механизма престолонаследия, предоставляло противоборствующим придворным группировкам хороший шанс свести счеты и направить оставшийся без рулевого корабль российской государственности в нужное им русло. В историко-правовой и исторической литературе предшествующих двух столетий подробно исследованы мотивы главных участников провозглашения Екатерины Алексеевны единственной законной наследницей Петра I. По мнению большинства авторов, наиболее активная роль в определении будущности Российского государства принадлежала тем сторонникам продолжения петровского курса, которые выдвинулись на государственном поприще, благодаря личным заслугам и не имели широких кровно-родственных связей со старомосковской знатью. Все они, так или иначе, содействовали

отречению царевича Алексея от престола и по долгу службы высказались в Сенате за вынесение ему смертного приговора заслушание царских указов.

Обстановка, в которой происходил спор о судьбе «петровского наследия», вспыхнувший еще у одра смертельно больного государя, является свидетельством незавершенности петровских преобразований в области укрепления правового статуса самодержавной власти монарха. Провозгласив себя императором, Петр обосновывал свой новый юридический статус с позиций старомосковских представлений о сущности самодержавия, частично заимствованных из Византии. В значительной мере именно это обстоятельство способствовало появлению в русском государственном праве первой четверти XVIII в. Устава 1722 г. о престолонаследии, по которому отменялся обычный порядок передачи престола по старшинству в нисходящей от наследодателя мужской линии. Формально право государя самому определять наследника подкреплялось ссылкой на указ 1714 г. о единонаследии, согласно которому никто не мог оспорить волю завещателя. Однако в уставе 1722 г. законодатель не счел нужным ограничить круг претендентов детьми и внуками царствующего императора, придав этому нормативному акту дух традиционного «вотчинного» похода к решению вопроса о преемстве императорской власти.

Опираясь на заветы «предков», известные ему из летописной традиции старой Москвы, Петр I все же не возводил пример «блаженные и вечнодостойныя памяти великого князя Ивана Васильевича» в ранг непререкаемого авторитета. По его словам, великий собиратель «розсыпанного ... нашего отечества, выбирал достойнейшего наследника между сыном и внуком, дабы «в расточение ... его не допустить» [9. С. 61]. Судя по духу петровского указа, в данном случае императора-законодателя беспокоило не столько нормативное закрепление возможного круга наследников, сколько исключение из юридического быта Российского государства «недоброго обычая ... что большому сыну наследство давали». Сохранение пережитков старины способствовало, по его мнению, самоуспокоенности наследников. В случае с царевичем Алексеем, который упорно

противодействовал политике своего отца, направленной на благо страны и народа, господство обычая едва не нарушило спокойствие государства по «надменности» законного наследника «авесаломскою злостью».

Решая вопрос о престолонаследии, Петр I стремился максимально придать своей воле ореол законности. Тем не менее, к 1722 г. царь находился в достаточно затруднительной ситуации. Оба его младших сына умерли в младенчестве, дочери претендовали на заключение блестящих династических браков, а юный возраст царевича Петра Алексеевича не позволял определить степень его способностей к самостоятельной политической деятельности. Кроме того, по мнению С. М. Соловьева, проявив открытое предпочтение в пользу маленького Петра, царь, таким образом, поставил бы под удар своих ближайших соратников, которые когда-то высказались против Алексея [18. С. 517]. Очевидно, что продумывая дальнейшие меры по урегулированию порядка престолонаследия, царь испытывал настоятельную потребность в доктринальном обосновании возможных шагов в этом направлении.

Вопреки бытующему в историографии мнению, Петр I, вероятно, не собирался ограничивать круг возможных претендентов на трон, так как у него были явные сомнения в оправданности применения указа о единонаследии 1714 г. к сфере государственного права. В частности, он вполне определенно высказался по вопросу о прерогативах государя в области наследования верховной власти. Петр, например, не исключал возможности передать трон «чужому», но «достойному» лицу, при условии «непотребства» родных сыновей, не признающих приоритет «государственного интереса» над личными амбициями. «Ибо не могу, - писал император, - такова наследника оставить, которой бы растерял то, что чрез помощь Божию отец получил, и испроверг бы славу и честь народа российского, для которого я здоровье свое истратил, не жалея в некоторых случаях и живота своего ...» [7. С. 55].

В 1722 г. Петр I поручил Феофану Прокоповичу составить подробное обоснование законодательных положений устава о престолонаследии под заглавием «Правда воли монаршей». Не

находя в правовых обычаях, юридических преданиях старины и действующем законодательстве Российского государства прецедентов, достаточных для придания законной силы высказанного ранее Петром I тезиса о праве отца поступиться интересами законных наследников во имя «общего блага», Феофан обратился к библейской истории и западным образцам политико-правовой мысли. Его задача заключалась в том, чтобы разработать теоретические доводы в пользу нового порядка престолонаследия с позиций божественного права, перед непрекаемостью которого отступают мнения людей. Помимо этого, Феофану предстояло найти аргументы, легитимирующие действия Петра-императора в сознании европейского политического сообщества. Он блестяще выполнил поручение Петра I, возведя прочный историко-теоретический фундамент над еще не прошедшей испытание временем юридической конструкцией самодержавия.

Воспользовавшись отсутствием в партикулярном указе 1714 г. о единонаследии никаких указаний о праве отца отдать недвижимое имущество в чужой род, Феофан Прокопович предложил вниманию читателя «резоны» двух видов. Учитывая дуалистичность прерогатив монархической власти, в равной степени, пекущейся о благе подданных и процветании Российской державы, он предложил ориентироваться в решении проблемы престолонаследия как на «рассуждения законов общих о власти родительской», так и на «рассуждения высочайшей власти Императоров, Царей и прочих, кое либо титулы Самодержцев». В преамбуле к основному содержанию «Правды» Феофан высказал официальную точку зрения на внесенные Петром первым изменения в порядок наследования престола. Ссылаясь на решения совместной конференции Святейшего Синода и Правительствующего Сената, он подчеркнул необходимость «показать всякому», что «Всероссийский Император не просто Устав сей издал, но с крепкими ... доводами свободного Монархом определения в наследники их ...». Здесь же приводится расширительное толкование петровского указа о наследовании престола, предусматривающее возможность передачи

родительского скипетра представителю «инога рода», «добре царствовать могущего» [6. С.82 – 83; 8. С. 698 – 702].

Стремясь доказать законность санкционированного Петром I права монарха самому назначать себе наследника, Феофан Прокопович обратился к богословской аргументации. В частности, на основе постулата о божественном происхождении монархической власти он утверждал, что ее священная природа полностью исключает возможность легитимных притязаний сына на корону «своего родителя» «аки бы некоего долга ... » [6. С. 97]. Приучая своих подданных «как к благочестию, так и к честному жительству», царь-законодатель стоит выше ходячих представлений о добром и справедливом, так как для него существуют «учения священных писаний» [6. С. 105]. С точки зрения Феофана Прокоповича, все постановления, исходящие от верховной власти, направлены на достижение всенародной пользы, даже если на первый взгляд, они таковыми не являются. Искажение «правды» в деле законотворчества может произойти только в том случае, если разумный государь, правильно понимающий свою «должность», оставит после себя наследника «негодного, неискусного и ленивого». [6. С. 106]. В силу этого при назначении преемника монарху надлежит, в случае необходимости «и на сыновство не смотреть детей своих». [6. С. 107].

Важно отметить, что в произведении Феофана Прокоповича был предусмотрен и способ преодоления династического кризиса, могущего возникнуть при отсутствии завещания монарха о передаче верховной власти. В этом случае он допускал расширительное толкование воли умершего государя его подданными в соответствии с нереализованными намерениями монарха. Теоретическая мотивировка подобного решения проблемы престолонаследия осуществлена Феофаном Прокоповичем в соответствии с концепцией общественного договора, хорошо известной интеллектуалам петровской эпохи из политико-правовой мысли раннего европейского Просвещения.

Ближайший результат законодательной инициативы Петра I в области престолонаследия оказался парадоксальным. Царь, провозгласивший основой своей правовой политики уважение к закону, нарушил собственное предписание, не назначив себе

наследника, что и стало юридической основой возникший после смерти Петра династического кризиса. Для понимания дальнейшей эволюции принципа законности в правовой политике самодержавия несомненный историко-правовой интерес представляет выявление юридических оснований восшествия Екатерины I на российский престол, сконструированных ее ближайшими сторонниками с помощью тезиса о неотъемлемом праве вдовствующей императрицы на восприятие петровского наследия.

Отсутствие к 1725 г. каких-либо серьезных оснований, позволяющих считать его законной преемницей умершего императора его дочери Елизаветы не вызывает сомнений. Маловероятной является возможность буквального применения к создавшейся династической ситуации 2-й статьи указа о единонаследии, модернизирующей принцип старомосковского поместно-вотчинного права, по которому при отсутствии сыновей дочь могла наследовать имение отца. Согласно нормам «Соборного Уложения» девушка из служилой семьи имела наследственное преимущество перед своей матерью-вдовой, но впоследствии она должна была укрепить полученные ею отцовские земли за будущим мужем или близким родственником, чтобы сохранить их значение земельного пожалования за службу. Этот порядок, как правило, применялся в судебных спорах о земле при жизни Петра I, так как в указе о единонаследии законодатель учел старомосковскую традицию. С небольшими изменениями его юридическая основа нашла дальнейшее подтверждение в «Вотчинных пунктах» 1725 г. [14. С. 87 – 89; 5. С. 35 – 37].

В данном случае соблюдение буквы закона могло привести к новому витку династического кризиса. Опасность этого, вероятно, понимал и сам царь, который на свой лад позаботился о создании законных оснований для признания спорности прав Елизаветы на отцовский трон. Например, Феофан Прокопович высказал мнение, что передача верховной власти дочери может осуществляться только в тех государствах, где существуют традиции женского правления. Первое издание «Правды воли монаршей» осуществлялось с одобрения Петра I, и нет никаких

оснований считать, что он в данном случае не был согласен с мнением ее автора.

Обосновать право вдовствующей императрицы на преемство верховной власти от умершего Петра I было значительно легче. В распоряжении ее сторонников находился обнародованный в 1723 г. манифест, подтверждающий право Екатерины Алексеевны на императорский титул и дававший возможность однозначного толкования посмертной воли царя в соответствии с рассмотренными выше рекомендациями Феофана Прокоповича. В новейших историко-правовых работах обоснованно высказывается мнение о том, что коронавание Екатерины I было проведено ради того, чтобы почтить супругу царствующего императора, не предоставляя ей правомочия управлять государством [13. С. XV – XVI]. Однако эта точка зрения нуждается в некоторых дополнениях. Текст коронационного манифеста от 15 ноября 1723 г. действительно составлен в очень осторожных выражениях, не содержащих прямого указания на предоставление коронованной императрице Екатерине Алексеевне законных прав на наследование престола. В данном случае Петр I, прежде всего, ставил перед собой задачу возведения русской монархии на уровень вселенской империи с помощью визуально-мнемонических средств знакового характера. Правота тех авторов, которые видят в акте коронавания Екатерины стремление закрепить в сознании подданных легитимность вестернизированного государственного порядка, созданного реформами Петра I, не вызывает сомнений. По словам самого царя, он действовал в знак подражания «Потентам» всех «Христианских Государств», которые непременно придерживаются обычая «супруг своих короновать, и не точию ныне, но и древле право у славных Императоров Греческих сие многократно бывало» [15. С. 100 – 104].

Создавая в общественном мнении образ Екатерины-помощницы в нелегком «государевом деле», Петр, таким образом, намеренно внедрял в сознание своих подданных представление о заслуженно возвеличенной им супруге. Природное право монарха-самодержца назначать себе соправителя получило свое теоретическое обоснование в «Правде воли монаршей». Таким

образом, трудно отрицать, что косвенным образом Петр I все же подготовил правовую почву для провозглашения «русской Минервы» императрицей, правда, на весьма зыбких юридических основаниях. В ночь на 28 января 1725 г. участники тайного совещания о судьбе российского трона проявили себя верными последователями смертельно больного государя, который нередко подавал правительственной элите пример субъективизма в выборе интерпретационных стратегий правоприменения из прагматических соображений.

Для понимания историко-правовой сущности выдвинутого сторонниками Екатерины I обоснования ее прав на преемство верховной власти от умершего супруга стоит более внимательно присмотреться к аргументам, высказанным в нормативных актах первых дней нового царствования. Общеизвестно, что в манифесте от 28 января 1725 г. воцарение вдовы Петра I было представлено как акт воли умершего императора, подлежащий обнародованию, «дабы все как духовного, так воинского и гражданского всякого чина и достоинства люди о том ведали ...» [1. С. 2]. Манифест был издан от имени «Синода обще с Сенатом», что должно было подчеркнуть богоизбранность новой императрицы в соответствии с государственно-правовыми представлениями того времени. Он содержал юридические ссылки на Устав 1722 г. и акт о коронации Екатерины, санкционированный Петром через полтора года после отмены старого порядка престолонаследия.

Согласно синодальному указу, подписанному ранним утром в день смерти Петра I, обряд поминовения следовало проводить «по церковному чиноположению ... с прочими преставившимися Российскими государями». Одновременно Синод предписывал духовенству всех церквей и монастырей молить Бога «о многолетнем Ея Величества ... Великой Государыне Императрице здравии, и обо всей Их Величеств фамилии соборно и келейно Господа Бога всегда молить...». Этот указ был рассчитан на всеобщую аудиторию подданных российской короны и должен был закрепить в их сознании идею преемства Екатерины от законной власти «природного» монарха православной державы, каковым являлся умерший Петр I. В законодательно закреплённой

форме эктений о здравии Императорской фамилии новая императрица подчеркнуто именовалась не только «Самодержавнейшей», но и «Благочестивейшей», пекущейся по примеру своего «вечно достойного памяти» супруга «о державе и победе» [2. С. 3 – 4].

Помимо этого, новая императрица обрела утвержденный церковью статус защитницы «Святой православной веры, православных Христиан во век века». Это не только уравнивало Екатерину Алексеевну в правах с исконными православными государями предшествующего периода, но и позволяло впредь обойти молчанием вопрос о ее западном происхождении, которое, несмотря на усилия Петра I по внедрению европейской культуры в политический быт России, время от времени будоражило умы убежденных традиционалистов. Одновременно церковь брала под защиту канонического закона всех членов второй семьи умершего императора, провозглашая равенство перед Богом как Екатерины и ее дочерей, так и все потомство опальной царицы Евдокии Лопухиной.

Реализация сценария законного воцарения Екатерины Алексеевны на престол была бы неполной без придания ее власти ореола надсословности, позволяющего «Ея Величеству» претендовать на «действительное исполнение» всех дел, зачатых трудами» Петра I «в пользу государственную» [4. С. 16]. С этой целью церемония погребения умершего императора была превращена усилиями его бывших сподвижников в грандиозный политический спектакль, прославляющий его «славные» деяния на «общее благо». В исторической литературе существует мнение, что обряд похорон Петра I был составлен фельдмаршалом графом Я. Брюсом на основе французских, немецких и шведских образцов, демонстрировавших земные свершения монархов [15. С. 112 – 113]. Западнический стиль оформления траурной залы Зимнего дворца, где более месяца находилось тело Петра I, демонстрировал вселенскую славу России, достигнутую титаническими усилиями «многоименитого» Отца Отечества [15. С. 230].

Организаторы погребального шествия в Петропавловский собор, которое состоялось 8 (10?) марта 1725 г., дополнили

имперскую символику надсловными атрибутами. В полдень население Петербурга было оповещено пушечным выстрелом о начале траурной церемонии. Как императора, Петра I хоронили с воинскими почестями. От Зимнего дворца до церкви Святых Апостолов через Неву по пути шествия похоронного кортежа были выставлены гвардейские полки, мушкетеры, флотские офицеры и матросы. По свидетельству Феофана Прокоповича, «тоlikое вскоре множество народа собралось, что не только по обеим сторонам путь широко заключили, но и везде крыльца и по всем палатам окна наполнили, и самые кровли не праздны были» [15. С. 239]. Судя по официальным описаниям погребения Петра I организаторам проведения траурной церемонии удалось предотвратить беспорядки, неизбежные при массовом скоплении людей. Присутствующие на похоронах партикулярные лица были разделены на группы, соответствующие их правам состояния, чинам и рангам. Все они были расставлены вдоль столичных зданий «по пути стоящим» таким образом, что «каждый класс, видя в ходу свое место, без труда изойти и предыдущим себя поставить мог бы» [15. С. 239]. Сенаторы, высшее духовенство генералитет и представители знатнейших дворянских фамилий дожидались начала церемониала в покоях Зимнего дворца.

В целом, обряд траурной церемонии должен был продемонстрировать единство императорской фамилии и сословий, объединенных общей скорбью о «великом герое и государе», посвятившем жизнь благоденствию Отечества [15. С. 242]. В знаменитом «Слове», произнесенном над гробом первого императора России, Феофан Прокопович использовал богословские категории православной проповеди для обоснования светской политической программы отношения новой власти к петровскому государственному наследию. Уходя из жизни, Петр не оставил Россию «нищей и убогой». Он сделал ее сильной и славной на весь мир, заставил трепетать врагов, а подданным своим оставил «духовные, гражданские и воинские исправления» [15. С. 231]. В заключение Феофан обратился к императрице от имени всех подданных, титулуя ее «самодержавнейшей государыней нашей великой героиней ... и матерью всероссийской». Утверждая, что дух Петра продолжает жить в

Екатерине и ее потомках, Феофан призвал всех «сыновей российских» «утешить государыню» «верностию и повиновением». Отдельное увещание в необходимости «утешать ... самих себе, несумненным познанием Петрова духа в монархии нашей ...» он адресовал «благороднейшему сословию, всякого чина и сана», справедливо полагая, что именно лояльность придворной знати к обстоятельствам восшествия Екатерины на престол станет залогом политической стабильности ее царствования [15. С. 231 - 232].

Предложенный автором данной статьи вариант реконструкции историко-правовых обстоятельств возведения на трон Екатерины I позволяет сделать вывод о серьезной деформации правосознания правительственной элиты послепетровского периода. В борьбе ее ведущих представителей за власть высшей ставкой являлась возможность пересмотра правовой сущности идеала «общего блага» с целью облегчения правительственного тягла, прежде всего, для высших сословий. Повышенное внимание к принципу законности стало знаковой чертой и официальной правовой политики ближайших преемников Петра Великого. Их последовательные усилия в сфере моделирования «законной монархии» были, в основном, продиктованы стремлением к укреплению собственного социально-политического имиджа в условиях отсутствия урегулированного правового статуса императорской фамилии и наличия острого соперничества за власть.

Помимо этого, важную роль в формировании абсолютистской доктрины законности сыграло патерналистское по своей природе стремление российских самодержцев закрепить в правосознании всех категорий населения образ «надсословной» власти монарха, радеющего о благе подданных. Вопреки многочисленным декларациям законодателей 1720 – 1780-х гг. о строгом следовании заветам Петра Великого, их политика была направлена на корректировку большинства его начинаний в духе ослабления военно-служилой и социально-экономической нагрузки не только на дворянство, но и на податные сословия. Моделируя возможные варианты достижения юридического компромисса между монархом и подданными, самодержавие

использовало принцип законности для разработки догматической основы сословного законодательства о правах состояния.

Источники:

1. Законодательство 1725 года. 28 января. Манифест от Синода обще с Сенатом и Генералитетом. «О кончине Императора Петра I и о вступлении на престол Императрицы Екатерины I // Законодательство Екатерины I и Петра II / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М., 2009. С. 2.

2. Законодательство 1725 года. 28 января. Синодский. «О кончине и поминовении Государя Императора Петра I и о форме, как читать на эктениях о здравии Императорской фамилии // Законодательство Екатерины I и Петра II / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М., 2009. С. 3 – 4.

3. Законодательство 1725 года. 8 февраля. Сенатский, вследствие именного указа. «Об убавке из подушного сбора по 4 копейки с души» // Законодательство Екатерины I и Петра II / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М., 2009. С. 8 – 9.

4. Законодательство 1725 года. 23 февраля. Именной, данный Российскому Послу Князю Куракину. «О приглашении ученых людей в Российскую Академию Наук и о выдаче, желающим ехать в Россию, нужных пособий» // Законодательство Екатерины I и Петра II / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М., 2009. С. 15 – 16.

5. Законодательство 1725 года. 28 мая. «Пункты о вотчинных делах // Законодательство Екатерины I и Петра II / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М., 2009. С. 31 – 56.

6. Законодательство 1726 года. 21 апреля «Правда воли Монаршей» // Законодательство Екатерины I и Петра II / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М., 2009. С. 76 – 136.

7. Манифест Петра I о лишении старшего сына Алексея прав наследования престола Всероссийского и о назначении наследником малолетнего сына своего Петра [Февраля 3 дня 1718 года] // Законодательство Петра I / Отв. ред. Преображенский А. А., Новицкая Т. Е. М., 1997. С. 54 – 58.

8. О наследии имений. Именной указ. 23 марта 1714 г. // Законодательство Петра I / Отв. ред. Преображенский А. А., Новицкая Т. Е. М., 1997. С. 698 – 702.

9. О праве наследия престолом. Именной указ [Февраля 5 дня 1722 года] // Законодательство Петра I / Отв. ред. Преображенский А. А., Новицкая Т. Е. М., 1997. С. 61 – 62.

10. 1725. № 4641.- Генваря 27. Сенатский. О прощении положенного Дворянам наказания за неявку на смотр // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. VII. 1723 – 1727. СПб., 1830. С. 409.

11. 1725. № 4638. – Генваря 26. Именной, объявленный из Сената. Об облегчении преступникам наказаний, кроме тех, которые оказались виновными по первым двум пунктам, в смертоубийстве и разбое // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С1649 по 12 декабря 1825 года. Т. VII. 1723 – 1727. СПб., 1830. С. 408.

12. 1725. № 4642. – Генваря 27. Сенатский. Об освобождении из под ареста и прощении колодников, кроме содержащихся за вины по первым двум пунктам, за смертоубийство и за неоднократные разбои // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С1649 по 12 декабря 1825 года. Т. VII. 1723 – 1727. СПб., 1830. С. 409 – 410.

13. Томсинов В. А. Законодательство Екатерины I : комментарий // Законодательство Екатерины I и Петра II / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М., 2009. С. XIII – XXIII.

14. 1649. № 1. Генваря 29. - Уложение // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С1649 по 12 декабря 1825 года. Т. I. С. 1649 по 1675. СПб., 1830. С. 1 – 161.

15. Феофан Прокопович. Слово на погребение Петра Великого. Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты / Сост. Анисимов Е. В. М., 1993. С. 232 – 242.

16. Киселев М. А. Правда и закон во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: от монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. 1 / Ред. А. Миллер, Д. Сдвижков Д., Ширле И. М., 2012. С. 49 – 65.

17. Соколова Е. С. Институт сословных прав в официальной политической доктрине и законодательстве России середины XVII – первой половины XIX века (дворянство, духовенство, купечество). Екатеринбург. 2011..

18. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 17 - 18 // Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. IX / Отв. ред.: И. Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М., 1993.

19. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I.

УДК

94(47).084.6(470.5)

ББК ТЗ(235.55)63

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

А.В. Сперанский

Екатеринбург

**ПРОИЗВОДСТВО АРТИЛЛЕРИИ НА УЗТМ В
ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ***

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: война, производство, артиллерия, завод, конструктор, конструкторское бюро, гаубица, танковая пушка, полевое орудие, тактико-технические характеристики.

АННОТАЦИЯ: В статье показан процесс производства артиллерийских установок на одном из крупнейших промышленных предприятий Урала в период военного времени. Проанализирована деятельность конструкторов по разработке новых моделей и усовершенствованию образцов орудий уже стоявших на вооружении советской армии. Дается характеристика тактико-технических параметров, выпускавшихся пушек, условий их использования в боевой обстановке.

A.V. Speranski

Yekaterinburg

**PRODUCTION OF ARTILLERY AT THE URALS HEAVY
MACHINERY WORKS
DURING THE WORLD WAR II**

KEYWORDS: war production, artillery, plant, designer, design office, howitzer, tank gun, field gun, tactical and technical characteristics.

ANNOTATION: This article shows how was the process of manufacturing artillery guns run at one of the largest industrial enterprises in the Urals during wartime. The analysis embraces the activities of the designers in developing new models and improving specimens of the guns already being at service in the Soviet Army. Also highlighted are the tactical & technical

* Работа выполнена по программам ориентированных фундаментальных исследований Уральского отделения РАН «Свердловская область и военно-промышленный комплекс Урала: производство артиллерии в советский период» № 12-6-005-СГ и программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук «Урал в модернизационной динамике России XX века: историография и методология проблемы» № 12-Т-6-1003.

characteristics of the produced guns, the conditions under which they were used in the combat.

Великая Отечественная война внесла существенные коррективы в сферу артиллерийского производства на Урале. Спектр выпускаемых здесь артиллерийских систем значительно расширился за счет производства танковых и зенитных пушек. К тому же проблем в этой отрасли оборонной промышленности было значительно меньше, чем в танкостроении. Заявки на артиллерию удовлетворялись гораздо полнее, чем на танки, и поэтому пушки и гаубицы в начале военных действий являлись главной силой РККА, сдерживающей наступление вермахта. Да и в дальнейшем, когда советские войска перешли в наступление и стали гнать противника с родной земли, значимость артиллерии не стала меньше.

Артиллерийские установки, и прежде всего уральские тяжелые и легкие гаубицы М-10, МЛ-20, М-30, Д-1 успешно расчищали дорогу пехоте и активно поддерживали атаки танков. За годы войны Урал превратился в одного из крупнейших мировых производителей полевых пушек. В период военных действий артиллерийская промышленность региона направила в действующую армию более 150 тысяч орудий [1. С. 251].

Внесли свою лепту в снабжение фронтовиков пушками и заводы Свердловской области. В целом они оказались достаточно подготовленными к успешной деятельности в условиях военного времени и уже в июне 1941 года начали выдавать продукции значительно больше, чем ранее. Увеличение изготовления пушек объяснялось и тем, что на Средний Урал стало поступать оборудование эвакуированных заводов, неплохо вписывавшееся в уже действующее производство.

В годы войны важнейшим звеном оборонной промышленности СССР являлся Уралмашзавод. Его место в системе народного комиссариата танковой промышленности и огромный вклад в производство бронемашин хорошо известно. Но не менее заметную роль «завод заводов» играл и в производстве артиллерии. Поэтому пристальное внимание к его производственной деятельности со стороны высших руководителей Советского Союза было совсем не случайно.

«Задания заводу, план его работы, давал лично товарищ Сталин», – утверждал директор Уралмаша Б.Г. Музруков. «Непосредственное руководство деятельностью Уралмашзавода в годы Отечественной войны осуществляли ближайшие соратники товарища Сталина – Вячеслав Михайлович Молотов и Лаврентий Павлович Берия», – уточнял парторг ЦК ВКП(б) на Уралмашзаводе М.Г. Овсянников. По данным ветеранов завода, В.М. Молотов занимался делами Уралмаша только в начале военных действий, другой член ГКО, Л.П. Берия, стал куратором завода примерно с начала 1942 года и оставался им до самого конца войны [2. С.1; 3. С. 4; 4. С. 242].

В годы войны две трети выплавляемой Уралмашем стали шли на артиллерийские заготовки, которыми обеспечивалось сначала собственное производство, а затем и созданный в 1942 году на его территории завод № 9, подчиненный народному комиссариату вооружения (НКВ) и располагавший собственным опытно-конструкторским бюро (ОКБ №9) руководимым Ф.Ф. Петровым. Основным видом артиллерийского производства УЗТМ в годы войны были легкие дивизионные 122-мм гаубицы М-30, знаменитые «Матушки», разработанные еще в довоенное время конструктором Ф.Ф. Петровым на Пермском машиностроительном заводе № 172 (знаменитой «Мотовилихе») и поступившие на вооружение Красной армии в сентябре 1939 года. С 1940 года, после переезда Петрова в Свердловск, эта пушка стала в массовом порядке производиться на Уралмаше.

М-30 предназначалась для уничтожения открытой и находящейся за укрытием живой силы противника, подавления и уничтожения его огневых средств, мототехники, разрушения полевых укреплений. Это орудие часто использовалась и в качестве противотанкового средства. Снаряду М-30 вовсе не обязательно было пробивать броню вражеского танка – от взрыва мощного фугаса на броне часто происходила детонация боеприпасов или экипаж боевой машины погибал от контузии.

Гаубица перевозилась автомобилями или 6 лошадьми с максимальной скоростью по шоссе 50 километров в час. Зарядание орудия – раздельное. Боеприпасы: осколочно-фугасная граната ОФ-462, осколочные гранаты О-462А и О-460,

бронепрожигающий снаряд БП-460А, дымовой снаряд Д-462, осветительный снаряд С-462 и агитационный А-462. Практическая скорострельность – 5-6 выстрелов в минуту.

О большой живучести гаубицы М-30 свидетельствует любопытный факт. Во время войны на Уралмаше стало известно, что в войсках есть орудие, сделавшее 18 тысяч выстрелов. Завод предложил обменять этот экземпляр на новый. И после тщательного заводского обследования выяснилось, что гаубица не потеряла своих качеств и пригодна к дальнейшему боевому использованию. Это заключение получило неожиданное подтверждение: при формировании очередного эшелона, как на грех, обнаружилось, что одного орудия не хватает. И с согласия военной приемки уникальная гаубица снова отправилась на фронт, как только что изготовленное орудие [3].

Производство «Матушек» в годы войны претерпевало различные трудности. Временная потеря западных областей СССР привела к нарушению кооперационных связей между предприятиями. В результате в октябре 1941 года Уралмаш перестал получать колеса с шинами ГК для гаубиц М-30, ухудшились поставки подшипников. Пришлось срочно разрабатывать чертежи литых колес без обрешивания. И хотя качество орудий несколько ухудшилось (увеличился вес, снизилась скорость буксировки), выпуск М-30 не прервался. Возникшую проблему удалось решить только в 1942 году после пуска в Омске нового завода резино-технических изделий.

Остро стоял вопрос и с обеспечением гаубиц панорамными прицелами (панорамами Герца). КБ Уралмашзавода разработало проект упрощенной панорамы, где оптическая система была заменена простым зеркальцем. Это, конечно, привело к тому, что увеличения объектов не стало, но стрелять прицельно было можно. И, пока в Новосибирске не наладили выпуск прицелов, около 300 гаубиц укомплектовали панорамами уралмашевского производства [5. С. 42].

Уже в 1941 году Уралмаш изготовил 2760 артиллерийских установок М-30. В дальнейшем темпы производства пушки наращивались. В 1942 году на фронт было отправлено 4240

дивизионных гаубиц, а всего за годы войны было выпущено 16885 единиц этого грозного оружия.

Интересно отметить, что в массовом порядке «Матушки» выпускались на УЗТМ вплоть до 1955 года. Затем давно уже не выпускавшаяся гаубица обрела вторую жизнь в ходе войны в Афганистане, где не требовались самые современные образцы артиллерийского вооружения. Да и сегодня в тех или иных «горячих точках» нет-нет да и ведут огонь М-30, получившие путевку в жизнь еще в первой половине XX века.

Если легкая дивизионная 122-мм гаубица М-30 была создана за пределами Уралмаша и стала производиться в предвоенный период, то появление на свет 152-мм полевой гаубицы Д-1 было явным успехом уралмашевцев, достигнутым в годы Великой Отечественной войны. В апреле 1943 года Государственный комитет обороны принял решение о создании новой мощной полевой гаубицы для стрельбы с закрытых позиций по живой силе, фортификациям, танкам и самоходкам противника.

Ночью 12 апреля 1943 года конструктора Н.Г. Кострулина разбудил неожиданно пришедший главный конструктор ОКБ-9 Ф.Ф. Петров. Он рассказал о недавнем звонке из Москвы наркома Д.Ф. Устинова. «К 1 мая мы должны представить 5 готовых облегченных 152-мм гаубиц, – передал требование наркома Петров. – Я сказал ему, что у нас нет даже рабочих чертежей. На что получил ответ: «Это решение Государственного Комитета Обороны».

То есть в ночной темноте главный конструктор сам обходил квартиры своих подчиненных, понимая, что счет шел буквально на минуты. Необходимо было в самые сжатые сроки выполнить чрезвычайно сложное и трудное задание ГКО. В течение 18 суток конструкторы спали по 2-3 часа и сумели не только спроектировать орудие, но и воплотить его в металле. Чтобы понять масштаб этого достижения, достаточно сказать, что обычно на такого рода разработки уходило не менее 18 месяцев.

Дмитрий Федорович Устинов написал в своих мемуарах о телефонном разговоре с Петровым, произошедшем в ночь на 12 апреля 1943 года, следующее: «Я хорошо изучил стиль работы Ф.Ф. Петрова и знал, что он сейчас же соберет свой боевой расчет

... Они будут неотрывно колдовать над чертежами до тех пор, пока не выработают приемлемые контуры будущей конструкции. Им предстояло разрешить извечное противоречие между мощностью орудия и его подвижностью, маневренностью».

Нарком вооружения оказался прав. Конструкторы УЗТМ в кратчайший срок решили поставленную задачу. Новое мощное артиллерийское орудие было создано, и уже в середине 1943 года 84 пушки Д-1 поступили на вооружение Красной армии. В 1944 году Уралмаш произвел 258 пушек, в 1945 году – 715. Оснащение воинских подразделений 152-мм гаубицами повысило возможности советских танковых и моторизованных частей по прорыву заранее и хорошо укрепленных оборонительных полос и районов противника. У артиллеристов Д-1 снискала себе репутацию надёжного и точного при стрельбе орудия, поэтому ее выпуск продолжался и после войны. До конца 1949 года было произведено и направлено в армию еще 1770 этих артиллерийских установок.

Однако не все удачные разработки конструкторов УЗТМ и завода № 9 находили практическое применение. В начале войны на фронте явно проявлялась нехватка противотанковых пушек, что вынуждало наши войска использовать против вражеских танков 85-мм зенитные установки. Это были громоздкие и маломаневренные орудия, представляющие собой хорошие цели для врага. Для ликвидации возникшей проблемы на Уралмашзаводе была выдвинута идея создания дивизионной пушки путем наложения 85-мм ствола зенитки образца 1939 года на лафет легкой дивизионной 122-мм гаубицы М-30. Такое орудие можно было быстро запустить в серийное производство. В рамках проекта, которому был присвоен индекс «У-10», было изготовлено четыре опытных орудия. Они прошли все заводские испытания и успешно проявили себя в сражении под Москвой. В целом, тактико-технические характеристики новых пушек (вес в боевом положении – 2260 килограмм; скорострельность – 20 выстрелов в минуту; скорость возки до 35 километров в час; вес снаряда – 9,2 килограмм; начальная скорость – 800 метров в секунду; дальность стрельбы – 15700 метров) вполне удовлетворяли фронтовиков.

Однако на вооружение Красной армии они так и не поступили. Это объяснялось тем, что на горьковском заводе № 92 уже наладили массовое производство противотанковых пушек ЗИС-2 и ЗИС-3, разработанных в КБ В.Г. Грабина. Валовое же производство У-10 на Уралмаше, по мнению руководства страны, могло отрицательно сказаться на количественном производстве гаубиц М-30, танковых пушек Ф-32, Ф-34, пушек ЗИС-5 и другой оборонной продукции [4. С. 245].

Успехи уральского пушкостроения в годы Великой Отечественной войны неразрывно связаны с деятельностью многих замечательных конструкторов, работавших на УЗТМ: А.Н. Булашева, Н.Г. Кострулина, Д.А. Рыженко, П.А. Комиссарова, В.Д. Семенова, К.Ф. Федоренко и др. Но особое место в этой когорте по праву принадлежит В.Н. Сидоренко и Ф.Ф. Петрову, чьи разработки ни в чем не уступали идеям, генерирующимся в Центральном артиллерийском конструкторском бюро (ЦАКБ), работавшем на горьковском заводе № 92 под руководством главного конструктора В.Г. Грабина.

Творческая мысль уралмашевских конструкторов артиллерии, помноженная на высокий уровень квалификации инженерно-технических работников, героическую самоотверженность и профессионализм рабочих, дала блестящие результаты. За годы войны Уралмашзавод обеспечил своими заготовками производство не менее 30000 орудий, в том числе около 18000 – полевых [4. С. 244].

В годы Великой Отечественной войны, кроме выпуска танковой и артиллерийской продукции, Уралмаш осуществлял производство и других оборонных заказов. В его цехах делались пропеллеры для всех типов самолетов, авиабомбы, реактивные снаряды для «катюш» и другие военные изделия. К тому же «гигант советской индустрии» был многопрофильным предприятием, и перевести его исключительно на выпуск оборонной продукции было невозможно. Поэтому производство вооружений было важнейшим, но не единственным направлением деятельности этого крупнейшего промышленного предприятия страны. В суровые годы войны на «заводе заводов» изготавливались уникальные запчасти для доменных печей, прокатных станков,

дробилок и т.д., без которых остановилась бы черная металлургия, становой хребет всей оборонной промышленности.

Литература:

1. Сперанский А.В. Священная война // Военная история Урала. События и люди. Екатеринбург, 2008.
2. Музруков Б.Г. Уралмашзавод к 30-летию Великого Октября // Технический вестник по обмену производственным опытом. Свердловск, 1947. №4;
3. Овсянников М.Г. Уралмаш – гордость советской страны // Технический вестник по обмену производственным опытом. Свердловск, 1948. №3;
4. Агеев С.С., Сперанский А.В. На огневом рубеже. Раздел II // Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. Екатеринбург, 2008. С. 242.
5. Швецов Б.Б. Артиллерийское производство на Уралмашзаводе. Историческая справка. Ч. I. С. 42.

УДК 3-05

ББК С.53-44

ГСНТИ 03.27

Код ВАК 07.00.03

С.Н. Стрижак

Черкассы (Украина)

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РАБОТНИКОВ
СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ УССР
1920-Х – 1930-Х ГГ.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: исследования, интеллигенция, научно-педагогические кадры, учителя.

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена выяснению с современной позиции специфических особенностей эволюции социально-профессионального типа учительской и научно-педагогической интеллигенции УССР в условиях тоталитарного режима 1920 – 1930-х гг.

Е.М. Strizhak

Cherkassy (Ukraine)

SOCIAL PORTRAIT OF WORKERS

HIGH AND HIGHER SCHOOL OF UKSSR OF 1920'S – 1930'S.

KEY WORDS: research, intelligence, scientific and pedagogical staff, teachers.

ANNOTATION: The article is devoted to clarify the specific features evolution of the socio-professional type of teaching and scientific pedagogical intelligence of the UkSSR from the modern position under the totalitarian regime of 1920's – 1930's.

Историография проблемы кадрового обеспечения средней и высшей школы УССР 1920 – 1930-х гг. начала формироваться практически синхронно с процессом становления новой советской школы в республике и была тесно связана с формулировкой идеологами правящей коммунистической партии собственного отношения к работникам умственного труда, в частности и в их многочисленного отряда – образовательной и научно-педагогической интеллигенции. Исследуется эта проблема и в современный период. В свое время к этой проблеме обращались такие ученые как Ю. Ларин, И. Хаит, С. Кафтанов, Ю. Курносков и А. Бондарь, А. Лутченко, С. Федюкин, В. Пастухов, В. Майборода, И. Клицаков, В. Даниленко, А. ВИСОВЕНЬ, М. ВИГОВСКИЙ, Г. КАСЬЯНОВ, В. МАРОЧКО и Г. ХИЛЛИНГ, О. ТАРАПОН, А. СИТНИКОВ, В. ЛИПИНСКИЙ [3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 23, 24, 25].

По официальной советской статистике всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг. количество профессорско-преподавательского состава и научных республики за 13 лет между переписями выросла более чем в шесть раз; учителей общеобразовательных школ УССР стало больше в 3,5 раза [3. С. 94 – 95]. Но статистические "достижения" были ложными и характеризовали лишь количественную сторону дела. С качественной точки зрения ситуация выглядела катастрофической. Значительная часть преподавателей высшей школы, ученых и учителей результате малоквалифицированности и несоответствия должностям подлежали замене.

Лозунг "Кадры решают все!", которое выдвинуло большевистское руководство в начале 1930-х гг., в полной мере

касалось интеллигенции и даже начало воплощаться в жизнь еще в конце 1920-х гг. Под этим лозунгом на протяжении 1930-х гг. произошли кардинальные трансформации в составе интеллигенции Украины. Подытоживая характер и направление этих изменений, можно выделить основные моменты процесса "новой советской интеллигенции", прежде всего профессорско-преподавательской научной и учительской.

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. появилась так называемая "кадровая проблема". В советской историографии ее появление традиционно объяснялась "большим скачком 1930-х", расширением потребностей общественного производства в специалистах, а также необходимостью подготовки "классовой близкой интеллигенции". Даже учитывая эти аргументы, все же нельзя объяснить катастрофического дефицита специалистов в 1930-х гг. Отвергая сталинские инсинуации относительно "вредительства старой интеллигенции" и принимая за вероятную гипотезу о реальном дефиците как следствие быстрого, интенсивного и экстенсивного развития производства, следует добавить к этому еще некоторые соображения.

Прежде всего, проблема кадров была во многом искусственной. Ведь лозунг интенсивной подготовки "преданной делу пролетариата" интеллигенции было следствием большевистских бюрократических мистификаций о "вредительстве". Переход от нэпа к привычным большевистским принципам военно-коммунистического администрирования в народнохозяйственной области и вызванная этим экономическая катастрофа в конце 1920-х гг. породили миф о "вредительстве" "старой интеллигенции". На базе этого мифа и строилась новая политика создания "новой интеллигенции". Этот курс в определенной степени действительно совпал с ростом реальных потребностей общества в расширенном воспроизводстве кадров работников умственного труда и дал этой политике характер объективной обусловленности.

Массовым отрядом отечественных работников умственного труда была учительская и профессорско-преподавательская интеллигенция. Учитывая решающее влияние, которое оказывали эти профессиональные группы на воспитание и подготовку новых

поколений учащейся и студенческой молодежи – будущих поколений "граждан страны Советов" – "строителей коммунизма" – большевистская администрация в союзном центре – Москве – и на республиканской периферии, в частности в УССР, особенно тщательно отслеживала ситуацию в этих профессиональных отрядах интеллигенции, отбраковывая (путем репрессий, лишения должностей и др.) в целом представителей старшего поколения отечественного учительства, преимущественно национально сознательного и антисоветски настроенного, с опытом участия в государственно-культурном строительстве времен Украинской Народной Республики – Западно-Украинской Народной Республики, Украинского Государства П. Скоропадского.

Искусственный характер проблемы интеллектуальных кадров вырос в середине 1930-х гг., когда опять начались массовые репрессии против специалистов, против интеллигенции вообще.

В 1930-х гг. происходил быстрый рост бюрократического аппарата государства, поскольку строгая централизация производства и распределения нуждалась колоссальной армии чиновничества. Определенная часть работников умственного труда, в том числе и педагогов, мигрировала к этому бюрократическому аппарату и выходила за рамки материального или духовного производства, становясь частью советской номенклатуры. Поэтому отличительной чертой советской действительности 1930-х гг. стали перманентные кампании административного "возвращения" бывших учителей или лиц с профессиональным педагогическим образованием к учительскому труду, а, следовательно и перманентному побегу (добровольной миграции) вчерашних учителей из школьных должностей к спокойным и престижным общественным занятиям.

Проблема кадров, в том числе и образовательной интеллигенции, подпитывалась их средним невысоким качественным уровнем, что нарушало любые предреволюционные профессионально-образовательные стандарты. Высококвалифицированный инженер или педагог с опытом и соответствующим специальным образованием "легко" (за Сталиным – "незаменимых людей нет") заменялся двумя-тремя малоквалифицированными "полуработниками", то же самое

происходило и в управленческих структурах. Поскольку система производства, образования и управления перманентно расширялась, по крайней мере в течение 1920-1930-х гг. автоматически возникала проблема (подготовки и воспитания) новых кадров, образовывало замкнутый круг перманентной подготовки серой массы малоквалифицированных "работников умственного труда".

Перманентно и широко используя в идеологической риторике пропагандистские сравнения "достижений" советской администрации с временами царизма, 1913 г. и др., коммунистическая пропаганда одновременно "стыдливо забывала" о бесполезных для себя сравнениях. Ведь на подготовку одного специалиста в советское время тратилось втрое-вчетверо меньше средств, чем при дореволюционных временах. В частности, до Первой мировой войны подготовка врача на территории империи Романовых стоила ежегодно 201 руб., а в середине 1920-х гг. – 94 руб. (46,76%); педагога соответственно – 207 и 69 руб. (33,3%); инженера – 306 и 73 руб. (23,85%) [24. С. 26].

В системе подготовки "новой интеллигенции" приоритеты коммунистической администрации лежали не в плоскости профессионального уровня этой интеллигенции, а взамен его социального происхождения. Сталинская верхушка партии, поддерживаемая партийной бюрократией, использовала революционный лозунг подготовки "народной интеллигенции" из рабочих и крестьян с целью воспитания преданной тоталитарному государству интеллектуальной массы. Конечно, это делалось полусознательно с точки зрения выбора исторической перспективы. Цель, поставленная верхушкой компартийной бюрократии, – создание "социально близкого" интеллигенции, была, наконец, достигнута в середине 1930-х гг. Конституцией СССР 1936 г. провозглашался факт создания новой, советской, рабоче-крестьянской интеллигенции. Она и вправду была новой, а по социальному происхождению – рабоче-крестьянской. Однако за собственными социальными функциями она никак не отражала интересов рабочих и крестьян и была, за незначительными исключениями, вполне поставлена на служение тоталитарному государству. Значительная часть этой интеллигенции пополняла

ряды советской бюрократической элиты, получая таким образом право на часть привилегий, которые ей давало тоталитарное государство, поэтому верно служила коммунистическому режиму, но никак не "интересам рабочих и крестьян", хотя этот лозунг и не сходил со страниц советской официозной периодики.

В период 1930-х годов в Украине была создана не рабоче-крестьянская интеллигенция, в том числе и образовательная, а только ее суррогат. Искаженный и гипертрофированный "классовый подход", положенный в основу формирования этой "новой интеллигенции», заменил систему профессионально-этических стандартов с общецивилизационных на декларируемые "классовые".

Среди форм такой оперативной подготовки преданной власти интеллигенции отличался (поскольку был направлен на формирование большевистской интеллектуальной элиты) общесоюзный проект Института красной профессуры (ИЧП) при ЦК ВКП (б), который имел и украинскую версию – ИЧП при ВУЦИК [7].

После победного для себя завершения гражданской войны и освоения значительной части территории бывшей империи Романовых, в том числе территорий Приднепровской Украины, власть крайне нуждалась в квалифицированных научных работниках, преподавателях, работниках идеологического и советского аппаратов, которые бы обслуживали потребности господствующей партии. С этой целью была основана сеть соответствующих учреждений: в Москве – Коммунистическая академия (1918 – 1936), Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова (1918 – 1932), Институт красной профессуры (1921 – 1936), Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (1924 – 1930); в Харькове – Коммунистический университет им. Артема (1922 – 1938), украинский Институт марксизма-ленинизма (1922 – 1931), собственный Институт красной профессуры (1932 – 1937), Всеукраинская ассоциация марксистско-ленинских научно-исследовательских институтов (1931 – 1936) [11. С. 60 – 75] и др.

Показательно "революционным" символическим названием – Институт красной профессуры – большевистская администрация

делала сознательный упор на маркантной антитезе – противопоставлении "красных профессоров" профессорам привычным/нормативным, которые были объявлены "старыми", "буржуазными".

Опасаясь и не доверяя старой профессуре (в лучшем случае лишь лояльной к власти, а в значительной мере и враждебной к ней), большевистское руководство пришло к выводу, что жизненно необходимо воспитать собственную, убежденно коммунистическую "красную профессуру", которая училась у лидеров ВКП (б) марксистско-ленинской теории и одновременно перенимала у традиционной профессуры фактические знания. Следовательно, получив надлежащее профессиональное обучение, "красные профессора" призваны были заменить "буржуазных профессоров" и гарантировать дело "коммунистического воспитания" новых советских поколений [20. С. 113 – 120].

В первый год своего существования ИЧП не имел отделений. С 1922 г. появились отделения: экономическое, историческое и философское; с 1924 г. – права и с 1926 г. – историко-партийное отделение. Наборы 1921 – 1929 гг. поставляли в московский ИЧП от 75 до 140 слушателей, преимущественно лиц с высшим образованием и партийным билетом в кармане. Учебный процесс проходил в форме лекций и семинаров. Курс обучения был трехлетним. По его завершении слушатели сдавали государственные экзамены. Каждый зачисленный в московский ИЧП брался на учет как номенклатурный работник ЦК ВКП (б) и затем попадал в картотеки "руководящего актива". Учитывая уровень профессорско-преподавательского состава, среди которого были лучшие беспартийные и партийные ученые, руководители ВКП (б) и Коминтерна, достаточно высокие и жесткие академические требования к поступающим, московский ИЧП действительно мог претендовать на неофициальное звание "теоретического штаба" ЦК ВКП (б) [2. С. 135]. "Теоретический штаб" ЦК – ИЧП действительно поставил немало ценных кадров как Сталину, так и его противникам. Так, в списке противников сталинского режима, по А. Авторханову, насчитывалось до сотни имен московских "красных профессоров" [2. С.135].

Республиканский ИЧП ограничился, очевидно, воспитанием нескольких более или менее известных диссидентов.

Украинский аналог московского ИЧП – харьковский (впоследствии киевский) Институт красной профессуры был лишь бледной копией московского прототипа, но, тем не менее, создавался с аналогичных властных соображений и был призван обслуживать политико-идеологические и образовательно-пропагандистские потребности КП(б)У – юго-западного филиала всесоюзной ВКП (б) [1. С. 27 – 28].

ИЧП был высшим учебным заведением УССР, главной целью которого компартийное руководство республики определило ускоренную подготовку высококвалифицированных марксистских кадров для научной, преподавательской и практической работы в народном хозяйстве и различных участках культурного строительства, в области политэкономии, "гражданской" истории, истории ВКП (б) и КП (б)У, философии, советского строительства и права и литературы. Новоиспеченные "красные профессора" были призваны ликвидировать кадровый "прорыв" в обществоведческой области, вытеснив оттуда остатки старой профессуры и заполнив многочисленные вакансии, образовавшиеся в результате голодомора 1932 – 1933 гг., кадровых "чисток", инициированных сталинским посланником П.П. Постышевым и направленных в частности против "скрипниковщины", "яворины" и других многочисленных националистических уклонов, особо опасных, по мнению московского руководства, в гуманитарной сфере советской Украины.

В подавляющем же большинстве бывшие воспитанники ИЧП обычно пополняли ряды отличительных для советской образовательной системы 1920-1930-х годов "полурабочников" (М. Скрипник) – полуинтеллигентов, что им нужно было еще до 10 лет после получения формального диплома о "высшем образовании", чтобы стать полноценным специалистом [24. С. 27]. Разумеется, даже спустя десятилетия далеко не каждый вчерашний "красный профессор" платил выданный ему в 1930-х гг. кредит доверия. Следовательно, наряду с группой способной и перспективной научной молодежи, ИЧП при ВУЦИК дал дорогу в жизнь и

значительномц отряду малокомпетентных в профессиональном отношении лиц, которые впоследствии оказывали негативное влияние на дальнейшее развитие (деградацию) отечественной подсоветской историографии, а также в целом обществоведения, насаждая в социогуманитарных дисциплинах и их вузовском преподавании дух воинствующего догматизма и интеллектуальной нетерпимости [20. С. 98].

Профессорско-преподавательская и научно-педагогическая интеллигенция УССР, а также массовый отряд работников умственного труда – учительство – были объектом перманентных репрессивных акций тоталитарного режима. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б) 1937 г. И. Сталин в очередной раз педалировал тему "вредительства", как и десять лет назад, связав его с обострением классовой борьбы в стране. "Отца народов" не удовлетворяли темпы и масштабы репрессий. Он призвал к усилению борьбы, построив впечатляющую своим человеконенавистничеством систему апологичних доказательств существования вредительства. "Настоящий вредитель, – подчеркнул он, – должен время от времени показывать успехи в своей работе, потому что это единственное средство сохраниться ему как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу". Итак, уже никакая, даже ударная работа не способна была гарантировать от возможных подозрений в "вредительстве" [22. С. 60]. Кремлевский вождь призвал участников пленума разбить и выбросить "гнилые теории", которые якобы существовали в партии, и среди них такие, которые непосредственно касались интеллигенции: во-первых, Сталин возразил, что систематическое выполнение производственных, в том числе и учебных, планов сводит на нет результаты "вредительства", во-вторых, он отметил, что бессмысленно утверждать отсутствие кадров "вредителей" и их резервов, в-третьих, назвал борьбу с "вредительством" одним из условий развертывания стахановского движения. По сути своей, это была директива, обязательная к исполнению, относительно дальнейших массовых репрессий против технической интеллигенции. Таким образом февральско-мартовский пленум ЦК ВКП (б) открыл шлюзы для террора 1937 – 1938 гг. [22. С. 61 – 62].

По печальной традиции, репрессии в Украине происходили не только в русле общесоюзной борьбы с "троцкистами, диверсантами, шпионами" и т. п., но и под кровавым флагом "борьбы с национализмом". Понятно, что выявлять и уничтожать националистические элементы начали в первую очередь именно среди интеллигенции – и его многочисленного отряда – учительства и преподавательского состава высшей школы республики.

Итак, на протяжении 1920-х – 1930-х гг. партийно-советское руководство Украины приложило значительные усилия, направленные на создание новой рабоче-крестьянской интеллигенции, в том числе и образовательной. Искаженный и гипертрофированный "классовый подход", положенный в основу формирования этой "новой интеллигенции", заменил систему профессионально-этических стандартов с общецивилизационных на декларируемые "классовые". Это действительно подтверждало, что сформировалась качественно новая интеллигенция, которая в корне отличалась от своих предшественников как характером своей деятельности, так и общекультурным и образовательным уровнем, а также "экспресс-методами" своей подготовки.

Источники:

1. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України, ф. 1267, оп. 1, спр. 50, арк. 25, 27

Литература:

2. Авторханов А. Г. Технология власти // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 125 – 135.

3. Бондар А. Г. Курносос Ю. О., У навчання та праці: Підготовка кадрів інтелігенції в Українській РСР. К.: Наук. думка, 1964.

4. Виговський М. Ю. Номенклатура системи освіти в УСРР 1920–1930-х років: соціальне походження, персональний склад та функції. К.: Генеза, 2005.

5. Висовень О. Педагогічна інтелігенція в національно-культурному розвитку України (1920 – поч. 1930-х рр.): історіографія // Наук. записки з укр. історії Переяслав-Хмельницького держ. пед. ін-ту ім. Г. Сковороди. 1994. Вип. XIII. С. 116 – 118.

6. Всесоюзная перепись населения 1926 г.: В 56 т. М., 1930. Т. 28: Украинская ССР.

7. Даниленко В. М. Українізація: Здобутки і втрати (20–30-ті роки) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. К., 1992. Вип. 2. С. 79–91.
8. Касьянов Г. В. Українська інтелігенція 1920-х – 30-х років: соціальний портрет та історична доля. К.: Глобус, 1992.
9. Кафтанов С. Советская интеллигенция и ее задачи в новой пятилетке. М.: ГИЗ, 1947.
10. Кліцаков І. О. Партійне керівництво ідейно-політичним вихованням учительства (1917–1927 рр.) // УІЖ. 1988. № 3. С. 90–100.
11. Комаренко Н. В. Установи історичної науки в Українській РСР (1917–1937 рр.). К.: Наук. думка, 1973.
12. Курносів Ю. О., Бондар А. Г. У навчанні та праці: Підготовка кадрів інтелігенції в Українській РСР. К.: Наук. думка, 1964.
13. Ларин Ю. Интеллигенция и Советы: хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. М.: ГИЗ, б. г.
14. Липинський В. В. Становлення і розвиток нової системи освіти в УСРР у 20-ті роки: Автореф. дис. ... д-ра іст. наук. 07.00.01 – Історія України / Харківський нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. Харків, 2001.
15. Лутченко А. И. Создание инженерно-технических кадров в годы построения социализма в СССР (1926–1958). Минск: Высшая школа, 1973.
16. Майборода В. К. Про становлення та розвиток вищої педагогічної освіти (1917 – 1928 рр.) // УІЖ. 1987. № 5. С. 96 – 102.
17. Марочко В., Хілліг Г. Репресовані педагоги України: жертви політичного терору (1929–1941). К.: Наук. світ, 2003.
18. Пастухов В. П. Научно-педагогические кадры высшей школы. – К.: Вища школа, 1983.
19. Ситніков О. П. Освіта в Українській СРР (1920-ті роки): історіографія: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К., 2003.
20. Соловей В. Д. Институт красной профессуры: подготовка кадров историков партии в 20–30-е годы // Вопросы истории КПСС. 1990. № 12. С. 87 – 98.
21. Соловей В. Д. Организация учебного процесса и подготовка кадров историков в Институте красной профессуры (1930–1938) // История СССР. 1986. № 6. С. 113 – 120.
22. Стрижак Є. М. Червона професура – радянська альтернатива „старій інтелігенції?”. Черкаси: Черкаський ЦНТЕІ, 2007.
23. Тарапон О. А. Становище та діяльність літературно-мистецької інтелігенції України в умовах українізації (1923 – початок 1930-х рр.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К., 1999.

24. Федюкин С. А. Некоторые аспекты изучения истории советской интеллигенции // Вопросы истории. 1980. № 9. С. 17–31.

25. Хаїт І. Система радянської освіти: Підручник для вжитку в педагогічних вузах і для вчителства. Х.: Книгоспілка, 1927.

УДК 94(47)(4705)

ББК ТЗ(235ю55)5

ГСНТИ 03.23.07

Код ВАК 07.00.09

Суржикова Н.В.

Екатеринбург

**ИСТОРИЯ УРАЛА В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ (XVIII —
СЕРЕДИНА XX ВВ.): К ХАРАКТЕРИСТИКЕ
ПЕРСПЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эго-документы, письма, мемуары, дневники, путевые заметки, идентичности, субъективности, контексты

АННОТАЦИЯ: В работе наряду с характеристикой теории эго-документа и подведением промежуточных итогов ее использования зарубежными и отечественными исследователями рассматриваются перспективы дальнейшего развития настоящей тематики. По мысли автора, активное введение в научный оборот эго-текстов позволит создать принципиальное новое видение истории Урала — истории от первого лица, что, в свою очередь, даст возможность выйти за рамки привычных стереотипных оценок прошлого региона.

Surzhikova N.V.

Yekaterinburg

**HISTORY OF THE URALS IN EGODOCUMENTS (XVIII
– MID XX CENTURIES): ON CHARACTERISTIC OF
THE PERSPECTIVE RESEARCH**

KEY WORDS: egodocuments, letters, memoirs, diaries, travel journals, identities, subjectivities, contexts

ANNOTATION: The article characterizes egodocument theory andsums up the intermediate results of its application by foreign and russian scholars; prospects of the further development of this theme are considered as well. According to the author, active use of ego-texts in historical research will allow to produce a brand new vision of the Urals history, history in the first person,which in its turn gives an opportunity to go beyond customary stereotyped assessments of the region's past.

Исследования прошлого посредством синтеза комплексов так называемых эго-документов или отдельных эго-документов стали самостоятельной задачей гуманитарного знания относительно недавно. Термин «эго-документ» был введен в оборот профессором Амстердамского университета Ж. Прессером в середине 1950-х гг. Тем самым исследователь попытался маркировать те исторические свидетельства, отличительной особенностью которых являлся их выраженный личный характер. По мысли Ж. Прессера, *egodocument* должен включать в себя различные типы подобных свидетельств: автобиографии, мемуары, дневники, письма личного содержания и др. В самом широком смысле, эго-документы, писал он, это «те исторические источники, в которых исследователь сталкивается с “я” — или иногда ... “он” — как с одновременно пишущим и присутствующим в тексте субъектом описания» [29. С. 329–340].

Предложенный Ж. Прессером термин стал особенно популярен в 1980-е гг., что закономерно вытекало из факта стремительной антропологизации науки. В изучении эго-документов преуспели прежде всего голландские историки разных школ и направлений. При этом Р. Деккер, один из самых известных специалистов по изучению «само-свидетельств», как и Ж. Прессер, причислил к ним автобиографии, мемуары, дневники и другие личные тексты, «в которых авторы подробно пишут о своих делах, опыте, мыслях и чувствах» [29. С. 329–340].

В англоязычной историографии понятие «эго-документ» впервые использовал П. Берк, актуализировав названный концепт в статье «Репрезентаций Я от Петрарки до Декарта». Германоязычная и франкоязычная традиции историописания также освоили «эго-документальную» тематику, хотя в их прочтении сам конструкт «эго-документ» приобрел различные прочтения. Во Франции, отмечает Ю. Зарецкий, оно обычно ассоциируется с вполне конкретной «суммой» жанров национальной литературы XVII–XIX вв.: писем, дневников (*journaux intimes*), путевых заметок (*relations de voyage*), *livres de raison*, мемуаров (*mémoires*). В Германии, напротив, термин «эго-документ» вызвал бурную дискуссию, в центре которой оказался вопрос о том, можно ли причислять к эго-документам источники, имеющие формульный

характер, но не лишённые личного начала, и в частности, прошения и протоколы допросов. Главным возмутителем спокойствия здесь стал В. Шульце, предложивший расширительную трактовку понятия «эго-документ» на организованной им в 1992 г. междисциплинарной конференции. Такая расширительная трактовка понятия «эго-документ», по мнению В. Шульце, могла бы открыть историкам доступ к ранее «молчаливым» группам людей и дать хотя бы частичные свидетельства их самовосприятия [29. С. 329–340].

Дебаты о возможности или невозможности рассмотрения в качестве эго-документов любых свидетельств о прошлом, предоставленных от первого лица, стали тем фактором, который поспособствовал еще более широкому использованию ретроспективных источников. Их выявление, сбор и изучение легли в основу крупных исследовательских проектов, самым масштабным из которых стал проект «Эго-документы в Нидерландах XVI–XIX вв.», а также целого ряда специальных монографических работ [26; 36; 42; 43; 45; 46; 47].

В 2000-е гг. интерес к эго-документам сместился на Восток, индикатором чего стал в первую очередь объявленный в 2006 г. Институтом русистики Варшавского университета цикл международных научных конференций по проблеме «Эго-документ и литература» [44]. Последняя из них состоялась 3–4 июня 2011 г. и была посвящена теме «Автобиография — автобиографичность, исповедь — исповедальность в творчестве русских писателей». Участие российских литературоведов и историков в этом международном междисциплинарном проекте обнаружило тот факт, что в современной России эго-документы как особый жанр посланий из прошлого востребованы как минимум не менее, нежели на Западе.

Несмотря на то, что в рамках отечественной историографии изучение эго-документов пока не приобрело институционального оформления, интерес к ним имеет весьма глубокие корни [1. С. 100–155; 2. С. 160–163; 3. С. 44–57; 9. С. 473–482; 11. С. 295–313; 13]. Некоторые дореволюционные издания — «Русская старина» и «Русский архив» — и вовсе превратили издание документов, позже номинированных как документы жанра «эго», в

одну из приоритетных задач своей деятельности [6. С. 550–554; 23. С. 210–214].

Советские историки, продолжая традиции своих предшественников, также не оставили эго-документы без внимания, сфокусировавшись в первую очередь на той их части, которая была создана людьми нерядовыми и повествовала главным образом о «больших» политических событиях. При этом в рамках советского историописания настоящие материалы рассматривались главным образом как вторичные и скорее вспомогательно-иллюстративные, нежели самостоятельные. Этот факт зафиксировал вышедший в 1970-е гг. под редакцией П.А. Зайончковского аннотированный указатель «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях», в первую очередь призванный облегчить поиск соответствующих документальных «иллюстраций» к тем или иным событиям [31]. Между тем целый ряд вышедших в то же время или уже после публикаций писем, дневников, воспоминаний и прочих источников личного происхождения поставил под сомнение их исключительно «сателлитный» характер [7. С. 105–108; 21; 22; 24. С. 449–456; 39].

Новый всплеск интереса к истории от первого лица и вместе с ней к эго-свидетельствам прошлого пришелся на конец 1980–2000-е гг., когда отечественными историками начали открываться и осваиваться историческая антропология, социальная история, история повседневности, микроистория, персональная история, история ментальностей, психоистория и т.д., и т.п. Без привлечения гражданских документов освоение этих доселе заповедных областей оказалось просто невозможно, что актуализировало проблему дефицита лично ориентированных материалов в государственных архивах страны и неразвитость культуры частных документальных коллекций. Огромную роль в преодолении этих трудностей сыграло создание в 1988 г. так называемого Народного архива, объединившего более 470 фондов и коллекций, более 100 тыс. дел и еще более значительное количество россыпи. Отражая биографию России и россиян нового и новейшего времени, настоящее собрание прежде всего агрегировало документы городских слоев, на основе которых был реализован не только целый ряд публикаторских, но и исследовательских проектов [10;

12. С. 9–27; 33. С. 112–123; 34; 35. С. 79–89; 37. С. 22–26; 41. С. 140–151].

Показательно, что помимо прикладных исследований, «заточенных» на переход от многочисленных краеведческих описаний тех или иных событий к археографически полноценным публикациям, сопровождаемым аналитическими исследовательскими преамбулами и комментариями, в современной России активно идет процесс концептуализации эго-тематики. В этой связи необходимо особо выделить теоретико-методологические изыскания профессора Высшей школы экономики Ю.П. Зарецкого. Благодаря его проекту «История от первого лица: изучение личных свидетельств в современной зарубежной историографии» российские исследования эго-документов получили возможность встраивания в интернациональную дискуссию о роли и месте само-свидетельств в постижении прошлого [27. С. 220–231; 28. С. 218–232; 29. С. 329–340; 30. С. 159–173]. Как представляется, движению в этом направлении будут способствовать созданный в 2006 г. в Российском государственном гуманитарном университете Центр визуальной антропологии и эгоистории, а также организованный в 2013 г. Институтом всеобщей истории РАН постоянно действующий семинар «Русь, Московия, Россия в свидетельствах иностранцев».

На сегодняшний день автономизация эго-документальных исследований в России как специальной области научного поиска, сопровождаясь расширением круга свидетельств прошлого, сдаваемых историками в некие виртуальные закрома, объективировала ещё и как национальную специфику эго-текстов, так и их универсальные характеристики. Об этом, в частности, свидетельствует богатый исследовательский опыт профессора МГУ Н.В. Козловой, выявившей и опубликовавшей более 380 семейно-правовых актов представителей непривилегированных слоев Москвы [5]. В том же ключе позволительно рассматривать издание таких работ, как «Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах», «Купеческие дневники и мемуары конца XVIII — первой половины XIX века», «Советские люди: Сцены из истории» [4; 14; 34]. Анализируя последнюю

публикацию, скомпанованную из фрагментов незатейливых автобиографических повествований «простых» советских людей, критик подметил: «Что касается перспективы исследования "наивных" повествований, мне кажется интересным не только выделить в них специфическую "советскость", то есть то, что отличает наш вариант запаздывающей модернизации, еще не закончившейся на постсоветском пространстве, но и то, что объединяет нас с другими странами, переживающими (или уже пережившими) свои варианты ускоренной или запаздывающей модернизации» [40. С. 348–356].

При этом большой ошибкой было бы считать, что изучение эго-документов в современной России стало исключительно столичной модой. Публикаторская и исследовательская активность, проявляемая в этой связи, на периферии, не менее продуктивна [8. С. 114–143; 25. С. 78–84; 32; 38]. В значимый центр изучения эго-документов давно превратился Омский государственный университет, где еще с середины 1990-х гг. началось издание серии воспоминаний «Народные мемуары». На начало 2008 г. в рамках настоящего проекта издано шесть книг, как то «Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А. Плотникова», «Воспоминания работницы М.Н. Колтаковой "Как я прожила жизнь"», «Документальная автобиографическая повесть сельского учителя А.У. Астафьева "Записки изгоя"», «Солдатские воспоминания Н.Ф. Шульгина и Г.П. Еланцева», «Воспоминания А.Н. Белозёрова "Записки районного служащего"» и «Мемуары врача К.Г. Акелькиной» [15–20]. Осуществляемый филологами, ретроспективный проект, позиционирует эго-тексты как особую нарративную и языковую практику, специфичность которой напрямую связано со специфичностью конкретно-исторического опыта пишущего субъекта, одновременно являющегося и объектом повествования.

Очевидно, таким образом, что изучение эго-документов является сегодня одним из наиболее перспективных направлений самых разных гуманитарных исследований, в равной степени востребованных как в России, так и за ее пределами. В этой связи реализация любых локально, регионально или национально ориентированных проектов, основанных на эго-текстах, обещает

не просто актуализировать новые источниковые материалы, но и способствовать реализации регионально ориентированных тематических изысканий на инструментальной базе, характерной для мирового уровня решения тех или иных исследовательских задач.

Новизна перспективных показателей реализации такого рода проектов и, в частности, проекта «История Урала в эго-документах (XVIII — середина XX вв.)», гарантируется синтезом сразу нескольких теоретико-методологических подходов: социальной истории, истории повседневности и персональной истории. Их совокупное использование позволит не только реконструировать предмет исследования и на этой основе создать альтернативную или как минимум дополнительную к академическому дискурсу субъективную историю Урала. Помимо того, что это будет история, свободная от оков стереотипов и клише, она, написанная от первого лица, даст возможность конституировать еще и «ощущение» Урала и тем самым решить целый ряд принципиально важных исследовательских задач. Во-первых, настоящее исследование обеспечит значительный вклад в изучение истории Урала из имагологической перспективы, результатом чего станет каталогизация многочисленных инвариантных образов Урала. Во-вторых, в рамках проекта неизбежно обозначится проблема идентификационных кодов, реализуемых в процессе актуализации или самоактуализации рядовых уральцев и не-уральцев, что приблизит к пониманию факторов, этапов и существа такого явления, как формирование «субэтноса» уральцев. И, наконец, в-третьих, выявление целого комплекса новых эмпирических материалов, их последующее описание и комментирование позволит сделать шаг к пониманию динамики появления и содержательных трансформаций эго-документальных материалов. При этом актуализация субъективного фактора в истории Урала, с одной стороны, и её погружение в разнообразные жанровые, исторические, социальные, биографические, идеологические, культурные и прочие контексты — с другой, приведет не только к рационализации многообразия так называемых само-свидетельств и соответственно анализации концепта «эго-документ», но и даст возможность зафиксировать

широкие социальные и культурные изменения, характерные не только для Урала, но и преодолевающие всякую территориальную ограниченность.

Источники:

1. Апостол П.Д. Дневник. (Май 1725 г. — май 1727 г.) // Киевская старина. 1895. Т. 50. № 7/8.
2. Брешков Н. Отрывок из записок Н. Брешкова // Исторический, статистический и географический журнал / Публ. И. Гайворонского. 1826. Ч. 4. Т. 2.
3. Головин В.В. Записки о бедной и суетной жизни человеческой // Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского. М., 1847.
4. Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / Сост. и обраб. Е.М. Ковалева. М., 1996.
5. Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., вводная ст. и коммен. Н.В. Козловой. М., 2002.
6. Демидов П.А. Автобиографическое показание // Русский архив / Сообщ. Н.Н. Хозиков. 1874. Т. 2. № 9.
7. Дневник русского путешественника первой четверти XVIII века) // Советский архив / Публ. и предисл. Е.Н. Ошаниной. 1975. № 1.
8. Дневник священника // Уральский исторический вестник. 1995. № 2.
9. Добряков Т.С. Сказание о московском 1-ой гильдии купце Семене Прокофьевиче Васильеве Трифона Семеновича Добрякова // Душеполезное чтение / Сообщ. И.А. Благовещенский. 1860. № 8.
10. Женская судьба в России: Документы и материалы / Пред. Т.М. Горяевой. М., 1993.
11. Ильинский И.И. Журнал Академии наук переводчика Ивана Ильинского // Сб. Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1903. Т. 73. № 1.
12. Киселева Е. Кишмарева, Киселева, Тюричева / Пред. О. Чухонцева; публ. и послесл. Е. Ольшанской // Новый мир. 1991. № 2.
13. Крестовников Н.К. Семейные хроники семьи Крестовниковых. В 3-х кн. М., 1903.
14. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII — первой половины XIX века / Кол. авт.; сост. А.В. Семенова. М., 2007.
15. Народные мемуары. Т. I: Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А. Плотникова: Публикация и исслед. текста / Подгот. текста, предисл. и коммент. Б.И. Осипова. Омск, 1995.

16. Народные мемуары. Т. II: Воспоминания работницы М.Н. Колтаковой «Как я прожила жизнь»: Публикация и исслед. текста / Подгот. текста, предисл. и коммент. Б.И. Осипова. Омск, 1997.

17. Народные мемуары. Т. III: Документальная автобиографическая повесть сельского учителя А.У. Астафьева «Записки изгоя»: Публикация и исслед. текста / Подгот. текста, предисл. и коммент. Б.И. Осипова. Омск, 1998.

18. Народные мемуары. Т. IV: Солдатские воспоминания Н.Ф. Шульгина и Г.П. Еланцева: Публикация и исслед. текста / Подгот. текста, предисл. и коммент. Б.И. Осипова. Омск, 2000.

19. Народные мемуары. Т. V: Воспоминания А.Н. Белозёрова «Записки районного служащего»: Публикация и исслед. текста / Подгот. текста, предисл. и коммент. Б.И. Осипова. Омск, 2002.

20. Народные мемуары. Т. VI: Мемуары врача К.Г. Акелькиной: Публикация и исслед. текста / Подгот. текста, предисл. и коммент. Б.И. Осипова. Омск, 2007.

21. Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697–1699. М., 1992.

22. Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990.

23. Соликамские предания (Из бумаг Ф.А. Прядыльщикова) // Русская старина. 1894. Т. 81. № 1.

24. Тихомиров М.Н. Записки приказных людей конца XVIII века: Записки о стрелецком бунте // Тр. отдела древнерусской литературы. 1956. Т. 12.

Литература:

25. Абдрашитов Э.Е. Женщины и военнопленные: проблема дискурса (по материалам региональной периодической печати и эго-документов) // Вестн. Тюменского госун-та. 2012. № 2.

26. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000.

27. Зарецкий Ю.П. Детство в западноевропейских автобиографиях: от Средних веков к Новому времени // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре, 2008. Т. 58. № 2.

28. Зарецкий Ю.П. История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре, 2012. № 3.

29. Зарецкий Ю.П. Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования голландских историков // Социальная история: Ежегодн. СПб., 2008.

30. Зарецкий Ю.П. Теория литературных жанров и некоторые вопросы исторического изучения автобиографических текстов // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. М., 2005.

31. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотир. указ. книг и публ. в журн. / Науч. рук., ред. и введение проф. П.А. Зайончковского. Т. 1–5. М., 1976–1989.

32. История людей на Южном Урале: Альманах. Челябинск, 2005.

33. Козлова Н.Н. Крестьянский сын: Опыт исследования биографии // Социологические исследования. 1994. № 6.

34. Козлова Н.Н. Советские люди: Сцены из истории. М., 2005.

35. Козлова Н.Н., Захаров А.В. Письма из недалекого прошлого // Свободная мысль. 1993. № 7.

36. Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001.

37. Румянцева М.Ф. Опыт из лепета: повседневность как прорастание исторических смыслов // Знание — сила. 1998. № 2.

38. Сотворение истории. Человек. Память. Текст: Цикл лекций / Отв. редактор Е.А. Вишленкова. Казань, 2001.

39. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. От рукописи к книге. М., 1991.

40. Фрумкина Р. Мысли «простых» людей (Рец. на кн.: Козлова Н. Советские люди: Сцены из истории. М., 2005) // Новое литературное обозрение. 2006. № 3.

41. Шубина В. Серые будни красных дней. 1914–1935 годы: По воспоминаниям Э.Г. Степанищевой // Знание — сила. 1998. № 4.

42. Baggerman A., Dekker R. Kind van de toekomst. De wondere wereld van Otto van Eck (1780–1798). Amsterdam, 2005.

43. Dekker R.M. Childhood, Memory and Autobiography in Holland from Golden Age to Romanticism. London, 1999.

44. Dzienniki pisarzy rosyjskich. Kontekst literacki i historyczny. Studia Rossica XVII / Red. naukowa A. Wolodzko-Butkiewicz, L. Lucewicz. Warszawa, 2006.

45. Egodocuments and History. Autobiographical writing in its social context since the Middle Ages / Ed. R. Dekker. Hilversum, 2002.

46. Foisil M. Le Sire de Gouberville: un gentilhomme normand au XVIe siècle. Paris, 1981.

47. Worobec Ch. D. Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipated Period. Princeton, 1991.

УДК 323+908

ББК ТЗ(2)614

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

А.В. Сушков

Екатеринбург

**«КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЁ!»: КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА
И.В. СТАЛИНА И РУКОВОДИТЕЛИ СВЕРДЛОВСКОЙ
ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: И.В. Сталин, И.Д. Кабаков, А.Я. Столяр, К.Н. Валухин, В.М. Андрианов, партийно-государственная система власти, Свердловский обком ВКП(б).

АННОТАЦИЯ: Рассмотрены основные направления кадровой политики И.В. Сталина и особенности ее реализации в руководстве Свердловской области во второй половине 1930-х гг. Итогом сталинской кадровой революции стало резкое повышение образовательного и профессионального уровня региональной партноменклатуры.

A.V. Sushkov

Yekaterinburg

**«MANPOWER POLICY DETERMINES EVERYTHING!»:
I.V. STALIN'S MANPOWER POLICY AND LEADERS OF
SVERDLOVSKAYA REGION IN THE SECOND HALF
OF 1930S.**

KEYWORDS: I.V. Stalin, I.D. Kabakov, A.Y. Stolyar, K.N. Valukhin, V.M. Andrianov, party-state power system, Sverdlovsk region Communist Party Committee.

ANNOTATION: Main trends of I.V. Stalin's manpower policy and traits of its implementation among the leadership of Sverdlovsk region in the second half of 1930s are studied in the work. Jump in educational and professional level of the regional Communist Party high-ranking functionaries appeared the result of Stalin's cadre revolution.

В начале XXI века проблема кадрового комплектования российских органов власти вновь вышла на передний план. Рост профессиональной некомпетентности на всех властных уровнях,

кадровая чехарда, череда громких коррупционных скандалов заставляют обратиться к изучению советского опыта подготовки и расстановки руководящих кадров в партийно-государственной системе власти.

Изменение принципов подбора и расстановки руководящих кадров наряду с перестройкой деятельности комитетов ВКП(б) в соответствии с требованиями устава партии и «основами внутривнутрипартийного демократизма» (развитие критики и самокритики, введение тайного голосования при выборах партийных комитетов, повышение ответственности партийных органов перед «партийными массами», активизация этих масс и т.д.) явились ключевыми элементами реформирования И.В. Сталиным советской политической системы в 1937 г. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Сталин потребовал подбирать кадры по деловым признакам, а не по личному знакомству, личной преданности и приятельским отношениям. В качестве отрицательного примера он привел кадровую политику первого секретаря ЦК КП(б) Казахстана, бывшего секретаря ЦК КП(б) Азербайджана и Уральского обкома ВКП(б) Л.И. Мирзояна. Мирзоян игнорировал местные казахские кадры, и, по выражению Сталина, таскал за собой приятелей из Азербайджана и с Урала, расставляя их на ключевые посты в республиканском партийно-государственном аппарате. В подтверждение своих слов Сталин озвучил список, состоящий почти из двух десятков фамилий руководителей. Мирзоян же, вместо того, чтобы признать допущенные кадровые ошибки или хотя бы промолчать, начал пререкаться со Сталиным по поводу лишь одной из прозвучавших фамилий. «Так подбирать людей не годится, – наставлял Сталин. – ...Этот метод подбора небольшевистский, я бы сказал, антипартийный метод подбора людей, с этим методом товарищи должны покончить, пока не поздно». [2. С. 13–14].

Как реагировали на установки Сталина региональные первые секретари, заседавшие на пленуме ЦК партии, мы можем представить на примере первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б), члена ЦК ВКП(б), «вождя уральских большевиков» Ивана Дмитриевича Кабакова. Кабаков присутствовал на пленуме ЦК,

выступал, клялся в приверженности линии Сталина, одобрил его доклад и вместе со всеми голосовал за резолюцию пленума [1. С. 13–16]. Наверное, по возвращении в Свердловск Кабаков, «засучив рукава», тотчас принялся за реализацию указаний главы государства?

Среди местной партноменклатуры не было секретом, что второй секретарь Свердловского городского комитета ВКП(б) занимает особое положение в областной властной иерархии. В кресле второго секретаря «столичного» горкома сидел выдвигенец Кабакова, его давний приятель по совместной работе в Туле Михаил Васильевич Кузнецов (во второй половине 1920-х Кузнецов работал заместителем ответственного секретаря Тульского губкома ВКП(б) – И.Д. Кабакова, и одновременно заведующим орготделом губкома, т.е. занимал вторую позицию в губернском руководстве). Кабаков затребовал Кузнецова на Урал в 1933 г., когда тот учился в Москве на втором курсе Историко-партийного института красной профессуры, назначил его первым секретарем горкома в Нижнем Тагиле и сразу ввел в состав кандидатов в члены бюро обкома. Несмотря на отсутствие каких-либо явных успехов Кузнецова в руководстве Нижним Тагилом (строительство Новотагильского металлургического завода, например, за время его правления практически не сдвинулось с места), Кабаков в 1935 г. перевел его в Свердловск первым секретарем горкома ВКП(б). Из образования за плечами у Кузнецова было высшее начальное училище в деревне Дурасово Калужской губернии, бухгалтерские курсы, неоконченные курсы по подготовке в вузы, полгода учебы в губернской совпартшколе, и, как уже говорилось выше, один курс Историко-партийного института красной профессуры, готовившего специалистов в партийно-идеологической сфере – работников отделов пропаганды и агитации комитетов ВКП(б) и преподавателей общественных наук в вузах. Ни диплома о среднем или высшем техническом образовании, ни записи в личном листке по учету кадров о сколько-нибудь значимой административно-хозяйственной работе, чтобы со знанием дела руководить такими крупными индустриальными центрами как Нижний Тагил и Свердловск, Кузнецов не имел [20. С. 42–43; 15. С. 119]. Вероятно, на

образование важному партийному чиновнику катастрофически не хватало времени. Зато Кузнецову сполна хватало времени на то, чтобы разводить интриги против второго секретаря Свердловского обкома ВКП(б) К.Ф. Пшеницына – ставленника Москвы, а не Кабакова, и делалось это, разумеется, не без одобрения последнего [23. С. 119]. Что касается подбора кадров, то Кузнецов брал пример со своего начальника, и двигал во власть своих тульских приятелей, таких же грамотеев, как он сам. Среди тех, кого Кузнецов пристроил к уральской «партийной кормушке», оказался Л.Н. Пальцев, выпускник семилетней трудовой школы, сменивший в Тульской губернии немало руководящих комсомольских и партийно-пропагандистских должностей. Кузнецов вызвал его в Нижний Тагил в начале 1934 г. и поставил руководить культурно-пропагандистским отделом горкома ВКП(б), а спустя три года, в 1937-м, Кабаков назначил Пальцева на руководство этим горкомом партии [9. Л. 3–5, 7, 12–20].

В начале 1937 г. М.В. Кузнецов утратил должность первого секретаря «столичного» горкома. Инициатива эта исходила не от Кабакова, а из Москвы. Дело в том, что в соответствии с решением ЦК первый секретарь областного комитета партии одновременно должен был занимать и пост первого секретаря горкома партии областного центра. И.Д. Кабаков, таким образом, в дополнение к имеющимся должностям становился первым секретарем Свердловского горкома ВКП(б). Кузнецова же он решил сохранить «де-факто» на руководстве городом, сделать его вторым секретарем горкома и оставить в составе членов бюро обкома (сам Кабаков, безусловно, не мог в полном объеме руководить и обкомом, и горкомом партии). Все эти кадровые перестановки были оформлены решением пленума Свердловского горкома ВКП(б) 23 января 1937 г. [16. Л. 48].

По возвращении с февральско-мартовского пленума ЦК И.Д. Кабаков в соответствии с установками Сталина должен был убрать Кузнецова с ключевой должности, подобрать вместо него крепкого администратора-хозяйственника, желательно имеющего диплом технического вуза и, разумеется, с партбилетом в кармане. Кабаков, однако, этого не сделал и оставил преданного Кузнецова своим замом по горкому. Не подобрал Кабаков и нового

председателя облисполкома вместо арестованного в январе 1937 г. В.Ф. Головина, сохранив исполнение этих обязанностей за заместителем председателя Г.П. Плинокосом, кандидатура которого также не соответствовала сталинским требованиям. А председателя областного совета профсоюзов, члена бюро обкома Г.С. Богачева, партийного пропагандиста по образованию, утратившего свою должность в связи с ликвидацией облпрофсовета, Кабаков заботливо пристроил первым секретарем горкома ВКП(б) в Нижний Тагил, когда там был арестован предыдущий секретарь Л.Н. Пальцев [20. С. 97–100].

Каких-либо внешних факторов, препятствовавших реализации установок Сталина, у Кабакова не было. О сопротивлении местной партноменклатуры кадровым решениям «вождя уральских большевиков» не могло идти речи, все его инициативы получали полное одобрение. Роль членов бюро обкома, не говоря уже о членах областного партийного пленума, при авторитарном правлении Кабакова была значительно принижена, многие важные вопросы первый секретарь решал единолично. Кабаков был полновластным хозяином в области. И презентовал себя соответственно, как подобает местному «вождю» [19. С. 17–18].

Кабаков исключением не являлся: в ходе реализации своей политики Сталин столкнулся с молчаливым сопротивлением региональных первых секретарей. И это неудивительно, ведь местные «вожди» практически в одночасье должны были расстаться со своими кумулами, с такой любовью взращенными в первой половине 1930-х, стать лишь частицами безликой партноменклатуры, подвергающимися критике как сверху, так и снизу, вынужденными наряду с «простыми смертными» проходить через унижительную процедуру тайного голосования в состав партийных комитетов, рискуя быть избранными. Риск этот многократно возрастал, если бы руководящие кресла в области занимали люди, не связанные патрон-клиентскими отношениями с областным «вождем».

Региональным секретарям не впервой было волынить с реализацией указаний Сталина. Так, глава государства десятков лет подряд, начиная с XV съезда ВКП(б) в 1927 г., призывал их к

развертыванию на местах критики и самокритики [8. С. 329–330]. На съездах и пленумах первые секретари обкомов и крайкомов встречали идеи Сталина аплодисментами, кричали из зала: «Правильно», с высоких трибун вещали о его гениальности и прозорливости, а когда возвращались в свои «вотчины», то действовали по принципу: «До бога высоко, до царя далеко». И продолжали гнуть свою линию. Кабаков, к примеру, не без удовольствия прилюдно «полоскал» некоторых подчиненных (часто – не за дело, а для вида, чтобы лишний раз продемонстрировать «кто в доме хозяин»), и в то же время резко пресекал малейшие попытки критики угодных ему областных начальников и своих приближенных [19. С. 18–19, 22]. Так продолжалось вплоть до 1937 г.

В двадцатых числах мая 1937 г. Кабаков был арестован. Перед тем как отправить свердловского секретаря в жернова НКВД, 16 мая Сталин побеседовал с ним в своем кремлевском кабинете. В кабинете кроме хозяина присутствовали два члена Политбюро ЦК – председатель Совнаркома СССР В.М. Молотов и нарком обороны К.Е. Ворошилов, а также секретарь ЦК, председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и одновременно нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов [3. С. 209]. И хотя содержание их разговора неизвестно, вероятнее всего Сталин лишний раз убедился в невозможности «исправления» Кабакова, и в нецелесообразности его использования на другой, пусть даже низовой работе. Так или иначе, на этой встрече Сталин определил его дальнейшую судьбу. Уже на следующий день Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О Кабакове», которым вынесло на голосование членов и кандидатов в члены ЦК следующее предложение: «По имеющимся материалам член ЦК Кабаков обвиняется в принадлежности к контрреволюционному центру правых. Политбюро ЦК ставит на голосование членов ЦК и кандидатов в члены ЦК предложение об исключении Кабакова из состава ЦК и из партии с передачей его дела в Наркомвнудел». Члены пленума ЦК ВКП(б) опросом проголосовали «за», после чего «вождь уральских большевиков» был арестован и спустя полгода расстрелян. Та же участь ожидала его многочисленных выдвиненцев из числа обкомовских и облисполкомовских

руководителей, городских и районных партийных секретарей [5. Л. 3; 9. Л. 62; 7. С. 663–668].

Приехавший ему на смену Абрам Яковлевич Столяр, работавший до переезда в Свердловск первым секретарем Кировского обкома (ранее – крайкома) партии, словно ничего не знал о речи Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК. В Свердловск он прибыл в сопровождении целой свиты – руководящих работников, помощников и даже шоферов, всего более десятка человек перетащил он за собой из Кирова [12. Л. 130–131]. Самые высокие посты получили Б.З. Берман (назначен третьим секретарем обкома ВКП(б)) и А.П. Грачев (назначен заведующим промышленным отделом обкома ВКП(б), позже – председателем облисполкома). Учитывая, что второго секретаря в обкоме не было почти на всем протяжении столяровского правления, эта троица заправляла всеми делами в бюро обкома (или почти всеми, так как к тому времени значительно возросла роль начальника областного УНКВД).

Что это были за люди? Абрама Яковлевича Столяра и Бориса Захаровича Бермана связывала между собой не только национальность, но и малая родина – Забайкалье. На свет они появились с разницей в четыре года: первый – в одном из сел Читинского уезда, второй – в самой Чите. Оба участвовали в Гражданской войне, были на подпольной партработе, позже, при советской власти стремились получить партийно-пропагандистское образование: Столяру это удалось, он успешно окончил Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова в Москве, Берман был менее удачлив – учился в лекторской группе Коммунистического университета трудящихся Востока и в Экономическом институте красной профессуры, но ни то, ни другое заведение окончить ему не удалось. И оба работали в партийно-идеологической сфере, даже в разное время возглавляли один и тот же отдел крайкома в Нижнем Новгороде (Горьком). Когда А.Я. Столяр в конце 1934 г. возглавил Кировский крайком ВКП(б), на должность первого секретаря подведомственного крайкому Удмуртского обкома (в то время Удмуртская автономная область входила в состав Кировского края, вплоть до принятия новой конституции СССР) он провел своего земляка Бермана. А в

1937-м забрал его с собой в Свердловск, утвердил третьим секретарем и пытался провести через Москву на кресло второго секретаря обкома [22. С. 28–29; 19. Л. 2–5; 20. Л. 136].

Другой прибывший вместе с Берманом в Свердловск руководитель, Алексей Петрович Грачев, работал при Столяре первым секретарем Кировского горкома ВКП(б). Это тоже были старые знакомые по совместной работе в конце 1920-х: когда Столяр возглавлял Канавинский райком ВКП(б) Нижнего Новгорода, Грачев был его правой рукой – заведующим орготделом, затем – председателем райсовета. По уровню образования А.П. Грачев заметно уступал даже «пропагандистам» Столяру и Берману: оно ограничивалось лишь начальной железнодорожной школой и тульскими вечерними курсами партактива. Опыт работы также в лучшую сторону не отличался: в послужном списке Грачева преобладали в основном партийные, меньше – советские и профсоюзные должности. Разумеется, ни по уровню образования, ни опыту работы Грачев не был подготовлен к высоким постам в Свердловске. Он и сам это осознавал, и даже публично признавал, правда, не во время назначения, а гораздо позже, за неделю до ареста: на пленуме обкома Грачев заявил о своем несоответствии занимаемым должностям «по уровню развития», и что совершенно не был знаком с промышленностью области. Столяра, по всей видимости, это волновало мало, ему нужно было пристроить на высокое место «своего человека» [22. С. 105–106; 20. Л. 103–104].

Постановлением Политбюро ЦК от 31 марта 1938 г. А.Я. Столяр был снят с должности и в тот же день арестован. Лишь после ареста Столяра пленум Свердловского обкома в присутствии члена Политбюро ЦК А.А. Андреева решился на констатацию очевидного: «Пленум обкома отмечает, что т. Столяр грубейшим образом нарушил важнейшее большевистское правило руководства партийной организацией – коллективность в руководстве, опирался в своей работе не на бюро и пленум обкома ВКП(б), а на группку приближенных и подхалимствующих перед ним людей. В подборе и расстановке кадров т. Столяр огульно сеял недоверие к местным кадрам и проводил осужденную ЦК ВКП(б) практику подбора руководящих кадров по принципу знакомства и «землячества»».

Спустя четыре месяца со дня ареста Столяр был осужден по обвинению в участии в антисоветской террористической правотроцкистской диверсионно-вредительской организации и расстрелян. Его участь разделили Берман, Грачев и прочие [20. С. 49; 14. С. 30, 106–107; 1. С. 157; 20. Л. 185].

На смену Столяру в Свердловск прибыл бывший начальник омского областного УНКВД Константин Николаевич Валухин. Назначение профессионального энкавдэшника первым секретарем обкома в один из крупнейших промышленных районов страны – политический нонсенс. Итоги его кадровой политики были соответствующими. Если вторым секретарем в обком Москва прислала агронома-полевода по образованию, бывшего слушателя Аграрного института красной профессуры Ивана Михайловича Медведева, имевшего многолетний опыт управленческой деятельности в аграрной сфере и, разумеется, взявшего в обкоме под контроль вопросы сельского хозяйства, то в кресло третьего секретаря, ведающего промышленностью области (!), Валухин не придумал ничего лучшего, как посадить заведующего отделом школ и науки обкома ВКП(б) Сергея Ивановича Белова – выпускника Закавказского коммунистического университета в Тифлисе, пропагандиста и преподавателя философии по опыту работы. Обязанности председателя облисполкома Валухин возложил на еще одного «хозяйственника» – пропагандиста, выпускника курсов историков-марксистов при ЦК ВКП(б) Ф.К. Семенова. Федор Кириллович накануне назначения лишь девять месяцев стоял во главе Асбестовского горкома ВКП(б), а до этого два года возглавлял в том же горкоме парткабинет, что, собственно, наиболее точно соответствовало полученной им специальности. После же отзыва Семенова в соседнюю, выделившуюся из Свердловской Пермскую область (где он, кстати, быстро проявил свою несостоятельность как руководитель областного масштаба), подобрать ему замену в облисполком Валухин так и не сумел. А вскоре Москва исправила допущенную ошибку (или слишком тонкий, тщательно завуалированный расчет): в последние дни уходящего 1938 г. постановлением Политбюро ЦК партии К.Н. Валухин был снят с поста первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б), затем был

направлен руководить свиноводческим трестом в Калинин, где аукнулось его энкавдэшное прошлое, – был арестован и расстрелян [22. С. 31–37, 108–110; 18. Л. 2–2 об., 7–9; 10. Л. 40–41].

Справедливости ради необходимо заметить, что А.Я. Столяр и сменивший его К.Н. Валухин на посты первых секретарей горкомов ВКП(б) и аппаратные должности в Свердловском обкоме ВКП(б) начали выдвигать инженеров-коммунистов, сумевших положительно зарекомендовать себя на хозяйственной работе. Впоследствии некоторые из этих выдвиженцев занимали высокие позиции в системе власти, и к уровню их подготовленности, профессионализму претензий не предъявлялось. Правда, как уже говорилось, эти принципы подбора кадров ни Столяр, ни Валухин не распространили на высшие посты в областной властной иерархии. Ситуация с высшими кадрами кардинальным образом изменилась лишь после очередной смены руководства области.

Неутешительные итоги, с которыми Свердловская область подходила к концу 1938 г., вынудили ЦК ВКП(б) учинить в области инспекторскую проверку. С этой миссией в Свердловск был направлен недавний второй секретарь Сталинградского обкома партии Василий Михайлович Андрианов. Для придания проверяющему высокого статуса он был утвержден заместителем заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б). В качестве представителя ЦК В.М. Андрианов достаточно длительное время ездил по Свердловской области и знакомился с состоянием дел. Итоги его проверки легли в основу констатирующей части разгромного постановления Политбюро ЦК от 30 декабря 1938 г. «О работе Свердловского обкома ВКП(б)», которым Валухин был снят с должности. Тем же постановлением обязанности первого секретаря обкома были возложены на Андрианова [22. С. 39; 10. Л. 40–41].

Оба предыдущих первых секретаря обкома, А.Я. Столяр и К.Н. Валухин, вступали в должность в присутствии члена Политбюро и секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Андреева, специально по такому поводу приехавшего в Свердловск. Важный кремлевский чиновник с трибуны областного пленума, проходившего в Театре оперы и балета имени Луначарского, представлял нового

начальника региональному управленческому корпусу. По всей вероятности, учитывая функционал Андреева в верховной власти, он сам занимался подбором той и другой кандидатур, которые затем с треском были сняты и позже объявлены врагами народа (и не в этом ли следует искать последовавшее на рубеже 1930-х – 40-х гг. ограничение полномочий А.А. Андреева на Старой площади? [24. С. 250–252, 438]). В отличие от предшественников, В.М. Андрианов прибыл в Свердловск без сопровождения, как представитель ЦК, и являлся ставленником постепенно набиравшего силу заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова.

Необходимо заметить, что Андрианов, как ни рвался, так и не сумел получить высшее образование. Это обстоятельство, однако, не помешало ему сразу по прибытии в Свердловск сделать ставку именно на специалистах высшей квалификации, разумеется, носивших в карманах партийные билеты. Первый секретарь обкома не опасался окружать себя более квалифицированными специалистами, нежели он сам: интересы дела новый руководитель области ставил выше личных. При комплектовании руководящими кадрами партийно-государственных структур он, прежде всего, обратил свой взор в сторону хозяйственников с высшим (реже – незаконченным высшим) техническим образованием, и преподавательский состав технических вузов. Предпочтение отдавалось специалистам с опытом работы хотя бы в низовых партийных организациях, ячейках: это не только лишний раз свидетельствовало о присутствии у них организаторских способностей, но и наличии хотя бы минимальных представлений о принципах функционирования партийно-государственной системы власти. Немаловажным было и то обстоятельство, что анкетные данные таких кандидатов на должности неоднократно проверялись и перепроверялись в ходе чисток 1936–1938 гг.

На оставшийся длительное время вакантным пост председателя облисполкома Андрианов выдвинул горного инженера по образованию, директора Свердловского горного института И.Л. Митракова. В кабинет третьего секретаря обкома ВКП(б) (вторым секретарем в обком Москва вновь прислала

аграрника – Ф.Д. Навозова) переехал выпускник этого же института, недавний инструктор в аппарате обкома партии и первый секретарь Надеждинского горкома ВКП(б) А.С. Некрылов (правда, с Некрыловым Андрианов не сработался и вскоре заменил его инженером-металлургом, выпускником Ленинградского индустриального института П.Н. Иванищенко). В конце 1939 – начале 1940 гг. Андрианов «обескровил» Уральский индустриальный институт, забрал на руководящую партийную работу молодых доцентов, кандидатов технических наук А.Б. Аристов и Н.М. Лапотышкина, кандидата экономических наук П.А. Жукова, а аспиранта и ассистента В.П. Головина поставил во главе Свердловского горисполкома. И в последующие годы институт, к несчастью для его директора А.С. Качко, регулярно «поставлял» в обком ВКП(б) своих лучших преподавателей и аспирантов [13. Л. 79 об., 83; 22. Л. 13; 12. С. 110–111; 14. С. 55].

Кадровую политику В.М. Андрианова нельзя назвать безупречной: были и ошибочные кадровые решения, кого-то из своих выдвиженцев он быстро «задвигал» обратно, как только их деловые качества переставали его устраивать. Порой решал участь подчиненного исходя из личной неприязни, а не его деловых качеств, как того требовал Сталин. Тем не менее, Андрианов стал первым за много лет руководителем области, кто стремился придерживаться установок Сталина в области кадровой политики. Не случайно, поэтому, многим выдвиженцам Андрианова было суждено занять высокие посты в партийно-государственной системе власти. Так, председатель облисполкома И.Л. Митраков в дальнейшем стал заместителем председателя Госплана СССР, затем – замминистра внутренних дел СССР; бывшие секретари обкома Г.С. Ситников, Е.Ф. Кольшев и В.В. Косов впоследствии возглавили обкомы партии соответственно в Ярославле, Кемерово и Тюмени, секретари «столичного» горкома ВКП(б) В.И. Недосекин и К.К. Николаев в разное время возглавляли Свердловский обком партии, бывшие секретари обкома ВКП(б) А.П. Панин, А.В. Носенков и первый секретарь обкома ВЛКСМ А.Е. Харламов занимали ответственные должности в аппарате Центрального комитета ВКП(б). Наиболее высоких постов в системе власти достиг андриановский выдвиженец А.Б. Аристов –

член Президиума и секретарь ЦК КПСС в последние полгода жизни Сталина и позже, во времена правления Хрущева [22. С. 42–44, 54–56, 112–117; 13. С. 34–38; 2. С. 52, 57; 23. Л. 12–15 об.].

Пример Свердловской области показывает, что к началу 1940-х гг. И.В. Сталину в целом удалось добиться выполнения поставленной им на февральско-мартовском пленуме ЦК задачи, удалось разрушить порочные патрон-клиентские связи, опутавшие региональные властные структуры. Несогласная с его политикой, игнорирующая установки верховной власти региональная политическая элита была обвинена в несуществующих преступлениях и физически уничтожена. Важнейшим итогом сталинской кадровой революции стало резкое повышение образовательного и профессионального уровня региональной партийно-государственной номенклатуры, что, в частности, положительно сказалось на эффективности управления промышленностью и строительством Свердловской области накануне и в годы Великой Отечественной войны.

Источники:

1. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 5–6.
2. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 11–12.
3. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник / авт.-сост. А. В. Коротков, А. Д. Чернев, А. А. Чернобаев; науч. ред. А. А. Чернобаев. М. : Новый хронограф, 2010.
4. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Свердловская область. Документы и материалы / гл. ред. академик РАН В. В. Алексеев. Т. 1. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 614.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 987.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1004.
8. Сталин, И. В. Сочинения / И. В. Сталин. Т. 10. М. : Государственное издательство политической литературы, 1949.
9. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 20. Д. 2866.
10. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 23. Д. 113.

11. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 23. Д. 127.
12. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 12.
13. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 292.
14. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 48. Д. 635.
15. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 51. Д. 1845.
16. ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 120.

Литература:

17. Колдушко А. А. Первый этап политических репрессий 1936–1937 гг. в отношении руководства партийных органов Свердловской области // Номенклатура и номенклатурная организация власти в России XX века: материалы Интернет-конференции «Номенклатура в истории советского общества» (ноябрь 2003 – март 2004 г.) ; под ред. В. П. Мохова. Пермь: Редакционно-издательский отдел Пермского государственного технического университета, 2004.

18. Коновалов, А. Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991) Кемерово : Кузбассвуиздат, 2004.

19. Лейбович О. А, Колдушко А.А. А жертвы кто? Культурные практики местной номенклатуры до большого террора // Ретроспектива. Пермский историко-архивный журнал. 2008. № 1 (6).

20. Сушков, А. В. Руководители города Свердловска: первые секретари горкома ВКП(б)–КПСС (1932–1991), вторые секретари горкома ВКП(б) (1937–1950): историко-биографический справочник / А. В. Сушков. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007.

21. Сушков, А. В. Руководители Свердловской областной организации ВЛКСМ – ЛКСМ РСФСР. 1934–1992: Биографический справочник / А. В. Сушков. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2003.

22. Сушков, А. В. Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП(б)–КПСС и председатели облисполкома. 1934–1991: Биографический справочник / А. В. Сушков, С. Л. Разинков. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2003.

23. Сушков, А. В. «Я не враг народа». Документы о причинах самоубийства второго секретаря Свердловского обкома ВКП(б) К.Ф. Пшеницына. 1937 г. / А. В. Сушков, Е. И. Яркова // Исторический архив. 2008. № 3.

24. Хлевнюк, О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры / О. В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2010.

УДК94(47)(571.121)

ББК ТЗ(2)6

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

В.П. Тимошенко

Екатеринбург

**НОВЫЙ ЭТАП ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ
ЯМАЛА: ОТ СТРАТЕГИИ «ОСВОЕНИЯ»
К СТРАТЕГИИ «ОБЖИВАНИЯ»***

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стратегия развития, региональные интересы, модернизация, ресурсный потенциал, территориальное разделение труда

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются сложные процессы переориентации социально-экономической системы ямальского региона с практики «освоения» к практике «обживания». В настоящее время, объективно возросшее геостратегическое и экономическое значение Ямала в жизни страны, перспективное расширение ареалов добычи углеводородного сырья и развитие новых направлений эксплуатации минерального сырья, повышенное внимание к традиционному промышленному сектору существенно усложняют социально-экономическую структуру Ямала. Это обстоятельство предъявляет неизмеримо более высокие требования к управленческой практике (причём с учётом совершенно новых условий внешнеэкономической, коммуникационной и гуманитарной «открытости» округа).

* * Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных ориентированных исследований УрО РАН №12-6-9-003 «Арктика»

V.P. Timoshenko

Yekaterinburg

**A NEW LEVEL OF THE INDUSTRIAL MASTERY OF
YAMAL: FROM SRATEGY OF «MASTERY» TO
STRATEGY OF «RENDER HABITATION»**

KEYWORDS: strategy development, regional interests, modernization, resource potential, the territorial division of labor

ABSTRACT: The article deals with the complex processes of processes of social and economic reorientation of the Yamal region of the strategy of "development" to the strategy of "habitation". Now, objectively increasing geostrategic and economic importance for the country, Yamal, forward spread of cellular production of hydrocarbons and the development of new mineral resources exploitation, increased attention to the traditional fishing sector greatly complicate the social and economic structure of the Yamal. This fact makes far more demands on the management practices (and given a completely new conditions of foreign trade, communication and humanitarian "openness" of the district.)

Будущее северных регионов России – в комплексном развитии экономики, создании новых отраслей промышленности, внедрении новых технологий, создании перерабатывающих производств, развитии электроэнергетики, формировании нового горнорудного комплекса. В постсоветское время решение обозначенных вопросов в значительной степени было связано с изменением парадигмы развития региона в переходный период и в рыночных условиях. Попытки концептуализации регионального развития районов Севера предпринимались правительством РФ неоднократно [1]. Перспектива развития Ямала реально видится через призму двух конфликтующих сценариев: ресурсного и инновационного.

Последствия реализации первого сценария очевидны. Они позволяют поддерживать стабильность в стране, которая зависит от наличия сырьевых потоков для внутреннего и внешнего потребления. И в то же время, ведут к консервации тенденций развития советской эпохи. Хотя, в долговременном плане, перспектива реализации этого сценария под вопросом. Простое восстановление имевших место планов развития Севера в советскую эпоху нереалистично. Прежде всего, потому, что

мобилизационные машины, создававшиеся в разные годы в целях освоения этого огромного региона, и опиравшиеся либо на мотивацию свободы, либо на прямом принуждении, исчерпали свои возможности, а имеющихся финансовых ресурсов и экономической мотивации для программ «нового освоения» явно недостаточно.

Контуры второго сценария и институты, заинтересованные в его развитии, весьма проблематичны.

В политических кругах и научном сообществе сложилось понимание необходимости выработки новой Северной политики (стратегии) государства.

Согласно общепринятой методологии, стратегии развития должны основываться как на реальной оценке сложившейся ситуации, так и на предвидении возможных вариантов (сценариев) ее изменения. В имеющихся программных и аналитических материалах, посвященных перспективам развития Ямала содержится перечень «основных» угроз и вызовов, с которыми сегодня сталкивается регион: обострение экологических проблем, растущая антропогенная нагрузка в связи с «избыточностью» населения территории, повышение рисков и затрат при освоении природных ресурсов. И они действительно имеют место. Но данный перечень не является исчерпывающим, существуют другие, более острые диспропорции и противоречия, возникшие в новых условиях.

В настоящее время наблюдается ускоренный дрейф экономики региона в сторону закрепления ее сырьевой специализации. Это подкрепляется новыми гигантскими проектами в области горного дела, нефте- и газодобычи [2]. Причем, большинство из реализуемых проектов вовсе не рассчитано на то, чтобы добываемое сырье перерабатывалось на месте (за исключением случаев первичной переработки). Подтверждением тому является большие объемы экспорта сырья, а также направленность проектируемых транспортных путей: от сырьевых зон к портам и пограничным переходам для вывоза на экспорт. Экспортная ориентация сырьевого комплекса закрепляется появлением новых «субъектов освоения» природных ресурсов региона. Государство перестало справляться с дорогими

проектами освоения, и в качестве основных «стратегов» сегодня выступают лишь крупные горнодобывающие, сырьевые корпорации ("Газпром", "ЛУКОЙЛ", "Сибнефть", "СУАЛ", и др.), региональные и местные сообщества не имеют на них достаточного влияния. А федеральные структуры при взаимодействии с корпорациями в первую очередь заняты решением общегосударственных проблем.

Таким образом, в развитии Ямала налицо несколько групп новых противоречий:

1. между интересами региона и крупных собственников средств производства (последние в одних случаях не склонны размещать производства, в которых заинтересован регион) а в других — стремятся разместить производства или не желают демонтировать существующие, в которых регион не заинтересован);

2. между интересами государства (которое может выступать защитником региональных интересов, а может и иметь собственные) и крупных собственников средств производства;

3. между интересами государства, региональных и местных сообществ;

4. между интересами территорий, конкурирующих между собой и как товаропроизводители, и как объекты размещения государственных и частных инвестиций.

Названные противоречия демонстрируют явную тенденцию к обострению. Это вызвано рядом обстоятельств. Сегодня развернулась интенсивная реструктуризация добывающей промышленности, растет ее зависимость от колебаний мировых цен, ощущается нехватка оборотных средств. Добывающие предприятия в большей степени, чем прежде, оформляются как корпоративные структуры. Они перешли к тщательному обоснованию своей экономической стратегии в рамках правил рыночного поведения, являются эксклюзивными инвесторами развития северных регионов. Задачи региональных властей по обеспечению устойчивого социально-экономического развития северных территорий, решению проблем занятости и других социальных вопросов стали значительно расходиться с интересами и целями вертикально-интегрированных компаний

(воспроизведение в рыночных условиях ведомственной практики). В последние годы существовавшая структурная диспропорция большинства горнопромышленных регионов в ходе рыночных реформ не была сглажена, напротив, произошло дальнейшее утяжеление структуры промышленности в сочетании с усилением антропогенной нагрузки на экологическую систему [3, С. 42].

Если согласиться с предложенной интерпретацией сложившейся ситуации, то очевидно, что стратегическая цель развития Ямальского региона должна быть изменена. Позиционирование региона «как сырьевого и биосферного ресурса мирового значения» не соответствует, как представляется, долгосрочным государственным интересам и интересам регионального сообщества. Назрела необходимость преодоления явных диспропорций в региональном развитии:

технологической (разрыв технологических цепочек, переориентация сырьевого комплекса на обслуживание экспорта);

инфраструктурной (инфраструктуры, развернутые за Уралом в советское время, были рассчитаны совсем на иной тип хозяйствования и жизни, чем сейчас; сегодня они функционируют с недопустимыми нагрузками, что неизбежно приводит к выбытию мощностей, неэффективности и неэкономичности работы и пр.

поселенческой (изменился характер освоения Севера, изменились и поселенческие структуры этого освоения, многие из них сейчас переживают кризис);

административно-политической (появление крупных вертикально-интегрированных компаний, нерезидентов заметно осложняет управление социально-экономическими и административно-политическими процессами с уровня муниципалитета, субъекта федерации и даже страны);

проектно-освоенческой (отсутствуют программы комплексного развития Российского Севера, большинство проектов освоения представляет собой «перечень недоделок» советского периода).

Очевидно, что преодоление указанных диспропорций не может быть самоцелью. Это лишь предпосылка выхода на новый уровень стратегических решений. При выборе их наиболее приемлемых вариантов необходимо иметь в виду следующее. Не

стоит ожидать радикальных структурных преобразований экономики Ямала в течение короткого промежутка времени. Получившая распространение идея об отказе от освоения новых нефтегазовых и других месторождений и переориентация развития хозяйства на удовлетворение потребностей местного населения является несостоятельной. Ее реализация больно ударит по экономике всей страны. В то же время это приведет к сокращению объема ресурсов, расходуемых в регионе на социальные цели, спровоцирует снижение уровня жизни населения. Как интересам коренного и пришлого (новопоселенцам) населения, так и потребностям Российской Федерации отвечает сохранение в обозримой перспективе сложившейся специализации хозяйства Ямала, при его известной диверсификации и ужесточении мер по охране природной среды.

Такое видение перспективы предусматривает сохранение традиционной роли производственного потенциала региона в территориальном разделении труда, обеспечению устойчивого состояния хозяйственного комплекса в условиях меняющейся конъюнктуры. Но эта тенденция развития близка к грани исчерпания.

Следующий шаг (уже в рамках инновационного сценария развития), в долгосрочном плане, должен быть направлен на опережающее развитие новых технологий, обеспечивающих комплексную переработку сырья и экологическую чистоту района, проведение эффективной социальной политики (она должна разрабатываться и осуществляться на государственном, региональном, субрегиональном и локальном уровнях и иметь упреждающий характер). Пришло время исходить не только из текущих потребностей, но и учитывать интересы будущих поколений. В этой связи важным элементом стратегии развития становится система мероприятий по «превращению» невозобновляемых (минерально-сырьевых и топливно-энергетических) ресурсов в возобновляемые (финансовые, интеллектуальные, рекреационные).

Нефтегазовый сектор прямо и косвенно определяет масштабы и эффективность развития большинства других крупных отраслей – транспорт и связь, строительство, торговля и

материально-техническое снабжение. С учетом прямых и косвенных межотраслевых связей нефтегазовый сектор округа формирует 95 - 97% всего валового регионального продукта.

Сохранение масштабов и эффективности развития нефтегазового комплекса – основные условия поступательного социального развития и роста качества жизни населения ЯНАО. В региональных интересах кардинально сохранить благополучную траекторию роста уровня и качества жизни населения, доступности социальных услуг и сохранения традиционного образа жизни коренных народов Севера.

Долгосрочные цели регионального развития состоят в росте уровня и качества жизни населения до европейских стандартов путем развития социальной сферы городов и поселений на качественно новом уровне, позволяющем достичь высокого качества жизни населения, приоритетное использование социально-экономического потенциала городов и поселений ЯНАО для вахтово-экспедиционного режима обустройства и эксплуатации месторождений арктической и субарктической зоны. Повышение социальной ценности использования углеводородных ресурсов и создания условий устойчивого развития округа неразрывно связано с решением государственных задач энергетической безопасности России, развития Российской экономики. В соответствии с этими принципами Администрацией округа совместно с рядом научно-исследовательских институтов разработаны в 2008 г. «Основные положения стратегии социально-экономического развития ЯНАО».

Долгосрочная стратегия социально-экономического развития ЯНАО предусматривает реализацию крупнейшей по масштабам инвестиционной программы [4]. Программа уникальна по своей технической сложности, интенсивной разведке, подготовке и разработке перспективных запасов нефти и газа, освоением арктических акваторий. Достаточно сказать, что потребности в инвестициях вдвое превышают инвестиции программы создания ЗСНГК, реализованной в 70-е- 80-е годы.

Вовлечение запасов нефти и газа ЯНАО в хозяйственный оборот в сочетании с развитием перерабатывающих и, горнообогатительного комплексов, энергетики обеспечивает

устойчивость развития современной системы расселения при условии регулирования регионального рынка труда и контроля за соотношением использования предлагаемой местной рабочей силы и масштабами привлечения межрегиональной вахты. Объем межрегиональной вахты в размере 20-25% спроса на рабочую силу представляется оптимальным для формирования устойчивого развития округа, социального обживания его территории.

Районы традиционного природопользования коренных малочисленных народов севера (Шурышкарский, Приполярный, Красноселькупский, а также Ямальский и Тазовский районы) сохраняют свою сельскохозяйственную специализацию. Перспективы развития традиционного сельского и промыслового хозяйства связаны с восстановлением нарушенных промысловых и оленьих угодий, переносом маршрутов касланий из зон активного промышленно-транспортного освоения на Ямале и Гыдане, использованием оленьих угодий в лесной зоне и сдерживанием увеличения поголовья оленей в тундровой зоне, развитием сельского хозяйства пригородного типа в урбанизированных районах.

Наряду с сельскохозяйственной специализацией предусматривается развитие новых видов деятельности: услуг экологического и этнографического туризма по мере создания национальных парков и заповедников, экологического мониторинга, инновационных предприятий пищевой и рыбной промышленности и развития фармацевтических предприятий по производству лекарств из оленьего сырья, туристического бизнеса и рекреационных услуг. Центрами развития станут районные центры Мужы, Аксарка, Яр-Сале, Тазовский. Кроме того, в Тазовском районе центром активизации будут Находка, Газ-Сале, Тибей-Сале, а в Шурышкарском районе – Горки.

Национальные поселения – это не только фактории и центры социального обслуживания на новом технологическом укладе. Важная их функция – концентрация организационного, социального и этно-культурного потенциала северных общин. В целях повышения качества и уровня жизни, обеспечения поддержки политического, экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера в ЯНАО необходимо

создание сети специальных центров подготовки правового просвещения и образования, специалистов из коренных народов в области предпринимательской деятельности в рекреационных зонах, вовлечение молодого поколения в мониторинг экологической безопасности функционирования линейных трасс трубопроводов, нефтегазопромыслов и других промышленных объектов.

Выход российских компаний на прибрежные месторождения и шельф Обской Губы уже состоялся, ведутся научно-поисковые и разведочные работы по подготовке к освоению нефтегазовых ресурсов Гыданского полуострова (НК «Лукойл», НК «Роснефть» и др.). С 2008 г. начата реализация Программы комплексного освоения углеводородных ресурсов на полуострове Ямал и прибрежных акваторий ОАО «Газпром».

Освоение ресурсного потенциала Ямала при соблюдении международных экологических стандартов обуславливают необходимость перехода на принципиально новый технологический уклад социального и инфраструктурного обустройства территорий. Важнейшей составляющей нового технологического уклада являются ноосферные транспортные системы, разработанные с учетом требований Арктической экосистемы. Переход на новый технологический уклад сопровождается высокими инновационными и организационно-экономическими рисками.

В долгосрочной стратегии определены следующие приоритетные направления развития.

- Развитие газовой промышленности ЯНАО, как ключевого газодобывающего комплекса в Энергетической стратегии России, стабилизация добычи нефти за счет освоения нефтяных и газонефтяных месторождений субарктической зоны Надымского, Тазовского и Красноселькупского районов.

- Экономически оправданная диверсификация экономики округа и последовательное развитие нефтегазопереработки и нефтегазохимии на территории округа. Развитие собственной электроэнергетики в автономном округе строительство ряда ГРЭС в городах Новый Уренгой, Тарко-Сале, Надым, Ноябрьск и Муравленко, обеспечивающей потребности

округа в электроэнергетики и в дальнейшем – Урала. Освоение минеральных запасов хромитовых руд Полярного и Приполярного Урала .

- Преодоление инфраструктурных ограничений, формирование прогрессивной транспортной инфраструктуры и коммуникаций в автономном округе, развитие морского вывоза жидких углеводородов, в т.ч. и сжиженного природного газа Ямала для покрытия потребностей российских северных регионов и выхода на новые мировые энергетические рынки.

- Существенное повышение инновационной компоненты в техническом переоснащении и реконструкции всего производственного аппарата ЯНАО, особенно его инфраструктуры, обеспечивающие резкое сокращение трудоемкости производства и снижение экологических нагрузок промышленного и транспортного освоения.

- Формирование устойчивой экономической базы развития современной системы поселений, активное использование их производственного и трудового потенциала в перспективном освоении ресурсного потенциала.

- Сохранение традиционного образа жизни коренных народов Севера и последовательной интеграции этнокультурных сообществ КМНС в современную российскую и мировую культурную среду, обеспечение гражданам России из числа КМНС всего набора социальных услуг, гарантированных конституцией РФ.

- Соблюдение экологического баланса на территории автономного округа на основе экологических и социальных стандартов, адаптированных к международным критериям неистощительного природопользования.

Таким образом, в перспективе функциональная структура Ямало-Ненецкого автономного округа изменится. Назревает парадигмальный сдвиг в определении целей и перспектив развития Ямала. Он нуждается в тщательной научной проработке и исторической экспертизе. В программах освоения Полярного Урала наметились значительные перекосы, на передний план вышел промышленный и политический аспект, оттеснив проблемы, связанные с социальной составляющей, экологией и

природопользованием. В результате исключен комплексный подход в подготовке конкретных проектов. Необходима очень тщательная экспертиза ресурсного потенциала территорий, подлежащих освоению, и возможных рисков для социума и окружающей среды. В современных условиях исторический опыт по разработке и реализации стратегий для регионов Севера способен обрести вторую жизнь, по крайней мере, в части доставления исчерпывающего материала для лучшего понимания достоинств и издержек принимаемых системных решений.

Источники:

1. Концепция и основные направления Российской программы развития районов Севера на 15-20 лет. М., 1992; Концепция устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации. М., 2004; Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации. М. 2004.

2. Программа комплексного освоения месторождений полуострова Ямал и прилегающих акваторий. Москва – Салехард, 2007; «Урал промышленный – Урал полярный» //Российская газета. Приложение «Регионы РФ» (Уральский федеральный округ). 2007. 23 октября; Тезисы докладов участников выездного заседания Президиума УрО РАН в г. Салехард. Салехард, 2006.

Литература:

3. Воздвиженский С.Б. Экономические потери от нерешенных экологических проблем Обь-Иртышского бассейна // Обь-Иртышский бассейн – национальное достояние России. Салехард, 2006. С.42-43.

4. Конторович А.Э., Суслов В.И., Брехунцов А.М., Левинзон И.Л., Коржубаев А.Г., Харитонов В.Н., Чурашев В.Н. Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа // Регион: экономика и социология. 2003. №3. С. 3-38

УДК 94(47)084.9

ББК Т.(2)633-2

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

А.Н. Трифонов

Екатеринбург

МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

РАБОТНИКОВ КАЧКАНАРСКОГО ГОКа (1963-1972)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: материально-бытовое положение, горно-обогатительный комбинат, жилищный фонд, благоустройство жилищного фонда, заработная плата, отдел рабочего снабжения, подсобное хозяйство.

АННОТАЦИЯ: В статье рассмотрены вопросы материального благосостояния рабочих качканарского горно-обогатительного комбината. Основное внимание уделено жилищному строительству, заработной плате, торговому обслуживанию.

A.N.Trifonov

Yekaterinburg

**MATERIAL AND LIVING CONDITIONS
WORKERS KACHKANAR (1963-1972)**

KEY WORDS: Material and social status, Mining, housing, improvement of housing stock, salary, department working supply, subsistence farming

ABSTRACT: The article considers questions of material well-being of workers of Kachkanarsky Mining-and-processing enterprise. Main attention is paid to questions of housing, wages and trade service.

Одной из самых главных проблем в обеспечении материально-бытовых условий работников Качканарского Горно-обогатительного комбината (ГОК) была жилищная. В связи с быстрым ростом численности коллектива она значительно обострилась. Работники отдела кадров с тревогой отмечали, что текучесть кадров во многом была обусловлена нехваткой жилья. От решения жилищного вопроса зависела работа предприятия, выполнение государственных планов. Поэтому строительству жилья на комбинате уделялось повышенное внимание. ГОК стал главным застройщиком домов в Качканаре. В 1964 г. комбинат ввел в строй 8761 кв.м жилой площади. Однако план был выполнен лишь на 87%. В 1965 г. плановое задание – 7090 кв.м жилья было выполнено, построили два пятиэтажных 80-квартирных дома в 7-м микрорайоне, один четырехэтажный, несколько одноэтажных домов. Продолжалось жилищное строительство и в поселке Валериановском [2, Л. 117].

Примерно в таких же объемах (7100-7500 кв.м) вводилось жилье в 1967-1968 гг. Поселок давно уже приобрел черты города.

Численность населения превышала 30 тыс. человек. В результате изменение статуса населенного пункта стало жизненно необходимым.

9 октября 1968 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР рабочий поселок Качканар преобразовывался в город областного подчинения. Это было радостное событие в жизни качканарцев. Радовал не столько новый статус – «горожане», сколько устранение многих бытовых неудобств, напрямую с ним связанных. Теперь не надо было ездить по каждому житейскому поводу в Нижнюю Туру.

Изменение правового положения Качканара требовало определенных изменений и в структуре его органов власти. 31 октября 1968 г. состоялась первая городская партийная конференция. В работе конференции приняли участие второй секретарь обкома КПСС Я.П. Рябов, заведующий отделом обкома Б.Н. Ельцин и другие ответственные работники. Первым секретарем был избран Дмитрий Иванович Гикалов, который прошел на ГОКе трудовой путь от рядового инженера до начальника цеха, вторым – Георгий Степанович Овсянников, фронтовик, опытный партийный и хозяйственный работник, третьим – Федор Тимофеевич Селянин.

Произошли выборы и в городской комитет ВЛКСМ. 1968 г. стал особым годом для Качканарского комсомола – комсомольская организация Качканара была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Немногие городские организации ВЛКСМ в стране имели на своем знамени такую награду. Первым секретарем ГК ВЛКСМ был избран В.В. Гаркачев.

1 ноября 1968 г. состоялась первая сессия городского совета, избравшая председателем исполкома Клавдию Павловну Сухенко, ее заместителем стал Николай Иванович Иванов. Чтобы рабочий поселок в тайге соответствовал статусу города предстояло много сделать. Об этом говорили директор комбината Е.А. Кандель и управляющий трестом «Качканаррудстрой» Е.А. Козлов. Оба подчеркивали важность красивой застройки нового города, необходимость ускорить строительство новых домов.

Однако, несмотря на значительные масштабы жилищного строительства, проблема обеспечения жильем на ГОКе по-

прежнему стояла остро. В годовом отчете комбината за 1969 г. отмечалось: «Неукомплектованность штата отрицательно отразилась на работе цехов и послужила причиной аварийности оборудования. Набор рабочих из других районов и городов также ограничен из-за отсутствия возможности в обеспечении приезжающих жильем и местами в общежитии» [2. Л.118].

Неоднократные просьбы руководства комбината в вышестоящие органы наконец-то были удовлетворены. Министерство черной металлургии значительно увеличило ассигнования на жилищное строительство. В 1970-1972 гг. ежегодно строилось примерно по 17 тыс. кв. м жилья, что в два с лишним раза было больше, чем в первые годы работы комбината (табл.1).

Таблица 1

Жилой фонд Качканарского горно-обогатительного комбината в 1965-1972 гг.*

Жилой фонд	1965	1966	1967	1970	1972
Жилая площадь всех квартир, кв.м	121990	127136	137819	175389	210050
Число проживающих в квартирах	17963	18598	19875	23247	25536
Жилая площадь общежитий, кв.м	2880	3135	3483	3666	4539
Число проживающих в них	498	556	628	718	897
Построено за год, кв.м	7141	7326	7566	16299	17716

В 1972 г. ГОК построил четыре пятиэтажных 129-квартирных дома в 8-м микрорайоне, общежитие на 360 мест, комбинат бытового обслуживания.

Увеличение масштабов жилищного строительства сопровождалось улучшением качества вводимого жилья, его благоустройством. Если в 1965 г. 89,9% жилой площади были обеспечены водопроводом и канализацией, центральным отоплением – 98%, то в 1972 г. соответственно – 95,1% и 99,2%.

** Составлено по [3. С. 66].

Значительно улучшилось снабжение квартир горячей водой (табл. 2).

Таблица 2

**Благоустройство жилого фонда Качканарского горно-
обогачительного комбината в 1965-1972 гг.***

Жилая площадь оборудована:	1965	1966	1967	1970	1972
водопроводом	109672	117133	126912	164355	200246
канализацией	109672	117133	129612	164355	199697
центральным отоплением	119518	126979	134483	173202	298881
горячим водоснабжением	10805	26926	40920	83005	118106

В ведении жилищно-коммунального отдела комбината находились также три бани, прачечная, гостиница. Численность работников ЖКО составляла на 1 января 1973 г. 531 человек.

Для закрепления кадров, создания благоприятных условий для работы, учебы и отдыха тружеников комбината огромное значение имело обеспечение детскими учреждениями. Эта проблема существовала во всей стране, однако здесь она обострялась тем, что Качканар был городом молодым. По уровню рождаемости Качканар вошел в группу лидеров не только на Урале, но и в РСФСР. Только в 1965 г. в Качканаре было зарегистрировано 300 браков, родилось 680 детей. Отсутствие бабушек и дедушек еще больше усугубляло эту проблему для молодых родителей. По этой причине очень многие не работали. Как-то данную проблему пытались смягчить и несколько необычным путем. В трехкомнатной квартире, при поддержке директора Е.А. Канделя и профкома комбината организовали детский садик на общественных началах. «Четыре замечательных женщины – Надежда Рубцова, Тамара Барбарина, Александра Румянцева, Любовь Цепкова решили лишить себя покоя ради чужих детей. Он закрылся, когда был построен очередной детский сад» [6, С. 458].

* * Составлено по [3. С. 66].

Почти каждый год вводилось в строй детское учреждение. Так, в 1964 г. открыли детский комбинат на 140 мест. В 1965 г. в городе было 24 детских сада и яслей, 11 из них принадлежали ГОКу. В 1972 г. их число достигло 16, их посещали более 2 тыс. детей.

Улучшение жилищных условий трудящихся ГОКа, решение проблемы устройства детей в детские учреждения дополнялось неплохой заработной платой. Ко времени пуска комбината миф о больших шальных деньгах в основном развеялся, любители «длинного рубля» покинули стройку. Тем не менее заработная плата была высокой, но ее надо было действительно заработать. Кроме того, нужно было добросовестно трудиться, необходимо было постоянно «расти»: осваивать новые профессии, повышать квалификацию, учиться. В течение первого десятилетия работы комбината зарплата его работников все время возрастала (табл.3).

Таблица 3

Среднемесячная заработная плата работников Качканарского горно-обогатительного комбината в 1963-1972 гг., руб.*

Зарботная плата	1963	1964	1966	1967	1969	1970	1971	1972
По ГОКу	107	118	143,5	149,0	170,6	191,0	195,2	202,7
ППП	116	131	159,8	162,6	181,2	204,9	211,0	218,9
Рабочих	113	125	137	158,4	167,8	198,0	205,4	211,6
ИТР	165	204	252	226,2	232,7	286,7	281,0	306,6

Существенный рост заработной платы произошел после начала экономической реформы (1965) в результате внедрения хозрасчета и экономических стимулов. Особенно это стало ощущаться к началу 1970-х гг. Зарплата достигла по комбинату 202,7 руб., что в 1,7 раза больше, чем в «дореформенном» 1964 г. Еще выше была зарплата рабочих ведущих профессий (1972 г.): машинисты дробилок получали 206 руб., машинисты станков шарошечного бурения – 259, агломератчики - 261, машинисты экскаваторов – 269, водители БелАЗов – 290, машинисты локомотивов – 308 рублей. Заработок ИТР превысил

** Составлено по: [3, С. 67].

трехсотрублевый рубеж и приблизился к денежному обеспечению доцента (кандидата наук) высшего учебного заведения. В Свердловской области установилось твердое мнение о «зажиточности» качканарцев. Это мнение подтверждают данные официальной статистики. Свердловчане, занятые в народном хозяйстве, получали в 1965 г. 101,3 руб., в 1970 – 127,3 руб., в промышленности соответственно – 111,5 и 140,5 руб. Среднемесячный заработок рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР составлял в 1963 г. – 88,2 руб., в 1965 – 96,5 руб., в 1970 – 122,0 руб., 1972 – 129,8 руб. [4, С.350].

Заработать приличные деньги – это было одно дело, другое – как их потратить. Во второй половине 1960-х – начале 70-х гг. материальное благосостояние советских людей имело четкую тенденцию к улучшению. Поэтому качканарцы имели возможность покупать мебель, телерадиотовары, бытовую технику, одежду. Лучше, чем в предыдущие и последующие годы, было продовольственное обеспечение.

Обеспечение жителей города, в том числе трудящихся ГОКа, во многом зависело от работы торговых организаций. В самые первые годы строительства ГОКа торговое обслуживание осуществляло отделение Исовского золотопродажа, в 1959 г. эти функции перешли отделу рабочего снабжения (ОРС) «Качканаррудстроя». В 1963 г. ОРС был реорганизован в ОРС Качканарского ГОКа.

ОРС не был структурным подразделением ГОКа, он подчинялся Главному управлению рабочего снабжения (ГлавУРС) Министерства черной металлургии. Из центра шло централизованное снабжение качканарцев, которое не всегда было достаточным. Особенно это касалось продуктов питания.

В условиях напряженного продовольственного положения в стране предприятия создавали собственные сельскохозяйственные подсобные хозяйства. Заводам для подсобных хозяйства передавались совхозы.

В октябре 1964 г. Качканарский ГОК получил подсобное хозяйство мясо-молочного направления, которое находилось примерно в 50 км от города. В хозяйстве

имелось 644 га зерновых, около 1000 га различных трав, 40 га картофеля, 15 га овощей, 400 голов крупного рогатого скота, 61 курица, 4609 цыплят, 28 семей пчел [1, Л. 65].

Таким образом, у горно-обогатительного комбината появился «сельскохозяйственный цех», который, конечно, стал доставлять руководству предприятия немалые хлопоты. Совхоз принес с собой на баланс предприятия убытки в сумме 135 тыс. рублей. За первые восемь лет постепенно в подсобном хозяйстве возросли посевные площади под травы, улучшилась структура посевов, увеличились площади под картофель (70 га), заново было создано тепличное и парниковое хозяйство. Но особенно существенные сдвиги произошли в животноводстве. Численность крупного рогатого скота составила 502 головы, начали выращивать свиней (116 голов), число кур возросло в десятки раз и составило 3354. Продолжали осваивать, несмотря на все невзгоды, пчеловодство, организовали вылов рыбы.

Себестоимость сельскохозяйственной продукции была высокой, хозяйство считалось планово-убыточным. Но справедливости ради следует сказать, что такая ситуация была характерной для всего сельского хозяйства Свердловской области и Урала. Количество произведенной сельскохозяйственной продукции, которую получал комбинат, во многом зависело от погодных условий, особенно это касалось растениеводства. В 1972 г. было произведено по растениеводству: 3006 ц картофеля, 297 ц овощей, 104,5 ц капусты; по животноводству: 9137 ц молока, более 500 ц мяса, 211 тыс. штук яиц. Кроме того, получили 818 ц меда, 8 ц рыбы [3, Л. 355].

Эта продукция шла по удовлетворение потребностей тружеников ГОКа, являлась существенной добавкой к централизованным фондам, что было особенно важным, если учесть, что ситуация в стране с продовольственным обеспечением населения была довольно напряженной и имела тенденцию к ухудшению.

Таким образом, материально-бытовое положение работников Качканарского ГОКа в указанный период было на достаточно высоком уровне. Показатели в этом направлении превышали среднесоюзные и среднеобластные. Это во многом

объяснялось вниманием центральных органов власти к только что появившемуся предприятию, которое выпускало крайне необходимую продукцию для страны.

Источники:

- 1 ГАСО. Ф.2633. Оп.1. Д. 32.
2. ГАСО. Ф. 2633. Оп. 1. Д. 43.
- 3 ГАСО. Ф.2633. Оп.1. Д. 161.

Литература:

4. Народное хозяйство СССР 1922-1972. М., 1972.
5. Н.В. Мельникова, А.Н. Трифонов. Качканарский горно-обогатительный комбинат «Ванадий». Рубежи созидания. Екатеринбург – Качканар. 2003.
4. С.К. Ульянова. Первая газета «На стройке Качканара» // Качканар. Екатеринбург, 1999.

УДК 908+930.85

ББК Т.3(2)632

ГСНТИ 03.23.07

Код ВАК 07.00.09

Ю.В. Феоктистова

Ноябрьск

**ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ КООПЕРАЦИИ
НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПЕРВЫХ
ДЕСЯТИЛЕТИЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В
ЛИТЕРАТУРЕ 1950-1960-Х ГГ.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ленинский кооперативный план, интегральная кооперация, Интегралсоюз, артель, колхоз

АННОТАЦИЯ: Представлен историографический анализ литературы, посвященной рассмотрению проблемы становления и деятельности кооперации на Севере Западной Сибири; выявлена эволюция теоретических представлений об истории развития кооперативного движения и степени изученности истории советской кооперации 1920-х - начало 1930-х годов на Обском Севере.

Y.V. Feoktistova

Noyabrsk

THE EVENTS REFLECT BACK MUCH LIGHT UPON

THE PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF COOPERATION IN THE NORTH WEST SIBERIA SINCE THE FIRST DECADES OF THE SOVIET REGIME IN LITERATURE OF THE 1950S – 1960S.

KEYWORDS: Lenin's cooperative plan; the integral cooperation; Integral the Union, artel (craft's association), collective farm.

ABSTRACT: In article the historiographic analysis of the literature, dedicated to the consideration of the problem of formation and activity of cooperation in the North of the Western Siberia, is presented; evolution of theoretical concepts about the history of progress of cooperative movement and the degree of level of scrutiny of the history of the Soviet cooperation of the 1920s the beginning of the 1930s in the Obsk North.

Деятельность и роль кооперации в системе хозяйства Обского Севера рассматривалась в трудах экономистов, партийных работников, историков, краеведов в разные периоды истории края. Труды советских историков, опубликованные в 50-х – 60-х гг. XX века также затрагивали вопросы, связанные с историей становления и развития кооперации на Севере Западной Сибири. Чаще всего авторы рассматривали такие проблем, как политика и практика Коммунистической партии и Советского государства в осуществлении ленинского кооперативного плана, основные ее направления, этапы и результаты кооперативного строительства. Историки в основном анализировали деятельность интегральной кооперации, практически не уделяя внимания другим формам кооперативов на Севере. Исследования данного периода нередко преувеличивали в своих оценках успехи и достижения кооперативного строительства в регионе.

Среди работ этого периода можно отметить работу М.Е. Бударина «Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири», где историк комплексно осветил изменения в жизни народов Крайнего Севера после Октябрьской революции. Работа написана на основе архивных материалов, тем самым сохраняет свое научное значение и сегодня. В главе «Хозяйственное и культурное строительство» автором затронута проблема кооперации. Михаил Ефимович считал, что на этапе развития малых народов Северо-Западной Сибири в 1920-е годы торгово-

кооперативная политика была важнейшим средством перестройки их хозяйства и быта [2. С. 132]. Будучи сторонником прогрессивной роли кооперативов в жизни коренных народов, исследователь подчеркивал, что с появлением кооперации повысилась доходность хантыйских, мансийских и ненецких хозяйств, т. к. кооперация стала принимать рыбу, сало, орехи, ягоды. Тогда как в старое время торговцы скупали у жителей тайги и тундры лишь ценную пушнину [2. С. 132]. На Обском Севере, пишет автор, применялись все формы кооперации, от низшей – снабженческо-сбытовой, до высшей – производственно-колхозной [2. С. 133].

Особенно высоко оценивал М. Е. Бударин деятельность интегральной кооперации. Он писал, что «в условиях Крайнего Севера особенно успешной оказалась деятельность интегральной кооперации, то есть кооперации смешанного типа, которая всесторонне охватывала производственную деятельность и быт коренного населения, вела торговые, кредитные и производственные операции» [3. С. 132]. В своей работе автор привел сведения о кооперировании среди малых народов Севера в 1932 году: 91% у манси, 90% у хантов [2. С. 133].

Анализируя деятельность кооперации, М.Е. Бударин пришел к следующим выводам: «организационная деятельность кооперации была успешной потому, что ханты, манси и ненцы издавна вели многие промыслы коллективно. Кооперация была одним из краеугольных камней в строительстве социализма на Обском Севере. Она удовлетворяла самые острые вопросы экономики, быта. Все это поднимало авторитет кооперации в глазах местного населения» [3. С. 133].

М.А. Сергеев, как и М.Е. Бударин, отмечал важнейшую роль кооперации как проводника экономической политики в 1920-1930-е гг., которая, по его словам, быстро завоевала популярность среди населения [5. С. 60]. По мнению М.А. Сергеева, кооперативы оказывали разнообразную помощь местному населению: снабжали необходимыми товарами, покупали местное сырье, ремонтировали инвентарь [5. С. 60]. Как указывал автор, с помощью кооперации создавались и женские производственные объединения для пошива одежды и обуви, выделки берестяных и других изделий на продажу [5. С. 60]. М. А. Сергеев, как и М. Е. Бударин, пришел к

выводу, что это способствовало организации в системе кооперации, объединений, которые стали ячейками будущих колхозов [5. С. 60-61].

Михаил Алексеевич убежден, что кооперация была в то время наиболее доступной пониманию населения формой организации, непосредственно его касавшейся, и притом в важнейшей для него области жизни. Как утверждает исследователь, пользу от кооперации люди видели решительно во всем: в кредитовании (особенно бедноты) на покупку оленей и продуктов питания, в удешевлении привозных товаров, в хорошей оплате за местное сырьё, в предоставлении объединениям более совершенных, недоступных раньше, орудий промысла завоевали к кооперации доверие и авторитет. Этим, как пишет М.А. Сергеев, объясняется быстрый рост кооперированности населения [5. С. 61].

Изучали различные аспекты истории Северо-Западной Сибири в 1960-е годы Г. А. Мазуренко, В. А. Зибарев, В. Ф. Ретунский и другие исследователи.

Г.А. Мазуренко, поднимая вопросы, связанные с развитием кооперации на Обском Севере в советские годы, в отличие от работ предшественников, впервые ввел определение понятия «интегральная кооперация»: интегральная кооперация – это такой вид кооперации, в котором объединяются производство, снабжение и сбыт, то есть смешанная или комбинированная кооперация [4. С. 28]. Историк приводит статистические данные, касающиеся развития кооперации на Севере. Автор сообщает, что «первые годы Советской власти на Обском Севере основной кооперативной организацией был Северсоюз, учрежденный в 1917 году. В 1925 году в его состав на правах членов входило 63 общества потребителей и 8 кустарно-промысловых артелей. Кооперацией было охвачено около 10,5% общего количества коренного населения. В 1925-1926 хоз. году начала свою деятельность на Севере охотничье-промысловая кооперация. Она объединяла шестнадцать артелей. К концу 1926 года на Обском Севере потребительской кооперацией было охвачено 38,4%, а общая кооперированность коренного населения составляла 44%» [4. С. 27-28]

Ссылаясь на архивные документы, историк описал переход к интегральной кооперации. В декабре 1926 года специально созданная комиссия при Уральском комитете Севера признала наиболее целесообразным интегральный кооператив в качестве основной формы кооперирования коренного населения Севера. По мнению автора, экономической основой развития интегральной кооперации становились те промыслы, которыми было занято коренное население, то есть оленеводство, рыбный и пушной промыслы. Таким образом, «интегральный кооператив создавался путем объединения существовавших тогда на Севере потребительской и охотничьей коопераций» [4. С.28-29].

Исследователь придерживался мнения, что жизнеспособность интегральной кооперации в условиях Советского Севера подтвердилась уже в первые годы существования Тобольского Интегралсоюза ростом кооперативной сети, а также усилением ее роли в снабжении населения и заготовках [4. С. 29]. В качестве доказательства он приводит статистические данные: в 1926-1927 году насчитывалось 50 кооперативных единиц, то в 1928-1929 году их стало 67, а в 1929-1930 году - уже 74. В 1927-1928 году доля интегральной кооперации в снабжении составляла 43%, а в 1928-1929 году – 49%, в 1929-1930 году – уже 58%» [4. С. 29].

Также Г.А. Мазуренко обращает внимание и на то, что интегральная кооперация с самого начала своего существования развернула большую работу по дальнейшему восстановлению северного хозяйства и, прежде всего, рыбного промысла. В области сельскохозяйственного производства интегральная кооперация расширила снабжение населения семенами, сельскохозяйственными машинами и более полно удовлетворяла нужды коренного населения в рабочем и молочном скоте [4. С. 29].

В отличие от работ историков 50-60-х годов XX века, Г.А. Мазуренко приводит данные по вовлеченности каждого этноса, проживавшего на территории Обского Севера в процесс интегральной кооперации. К концу 1929 года на Обском Севере интегральной кооперацией было охвачено свыше 10 тыс. человек, в том числе ханты – 2840 чел., манси- 311 чел., ненцев – 654 чел. [4. С. 29].

Оценивая создание интегральной кооперации позитивно, Г.А. Мазуренко подчеркнул, что: «реорганизация кооперации была крупным шагом в деле укрепления финансовой базы северного хозяйства. Интегральная кооперация на первом этапе преобразований на Советском севере сыграла большую роль в деле создания новых социалистических форм хозяйства. Она явилась важным средством вовлечения в дело проведения реконструкции хозяйства и подготовки условий для коллективизации»[4. С. 30].

В 1963 году был опубликован коллективный труд «Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933-1940 гг.». Одним из авторов - С.Н. Лапиной - указывалось, что в «рамках подготовки условий для проведения социалистических преобразований в национальных окраинах имело развитие кооперирования крестьянских хозяйств на основе ленинского кооперативного плана» [1. С. 421-422]. Она подчеркнула, что процесс кооперирования проходил по-разному: в кочевых и полукочевых районах Крайнего Севера, где трудно было начать объединение населения даже с потребительской кооперации [1. С. 421-422]. С позиций С.Н. Лапиной положительную роль в приобщении населения к кооперации сыграли государственные торговые пункты – фактории, которые создавались также по линии кооперации. Автором дана оценка деятельности факторий, а так же перечислены их функции: кредитование, закупка продукции и снабжение населения предметами личного потребления и мелким хозяйственным инвентарем, орудиями рыбного и охотничьего промысла [1. С. 421-422]. В последствии, фактории, исчерпав свои функции, были преобразованы в потребительские союзы [1. С. 421-422].

Развитие кооперации на Крайнем Севере характеризовалось специфическими особенностями. Ссылаясь на решение III пленума Комитета Севера при Президиуме ВЦИК (1926 г.), в котором указывалось, что «наиболее экономной и жизненной в условиях Севера» является интегральная кооперация с промысловым уклоном. С.Н. Лапина уточнила в своей работе, что интегральная, т.е. смешанная, охватывающая все отрасли хозяйства, кооперация соединяла функции потребительско-снабженческой и производственной кооперации, оказывала большую помощь

беднейшей части северного туземного населения [1. С. 423]. Она так же приводит данные по охвату процессами кооперирования, которые к 1930-1931 гг. достигли в среднем 30% взрослого населения [1. С. 423].

С.Н. Лапина пришла к выводам, что интегральная кооперация явилась наиболее доступной северным народам формой подготовки их к социалистическому строительству. Автор подчеркнула, что «соединение торговых, заготовительных, кредитных и производственных функций - все это быстро завоевало доверие к интегральной кооперации, а проводимая Советским государством в направлении развития кооперации последовательная политика, позволила приступить к ликвидации патриархально-феодалных отношений [1. С. 423].

В трудах советских историков 1950-1960-х гг. явно прослеживается заданный вектор оценивания деятельности кооперации на Севере, который сводился к положительной роли в жизни населения, особенно туземного, замалчивались проблемы кооперации, особенно такие, как отсутствие собственных средств и ее зависимость от государственных организаций, конкуренции с ними. Советские историки были единодушны в том, что кооперация способствовала приобщению населения Севера к коллективному хозяйству.

Источники:

1. Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933-1940 гг. / Под ред. И.А. Гладкова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

Литература:

2. Бударин М.Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск: Омское Областное государственное изд-во, 1952.

3. Бударин М.Е. Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за вовлечение малых народностей Северо-Западной Сибири в построении социализма (По материалам Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского национального округа): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1957.

4. Мазуренко Г.А. Торжество национальной политики Коммунистической партии на Обском Севере. – Тюмень: Тюменское книжное изд-во, 1961.

5. Сергеев М.А. Народы Обского Севера. – Новосибирск: Книжное изд-во, 1953.

УДК 908+631.1.016

ББК Т.3(2)622-9

ГСНТИ 03.23.07

Код ВАК 07.00.09

Харитонов О. С.

Екатеринбург

**СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ
УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историография, уральская деревня, Великая Отечественная война

АННОТАЦИЯ: В статье предпринята первая попытка анализа исторических исследований уральской деревни в период Великой Отечественной войны, вышедших в последнее 20-летие. Показаны достижения и нерешенные вопросы уральской историографии проблемы.

Kharitonov O.S.

Yekaterinburg

**MODERN HISTORIOGRAPHY STORIES URAL
VILLAGE DURING THE GREAT
WORLD WAR II**

KEYWORDS: historiography, Ural village, the Great Patriotic War

ABSTRACT: The article made the first attempt to analyze the use of research-toric Ural village in the Great Patriotic War, published in the last 20 years. Showing achievements and outstanding issues Ural historiography of the problem.

Истории советской деревни периода Великой Отечественной войны посвящена значительная по объему и научным достижениям историческая литература. В первую очередь необходимо отметить обобщающие публикации по истории советской деревни и крестьянства, включающие исследования по СССР, РСФСР и союзным республикам и посвященные роли крестьянства в победе над фашизмом. Они обстоятельно

проанализированы в монографиях А.Т. Анискова [1], Е.Л. Храмовой [23], А.И. Чинчикова [24]. Верно, на наш взгляд, охарактеризовал советский период историографии проблемы Г.Е. Корнилов – историки исходили «из громадных преимуществ колхозно-совхозного строя, сложившегося в стране в 30-е гг., патриотизма советского крестьянства, его прочного союза с рабочим классом, решающей роли Коммунистической партии и мобилизации сил и средств сельского хозяйства во имя победы, преемственности аграрной политики предвоенных и военных лет» [4. С. 135]. Строй был проэкзаменован на прочность и главным итогом производственной деятельности тружеников сельского хозяйства военных лет было обеспечение основных потребностей страны в продовольствии и сырье. Историк отмечает, что противоречия и трудности жизни селян в годы войны сглаживались. Поскольку советская историография подразумевала, что заложенные сталинизмом отношения незыблемы, то незыблемы и колхозный строй, и общественные порядки на селе [5. С. 64].

На постсоветском этапе историографии проблемы, начавшемся на рубеже 1990-х годов, произошла переоценка достижений предыдущего этапа, деидеологизация и деполитизация исторических исследований. Историки получили доступ к ранее закрытым архивным фондам. Все это позволило расширить тематику исследований, публиковать документальные сборники. Одновременно развернулись поиски новых методологических подходов к изучению истории крестьянства и аграрного развития России.

Особенностью нового этапа историографии стало пристальное изучение аграрной истории различных регионов страны. Одним из регионов, где исследования получили мощный толчок и оказались наиболее значимыми, стал Урал. Здесь периодически проходят научные конференции по аграрной истории, по истории Великой Отечественной войны, выходят монографии, сборники статей, защищаются диссертации. Это свидетельствует, что в регионе сложилось направление по исследованию роли Урала периода Великой Отечественной войны.

Среди научных публикаций выделяются исследования историка Г.Е. Корнилова, отличающиеся фундаментальностью, глубоким знанием документальных источников, новыми подходами в интерпретации. Его монография «Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.)» была положена в основу научного доклада на защите докторской диссертации в 1993 г. [12]. До сегодняшнего дня поражает огромный массив исторических документов, выявленный автором в сотнях фондов 19 федеральных и региональных архивах. Географически исследование охватывает пять областей и автономные республики Урала. Кропотливое и настойчивое увлечение поиском исторических документов станет постоянным для историка. В монографии преобладающая часть документов впервые введена в научный оборот. Наряду с комплексами документов о производственной деятельности (годовые отчеты колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций, сельскохозяйственных предприятий учреждений и организаций), историк впервые анализирует демографическую статистику (особенно выделим данные единовременного учета населения сельскими советами), материалы бюджетных обследований семей колхозников, содержащие уникальные сведения о материальном состоянии, источниках доходов и статьях расходов крестьянских дворов. Особый научный интерес представляют устные источники. Автору удалось объездить десятки районов Оренбургской, Свердловской и Челябинской областей, встретиться с ветеранами и участниками событий, записать их воспоминания и вставить в контекст рассуждений с целью верификации письменных источников. Изучение закрытой исторической информации в условиях перестройки, формирования новой российской государственности позволили Г.Е. Корнилову не только вводить новые сюжеты исследования, но и сделать выводы без оглядки на идеологию.

Огромная источниковая база позволила автору реконструировать экономические, социально-демографические, общественно-политические и культурные процессы в уральской деревне в условиях войны. Анализируя экономическое состояние уральского села, Г.Е. Корнилов пришел к выводу, что война

сопровождалась активным применением в сельском хозяйстве страны, равно как и в других отраслях народного хозяйства, методов жесткой государственной регламентации и регулирования. И если производственные отношения оставались в неизменном виде, то в производительных силах за годы войны произошли существенные изменения. Резкое падение технического оснащения сельскохозяйственного производства, уменьшение трудовых ресурсов деревни, нехватка квалифицированных кадров привели к сокращению и изменению структуры посевных площадей. По данным Г.Е. Корнилова, посевные площади на Урале упали за годы войны до уровня 1928 г., посевы зернобобовых, технических культур оказались меньше 1913 г. В то же время почти наполовину выросли площади под овощами и картофелем, что позволило сельскому населению избежать массового голода. Его расчеты показывают, что урожайность зерновых сократилась в 3 – 4 раза, валовые сборы в 1943 г. составили 33 % от довоенных, в 1945 г. – 49,5 %. Огромными были потери в животноводстве. При этом автор одним из первых в историографии показывает, что спад сельскохозяйственного производства был преодолен уже к концу войны [12. С. 70, 71, 75, 81; 8. С. 349 - 355]. Основным фактором этого, по его мнению, было внесение корректив в аграрную политику: колхозы, совхозы, МТС получили финансовую помощь, была укреплена ремонтная база, изменения были внесены в отношении обязательных заготовок сельскохозяйственной продукции, частично списаны недоимки с колхозов. Тем не менее сущность заготовительной политики не изменилась, как считает историк, она была направлена на выкачивание из деревни большей части произведенной продукции. Государство, как утверждает автор, было ее единственным обладателем и распорядителем. Заготовкам в деревне придавалось военно-оборонное значение, при их осуществлении часто применялись чрезвычайные меры (колхозы сдавали семенной материал, маточное поголовье, скот недостаточной упитанности, шли на сокращение или невыдачу уплаты по трудодням). Анализ заготовительной статистики показал, что государство получало больше половины произведенной продукции [12. С. 106, 114, 116]. Автор делает вывод, что уральская деревня подошла к концу войны ослабленной

и обессиленной. Деревня работала на износ и это была цена, которую заплатило крестьянство за победу в войне [12. С. 201].

Г.Е. Корнилов одним из первых отечественных историков поставил вопрос о цене победы для советского крестьянства. Наибольшее звучание эта тема получила в другой монографии автора «Уральское село и война: проблема демографического развития» [13]. Тщательный анализ монографии произведен известным историком В.Б. Жиромской, дана высокая оценка работы и определен вклад автора в историографию [2. С. 177 - 178]. Отметим, что выявленная источниковая база исследования уникальна, Г.Е. Корнилов поднял все используемые сегодня источников по истории населения (материалы переписей населения, текущий учет населения, производимый органами ЗАГС и органами милиции НКВД, материалы по эвакуации населения, сельсоветский учет). Он доказал, что уральская деревня в условиях войны стала источником людских ресурсов не только для фронта, но для развивавшейся промышленности региона. Война вызвала не только количественные, но и качественные изменения в структуре и составе сельского населения Урала. Резко деформировался половозрастной состав населения, изменилась его структура [6. С. 64 - 66]. В 1942 – 1944 гг. на селе фиксировалась естественная убыль населения. Уменьшение сельского населения в регионе значительно опережало сокращение крестьянских дворов [10. С. 77]. Это свидетельствовало о том, что деревня обезлюдевала. Сокращение трудовых ресурсов деревни крайне негативно отразилось на развитии сельского хозяйства. Г.Е. Корнилов пришел к выводу, что уральская деревня в годы войны понесла двойные потери – гибель людей на фронте и уход населения в города [11. С. 89; 13. С. 123].

В условиях господства внеэкономических и военно-командных методов определяющим фактором социальной политики было ограничение потребления и обслуживания населения. Изучение бюджетов семей (они производились в годы войны в Оренбургской и Свердловской областях) позволили Г.Е. Корнилову прийти к выводу, что основную часть рабочего времени колхозники посвящали труду в общественном хозяйстве. Поступления продуктов питания и денег от колхозов в виде оплаты

трудодней решающего влияния на бюджет крестьянской семьи в условиях войны не имели. Большую часть дохода приносило личное подсобное хозяйство. Продажа продукции личного подворья на колхозном рынке позволяла крестьянам выполнять налоговые обложения, сдавать средства на вооружение армии [7. С. 157 – 164; 9. С. 196 - 199]. Оно оказалось более устойчивым к разрушающему влиянию войны, что, как отмечает автор, было связано с сохранением многих традиционных черт его ведения (многоотраслевая структура, использование наличного потенциала семьи, полунатуральный характер, применение простейших орудий труда). Индивидуальные хозяйства позволили крестьянству выжить в тяжелейшее военное время.

В публикациях Г.Е. Корнилова по проблемам войны отмечается, что все формы организации сельскохозяйственного производства - колхозы, совхозы, личные подсобные хозяйства, сельскохозяйственные предприятия учреждений и организаций, несмотря на низкую экономическую эффективность, практическое отсутствие материальной заинтересованности работников, низкую производительность труда, все же «спасли страну от повального голода», обеспечили воюющую армию необходимым довольствием и промышленность сырьем.

Историк указывает на то, что в политическом отношении партийно-государственное влияние на деревню и сельское население существенно усилилось, несмотря на сокращение количества партийных и комсомольских организаций. Вместе с тем он справедливо отмечает, что «советских людей в борьбе с агрессором сплотила не столько партия, сколько смертельная опасность, нависшая над страной» [12. С. 120, 132]. Колхозники, как и все население, все трудности и невзгоды связывали с войной, а их разрешение – с победой. Приобщение к общему делу толкало крестьянство к самоограничению, самопожертвованию, что стало одним из решающих факторов победы. Историк заключает, что высокая производственная и социальная активность сельских тружеников Урала позволила внести свой весомый вклад в победу, давшийся дорогой ценой. Они выполнили свой гражданский патриотический долг.

Особо необходимо выделить, Г.Е. Корнилов провел грандиозную работу по опубликованию архивных документов, касающихся сельского хозяйства Урала различных периодов XX века. Это, безусловно, нужная и актуальная работа, требующая большого количества времени и финансовых затрат. Документы достаточно полно раскрывают картину сельской жизни советской деревни, позволяют исследователям объективно анализировать ситуацию в уральских колхозах и делать трезвые и беспристрастные выводы. Сборник «Колхозная жизнь на Урале 1935 – 1953 гг.», вышедший в документальной серии «Документы советской истории», содержит большое количество любопытных документов, касающихся проблем уральского села в годы войны, этому периоду посвящен второй раздел книги [3]. Содержание раздела разбито тематически: «Аграрная политика», «Голоса крестьян», «Снабжение», «Культура и быт», «Местные власти», «Работа в колхозе и на стороне», «Колхозная торговля», «Бюджеты», «Производство», «Налогообложение и заготовки», то есть охватывают практически все сферы жизни деревни. Нет необходимости анализировать подробно эту работу, поскольку она получила высокую оценку специалистов в ряде публикаций.

Среди работ по теме необходимо выделить публикации В.П. Мотревича, Р.Р. Хисамутдиновой. В.П. Мотревич в монографии «Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны» использует данные по пяти областям региона, обосновывая территориальные рамки, он пишет о том, что в автономных республиках в организации сельскохозяйственного производства имелись национальные особенности [16]. В основу положен текст его кандидатской диссертации «Трудовой подвиг колхозного крестьянства Урала в годы Великой Отечественной войны» [18]. Указание на национальные особенности в организации и функционировании колхозной системы оказалось недоказанным, национальные формы организации сельскохозяйственного производства в СССР не получили подтверждения. Автор так и не ответил внятно на вопрос, были ли колхозы прогрессивной формой организации сельского хозяйства в сравнении с единоличным крестьянским хозяйством. Сложившаяся в аграрном секторе народного хозяйства административно-командная система, как

отмечает историк, использовалась в целях внеэкономического и экономического давления на крестьянство, перекачивания материальных и людских ресурсов из деревни в город. Колхозы фактически были превращены в государственные предприятия с принудительным низкооплачиваемым трудом.

Существенный вклад в региональную историографию внес статистический сборник, который составлен В.П. Мотревичем «Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941 – 1950 гг.)» [17]. В основу опубликованных материалов были положены сводки Центрального статистического управления при Госплане СССР. В сборнике отражены основные показатели развития растениеводства, животноводства, технического оснащения уральского села в военные и послевоенные годы. К сожалению, в сборнике отсутствует источниковый анализ документов, нет внутренней и внешней критики источников. Кроме того, известно, что сбором статистики сельского хозяйства в сталинскую эпоху занимались различные органы. Наряду со статистическими органами сбор сведений по основным показателям сельскохозяйственного производства занимались органы Наркомата земледелия, Наркомата заготовок СССР. Данные этих органов различны. Однако, этот аспект не получил отражения на страницах издания.

В последующих работах В.П. Мотревич отметил, что «мобилизационная экономика – это такой тип административно-экономических отношений в государстве, когда практически все мероприятия подчинены срочному и эффективному выполнению одной или нескольких главных задач» [15. С. 424]. Автор справедливо указал на ту непреложную истину, что в чрезвычайных условиях войны мобилизационная модель активно осуществлялась как в государственном, так и в негосударственном секторе. При этом он напомнил, что мобилизация продовольственных ресурсов стала одной из важнейших задач советской экономики в годы войны, до предела обостренной вследствие потери основных сельскохозяйственных районов в 1941 – 1942 гг. В годы войны ассортимент сдаваемых по обязательным поставкам государству сельскохозяйственных продуктов и сырья значительно расширился. К традиционным зерну, мясу, молоку,

шерсти, картофелю добавились яйцо, брынза, кожевенное сырье, сено, махорка, семена масличных культур, а также овощи (капуста, лук, морковь, свекла, помидоры, огурцы). Что касается конкретно Уральского региона, то, как указывает автор, в 1941 г. в Молотовской (Пермской) области ввели обязательные поставки льноволокна, в 1942 г. – махорки, а в Свердловской области – поставки махорки и льна-долгунца [20]. Автор подчеркнул, что нормы поставок были неодинаковы для различных зон. В Свердловской области среднеобластные нормы обложения с гектара пашни составляли в 1941 г.: по зерну – 133,5 кг, по картофелю – 63 кг, овощам – 25,9 кг. Поставки животноводческой продукции с каждого гектара земельной площади составляли в год: молока – 16 л, мяса – 3 кг, яиц – 7 шт. [15. С. 426]. При этом, как отмечал В.П. Мотревич, эти нормы внутри областей значительно варьировались в зависимости от состояния сельхозпроизводства. Это говорит о том, что власти все-таки знали реальное состояние дел в отрасли и старались хоть как-то это учитывать при планировании поставок. Историк указал, что чрезвычайные меры заготовок не только не смогли остановить падение сельскохозяйственного производства, но и во многом усугубили его.

В.П. Мотревич занимался проблемами голода на Урале в военные и первые послевоенные годы. Он приводит достаточно обширную статистику, из которой видно, что на Урале в годы войны были случаи убийства и самоубийства по причине голода, а также отдельные инциденты, связанные с каннибализмом и трупоедством [14. С. 85]. Понятно, что подобные случаи всячески скрывались органами НКВД и официальными властями.

Отдельное внимание в своих работах В.П. Мотревич уделил проблеме государственного ценообразования на продукцию сельского хозяйства. Автор детально разбирает статистические данные, показатели себестоимости продуктов уральского сельского хозяйства, разницу между закупочными и заготовительными ценами. В результате автор пришел к выводу о том, что цены на сельхозпродукцию были сильно занижены и, как правило, были даже ниже себестоимости. Все это, с одной стороны, помогало властям достаточно успешно решать продовольственные задачи в

годы войны, но, с другой стороны, приводило к нарастанию в сельском хозяйстве сложных проблем, многие из которых так и не были решены впоследствии [14. С. 87].

В монографии Р.Р. Хисамутдиновой проанализирована аграрная политика Советского государства в 1940-х годах, которая базировалась в основном на принципах внеэкономического принуждения к труду колхозников и других категорий сельского населения [19]. Такая политика позволяла, как утверждает историк, решать краткосрочные задачи, исторически она была обречена. Работа подготовлена на материалах Южного Урала (Курганской, Оренбургской, Челябинской областей и Башкирской АССР) и охватывает период 1940 -1953 гг. Неравноправные заготовительно-распределительные отношения, которые окончательно сложились в 1940-е годы между государством и производителями сельскохозяйственной продукции, привели к деградации сельского хозяйства и нищете деревни [22]. Сельскохозяйственное производство региона не было восстановлено к концу 4-й пятилетки. Восстановление началось в 1944 г. и завершилось к 1953 г. Интересны рассуждения автора о том, что при нехватке материальных и людских ресурсов для решения важнейших государственных задач Советское правительство было вынуждено возродить патриархальные трудовые повинности крестьянства, которые сформировались в 1930-х годах и достигли расцвета в 1940-е годы.

Р.Р. Хисамутдинова пишет о тяжелейшем положении в материальном положении колхозников Урала в годы войны. Она отмечает, что уже в конце 1941 г. в регионе стала расти смертность и опухание сельских жителей в результате голода. Пик снижения потребления пришелся на 1943 – 1944 гг. из-за печально знаменитой засухи, охватившей практически все зерновые области СССР. Особенно тяжелая ситуация сложилась в Башкирской АССР. Недоедание приводило к высочайшей детской смертности. В Курганской области смертность детей до 1 года в 1942 г. составляла 66,5%, а в 1943 г. – 33,1% [21. С. 90]. В одной только Башкирской АССР за второй квартал 1944 г. умерли на почве недоедания 1300 человек, дистрофии – 2969, истощения – 1498, септической ангины – 13190 человек [21. С. 95].

Р.Р. Хисамутдинова особо отмечает, что в разнообразные инстанции и на фронт шел поток жалоб на тяжелейшее продовольственное положение, однако благодаря работе цензуры эти жалобы редко доходили до адресата [22. С. 132]. Автор в своих трудах справедливо подчеркивает, что наиболее тяжелая продовольственная ситуация в годы войны сложилась в Башкирской АССР и Чкаловской (Оренбургской) области, то есть «житницах» Урала [20. С. 67]. Именно в этих районах в силу их сельскохозяйственной значимости количество трудодней доходило до максимальных за всю историю показателей, равно как и плановые изъятия продукции.

Таким образом, краткий анализ работ трех историков свидетельствует, что исследование аграрной истории Урала периода Великой Отечественной войны в последнее 20-летие получило достаточно широкое освещение. Региональная историография пополнилась интересными трудами. Однако необходимы дальнейшие исследования, особенно повседневной деревенской жизни, влияния городской среды на село, роли общественных организаций на формирование менталитета сельских жителей. Анализ уральской региональной историографии приводит к мысли о необходимости подготовки обобщающей работы по истории российской деревни периода Великой Отечественной войны.

Литература:

1. Анисков В.Т. Подвиг советского крестьянства в Великой Отечественной войне. Историографический очерк. М., 1979.
2. Жиромская В.Б. [Рецензия]// Вопросы истории. 1994. № 9.
3. Колхозная жизнь на Урале 1935 – 1953 гг. Сборник документов / Сост. Х. Кесслер, Г.Е. Корнилов. М., 2006.
4. Корнилов Г.Е. Аграрная политика и экономическое положение уральской деревни в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского государственного агроинженерного университета. Том 31. Челябинск: ЧГАУ, 2000.

5. Корнилов Г.Е. Аграрная сфера Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в военной истории России: традиции и современность. Екатеринбург, 2003.

6. Корнилов Г.Е. Женщины в структуре сельского населения Урала в годы Великой Отечественной войны // Женщины села: проблемы адаптации к историческим условиям России. Оренбург: ОГПУ, 2002.

7. Корнилов Г.Е. Жизнь в условиях войны: источники доходов и расходов колхозников Урала // Подвиг Урала в исторической памяти поколений. Екатеринбург: ИИиАУрО РАН, 2010.

8. Корнилов Г.Е. Землепользование и структура земельных угодий на Урале в годы Великой Отечественной войны // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2003.

9. Корнилов Г.Е. Колхозная торговля на Урале в условиях Великой Отечественной войны // Отечественная история. 1994. № 2.

10. Корнилов Г.Е. Крестьянство и сельское хозяйство Урала в Великую Отечественную войну // Урал в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Екатеринбург, 1995.

11. Корнилов Г.Е. Миграция сельского населения Уральского региона в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 1993. № 3.

12. Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945гг.). Свердловск, 1990.

13. Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993.

14. Мотревич В.П. Голод на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны // Урал в военной истории России: традиции и современность. Екатеринбург, 2003.

15. Мотревич В.П. Заготовки сельскохозяйственной продукции в колхозах – как форма мобилизационной экономики в годы Великой Отечественной войны // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск, 2009.

16. Мотревич В.П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990.

17. Мотревич В.П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941 – 1950 гг.). Екатеринбург, 1993.

18. Мотревич В.П. Трудовой подвиг колхозного крестьянства Урала в годы Великой Отечественной войны: автореф. ... к.и.н. Пермь, 1983.

19. Хисамутдинова Р.Р. Аграрная политика Советского государства и ее осуществление на Урале (1940 – 1953 гг.): автореф. ... д.и.н. Оренбург. 2004.

20. Хисамутдинова Р.Р. Актуальные вопросы аграрной истории Оренбуржья // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 5 (141).

21. Хисамутдинова Р.Р. Материальное положение колхозников Урала в годы Великой Отечественной войны // Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности. Екатеринбург, 2005.

22. Хисамутдинова Р.Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны: малоизвестные страницы. Оренбург, 2002.

23. Храмова Е.Л. Экономика России периода Великой Отечественной войны. Историография проблемы. Самара, 1996.

24. Чинчиков А.М. Историография трудового подвига советского крестьянства (1941 - 1945). Саратов, 1977.

УДК 271.2

ББК С.563.0

ГСНТИ 03.23.31/03.23.55

Код ВАК 07.00.02

О.П. Цысь

Нижевартовск

**НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО
ДУХОВЕНСТВА ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русская Православная церковь, духовенство, научные исследования.

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается вклад духовенства в изучение Тобольского севера. Отмечено, что основные достижения священно- церковнослужителей относятся к сфере гуманитарного знания: филологии, истории, краеведению.

O.P. Tsys

Nizhnevartovsk

**SCIENTIFIC ACTIVITIES CONDUCTED BY
ORTHODOX CLERGY OF TOBOLSK SEVER
IN XIX - BEGINNING OF XX CENTURY**

KEY WORDS: Russian Orthodox Church, clergy, scientific activities.

ABSTRACT: The article dwells upon the contribution of clergy made to the study of “Tobolsk Sever” (nowadays, Northern part of Western Siberia).

It was noted that the priests' major achievements pertain to humanities: philology, history and regional ethnography.

В освоении Тобольского севера духовенство играло значимую и пока, как нам представляется, недооцененную современными исследователями роль. Слабозаселенная далекая окраина не имела дворянской и разночинной прослойки, составлявших социальную основу российской интеллигенции в XIX – начале XX вв. Миссию «образованного класса», призванного сохранять и приумножать культурное наследие, выполняло, в некоторой степени, духовное сословие. Именно его представители создали первые в крае школы, общественные организации, музеи, библиотеки.

Необходимо также отметить вклад духовенства в изучение Тобольского Севера. Научную деятельность энтузиастов, как из числа белого духовенства, так и из среды монашествующих следует характеризовать в двух аспектах. К первому могут быть отнесены те, которые относились к непосредственным служебным обязанностям духовенства или же были предписаны епархиальным начальством различными указами и циркулярами; ко второму – предпринимаемые по собственному почину в свободное от приходских забот время.

Наряду с политическими ссыльными, священники занимались изысканиями преимущественно в сфере гуманитарного знания: историей, этнографией, филологией. Многие, сделанные духовенством, носило эмпирический характер, не выходило за рамки простого накопления и описания фактов. Тем не менее, нельзя не отметить то обстоятельство, что именно со священниками связаны попытки положить начало исследованиям на территории края в рамках целых научных направлений.

Так, первые опыты по археологическому изучению Березовского уезда принадлежали духовенству. В 1897 г. священник с. Щекурья Василий Николаевич Герасимов (1870–1901 гг.) – ненец по национальности – на собственные средства с разрешения Императорской археологической комиссии провел исследование одного из древних городищ в районе с. Щекурья. Он же являлся автором исторического очерка об Обдорске,

опубликованного уже после смерти автора в 1909 году [1], активным сотрудником Тобольского губернского музея. В.Н. Герасимов пополнял его коллекции гербариями, палеонтологическими находками, предметами культуры и быта манси.

9 мая 1892 г. жители Березова торжественно отметили 300-летие родного города и одновременно 100-летие местного Воскресенского собора, 180-летие «Северной миссии». Инициатором и главным организатором тройного юбилея выступил протоиерей Михаил Петрович Путинцев (1843–1902 гг.).

Основой для празднования послужило проведенное М.П. Путинцевым исследование, нашедшее отражение в статьях, опубликованных на страницах «Тобольских епархиальных ведомостей» [11; 12]. Хотя вопрос о дате основания Березова не окончательно решен их автором, тем не менее, ему удалось выполнить главную задачу – привлечь внимание губернских чиновников самого высокого ранга, епархиальных властей, общественности к проблемам края, его историческому наследию. На Тобольском севере он пробыл всего несколько лет, но за этот короткий срок оставил след в его истории. Творческий, любознательный, талантливый человек, каким, без всякого сомнения, был М.П. Путинцев, прибыв в овеянный историей, мифами, легендами административный центр Нижнего Приобья, не мог не заглянуть в глубины его прошлого [См. подробнее 20]. Кроме того, находясь в Березове М.П. Путинцев написал по поручению преосвященного Иустина (Полянского), изданный в Омске в 1892 г. сборник, в котором на полутора сотнях страниц изложены краткие жизнеописания 33 архиереев – от Киприана (Старорусенкова) (1620–1624 гг.) до Иустина (Полянского) (1889–1893 гг.) [13]. Книга вскоре переиздается на Афоне русским Пантелеймоновским монастырем.

Огромная роль духовенства в становлении школьного образования на территории Тобольского севера предопределила попытки анализа педагогического опыта начальных учебных заведений. Так, священник Троицкой церкви Кондинского женского монастыря Зосима Георгиевич Козлов (1872 – после 1937 гг.), двадцать лет прослуживший в северных приходах

Березовского благочиния, написал несколько работ, в которых обобщается материал по истории одноклассной школы при Кондинском Троицком монастыре, а так же актуализируется проблема приобщения «инородцев» к грамоте в целом [6; 7; 17]. Им предлагалось гражданской и светской власти рассмотреть вопрос о повсеместном открытии «юртовых школ», так как «замечается стремление отдавать детей в школы, но только родители с большой неохотою отправляют детей в отдаленные школы».

С миссионерской деятельностью среди коренного населения Тобольского севера связаны попытки перевода Священного Писания на языки ханты, манси, ненцев, создание учебных пособий для «инородческих» школ, что было невозможно сделать без изучения лексики, грамматики языков коренных народов, создания прообразов их алфавитов. Как правило, именно среди миссионеров встречались люди, имевшие за плечами семинарию и немалый жизненный опыт. Изучение языков аборигенов края они считали необходимой предпосылкой для укрепления христианской веры, распространения просвещения и грамотности.

В конце 1810-х гг. по инициативе Тобольского отдела Библейского общества попытался перевести книги Св. Писания и главные молитвы на язык манси «благочинный низовских церквей», священник, а затем кафедральный протоиерей Петр Андреевич Фелицын (Смирнов) (1783–1879 гг.). При содействии церковнослужителей с. Бронниковского братьев Поповых он собрал у кондинских манси филологический материал и перевел на вогульский язык: «Краткую Священную историю», «Таблицы о должностях христианина», шесть молитв, символ веры, краткий Катехизис митрополита Платона, все четыре Евангелия [14. С. 353–355]. Последний из указанных трудов был передан Библейскому обществу. В дальнейшем П.А. Фелицын продолжил работу над совершенствованием переведенных текстов: «о. Фелицын ездил в свое благочиние на р. Конду, собирал к себе более смышленных вогулов, читал им свои переводы, что им казалось непонятным, то, после расспросов и разных толков с ними, исправлял, старался делать понятным» [14. С. 354].

В 1819 г. перевод на «остяцком наречии, употребительном на пространстве от города Березова до самого берега ледовитого моря» Евангелия от Матфея был выполнен березовским протоиереем Иоанном Вергуновым и иереем Федором Карповым [19. С. 161].

С 1837 г. составлением хантыйского словаря и азбуки, переводом символа веры, молитв и заповедей занимался Обдорский миссионер Лука Вологодский. Созданные им труды были направлены в Св. Синод и оттуда – в Академию наук. Академик А.М. Шегрен высказал автору «совершенную признательность». Однако ученый посчитал необходимым сделать ряд серьезных замечаний и пожеланий, направленных на совершенствование словаря. Л. Вологодский попытался эти пожелания учесть, но А.М. Шегрен потребовал от него дополнительные исправления и изменения, после чего священник отказался от продолжения работы [18. С. 91].

Выпускник Тобольской духовной семинарии, настоятель Березовской Петропавловской церкви, старший миссионер Обдорской миссии (с 1854 г.) протоиерей Петр Александрович Попов (1825–1888 гг.) создал остяко-самоедо-русский словарь, включавший 5 тыс. слов. Редактированием он занимался с марта по июнь 1868 года. Следующие 10 лет П.А. Попов посвятил доработке своего труда. Рукопись словаря в 1878 г. была приобретена Академией наук за 100 рублей. Полученные деньги П.А. Попов передал в общество Красного Креста в пользу раненых и увечных воинов [15. С. 356]. Кроме того, П.А. Попов перевел на хантыйский Евангелие от Матфея, литургию Иоанна Златоуста, некоторые поучения, составил «остяцкую грамматику» [21. С. 233, 238].

Переводы символа веры, наиболее популярных молитв, заповедей осуществлялись благодаря усилиям отдельных энтузиастов-одиночек из числа духовенства, свободно владеющего «инородческими» языками: священниками церковей с. Юган И. Тверитиным и с. Локосово (Ваховское) В. Вергуновым, заштатным священником с. Нижне-Лумпокольского Ф.И. Тверитиным [18]. Переводами русских учебников на хантыйский занималась

учительница Кондинской миссионерской школы рясофорная послушница Нина Лепехина.

Аналогичные усилия предпринимались священником Обдорской миссии Иваном Ефимовичем Егоровым. В 1890-х гг. по своей инициативе он составляет текст хантыйской азбуки. По данным отчета Тобольского епархиального комитета Православного миссионерского общества рукопись дает возможность «всякому учителю с остяками свободно заниматься». В октябре 1897 г. азбука («Небэк ханды няурам эльты лунгутта на хажта онтльтады орынгна» – «Книга остятским детям читать и писать обучения для») с успехом прошла апробацию в инородческом пансионе при Тобольской семинарии, после чего была издана [10]. Решительные меры духовной власти, призванные подтолкнуть лингвистические работы на территории севера епархии, дали возможность миссионеру подготовить на хантыйском языке рукопись беседы «Краткие понятия христианской веры», книгу для чтения, в которую вошли 18 сказок, басен, рассказов, заимствованных из русских детских книг и учебных пособий; выпустить в соавторстве с дьяконом И.И. Поповым переведенную на хантыйский язык «Священную историю», одобренную в качестве учебного пособия для инородческих школ грамоты [4]. В 1899 г. И.Е. Егоров продолжил работу и составил азбуку ненецкого языка [3].

Священник И.Е. Егоров стал автором одной из первых программ обучения в миссионерской церковно-приходской школе, в соответствии с которой в начальный год следовало преподавать только на родных языках, используя составленные им пособия, на втором году – родные языки и русский, а на третьем можно было перейти уже целиком на русский язык. По его мнению, «выпускные экзамены должны быть производимы на русском языке... с прибавлением знаний перевода слов, выражений, а также и простых коротких статей с русского на остяцкий язык» [5. С. 139].

Логичным продолжением, предпринимаемых для распространения православия мер в инородческих приходах, стало изучение и использование угорских и самодийских языков, но теперь уже в рамках специально созданной переводческой

Комиссии (октябрь 1904 г.), включавшей духовных и светских лиц, хорошо знающих самоедский и остяцкий языки. На данном этапе требовались уже переводы Божественной литургии и праздничных богослужений. Члены комиссии записали 2 тыс. самоедских слов, перевели на самоедский несколько молитв и Краткий Катехизис. При записи звуков ненецкого языка использовался русский алфавит без «еров» и буквы «ять». Носовые, гортанные звуки, дифтонги передавались с помощью надстрочных знаков [9. С. 163–166].

К сожалению, разработки И.Е. Егорова, так же как и других священников, не получили широкого применения, не были внедрены в богослужебный обиход. Этому способствовали, во-первых, проблемы, связанные с организацией школьного обучения для детей «инородцев»; во-вторых, несовершенство азбук и самих переводов; в-третьих, огромное разнообразие диалектов хантыйского и мансийского языков, затруднявших составление единого общеупотребительного алфавита; в-четвертых, отсутствие понимания и взаимосвязи между духовенством и представителями академической науки. Со стороны последних не оказывалось должной поддержки начинаниям миссионеров и приходских священников в деле создания азбук на «инородческих» языках. Так, духовной цензурой были отвергнуты переводы Священного Писания на мансийский П.А. Фелицина и И. Вергунова на хантыйский языки как «неудовлетворительные» [14. С. 355]. Примечательно, что данный вывод сделан на основании заключения основоположника русской библейско-исторической школы протоиерея Г.П. Павского, не владевшего языками обских угров.

Человеком разнообразных талантов, чье имя носит в настоящее время Ямало-Ненецкий окружной краеведческий музей, являлся Иван Семенович Шемановский (Иринарх) (1873–1923?). Траектория его служебной карьеры распадается на несколько периодов, но время деятельности на Тобольском севере стоит рассматривать как наиболее результативное. Настоятель Обдорской миссии с 1898 г. по 1910 г. игумен Иринарх основал в Обдорске библиотеку, этнографический музей. Много времени он уделял научному изучению края. Из литературных трудов ему

принадлежат: 1) «История Обдорской духовной миссии. 1854–1904 гг.»; 2) «В делях крайнего северо-запада Сибири» – очерки и заметки из жизни и быта инородцев; 3) ряд статей по вопросам северной миссии, напечатанных в «Православном благовестнике» в 1903–1910 годах [5]. Большая часть написанного И.С. Шемановским – публицистика.

Для населения Тобольского севера на протяжении многих столетий основным источником существования являлась продукция традиционных промыслов – охоты, рыболовства, а также оленеводства. В XIX в. не без участия духовенства предпринимаются попытки изменить устоявшееся представление о крае, как месте непригодном для производящего хозяйства.

В 1851–1853 гг. опытные посадки зерновых осуществлял вблизи Сургута священник, благочинный Василий Александрович Кайдалов. В течение нескольких лет он заседал небольшие площади ячменем, овсом, льном и коноплей, получая удовлетворительные урожаи. Труды его заметили и оценили. Санкт-Петербургское Вольное экономическое общество наградило священника малой золотой медалью, а Императорское Русское географическое общество выразило благодарность.

Однако пионером сельскохозяйственного освоения севера, без всякого сомнения, следует признать Ивана Яковлевича Тверитина (1806 – после 1883 гг.). В течение 46 лет он занимал должность настоятеля Богоявленской церкви с. Юган Сургутского уезда. Впервые посев ячменя в своем огороде священник произвел в 1854 году. На следующий год И.Я. Тверитин расчистил ½ десятины леса и засеял их под пашню различными зерновыми культурами: ячменем, овсом, рожью, пшеницей, гречихой. Израсходовав 6 пудов зерна, священник собрал урожай 120 пудов. Тщательные наблюдения и многолетние эксперименты позволили И.Я. Тверитину сделать вывод, что в районе с. Юган целесообразно выращивать только озимые, в первую очередь рожь. Были установленные оптимальные сроки засева и сбора зерновых, агротехнические приемы и орудия труда. Помимо расширения пашни, увеличившейся к 1867 г. до 14 десятин, священник построил в Югане мельницу, овин. С 1859 г. И.Я. Тверитин производил опытные посадки картофеля, к концу XIX – началу XX

вв. ставшего основной огородной культурой края. В голодные годы юганский священник продавал скопившиеся у него запасы хлеба по цене вдвое ниже рыночной, а затем и вовсе раздавал выращенное им зерно бесплатно.

Деятельность И.Я. Тверитина вызвала большой интерес и обратила на себя внимание. Он был удостоен шести медалей четырех научных обществ, являлся членом-корреспондентом Вольного экономического общества (с 1856 г.), Императорского Русского географического общества (с 1869 г.), участником Всероссийских сельскохозяйственных и политехнической выставок [16].

Однако выращивание зерновых не получило в тот период распространения на Тобольском севере. Местному населению было вполне достаточно продукции традиционных промыслов. Переселенцев же из Европейской России привлекали преимущественно обширные слабо освоенные пространства с более благоприятными природно-климатическими условиями на юге Сибири.

К числу своего рода научных «обязанностей» духовенства следует отнести ведение церковных летописей, сбор материалов по истории прихода, предписанные «Правилами для составления церковно-исторического и статистического описания Тобольской епархии» [2. Л. 39–42]. Большинство церковных летописей, к сожалению, не сохранилось. Об их содержании можно судить по летописи Ларьякской Знаменской церкви, относящейся к началу XX века, ныне хранящейся в архивном отделе администрации г. Нижневартовска. По сути это своеобразный дневник, в который священник заносил информацию о своих поездках, проповедях, встречах и т. п. Подобные летописи имеют значение не столько исторических исследований, сколько интересных исторических источников, рассказывающих о приходских буднях. Известно также о предписании, сделанном в 1865 г. епископом Тобольским и сибирским Варлаамом II Обдорским миссионерам о необходимости проведения метеорологических наблюдений [21. С. 211]. Однако, сложно судить о том, в какой степени оно было выполнено.

Конечно же, лишь небольшая часть наиболее подготовленного и образованного духовенства могла себе позволить заниматься научной деятельностью. Часто эти люди не задерживались на севере, предпочитая находить применение своим талантам и энергии в других местах России с более благоприятными природно-климатическими условиями. Занятия наукой не носили, как правило, систематического характера, а являлись для некоторых священников своего рода увлечением, которому они отводили свободное время. Тем не менее, нельзя отрицать тот факт, что на протяжении длительного времени именно духовенство, наряду с политическими ссыльными, участниками исследовательских экспедиций стояло у истоков научного изучения Тобольского севера.

Источники:

1. Герасимов В.Н. Обдорск (исторический очерк). Тюмень, 1909.
2. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1.
3. Егоров И. Падар хазово ачики-няна. Толась, падашь торумдавы емня (Книга самоедским детям. Читать, писать для обучения). Тобольск, 1899. 15 с.
4. Егоров И., Попов И. Емынг ястопса: Священная история. Тобольск, 1900. 153 с.
5. Иринарх, игум. История Обдорской духовной миссии (1854–1904) // Православный благовестник. 1905. № 1–16, 1906.
6. Козлов З. Исторический очерк одноклассной церковно-миссионерской Кондинской школы, за 65 лет (с 1844–1909 г.) ее существования // Школьный листок при ТЕВ. 1910. № 16. С. 121–126.
7. Козлов З. Памяти схиигуменьи Александры (Дружининой) // ТЕВ. 1915. № 44. С. 708–709.
8. Опыты переложения церковных молитв, песнопений, символа веры и вопросов на исповеди на остяцкий язык среднеобского и сургутского наречий // ТЕВ. 1902. № 9. С. 98–100; № 10. С. 125–128; № 12. С. 183–187; № 14. С. 223–226.
9. Отчет Тобольского Епархиального Комитета Высочайше утвержденного Православного Миссионерского Общества за 1905 г. // ТЕВ. 1905. № 12. С. 163–166.
10. Полезная новинка для Обдорской миссии Тобольской епархии // ТЕВ. 1898. № 11. Приложения. С. 1–8.

11. Путинцев Михаил, протоиерей. Святые и исторические могилы города Березова // Тобольские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1891. № 23–24. С. 495–514

12. Путинцев М. Ответ на статью: «Историческая справка по поводу юбилея города Березова» // ТЕВ 1892. № 13–14. С. 284–295.

13. Путинцев М. Тобольская епархия. Ч. 2. От. I: Архипастыри Тобольской епархии. Омск, 1892.

14. Сулоцкий А. Протоиерей Петр Андреевич Фелицын // ТЕВ. 1883. № 17. С. 353–355.

15. Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII–XIX вв.: источники /сост., авт. предисл и коммент В.Я. Темплинг. Тюмень, 2006.

16. Тверитин И.Я. Священник – хлебороб / сост. Ю.А. Белоножко, ред. В.К. Белобородов. Шадринск, 1993.

Литература:

17. Козлов З. Описание прихода села Чемашевского Березовского уезда, составленное священником Зосимой Козловым // Подорожник: краеведческий альманах. Вып. 8. Ханты-Мансийск, 2008. С. 48–53.

18. Мавлютова Г.М. Миссионерская деятельность Русской Православной церкви в Западной Сибири (XIX - начало XX века). Тюмень, 2001.

19. Церкви Обдорска: летопись в документах. Вып. I: Васильевская церковь (1746–1824) / ред.-сост. В.Я. Темплинг. Тюмень, 2005.

20. Цысь О.П. Научная и общественная деятельность протоиерея М.П. Путинцева // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 3.

21. Шемановский И.С. Избранные труды. М., 2005.

УДК 94(47)

ББК Т3(2)633

ГСНТИ 03.23.07

Код ВАК 07.00.09

О.Г. Черезова

Екатеринбург

СВЕДЕНИЯ О ЕСТЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО УРАЛА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. В ОБЛАСТНЫХ АРХИВАХ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: статистические отчеты, демографические процессы, рождаемость, смертность, естественное движение населения.

АННОТАЦИЯ:

В статье дана характеристика статистических отчетов и аналитических записок, хранящихся в областных архивах, как источника сведений о демографических процессах второй половины XX в.

O.G. Cherezova

Yekaterinburg

INFORMATION ON VITAL URAL INDUSTRIAL SECOND HALF OF XX B. REGIONAL ARCHIVES

KEYWORDS: statistical reports, demographics, fertility, mortality, vital statistics

ABSTRACT: The article provides a description of statistics and analytical reports that are stored in the regional archives as sources of information on the demographic processes in the second half of the twentieth century.

Изучение демографических процессов второй половины XX в. для исследования обеспечено огромным количеством статистических данных. Часть из них является официально опубликованными в статистических сборниках, составленных по данным Всесоюзных переписей и текущего статистического учета. Но большая часть вполне достоверных и объективных данных, хранится в архивах. Это наиболее массовый и полный источник сведений о демографических процессах. В Свердловской, Пермской и Челябинской областях эти данные находятся в фондах областных архивов [1].

Сведения о естественном движении населения предоставляют статистические сводки, составляющиеся на основе актов гражданского состояния отдельно по городской и сельской местности области. К сожалению, в сельской местности эти сводки начинали подавать лишь с середины 1950-х гг.

Сведения об общей численности родившихся и умерших, а также браков и разводов дают два варианта отчетности: «Итоги регистрации актов гражданского состояния» и «Общие итоги естественного движения населения», которые составлялись на основе поступавших из отделов ЗАГСа данных и были достаточно точны, так как случаи несвоевременной регистрации рождения и смерти были очень редки, и скорее представляют исключение из правил. По сведениям этих статистических отчетов можно проследить динамику показателей рождаемости и смертности в городской и сельской местности.

Еще более полные сведения о рождаемости можно получить, изучая сводные отчеты «Сведения о родившихся по порядку рождения по порядку рождения и возрасту матери». Эта форма отчетности практически не изменялась с середины 1950-х гг. Данные о родившихся в этих сводках группировались по десяти возрастным группам женщин репродуктивного возраста – семи пятилетним (для женщин 20-54 лет), четырехлетней (16-19 лет), а также выделялись группы женщин «моложе 16 лет» и старше 55 лет». На основе этих сводок можно получить достаточно полное представление о динамике рождаемости в различных возрастных группах, а также проследить изменение установок репродуктивного поведения женщин в городе и на селе, т.к. в отчетах указан и порядок рождения ребенка, т.е. можно увидеть, и как изменялись возраст матери, на который приходилось рождение первого ребенка и число детей в семьях [2].

Наиболее полные статистические данные о смертности населения предоставляют отчеты «Сведения об умерших по полу, возрасту и причинам смерти», также составлявшиеся для городской и сельской местности [3]. К сожалению, как и в случае со многими другими формами отчетности, полные данные по селу начинают подаваться лишь с 1956 - 1957 гг. До этого имелась лишь выборка по отдельным населенным пунктам - тем, где имелось двое врачей, и выдавались свидетельства о смерти. Следовательно, большинство мелких сельских населенных пунктов, где выдавалась лишь фельдшерская справка о смерти, в статистику до 1956 г. не попадали.

Данные отчеты позволяют получить довольно полную картину о динамике смертности населения, как в целом, так и по отдельным возрастным группам. Кроме того, можно проследить, как изменялись основные причины смерти, и выявить, как изменялась их структура на протяжении второй половины XX в.

Статистические отчеты дают довольно полную картину о естественном движении населения. Но, кроме них в областных архивах хранится еще один комплекс документов, позволяющих получить сведения о демографических процессах второй половины XX в. Это отчеты, докладные и аналитические записки о естественном движении населения, состоянии учреждений здравоохранения, движении острозаразных заболеваний и т.д. Достоинством этих документов является то, что они содержат не только данные о численности родившихся, умерших, но и анализ причин изменения демографической ситуации, позволяют восстановить картину развития социальной инфраструктуры, содержат аналитические сведения о мерах, принимаемых местными органами власти для улучшения социально-экономической ситуации, быта, здравоохранения.

Таким образом, сведения, хранящиеся в областных архивах, позволяют исследователю получить объективную и полную информацию о демографических процессах второй половины XX в.

Источники:

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. - р1813. Свердловское областное статистическое управление; Государственный архив Пермского края (ГАПИ). Ф. р-493. Пермское областное статистическое управление; Объединенный государственный архив Челябинской области. Фонд р485. Статистическое управление Челябинской области.

2. ГАСО. Ф. р1813. Оп. 11. Д. 56. Л. 115; Д. 83. Л. 62; Д. 84. Л. 65; Д. 94. Л. 44; Д. 299. Л. 21; Д. 332. Л. 39; Д. 367. Л. 21; Д. 410. Л. 44; Д. 451. Л. 85; Д. 545. Л. 48; Д. 522. Л. 75; Д. 629. Л. 48, Д. 596. Л. 45; Д. 644. Л. 55; Д. 701. Л. 44.

3. ГАСО. Ф. р1813. Оп. 11. Д. 83. Л. 78-79; Д. 84. Л. 81-82; Д. 94. Л. 92-93; Д. 125. Л. 102-103; Д. 147. Л. 37-38; Д. 545. Л. 89-93; Д. 590. Л.

84-89; Д. 629. Л. 81-85; Д. 701. Л. 80-84; ОГАЧО. Ф. р 485. Оп. 17. Д. 785, 922; ГАПК. Ф. р 493. Оп. 11. Д. 58, 1223.

УДК 908

ББК Т.3(2)521.2

ГСНТИ 03.23.31

Код ВАК 07.00.02

Э.А. Черноухов

Екатеринбург

**БОГАДЕЛЬНИ В КАЗЕННЫХ ГОРНЫХ ОКРУГАХ
УРАЛА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: богадельни, богадельный капитал, казенные горные заводы, призрение, штаты, Урал.

АННОТАЦИЯ: В статье проанализированы создание и совершенствование нормативно-правовой базы, ставшей основой для организации и деятельности богаделен при казенных горных заводах Урала в первой половине XIX в.

E.A. Chernoukhov

Ekaterinburg

**THE ALMSHOUSES IN STATE MINING DISTRICTS OF
THE URALS IN THE FIRST HALF OF XIX CENTURY**

KEY WORDS: Almshouses, almshouses capital, state-owned mining factories, charity, states, Ural.

ABSTRACT: In this work were analyzed the development and improvement of normative-legal base, which became as the basis for the organization and activities of state-owned mining almshouses at factories of the Urals in the first half of the XIX century.

Заведения общественного призрения не получили особого распространения на казенных горных заводах Урала. В рассматриваемый период времени здесь действовали только богадельни, которые одновременно должны были выполнять и функции сиротских (воспитательных) домов.

В докладе министра финансов А. И. Васильева, предоставленном императору в 1804 г., отмечалось, что богаделен при горных заводах практически не было, но теперь они будут

учреждены [2. С. 464]. В тот период времени они действовали только в нескольких частных хозяйствах Урала.

На необходимость подобных заведений при казенных предприятиях еще ранее обращали внимание руководители регионального уровня. В 1802 г. начальник Канцелярии Главного заводов правления А. С. Ярцов в проекте административной реформы горнозаводской промышленности предложил учредить богадельню уже при каждом казенном заводе, а в Екатеринбурге – сиротский приют [11. С. 236]. Первое из этих предложений вошло в Проект Горного положения 1806 г.

Он предписывал учредить при каждом казенном заводе или нескольких соседних богадельню (ст. 650). В ней должны были найти приют «все престарелые, увечные и не могущие исправлять обыкновенных работ». Но это распространялось только на лиц, совсем не имеющих родственников и не могущих самостоятельно ухаживать за собой. Никаких штатных норм по количеству богадельщиков на казенных горных заводах не определялось (ст. 651, 652).

В богадельнях требовалось создать отдельные мужское и женское отделения. В последних предполагалось содержать и сирот (мальчиков до 7 лет, девочек – «соответствующего возраста»), «поручая надсмотр за ними женщинам богадельного содержания» (ст. 653, 655). В результате богадельни при казенных горных заводах Урала должны были одновременно выполнять и функции сиротских (воспитательных) домов.

Новые заведения должны были содержаться за счет особого «богадельного капитала». Проект Горного положения определил несколько источников для его формирования. В него должны были поступать штрафные деньги за «разные упущения с высших и нижних чиновников, нижних и рабочих чинов», процентные сборы с их награждений, все пенсии самих богадельщиков и половина их возможных заработков, 2,5% с пенсионных сумм других работников, доходы с частных предприятий на казенных землях и отчисления с ярмарочных закупок. Горным начальникам разрешалось переводить в богадельный капитал и средства из других источников, но, не увеличивая цену продукции (ст. 663). В

случае недостатка его разрешалось пополнять из других заводских сумм (ст. 664) [1. С. 580 – 581].

В целом, Проект Горного положения 1806 г. содержал необходимую нормативную базу для учреждения заведений общественного призрения на казенных заводах Урала. Но реализовать на практике эти новые нормы законодательства долго не удавалось.

Первая и долгое время единственная богадельня при казенных горных заводах Урала была создана в Богословском округе в 1815 г., в ней призревало всего шесть человек. В ответах горных начальников на неоднократные запросы по этому поводу главной причиной такого положения назывался недостаток богадельного капитала. В качестве еще одной веской причины они отмечали отсутствие потребности в подобных заведениях. Предполагаемые кандидаты не желали поступать в богадельни, а предпочитали получать «богадельное содержание»: 1–2 пуда провианта в месяц. Поэтому горные начальники предлагали учредить всего по одной богадельне на казенный округ, а не при каждом заводе, как определялось в законодательстве [5. Оп. 13. Д. 156].

В 1822 г. в Пермском горном правлении систематизировали материалы о потенциальных богадельщиках и составили «Положение» об устройстве богаделен. По проведенным подсчетам требовалось выдавать богадельное содержание 1270 лицам, то есть одной сороковой части населения при казенных заводах. На устройство пяти богаделен в казенных округах (сведения по Златоустовскому округу отсутствуют) на 143 человека требовалось 77860 рублей. Основные затраты предполагались в связи с необходимостью строительства и оборудования новых помещений, так как пустующие строения на казенных заводах фактически отсутствовали. Но такой значительной суммы в богадельных капиталах естественно не было. В результате в Министерстве финансов не утвердили это Положение.

Ситуация существенно изменилась с изданием указа от 31 августа 1826 г., предписавшего выдавать бесплатный провиант (по два пуда в месяц) всем отставным заводским работникам, уволенным по старости или болезни, а также увечным, вдовам,

сиротам. Расходы на эти цели значительно увеличились: до 90850 рублей в год по всем казенным округам Урала [7. Оп. 23. Д. 6796].

Сложившееся положение не устраивало руководство горного ведомства. В 1820-х гг. оно неоднократно обращало внимание на то, что цель правительства не в том, чтобы «дать пристанище праздности, а призреть истинно страждущих людей». Руководство Департамента горных и соляных дел считало, что учреждение предусмотренных законодательством богаделен приведет к уменьшению лиц, обращающихся за богадельным содержанием [7. Оп. 33. Д. 721. Л. 42 об.].

Но эти требования руководства горного ведомства были реализованы лишь частично. С одной стороны, Штаты казенных заводов Урала конца 1820-х гг. на все шесть округов предусматривали деятельность только одной богадельни – в самом северном Богословском округе на 20 человек (10 мужского и 10 женского пола). На ее содержание выделялось 2300 рублей, из которых 1500 должны были поступить из богадельного капитала, а 800 включалось в цену металла. В эту сумму входило жалование смотрителя (по совместительству), сторожа и кухарки, расходы на питание, одежду призреваемым, отопление и освещение помещения. В среднем на одного призреваемого человека полагалось 115 рублей в год. Дополнительным источником доходов для богадельни был собственный огород и пожертвования в особые кружки, по праздникам устанавливаемые в местных церквях.

С другой стороны, Комитет по разработке Штатов казенных заводов предписал сократить количество призреваемых, которым выдавался бесплатный провиант. Это следовало произвести за счет привлечения отставных работников к «легким» видам деятельности (караульщиками и т.п.) и повторного более строгого освидетельствования больных. Эти предписания были реализованы в Штатах казенных заводов Урала, утвержденных в 1827–1829 гг.

В них во всех казенных округах были внесены существенно меньшие суммы на бесплатную выдачу провианта заводским людям, не имевших средств к существованию. В среднем их число планировалось сократить вдвое, за счет «строго разбора сего

класса людей». В результате расходы на призрение, по нашим подсчетам, должны были составить 1,4% от всех штатных сумм [3].

Горные власти не отказались и от идеи учреждения новых богаделен. Для сокращения расходов их планировалось создать при казенных госпиталях центральных заводов округа. В качестве одной из важных целей создания богаделен постоянно определялось экономия средств за счет прекращения предоставления неоправданных пособий. Главный горный начальник писал, что это «должно служить средством к отвращению праздности тех людей, которые под именем богадельщиков получают теперь провиант безденежно, и число которых увеличилось в заводах непомерно» [8. Оп. 1. Д. 1709. Л. 322].

Начальник Штаба Корпуса горных инженеров К. В. Чевкин, проведший ревизию заводов Урала в 1836 г., вновь предписал устроить по одной богадельне во всех казенных округах. И, по его мнению, это должно было уменьшить число мастеровых, «просящих без нужды богадельный провиант» [6. Оп. 4. Д. 20. Л. 2 об.; Д. 217. Л. 11].

К концу 1830-х гг. по одной богадельне было создано во всех казенных округах Урала, кроме Гороблагодатского. Они располагались в центральных заводских поселках, кроме Екатеринбургского (Березовские золотые промыслы) и округа Пермских заводов (при Мотовилихинском). В 1840 г. в богадельнях казенных заводов Урала призревалося 119 человек [10. Оп. 2. Д. 1691].

Результаты их деятельности учитывалась при разработке новых Штатов. В предоставленных в начале 1840-х гг. проектах по всем казенным округам отмечалась незначительность сумм, необходимых для содержания богаделен. В них полагалось иметь всего по два штатных работника – повара. Это объяснялось тем, что должность смотрителя богадельни мог исполнять по совместительству комиссар госпиталя, а уборку помещения и стирку белья должны производить сами призреваемые.

В 1847 г. Штаты всех шести казенных округов Урала были утверждены и опубликованы отдельным изданием. Суммы на

содержание одного богадельщика были несколько дифференцированы: по 28 рублей в год в четырех округах, и немногим больше в северных: Гороблагодатском – 29, Богословском – 30. Они были сопоставимыми с предшествующими Штатами, учитывая финансовую реформу Е. Ф. Канкрина, по которой ассигнации были выкуплены по курсу 3,5 к 1, и незначительные инфляционные процессы в тот период времени.

Штаты казенных горных заводов Урала 1847 г. кардинально увеличивали число богадельщиков. По ним полагалось иметь богадельню в каждом казенном округе. Общее количество богадельщиков устанавливалось в 230 человек: Гороблагодатский и Екатеринбургский по 50; Богословский и Златоустовский – по 40; Камско-Воткинский – 30; Пермских заводов – 20. Одновременно выплаты сиротам выделены в отдельную статью и существенно уменьшилась выдача бесплатного провианта. В результате средства, выделяемые на призрение, в процентном отношении от общих штатных расходов, существенно сократились: с 1,4% в конце 1820-х гг. до 0,5% в 1847 г.

Реальное положение дел с общественным призрением в казенных округах к концу 1850-х гг. во многом не соответствовало показателям, установленным в Штатах 1847 г. Определенных в них средств вполне хватало на содержание богаделен. Количество призреваемых в богадельнях существенно выросло и в ряде округов даже превысило штатные показатели. Но их содержание не требовало значительных средств, так как они, располагаясь при госпиталях, не требовали отдельного персонала. В 1856 г. в шести казенных горных округах Урала на содержание богаделен был истрачен всего 4831 рубль.

Но горным властям так и не удалось добиться желаемого сокращения общего количества призреваемых, требовавших предоставления бесплатного провианта. В результате в ряде округов начались проблемы с недостатком средств в богадельном капитале.

Отношение горных властей к заведениям общественного призрения показывает строительство нового здания для Березовской богадельни. По Штатам 1847 г. ее требовалось

расширить с 20 до 50 человек, и старое помещение стало тесным. Решение о постройке нового каменного одноэтажного здания с флигелем для женщин было принято в октябре 1848 г. Для него было определено 6560 рублей из богадельной суммы – процентов с накопленного капитала.

Однако к строительству приступили только через 6,5 лет – в апреле 1855 г., до этого все каменщики были заняты на более важных объектах [8. Оп. 1. Д. 1790]. Оно велось крайне медленно и в 1867 г. было остановлено. В 1875 г. все истраченные средства (5099 рублей) списали со счетов, а здание так и осталось недостроенным [9. Оп. 1. Д. 1496].

Таким образом, в первой половине XIX в. в общественном призрении на казенных горных заводах Урала преобладала выдача бесплатного провианта нуждающимся лицам: престарелым, увечным, сиротам. При этом горные власти всегда считали их численность чрезмерной. Учреждение казенных богаделен традиционно рассматривалось как одно из средств сокращения расходов на эти цели («чтобы не просили провиант без нужды»).

Нормативная база их организации и деятельности была закреплена уже в Проекте Горного Положения 1806 г., определившем источники формирования богадельного капитала. Но только в конце 1830-х гг. были созданы по одной богадельне во всех казенных горных округах Урала. До этого их начальники ссылались на упорное нежелание населения поступать в подобные заведения и недостаток средств для их учреждения. Для сокращения расходов богадельни разместили при госпиталях, определив для них всего по две дополнительные ставки поваров.

Источники:

1. Высочайше утвержденный доклад министра финансов и проект Горного положения // Полное собрание законов Российской империи-I (ПСЗ-I). Т. 29. № 22.208.
2. Высочайше утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании горного начальства и управления горных заводов. Ч. 1–2. СПб., 1807.
3. Штаты казенных горных заводов Урала 1827–1829 гг. // ПСЗ-II. Т. 1. № 687; Т. 2. № 1022, 1541. Т. 3. № 1776. Т. 4. № 2889, 2890.

4. Штаты и основные рабочие положения горных казенных заводов хребта Уральского. Б.м., 1847.
 5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37.
 6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 44.
 7. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24.
 8. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 25.
 9. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 41.
 10. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 43.
- Литература:**
10. Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX века: Уральское горное управление / К. И. Зубков, Н. С. Корепанов, И. В. Побережников, Е. С. Тулисов. М., 2008.

УДК 908

ББК Т.3(2)531 ГСНТИ 03.23.31; 03.23.55 Код ВАК 07.00.02

Т.Г. Шумкина

Екатеринбург

УЧАСТИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ В РАБОТЕ НАУЧНО-КРАЕВЕДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научно-краеведческие общества, образование, просвещение, педагогические кадры, научно-исследовательская деятельность, культурно-просветительская деятельность.

АННОТАЦИЯ: Рассматривается участие преподавателей и учителей в различных направлениях деятельности научно-краеведческих обществ (НКО) Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Определяется вклад педагогов в развитие просвещения, науки и культуры Урала на основе анализа их деятельности в составе НКО Пермской губернии.

T.G. Shumkina

Yekaterinburg

**PARTICIPATION OF THE TEACHERS IN THE WORK
OF THE SCIENTIFIC AND LOCAL HISTORY
SOCIETIES OF THE PERM PROVINCE (SECOND HALF
XIX – BEGINNING OF XX CC.**

KEY WORDS: the scientific and local history societies; education; pedagogical personnel; research activity; cultural and educational activity.

ABSTRACT: In article participation of teachers in various activities of scientific and local history societies (SLHS) of the Perm province in the second half of XIX – the beginning of the XX centuries is considered. The contribution of teachers to development of education, science and culture of Ural on the basis of the analysis of their activity as a part of SLHS of the Perm province is defined.

Возникновение научно-краеведческих обществ (НКО) в различных регионах Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. было связано с модернизацией и индустриализацией, внедрением в жизнь достижений науки и техники, ростом общественного сознания, профессиональной консолидацией соответствующих групп населения. Эти общества взяли на себя задачи всестороннего изучения отдельных регионов страны, а также стремились к популяризации этих знаний, желая сделать результаты своей работы достоянием общественности [12; 20; 22; 23].

На Урале вплоть до начала XX в. не было высших учебных заведений, поэтому НКО являлись практически единственными в крае научными и культурными центрами. В пореформенный период здесь возник целый ряд НКО. По подсчётам Е.П. Пироговой, только в Пермской губернии во второй половине XIX в. возникло 36 таких обществ [14. С. 220-222]. Наиболее крупными из них были: Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), Пермский губернский статистический комитет (ПГСК), Пермская губернская учёная архивная комиссия (ПГУАК), Пермский научно-промышленный музей (ПНПМ), Уральское медицинское общество (УМО), Пермское отделение Императорского Русского технического общества (ПО ИРТО), Общество уральских горных техников (ОУГТ). Эти общества

осуществляли широкую научно-исследовательскую, культурно-просветительскую и издательскую работу.

Анализ профессионального состава НКО Пермской губернии показывает, что активное участие в их работе принимали преподаватели и учителя. Однако степень их участия в тех или иных обществах зависела от профиля деятельности НКО.

Разносторонность в работе УОЛЕ привлекала широкие круги интеллигенции, причём около половины членов общества было занято в сфере науки и образования. Среди них можно выделить группу профессоров, в числе которых были: географ, антрополог, этнограф Д.Н. Анучин; доктор минералогии и геогнозии С.Ф. Глинка; геолог, профессор Казанского университета П.И. Кротов; доктор медицины, врач-гигиенист Д.П. Никольский; учёный-миколог, профессор Казанского университета Н.В. Сорокин.

Отдельную категорию составляли директора, инспектора, преподаватели гимназий и училищ, учителя. Среди них – директор Тюменского реального училища И.Я. Словцов; инспектор народных училищ А.Г. Бессонов; преподаватели естественной истории П.М. Вологодский, Н.А. Орлов, К.А. Самарин, М.Е. Соловьев, А.Ф. Яковкин; преподаватели математики и физики Н.С. Арнольдов, П.П. Елсаков, К.Б. Пенионжкевич; учителя М.Ф. Антипин, А.М. Овчинников, П.П. Филимонов.

Преподаватель французского языка Екатеринбургской мужской гимназии Онисим Егорович Клер принял самое активное участие в руководстве УОЛЕ и его деятельности, будучи учёным секретарём общества (1870 – 1898 гг.), хранителем его музея (1901 – 1905 гг.), президентом общества (1909 – 1920 гг.). О.Е. Клер привил любовь к науке и краеведению и своим сыновьям, которые также участвовали в деятельности УОЛЕ и публиковали свои работы в его «Записках» [7. С. 196-198].

Модест Онисимович Клер, геолог, палеонтолог, краевед, членом УОЛЕ состоял с 1901 г. С 1918 по 1920 гг. он исполнял обязанности вице-президента общества, а после смерти отца сменил его на посту президента УОЛЕ (1920 – 1923 гг.). М.О. Клер преподавал в Уральском горном училище, был ректором Народного университета в Екатеринбурге, доцентом, а затем профессором

Свердловского горного института. Он является автором более 60 работ по геологии, палеонтологии и краеведению [6. С. 265; 16. С. 44-48].

Другой уникальной личностью, имевшей непосредственное отношение к УОЛЕ, являлся Наркиз Константинович Чупин – историк, педагог, этнограф, библиограф, краевед. Человек с энциклопедическими знаниями, он вёл большую научно-исследовательскую работу и оставил целый ряд трудов (более 50) по истории, географии, этнографии и статистике Уральского края. Самой его значительной работой стал «Географический и статистический словарь Пермской губернии». По мнению исследователей, это был первый в России настольный местный географический словарь [3. С. 412-413; 5. С. 44-46; 10. С. 42-48]. Хранитель музея УОЛЕ Е.Н. Коротков отмечал, что Наркиз Константинович «был ревностным сотрудником зародившегося общества, принял очень живое в нём участие», в том числе «и в редакции его «Записок», исправлял и дополнял статьи» [1. Л. 5].

Некоторое время (с 1924 по 1929 гг.) президентом УОЛЕ и редактором его «Записок» был Яков Алексеевич Истомина, который в 1924 г. по направлению Наркомпроса оказался на Урале и был назначен заведующим Уральским областным отделом народного образования, а в 1927 г. – заместителем председателя облплана, заведующим сектором культуры и быта. Я.А. Истомина являлся редактором таких изданий, как «Уральский учитель» и «Краеведение на Урале» [17. С. 54-56].

Профессиональный состав **Пермской ГУАК** также не отличался однородностью. По данным Е.П. Пироговой, в составе комиссии в период 1892 – 1902 гг. самую многочисленную группу составляли специалисты, занятые в сфере образования, – от 35 до 37% [15. С. 228-229]. Примечательно, что около 1/3 членов ПГУАК имели высшее образование, остальные – среднее специальное и среднее. Заметную группу в составе комиссии представляли выпускники духовных семинарий и академий: пермский летописец В.С. Верхованцев; преподаватель Пермской духовной семинарии Н.Н. Новиков; преподаватель Соликамского и Пермского духовных училищ И.М. Осокин; преподаватель Пермской духовной семинарии и женской гимназии В.Я. Струминский.

В круг деятельности Пермской ГУАК входили составление губернского исторического архива, а также проведение археографических, археологических и историко-краеведческих исследований. Наиболее активными деятелями комиссии были архивист В.С. Малченко, археологи Н.Н. Новокрещенных, С.И. Сергеев, Ф.А. Теплоухов, историки А.А. Дмитриев, Н.А. Рожков, В.Н. Шишонко.

Первым председателем ПГУАК был избран Василий Никифорович Шишонко, педагог и историк-краевед, составитель «Пермской летописи», организатор народного образования на Урале (в 1879 – 1889 гг. занимал пост инспектора народных училищ Пермской губернии). Он является автором работ по истории народных училищ Соликамска и Соликамского уезда, по истории развития народного образования в Пермской губернии [11. С. 209-213].

Деятельность Пермской комиссии неразрывно связана с именем уральского историка, инспектора народных училищ Александра Алексеевича Дмитриева, под редакцией которого вышли в свет первые четыре выпуска «Трудов» комиссии. Он был профессиональным историком (окончил историко-филологический факультет Казанского университета), что было важно для становления ПГУАК как местного научно-исторического общества. Результатами исследований А.А. Дмитриева стали его многочисленные научные работы (около 140), из которых главной по праву считается «Пермская старина» – сборник исторических статей и материалов [2. С. 107-108; 19. С. 122-124].

В работе ПГУАК принимал участие и другой известный историк Николай Александрович Рожков, автор фундаментального труда «Русская история в сравнительно-историческом освещении» (т. 1-12). В «Трудах» Пермской комиссии с предисловием Н.А. Рожкова был опубликован «Указатель к «Пермской летописи» В.Н. Шишонко», а также его рецензия на «Пермскую старину» А.А. Дмитриева.

В работе **Пермского научно-промышленного музея** представители сферы образования и науки также играли важную роль. Активное участие они принимали в издательской деятельности музея. В сборнике его трудов «Материалы по

изучению Пермского края» опубликовали результаты своих исследований преподаватель П.С. Богословский; географ, историк-краевед И.Я. Кривощёков; доктор медицины, профессор Казанского университета М.Н. Миславский; музейный работник И.Г. Остроумов; учитель В.Н. Серебренников; ботаник, краевед П.В. Сюезв; лесовод, археолог Ф.А. Теплоухов.

Историко-этнографическим отделом музея заведовал Павел Степанович Богословский, выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета и Санкт-Петербургского археологического института. В 1916 г. он вошёл в первый состав научных работников Пермского университета, где прошёл путь от старшего научного сотрудника до профессора, заведующего кафедрой русской литературы. В 1922 г. П.С. Богословский также руководил Пермским губархивом, а в 1924 г. был назначен директором Пермского музея. С 1923 г. Павел Степанович являлся председателем возрождённого им Кружка по изучению Северного края при Пермском университете, выступил инициатором издания и редактором четырёх выпусков «Пермского краеведческого сборника» [13. С. 13-14].

Особое место в ряду НКО занимал **Пермский губернский статистический комитет**. Губернские статкомитеты являлись государственными учреждениями, которые занимались сбором, обработкой и публикацией статистических сведений в пределах губернии. Тем не менее, исследователи относят их к НКО, так как ГСК, кроме своей основной, «обязательной» деятельности – статистической, занимались также «необязательной», научной, которая была связана с всесторонним исследованием губерний и областей Российской империи. Кроме того, к работе ГСК широко привлекались энтузиасты, количество которых позволяет рассматривать эти комитеты как общества [9. С. 85-87; 14. С. 17, 32-33; 25. С. 160-161].

Среди таких энтузиастов достаточно представительной была группа специалистов, занятых в сфере образования и науки. Особенно активное участие они принимали в издании сборников научно-краеведческого характера. Пермский статкомитет издавал два таких сборника – «Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией» (всего вышло 15 выпусков) и «Пермский

край» (всего вышло 3 тома). В редактировании и издании этих сборников большую роль сыграли секретари Пермского статкомитета – Дмитрий Дмитриевич Смышляев, общественный деятель, журналист, краевед, и Рафаил Степанович Попов, журналист, статистик, краевед. Авторами ряда публикаций были историк А.А. Дмитриев, преподаватели пермских гимназий Г.И. Балбашевский и Е.П. Мухачёв, архивист Г.С. Десятов, археологи С.И. Сергеев и Ф.А. Теплоухов, заведующий метеорологической станцией в г. Перми Ф.Н. Панаев, ботаник П.В. Сюезв, в 1920-е гг. ставший профессором Пермского университета.

В составе технических и медицинских обществ доля педагогов была незначительной, но в то же время видные деятели этих обществ зачастую были так или иначе связаны с наукой и образованием.

Один из организаторов **Общества уральских горных техников**, редактор журнала «Уральский техник» Виктор Михайлович Быков известен также как организатор исторической науки в крае, руководитель уральских государственных архивов. В 1922 – 1925 гг. В.М. Быков был заведующим Екатеринбургским губархивом, Свердловским облархбюро, а также по совместительству исполнял обязанности заведующего Уральским бюро истпарта. Он был активным участником краеведческого движения, в частности, входил в состав Уральского областного бюро краеведения, УОЛЕ, являлся редактором ряда краеведческих изданий [4. С. 20-23; 21. С. 99-130; 24. С. 75, 267].

В журнале «Уральский техник» публиковались результаты исследований горного инженера С.С. Штейнберга, который в 1925 г. стал профессором Уральского политехнического института, а впоследствии директором Института металлургии, металловедения и металлофизики УФАН СССР. Сергей Самойлович считается создателем уральской школы металловедов [18. С. 616; 26. С. 419-420].

Александр Евстафьевич Ширяев, одновременно с исполнением обязанностей городского инженера, редактировал «Записки» **Пермского отделения Императорского Русского технического общества** (1913 – 1916 гг.), преподавал на горнозаводском отделении реального училища (1914 – 1917 гг.) и

возглавлял областной военно-промышленный комитет (1915 – 1917 гг.). В 1920-е – начале 1930-х гг. А.Е. Ширяев являлся активным участником краеведческого движения г. Перми [27. С. 297-298].

Активным участником деятельности **Уральского медицинского общества** был директор Екатеринбургского родильного дома, доктор медицины Александр Митрофанович Новиков, который в 1920-е гг. стал профессором кафедры и деканом медицинского факультета Уральского государственного университета и стоял у истоков Свердловского государственного медицинского института [8. С. 6].

Таким образом, представители интеллигенции, занятые в сфере науки и образования, в разных по профилю научно-краеведческих обществах составляли от 5 до 50%. Их объединяло то, что они были активными участниками культурной, общественной и политической жизни Урала. Зачастую, они являлись членами нескольких научных обществ, принимали активное участие во всех направлениях деятельности НКО: занимались сбором, обработкой и публикацией различных материалов краеведческого характера, вели археологические раскопки, создавали и руководили музеями и библиотеками, участвовали в статистической, архивной и историко-краеведческой работе. Думается, этот опыт может быть интересен и востребован в условиях модернизации образования на современном этапе.

Источники:

1. Государственный архив Свердловской области. Ф. 129. Оп. 1. Д. 239.

Литература:

2. Апкаримова Е. Ю. Дмитриев Александр Алексеевич // Историки Урала XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2003.

3. Апкаримова Е. Ю. Чупин Наркиз Константинович // Историки Урала XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2003.

4. Васьковский О. А., Камынин В. Д. Быков Виктор Михайлович (1880 – 1925) // Большевики-ленинцы на Урале. Свердловск, 1989.

5. Гомельская С. З. Наркиз Константинович Чупин. Свердловск, 1982.

6. Зорина Л. И. Клер Модест Онисимович // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000.
7. Зорина Л. И. Уральское общество любителей естествознания. 1870-1929. Из истории науки и культуры Урала. Екатеринбург, 1996.
8. История Уральской государственной медицинской академии в биографиях (1930 – 2000 гг.). Екатеринбург, 2000.
9. Комарова И. И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987.
10. Кривоногов В. Я. Педагогическая деятельность Н. К. Чупина // Народное образование на Урале в XVIII – начале XX вв. Свердловск, 1990.
11. Кустов В. А. Педагог, историк, этнограф и фольклорист В. Н. Шишонко // На Западном Урале. Пермь, 1974. Вып. 6.
12. Нейдинг И. И. Медицинские общества в России. М., 1897.
13. П. С. Богословский // Профессора Пермского университета. Пермь, 1991.
14. Пирогова Е. П. Научно-краеведческие общества Пермской губернии в пореформенный период : дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1989.
15. Пирогова Е. П. Пермская ученая архивная комиссия и её деятели // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1999. Вып. 3.
16. Покровский М. П. Клер Модест Онисимович // Дела и судьбы: научно-техническая интеллигенция Урала в 1920-30-е годы. Екатеринбург, 1993.
17. Постников С. П. Истомин Яков Алексеевич (1887 – 1937) // Большевики-ленинцы на Урале. Свердловск, 1989.
18. Рафиенко Л. С. Штейнберг Сергей Самойлович // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000.
19. Смородина С. С., Быстрых Т. И. Дмитриев Александр Алексеевич // Краеведы и краеведческие организации Перми. Пермь, 2000.
20. Соболева Е. В. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983.
21. Стариков В. Шли братья рядом // Ленинская гвардия Урала. Свердловск, 1967.
22. Степанский А. Д. История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979.
23. Филиппов Н. Г. Научно-технические общества России (1866-1917). М., 1975.

24. Черноухова С. С. Государственные и партийные архивы Урала в 1919 – 1938 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.

25. Шпак А. П. Роль губернских статистических комитетов в развитии книжного дела в русской провинции (середина 1850-х – начало 1880-х гг.) // Книга. Исследования и материалы. М., 1986. Сб. 53.

26. Штейнберг Сергей Самойлович // Металлурги Урала: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001.

27. Шумилов Е. Н. Ширяев Александр Евстафьевич // Краеведы и краеведческие организации Перми. Пермь, 2000.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Раздел III. Отечественная история: новые подходы

- АЛЕКСЕЕВА**
Любовь
Васильевна
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Нижневартовский государственный гуманитарный университет
адрес: 628605 г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56
e-mail : lvalexeeva@mail.ru
- ГАГИЕВА**
Анна
Капитоновна
доктор исторических наук, профессор, Коми Республиканская Академия Государственной Службы и управления (г. Сыктывкар)
адрес: 167000 Республика Коми г. Сыктывкар, К.Маркса 231, кв. 26
e-mail : gngkol2@mail.ru
- ГОЛОХВАСТОВА**
Наталия
Вениаминовна
кандидат исторических наук, начальник научного отдела, Западно-Уральский институт экономики и права (г. Пермь)
адрес: 614000, г.Пермь, ул. Сибирская, д.35, литер «Д»
e-mail : nata-gol@bk.ru
- ГОРБАЧЕВ**
Олег
Витальевич
доктор исторических наук,
профессор кафедры теории и методики обучения истории, Уральский государственный педагогический университет
адрес: 620017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26
e-mail: og_06@mail.ru
- ДАРЕНСКАЯ**
Ирина
Викторовна
кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и права, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия
адрес: 622036, г. Нижний Тагил, Красногвардейская, 57
e-mail : ivilinych@mail.ru
- ДАШКЕВИЧ**
Людмила
Александровна
доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН
адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16
e-mail : ldash54@mail.ru

- ДУБИНИН
Сергей
Иванович
доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии, Самарский государственный университет
адрес: 443011, Самара, ул. Акад. Павлова, д.1
e-mail : doubinin@mail.ru
- КАЛЬСИНА
Алла
Алексеевна
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и гуманитарных дисциплин, Западно-Уральский институт экономики и права (г. Пермь)
адрес: 614000, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская 35д
e-mail: kalsina.alla@mail.ru
- КОРНИЛОВ
Геннадий
Егорович
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Уральский государственный педагогический университет
адрес: 620017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26
e-mail: genakorn@mail.ru
- КРУГЛИКОВА
Галина
Александровна
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет
адрес: 620017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26
e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru
- ЛАЗУРЕНКО
Валентин
Николаевич
доктор исторических наук, профессор кафедры истории Украины, Черкасский государственный технологический университет
адрес: Украина. г.Черкассы. Бульвар Шевченко, 325, кв.76
e-mail: Lazurenko76@mail.ru
- ЛАЗУРЕНКО
Юрий
Николаевич
аспирант кафедры истории Украины Черкасского государственного технологического университета
адрес: Украина. г.Черкассы. Бульвар Шевченко, 325, кв.76
e-mail: Lazurenko76@mail.ru

- ЛАПТЕВА
Юлия
Владимировна
аспирант кафедры истории России, Российский
государственный профессионально-педагогический
университет
адрес: 620012, г. Екатеринбург, г. Екатеринбург, ул.
Машиностроителей, 11
e-mail: mail@rsvpu.ru
- МАКАРОВА
Татьяна
Сергевна
научный сотрудник отдела Древней истории народов
Урала, Свердловский областной краеведческий музей
адрес: 620151, г. Екатеринбург, а/я 207, ул. Малышева
46
e-mail: makarova-uole@yandex.ru
- МЕЛЬНИКОВ
Никита
Николаевич
кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник сектора политической и социокультурной
истории, Институт истории и археологии УрО РАН
адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской,
д. 16
e-mail:
- МЕЛЬНИКОВА
Анна
Михайловна
учитель истории, муниципальная казенная
общеобразовательная школа-интернат
общеобразовательная школа-интернат основного
общего образования ГО Красноуфимск
адрес: 623300 Свердловская область, г. Красноуфимск,
ул. Высокая, 14
e-mail: 523006@mail.ru
- НЕЧАЕВА
Марина
Юрьевна
кандидат исторических наук, зав. сектором локальной
истории и истории повседневности, Институт истории
и археологии УрО РАН
адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской,
д. 16
e-mail : atlasch@narod.ru
- НОВИКОВ
Игорь
Александрович
кандидат исторических наук, доцент кафедры
отечественной истории и методики преподавания
истории, Челябинский государственный
педагогический университет
адрес: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69

ПОПП
Иван
Александрович

e-mail : novikovia69@mail.ru

кандидат исторических наук, начальник отдела
воспитательной работы, Уральский государственный
педагогический университет

адрес: 620017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26

e-mail: popp82@mail.ru

ПЬЯНКОВ
Степан
Александрович

кандидат исторических наук, научный сотрудник
сектора экономической истории Института истории и
археологии УрО РАН

адрес: 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи
Ковалевской, д. 16

e-mail: kliostefan@mail.ru

РЕШЕТНИКОВ
Геннадий
Леонидович

кандидат юридических наук, доцент
кафедры правового и документационного обеспечения
управления, Российский государственный
профессионально-педагогический университет

адрес: 620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей,
11

e-mail : mail@rsvpu.ru .

РУКОСУЕВ
Евгений
Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент, старший научный
сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН
адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской,
д. 16

e-mail : rukosuev@mail.ru

СОКОЛОВА
Елена
Станиславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории
государства и права, Уральская государственная
юридическая академия

адрес: 620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 54

e-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru

СПЕРАНСКИЙ
Андрей
Владимирович

доктор исторических наук, профессор, зав.сектором
политической и социокультурной истории, Институт
истории и археологии УрО РАН

адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской,
д. 16

e-mail : avsperansky@mail.ru

- СТРИЖАК**
Евгений
Николаевич кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента Черкасского государственного технологического университета (г. Черкассы, Украина)
адрес: Украина. г.Черкассы. Бульвар Шевченко, 325, кв.76
e-mail: Lazurenko76@mail.ru
- СУРЖИКОВА**
Наталья
Викторовна кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН
адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16
e-mail: snvplus@mail.ru
- СУШКОВ**
Андрей
Валерьевич кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора локальной истории и истории повседневности, Институт истории и археологии УрО РАН
адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16
e-mail: suschkow@mail.ru
- ТИМОШЕНКО**
Владимир
Петрович доктор исторических наук, профессор, Уральская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Филиал Уральский институт
адрес: 620219 г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66
e-mail: vpt@k66.ru
- ТРИФОНОВ**
Александр
Николаевич кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и культурологи Институт международных связей
адрес: 620141, г.Екатеринбург, ул.С. Перовской, 115
e-mail:
- ФЕОКТИСТОВА**
Юлия
Владимировна аспирант кафедры истории России, Нижневартровский государственный гуманитарного университет
адрес: 629807, ЯНАО, г. Ноябрьск ул. Дзержинского 10-В

e-mail: yulia_7407@mail.ru

ЦЫСЬ
Ольга
Петровна

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Нижневартовский государственный гуманитарный университет
адрес: 628606, Тюменская обл., Ханты-Мансийский АО, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56
e-mail: tsysv@rambler.ru

ЧЕРЕЗОВА
Оксана
Геннадьевна

кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный лесотехнический университет
адрес: г. Екатеринбург, Сибирский тракт 37
e-mail: okssch@mail.ru

ЧЕРНОУХОВ
Эдуард
Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет
адрес: 620017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26
e-mail: echernoukhov@yandex.ru

ШУМКИНА
Татьяна
Геннадьевна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Уральский государственный педагогический университет
адрес: 620017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26
e-mail: shumkina.77@mail.ru

Part III. Native History: new approaches

ALEKSEEVA Lubov Vasilyevna	Doctor of Historical Sciences, Professor of chair of Russian history, Nignevartovsk state humanitarian University адрес: 628605, Nignevartovsk, Lenina st., 56 e-mail : lvalexeeva@mail.ru
GAGIEVA Anna	Doctor of Historical Sciences, Professor, Academy of State Services (Komi Republica)

Kapitonovna	адрес: 167000 Komi Republica, Syktyvkar , K. Marksa st. 231/ 26 e-mail : gngkol2@mail. Ru
GOLOHVASTOLA Natalya Veniaminovna	Candidate of Historical Sciences, Head of science department, West-Ural University of economy and law (Permian) адрес: 614000, Perm, Sibirskaya st., 35, lit. D e-mail : nata-gol@bk.ru
GORBATCHEV Oleg Vitalievitch	Doctor of Historical Sciences, Professor of Chair for theory and methods of History, Ural State Pedagogical University. адрес: 620017, Yekaterinburg, Cosmonaut pros., 26 e-mail: og_06@mail.ru
DARENKAYA Irina Viktorovna	Candidate of Historical Sciences, Assistant professor of Chair of Documental management and law, Nizhnetagilsk State socio-pedagogical Academy адрес: 622036, Nizhny Tagil, Krasnogvardeyskaya, 57 e-mail : ivilinych@mail.ru
DASHKEVITCH Lyudmila Aleksandrovna	Doctor of Historical Sciences, Assistant professor, Senior Research Assistant , Institute of History and Archaeology of Ural branch of the Russian Academy of Sciences адрес: 620990, Yekaterinburg, Sofii Kovalevskoy, 16 e-mail : ldash54@mail.ru
DUBININ Sergey Ivanovitch	Doctor of Philological Sciences, Professor, Holder of a Chair of German philology, Samara State University адрес: 443011, Samara, Acad. Pavlov's st., 1 e-mail : doubinin@mail.ru

<p>KALSZYNA Alla Alekseevna</p>	<p>Candidate of Historical Sciences, Assistant professor of Chair of Philosophy, History and Humanitarian Sciences, West-Ural University of economy and law (Permian) адрес: 614000, Perm, Sibirskaya st., 35, lit. D e-mail: kalsina.alla@mail.ru</p>
<p>KORNILOV Gennady Yegorovitch</p>	<p>Doctor of Historical Sciences, Professor, Holder of a Chair of Russian History, Ural State Pedagogical University адрес: 620017, Yekaterinburg, Cosmonaut pros , 26 e-mail: genakorn@mail.ru</p>
<p>KRUGLIKOVA Galina Aleksandrovna</p>	<p>Candidate of Historical Sciences, Assistant professor of Chair of Russian History, Ural State Pedagogical University адрес: 620017 Yekaterinburg, Cosmonaut pros, 26 e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru</p>
<p>LAZURENKO Valentin Nikovaevitch</p>	<p>Doctor of Historical Sciences, Professor of Chair of Ukrainian History, Cherkassk State Technological University адрес: Ukraine ,Cherkasy, Shevtchenko boul, 325/76 e-mail: Lazurenko76@mail.ru</p>
<p>LAZURENKO Yurii Nikovaevitch</p>	<p>Post-graduate student of Chair of Ukranian History, Cherkassk State Technological University адрес: Ukraine ,Cherkasy, Shevtchenko boul, 325/76 e-mail: Lazurenko76@mail.ru</p>
<p>LAPTEVA Julia Vladimirovna</p>	<p>Post-graduate student of Chair of Russian History, Russian State Professional Pedagogical University адрес: 620012, Yekaterinburg, Mashinostroiteley st./11 e-mail: mail@rsvpu</p>
<p>MAKAROVA Tatyana Sergeevna</p>	<p>Research Worker of Department of Ancient History of Nations of Urals, Sverdlovsk State Museum of Local history адрес: 620151, Yekaterinburg, 207, Malysheva st./46 e-mail: makarova-uole@yandex.ru</p>
<p>MELNIKOV</p>	<p>Candidate of Historical Sciences, Senior Research Assistant of Sector of Political and Socio-cultural History, Institute of</p>

Nikita Nikolaevitch	History and Archaeology of Ural branch of the Russian Academy of Sciences адрес: 620990, Yekaterinburg, , Sofii Kovalevskoy, 16 e-mail:
MELNIKOVA Anna Mikhailovna	History Teacher, Municipal state boarding-school providing of general education of Krasnoufimsk адрес: 623300 Sverdlovsk region, Krasnoufimsk, Vysokaya st./14 e-mail: 523006@mail.ru
NETCHAYEVA Marina Yurievna	Candidate of Historical Sciences, Holder of Sector of local History and History of Daily occurrence, Institute of History and Archaeology of Ural branch of the Russian Academy of Sciences адрес: 620990, Yekaterinburg, Sofii Kovalevskoy, 16 e-mail : atlasch@narod.ru
NOVIKOV Igor Aleksandrovitch	Candidate of Historical Sciences, Assistant professor of Chair of Russian History and methods of teaching History, Chelyabinsk State Pedagogical University адрес: 454080 Chelyabinsk, Lenina prosp./ 69 e-mail : novikovia69@mail.ru
POPP Ivan Aleksandrovitch	Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Educational Work, Ural State Pedagogical University адрес: 620017, Yekaterinburg, Cosmonaut pros, 26 e-mail: popp82@mail.ru
PYANKOV Stepan Aleksandrovitch	Candidate of Historical Sciences, Research Assistant of Sector of Economical History, Institute of History and Archaeology of Ural branch of the Russian Academy of Sciences адрес: 620990, Yekaterinburg, Sofii Kovalevskoy, 16 e-mail: kliostefan@mail.ru
RESHETNIKOV	Candidate of Historical Sciences, Assistant professor

Gennady Leonidovitch	of Chair of judicial and records management, the Russian State Vocational Pedagogical University адрес: 620012, Yekaterinburg, Mashinosrroiteley st./ 11 e-mail : mail@rsvpu.ru .
RUKOSUEV Yevgeniy Urievitch	Candidate of Historical Sciences, Assistant professor , Senior Research Worker , Institute of History and Archaeology of Ural branch of the Russian Academy of Sciences Address: 620990, Yekaterinburg, Sofii Kovalevskoy st., 16 e-mail : rukosuev@mail.ru
SOKOLOVA Elena Stanislavovna	Candidate of Historical Sciences, Assistant professor of Chair of State and Law History, Ural State Judicial Academy адрес: 620034, Yekaterinburg, Kolmogorova st., 54 e-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru
SPERANSKIY Andrey Vladimirovitch	Doctor of Historical Sciences, Professor, Holder of Sector of Political and Socio-cultural History, Institute of History and Archaeology of Ural branch of the Russian Academy of Sciences адрес: 620990, Yekaterinburg, Sofii Kovalevskoy st., 16 e-mail : avsperansky@mail.ru
STRIZHAK Yevgeniy Nikolaevitch	Candidate of Historical Sciences, Assistant professor of Chair of Management, Cherkassk State Technological University адрес: Ukraine, Cherkasy, Shevtchenko boul, 325/76 e-mail: Lazurenko76@mail.ru
SURGHIKOVA Natalia Viktorovna	Candidate of Historical Sciences, Senior Research Worker, Institute of History and Archaeology of Ural branch of the Russian Academy of Sciences адрес: 620990, Yekaterinburg, Sofii Kovalevskoy st., 16 e-mail: snvplus@mail.ru
SUSHKOV	Candidate of Historical Sciences, Senior Research Worker

Andrey Valerievitch	of Sector of local History and History of Daily occurrence, Institute of History and Archaeology of Ural branch of the Russian Academy of Sciences адрес: 620990, Yekaterinburg, Sofii Kovalevskoy st., 16 e-mail: suschkow@mail.ru
TIMOSHENKO Vladimir Petrovitch	Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Academy of National Economy and State Service by President of Russian Federation The Branch Ural Institute адрес: 620219 г. Yekaterinburg, 8 Marta st., 66 e-mail: ypt@k66.ru
TRIFONOV Aleksandr Nikolaevitch	Candidate of Historical Sciences, Assistant professor of Chair of philosophy and culturology, Institute of International Relations адрес: 620141, Yekaterinburg, S. Perovskoy st., 115 e-mail:
FEOKTISTOVA Julia Vladimirovna	Post-graduate student of Chair of Russian History, Nignevartovsk' State Humanitarian University адрес: 629807, YNAR, Noyabrsk, Dzerzhinskogo st. 10-V e-mail: yulia_7407@mail.ru
TSYS Olga Petrovna	Candidate of Historical Sciences, Assistant professor of Chair of Russian History, Nignevartovsk State Humanitarian University адрес: 628606, Khanty-Mansiiskiy AR , Nignevartovsk, Lenina st., 56 e-mail: tsysv@rambler.ru
CHEREZOVA Oksana Gennadievna	Candidate of Historical Sciences, Assistant professor , Ural State Timber Research University адрес: Yekaterinburg, Sibirskiy trakt, 37 e-mail: okssch@mail.ru
CHERNOUKHOV Eduard Anatolievitch	Candidate of Historical Sciences, Assistant professor of Chair of Russian History, Ural State Pedagogical University адрес: 620017, Yekaterinburg, Cosmonaut pros, 26 e-mail: echernoukhov@yandex.ru

SHUMKINA Tatyana Gennadievna	Candidate of Historical Sciences, Assistant professor of Chair of Foreign History, Ural State Pedagogical University адрес: 620017, Yekaterinburg, Cosmonaut pros, 26 e-mail: shumkina.77@mail.ru
------------------------------------	---

Научное издание

**Актуализация исторического знания и исторического
образования в современном обществе**

XVII всероссийские историко-педагогические чтения
Часть II

Рекомендовано к изданию Ученым советом
исторического факультета УрГПУ
(протокол №6 от 12 февраля 2013 г.)

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН
(протокол №2 от 13 февраля 2013 г.)

Компьютерная верстка – Е.С. Новоселова

Подписано в печать 14.03.2012. Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов.

Усл.-печ. л. 20,46. Тираж 100 экз. Заказ _____.

Уральский государственный педагогический университет
620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
Тел. (343) 235-76-30. Факс (343) 336-12-42

ISBN 978-5-7186-0541-9